

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(17)

МОСКВА
2004

**Журнал аналитических материалов
по проблемам внутренней и внешней политики, экономики,
социологии, информатики**

Выходит один раз в квартал

Главный редактор

Вагиф Гусейнов

Редакционный совет:

Аркадий Вольский	Александр Назарчук
Михаил Делягин	Алексей Пушков
Владимир Жижин	Александр Рар
Сергей Караганов	Владимир Рыжков
Андрей Кокошин	Андрей Федоров
Николай Михайлов	Александр Ципко

Верстка

Татьяна Астахова

Проверка и корректура

Инна Львова

Учредитель

Институт стратегических оценок и анализа

Журнал издается при поддержке ЗАО «Северстальтранс»
и Бюро социально-экономической информации

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004, г. Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 40/14, стр. 1

Телефоны: (095) 911-97-78, (095) 912-39-88

Факс: (095) 911-92-77

www.isoa.ru

E-mail: issa@umail.ru

info@isoa.ru

Тираж 1500 экз. Цена свободная.

© Институт стратегических оценок и анализа, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Ципко

Размышления о природе и причинах краха постсоветского либерализма	4
---	---

Сергей Кортунов

О механизме принятия внешнеполитических решений	25
---	----

Карин Кнайсль (Австрия)

Бдительна ли Европа?	43
----------------------------	----

Вагиф Гусейнов

Иран: между прошлым и будущим	62
-------------------------------------	----

Синан Оган (Турция)

Российско-турецкие отношения на Южном Кавказе: партнерство или соперничество?	95
---	----

Александр Жарников

Национальная политика в России: плюсы и минусы трех вариантов	99
---	----

Вадим Корнилов

Мировой танкерный флот	115
------------------------------	-----

Леонид Сморгун

Идейное содержание постсоветского марксизма	124
---	-----

Владимир Гуторов

Политическое образование и университет в современной России: новые дилеммы	138
--	-----

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛЫХ СТОЛОВ, проведенных с участием
Института стратегических оценок и анализа и редакции
журнала «Вестник аналитики» (апрель — май 2004 года)

I. «Дуга нестабильности» в Средиземноморско-Каспийском регионе: самопровозглашенные территории между Россией и Европой	152
II. Постсоветский либерализм: кризис или крах?	208
III. Модернизация России и Европа	253

Об авторах	303
------------------	-----

Our authors	306
-------------------	-----

Summary	309
---------------	-----

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ И ПРИЧИНАХ КРАХА
ПОСТСОВЕТСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА**

Введение

Тема этой статьи подсказана поражением наших либеральных партий на декабрьских 2003 года выборах в Думу. Речь прежде всего о поражении СПС, который в последние годы декларировал в качестве своей основной цели утверждение либеральных ценностей в российском обществе. Хочу сразу объяснить, почему я, во-первых, настаиваю на крахе нашего посткоммунистического либерализма, а не говорю о его кризисе, во-вторых, почему я говорю не о российском, а о посткоммунистическом либерализме.

Я убежден, что наш посткоммунистический либерализм как уникальное явление, выросшее на советской, марксистско-ленинской почве, как уникальное мироощущение узкой группы людей, которые сами себя называют либералами-революционерами, себя просто изжил. В России он мог утвердиться только в уникальной ситуации распада СССР, во время ломки старой системы и вызванного ею хаоса чувств и мыслей и во многом благодаря внешнему влиянию и прежде всего благодаря демократической администрации в США.

Любое упорядочивание мыслей и чувств в обществе, малейшее восстановление национального достоинства и сознания национальных интересов создают неодолимые препятствия на пути распространения подобной идеологии. Вообще трудно представить, чтобы в какой-нибудь европейской стране могло появиться идейное течение, ставящее своей целью ослабление национального государства и национального суверенитета, борьбу с национальным сознанием и национальными святынями титульной нации, т. е. подавляющей части населения, борьбу со всем, на чем держалась и держится национальная гордость великороссов.

Надо сказать прямо, что подобная разрушительная и пораженческая партия, трактующая свободу, как свободу разрушения страны, «разрушения империи», могла победить только в большом обществе, где подавляющая часть общества утратила инстинкт самосохранения. Необходимо осознать, что население Российской Федерации, которое поддержало циничную операцию Ельцина по «обмену Крыма на Кремль», тем самым предало всю свою историю, предало тридцать миллионов граждан СССР, которые погибли, защищая страну, историческую Россию, в войне с фашистской Германией, предали память

своих предков, которые освобождали от турков Причерноморье, вместе с украинским народом строили процветающую и крепкую Новороссию.

Наши либералы, повторяю, могли побеждать только у народа, который начисто утратил инстинкт самосохранения, национальное самосознание, и сохранить над ним влияние они могли до тех пор, пока основная масса населения, прежде всего представители титульной нации, находится в состоянии национального беспамятства.

Ситуация, подобная началу 1990-х, уже не может повториться, ибо уже нет той страны, где могло зародиться такое, на мой взгляд, аномальное явление, как наш российский посткоммунистический либерализм. И сам факт, что в Российской Федерации люди, чувствующие себя русскими, начинают осознать ненормальность сложившейся ситуации, в массе видят в нынешней либеральной элите врага, силу, враждебную своим интересам, свидетельствует о пробуждении русского национального сознания.

Я не могу сказать, что наш постсоветский либерализм вырос на пустом месте. Конечно, он, как тотальная, болезненная антигосударственность, порожден тоталитарной опекой над интеллигенцией, порожден унижением пресловутым пятым пунктом и выездными комиссиями, порожден назойливым и глуповатым коммунистическим мессианизмом, порожден железным занавесом. Отсюда и переиначивание либеральной идеи автономии личности до морального анархизма и тотального нигилизма. У нас либерализм превратился в защиту любой социальной аномалии, любого отступления от нормы. Идея демократии как идея защиты меньшинства превратилась в идеологию дискредитации и разрушения всего нормального, устойчивого, всего, на чем держатся общество и общественная жизнь.

Наше так называемое новое западничество могло зародиться и успешно процветать только в социалистической России, где на протяжении многих десятилетий вытравливалось русское национальное сознание, где старая русская национальная идентификация была вытеснена сознанием жителя РСФСР, привязанного к этому территориальному новоделу большевистской власти.

Но есть более чем достаточно оснований утверждать, что такое сознание не может долго существовать, что в нормальной стране не может долго существовать и восприниматься людьми идеология, которая настаивает на уничтожении национальной государственности.

И теперь: почему я говорю о посткоммунистическом либерализме, а не о российском либерализме, как принято? Я считаю, что нынешний либерализм, утвердившийся в России, не имеет ничего общего с национальными русскими традициями либерализма, что нынешнее новое западничество не имеет ничего общего с дореволюционным за-

падничеством. Русские или российские корни нынешнего либерализма можно искать и найти только в большевизме и в русском марксизме. И совсем не случайно все активные идеологи нынешнего посткоммунистического либерализма — речь идет о Егоре Гайдаре, Владимире Мау, Отто Лацисе и др. — позитивно относятся и к марксизму и к совершенной под его знаменем Октябрьской революции. Обращает на себя внимание, что все без исключения идеологи современного российского либерализма негативно или в лучшем случае нейтрально относятся к белому движению, к тем людям, которые хотели защитить завоевания демократической Февральской революции 1917 года, к тем, кто защищал закон, неприкосновенность частной собственности, свободу совести и т. д. Не следует забывать, что белое движение (наиболее выпукло это проявилось в политической программе барона Врангеля) прежде всего защищало либеральные ценности, защищало закон, частную собственность, свободу совести и политические свободы.

Поразительно и то, что люди, называющие себя российскими либералами, в своих текстах никак не связывают себя с традициями дореволюционного западничества, в частности с веховской традицией. Не следует забывать, что многие нынешние идеологи российского либерализма, призывающие Россию чистить себя под Запад, еще в конце 1980-х активно защищали традиции русского революционного социализма, более того, считали опасным возвращение к веховской традиции. Наиболее интересной и показательной в этом отношении является фигура экономиста и публициста Отто Рудольфовича Лациса.

Русофобия нового русского западничества

Таким образом, когда мы говорим о новом западничестве, мы имеем дело не столько с особым мировоззрением, с особой системой ценностей, а с особым мироощущением, особым мирочувствованием, которое инстинктивно стремится к разрушению всего, что было связано с Российской империей, с традициями российского государственничества и прежде всего к разрушению остатков национального самосознания великороссов. Существует мнение, что демократы стремились к распаду СССР, к отделению РСФСР от Украины, Белоруссии и среднеазиатских республик еще и потому, что у русских было куда меньше развито национальное сознание, чем у малороссов и белорусов, а тем более меньше развито, чем у казахов, узбеков, туркменов. Антинациональный либерализм мог победить только у народа с недостаточно развитым национальным сознанием.

Старое русское западничество в начале XX века в лице Николая Бердяева, Павла Милюкова, Петра Струве отличалось от нового за-

падничества, от так называемого посткоммунистического либерализма и своим отношением к России как Российской империи, и своим отношением к российскому патриотизму, и своим отношением к русскому народу.

Все дореволюционные западники, и в этом отношении они не отличались от дореволюционных почвенников, дореволюционных консерваторов, воспринимали Российскую империю в ее границах, с необъятными территориями, как свою многонациональную Родину. В этом, в желании сохранить Россию как империю, как семью народов, либералы Павел Милюков, Николай Бердяев, Петр Струве ничем не отличались от своих современников, русских консерваторов Льва Тихомирова, Василия Розанова. Всем известно, что Павел Милюков как министр иностранных дел Временного правительства и как лидер Кадетской партии народной свободы добивался от союзников права России на Константинополь, права России контролировать Босфор и Дарданеллы. Но мало известно, что лидер Партии октябристов Петр Струве, классический русский западник, также связывал будущее России как мировой державы с ее экспансией на юг, в Причерноморье. При всем своем либерализме, при всем своем пристрастии к свободе дореволюционные западники испытывали сакральное, почти религиозное отношение к России как Родине, а во время войны с Германией 1914–1918 годов были, как писал о себе Николай Бердяев, сторонниками войны до победного конца. «Выпадение России из войны — факт роковой для судьбы войны. И роковой смысл этого выпадения я вижу даже не в том, что он дает перевес враждебной нам стороне. Смысл этого события лежит глубже. Русское падение и бесчестие способствовало военным успехам Германии»¹.

Вот вам образец восприятия России и как державы, и как Родины дореволюционным русским либералом, певцом свободы Николаем Бердяевым. Русские дореволюционные западники, все без исключения, были патриотами и государственниками, были активными противниками большевистского пораженчества, любых пораженческих настроений.

Павел Милюков, оппонирующий идеям «Вех», личность куда более рассудочная, чем Николай Бердяев, тем не менее сопереживает поражение Корнилова, поражение генерала, стремящегося установить военную диктатуру, как личную драму. Холодный и рассудочный Милюков обвиняет Керенского в том, что тот, объявив себя противником Корнилова, выдал себя и Россию с руками Ленину. «Вопреки обещанию, данному в Москве (речь идет о московском августовском совещании 1917 года. — А.Д.) погубить душу, а родину спасти, Керен-

¹ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 3.

ский душу свою спас, а погубил родину, отдав революцию тем, другим, о которых он знал, что они ведут Россию к гибели»².

Вот мирочувствие, мироощущение, характерные для дореволюционных русских, а не российских либералов, внутренняя органичная слитность с Российской империей, с Россией как Родиной, внутреннее органичное сопереживание гибели страны как своей личной драмы. И само собой разумеющееся — никаких уступок врагу, сохранение целостности и неделимости России. Лозунги белой армии, призывающие спасти «Великую, единую и неделимую Россию», были и лозунгами многих русских либералов, по крайней мере, лозунгами Павла Милюкова и Петра Струве.

А теперь почитаем тексты людей, которые сегодня в посткоммунистической России называют себя либералами.

«Государственная религия в виде спиритуалистического “государственничества” вновь активно насаждается в стране». «Реализация подобных имперских проектов означает резкое усиление ВПК (за счет чего, каких ресурсов?), всего государственно-управляемого сектора экономики, ядром которого “является ВПК”». Это выдержки из книги Егора Гайдара «Государство и эволюция» (М.: Евразия, 1995. С. 186, 188, 191).

Тут мы имеем совсем другой взгляд на Россию. Вместо сопереживания распаду СССР, утраты социалистической Россией своего прежнего могущества и влияния в текстах Егора Гайдара мы обнаруживаем какой-то инстинктивный страх перед тем, что он называет «государственной религией», перед «государственничеством», перед ВПК как предпосылкой военного могущества страны. Здесь нет личного, эмоционального сопереживания драмы распадения исторической России, отделения России от Украины, от Крыма, от Белоруссии, а, напротив, есть страх перед возможной интеграцией русских земель. «Зачем нам “империя”? Разве мы страдаем от отсутствия территории?» — спрашивает автор книги «Государство и эволюция».

Я сейчас не о логике. Трудно объяснить, если придерживаться здравого смысла, чем нам помешает сегодня возрождение ВПК, возрождение наукоемких производств, обеспечивающих сохранение научно-технического потенциала страны, занятость миллионов людей, наконец, чем помешает прорыв на современные прибыльные рынки вооружений.

Еще труднее объяснить, чем сегодня нам помешает традиционное русское государственничество, которое Егор Гайдар, как понятие, берет в кавычки. Не понятно, почему традиции державности или великодержавия не мешают успешной китайской модернизации, а нам обязательно мешают. Ведь в реальности, в реальной политической истории по-

² Милюков П.Н. История второй русской революции. Минск, 2002. С. 400.

следнего времени все обстоит в точности наоборот. Именно потому, что китайцы остались верны своему «культурному коду», своей «китайской парадигме» великодержавия, они сумели сделать рывок в промышленном и культурном развитии. Но если бы они послушались друзей с Запада, тех, кто вывел студентов в мае 1989 года на площадь Тяньаньмэнь, то они были бы сегодня такими же «голодранцами», как и мы, тогда бы и у них распалась «континентальная империя», тогда бы и у них инженеры ВПК превратились в челноков или бомжей.

Тем более невозможно совместить со здравым смыслом, с совестью, с принципами европейского гуманизма и европейской демократии страстную борьбу наших новых западников против возможного государственного объединения Российской Федерации с Белоруссией. Что плохого в восстановлении естественных и прежде всего культурных, национальных, конфессиональных границ на Западе, многовековой границы в Бресте, что было бы плохого, если бы десять миллионов образованной, трудолюбивой Белоруссии, среди населения которой более четверти русских, слились в единое государство? Ничего!

Но укрупнение славянского ядра государства не включалось в планы новых западников, и они все без исключения стали противниками союза, противниками желания Бориса Ельцина хоть чем-нибудь сгладить свою вину перед Россией.

Но я сейчас не о логике, а о специфическом мироощущении наших новых либералов или новых западников. В сущности, ни один из постулатов современного российского либерализма не выдерживает серьезной критики. В данном случае обращает на себя внимание характерная внутренняя дистанция, а более точно — внутренняя отчужденность от всего, что в жизни, в нашей истории было связано с российским государством. Россия в данном случае тоже воспринимается либералами органично и даже сакрально, но не как свой, родной организм, как продолжение своего «я», а как чуждый, опасный организм, который надо разрушить, в лучшем случае переделать.

Отсюда идущее еще с восьмидесятых от кружка Сахарова страстное желание разрушить СССР, желание сократить территорию страны до минимально возможных пределов. Подход грубый, механический, чисто пространственный: чем меньше территорий, тем лучше. И он идет из подсознания. Или сохранение «территории», «военной силы», «порядка», или «реальный российский суверенитет» ценой «ликвидации империи», «демилитаризации», «деидеологизации» — так жестко и лаконично сформулировал стратегию нового русского либерализма Леонид Радзиховский в своей статье «Смена вех», опубликованной в официальном органе «Демократической России» еще в мае 1991 года.

По сути книга Егора Гайдара «Государство и эволюция» является, особенно в своих заключительных разделах, разъяснением сути этой ли-

беральной программы утраты территории, военной и державной мощи России и, наконец, полной деидеологизации. Как выяснилось потом, под деидеологизацией либералы конца 80-х — начала 90-х прошлого века понимали не столько освобождение от коммунизма и марксизма, сколько полное освобождение от остатков государственного и национального патриотизма, от остатков русского национального сознания.

Но все же идея сокращения территории России остается главной в текстах, написанных идеологами посткоммунистического либерализма. Эта же идея доминировала и в официальных текстах СПС. К ней на протяжении всех последних лет возвращается Леонид Радзиховский, утверждая, что воссоздание исторической России, воссоздание «славянской Антанты», союза Российской Федерации, Украины и Белоруссии обернется для нас катастрофой. Как уже было сказано, Егор Гайдар призывает нас пересмотреть традиционное российское отношение к «территориям» и к «военному могуществу», полагая, что «едва ли, скажем, можно всерьез объяснить, что мы, страна, народ задыхаемся без «жизненного пространства» или что у нас как раз дефицит вооружений и т. д. (Там же. С. 191).

Помните, даже у Ленина: «Владивосток — город нашенький». Гайдар, вообще все лидеры и вожди либерального движения, лидеры СПС настаивают на том, что «необъятные пространства», Сибирь для нас — «тяжкие гири», мешающие нашему экономическому полету. Один из идеологов СПС, историк Игорь Яковенко, настаивает на том, что «Россия за выход из средневековья и вхождение в Западную Европу должна согласиться с потерей территорий». Другой единомышленник Анатолия Чубайса, начальник штаба СПС во время думской кампании 1993 года, Альфред Кох на полном серьезе пишет, что наступило время сокращения России, что «даже той территории, которая осталась за Российской Федерацией после развала Советского Союза, нам много». (Кох А., Свиначенко И. Ящик водки. Т. 1. М.: Эксмо, 2004. С. 39). А потому он предлагает заселить «нашенький» приморский край китайцами, запустить сюда эдак «пятьдесят — семьдесят миллионов китайцев». «И язык русский, — пишет Альфред Кох, — им изучать не придется. Да и русский — явление временное» (Там же. С. 41). Хотел Альфред Кох оправдаться за свое интервью в США 1997 года, в котором он сказал, что «Россия никому не нужна». И все равно проговорился — «русский — явление временное».

Нынешние либералы не просто антипатриоты, русофобы — это еще и сознательные или бессознательные могильщики России, повторяю, могильщики России как суверенного государства, как субъекта всемирной истории. «Или Россия и русские согласятся на роль периферии современной цивилизации или наша страна должна исчезнуть», — сказал на одном из семинаров активист СПС, социолог Леонид Седов.

Наш новый либерализм от скрытого или явного убеждения в изначальной ущербности, несостоятельности русского народа, от убеждения, что он сам по себе не в состоянии дорасти до понимания своих истинных интересов, считает, что лучше передоверить это серьезное дело его соседям. Один из авторов книги «Западники и националисты: возможен ли диалог?» утверждает, что с его точки зрения Россия «не в состоянии» сейчас, опираясь на «свои собственные силы и ресурсы» решить проблемы, которые возникли на ее просторах (с. 190). В этом «либеральном» ощущении нет простого, нет веры в народ, среди которого либералы живут.

И здесь, наверное, скрыта тайна нашего постсоветского либерализма. Впрочем, никакой тайны уже нет. Борис Березовский в своем ответе на статью Михаила Ходорковского «Кризис российского либерализма» прямо заявил, что 90% населения Российской Федерации просто не в состоянии осознать ценности демократии, а потому задача так называемых либералов-революционеров состоит в том, чтобы «переломить волю» этого косного и неразумного большинства.

Историк Валерий Соловей подметил, что наши либералы относятся к населению России так, как колонизаторы относились к покоренным народам Азии или Африки. Свою собственную избранность, исключительность, принадлежность к западным ценностям они, наши либералы, противопоставляют врожденной ущербности туземной российской массы, не избавившейся от патернализма, которую они, как и Борис Абрамович, обязаны привести в светлое будущее. Более того, он настаивает на презумпции невиновности всех тех, кто вместе с ним строил капитализм в России. Борис Березовский корит Бориса Ельцина за то, что он не подвел черту под либеральной революцией, не сделал «политической и экономической амнистии всех реформаторских сил».

Статьи Бориса Абрамовича наглядно показывают, почему этот либерализм с колониальным дискурсом не только вреден, но и опасен. Он опасен своим стремлением не только реабилитировать, но и реанимировать большевистское деление общества на «прогрессивные» и «обреченные» классы, реанимировать классовую кастовость, классовый расизм, реанимировать ленинский принцип, согласно которому моральным является все, что служит делу установления коммунизма. Борис Березовский, правда, подменяет понятие «коммунизм» понятием «капитализм». Но это не меняет существа дела. Речь идет о стремлении вывести дело реформ, решения и поступки самих реформаторов за рамки моральных и правовых оценок. Речь идет о попытке вывести дело реформ в России за рамки гуманизма, основных ценностей христианской цивилизации.

Я не знаю, станет ли, захочет ли Михаил Ходорковский защищать свои идеи очеловечивания, русификации либерального проекта от на-

падок Бориса Березовского. Но я лично считаю своим долгом показать, что предлагаемая Борисом Березовским идеология строительства демократической России не состоятельна ни с практической, ни с моральной точки зрения. Мало того, она опасна, она провоцирует анархизм в области морали. Нельзя построить в России гражданское общество, демократические институты, исповедуя большевистский революционизм, право избранных, право либералов-революционеров на ломку мнения и воли народного большинства.

Революционный либерализм Бориса Березовского пострашнее большевизма. Все дело в том, что Борис Абрамович проповедует культурный расизм. Ленин еще верил, что трудящиеся массы могут подняться до высот революционной теории, а Борис Абрамович не верит, что подавляющее большинство населения, пресловутые 90%, в состоянии проникнуться ценностями либерализма. Он смотрит на это большинство как на обреченных, как на неполноценных людей.

И в этом смысле, на мой взгляд, революционный либерализм господина Березовского является куда более серьезным препятствием на пути к демократии и гражданскому обществу, чем ностальгирующая по Ленину и Сталину КПРФ. Современные коммунисты хотя бы избавились от большевистского подозрения к России и к российскому народу. А либерализм Бориса Березовского, добивающийся презумпции невиновности для «своих», для либералов-революционеров, настаивает на изначальной виновности и порочности российского народа.

Европейский либерализм, напротив, не просто ставит во главу общественной жизни свободу независимой самоценной личности. Он, европейский либерализм, выросший из христианства, исходил из моральной равноценности каждой человеческой личности, каждого народа. И совсем не случайно Маркс не принимал ни либерализм, ни буржуазное право. Он, Маркс, деливший общество на полноценные и неполноценные классы, не мог согласиться с христианской идеей моральной равноценности каждой человеческой личности. И в этом смысле Маркс был расистом. Но ведь еще большими расистами являются нынешние российские либералы. Маркс лишал права на будущее, на полноценное существование меньшинство, т. е. «реакционные классы», во имя счастья большинства, т. е. «исторически прогрессивных классов». Сегодня же либералы лишают права на социальную и моральную равноценность народное большинство, подавляющую часть населения страны, которая якобы сама не в состоянии дорасти до понимания своих собственных интересов.

Конечно, можно сказать сразу, что речь в данном случае идет не о мироощущении класса, а о мироощущении очень узкой, очень малочисленной группы интеллектуалов, людей, принадлежавших в прошлом прежде всего к вузовской или научной академической интелли-

генции. Подавляющая часть идеологов нынешнего, нового либерализма из «шестидесятничества», из тех, кто поклонялся героике Октября, кто верил, что все наши беды от Сталина, который порвал с «подлинным ленинизмом». Но вся проблема состоит в том, что этот «узкий слой» революционеров сыграл решающую роль в процессе реформирования советской системы и советской экономики, придал свою идеологическую, разрушительную окраску и новым демократическим СМИ, и новой постсоветской культуре. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть хотя бы несколько передач программы «Культурная революция», где ведущим является наш бывший министр культуры.

Повторяю, в данной статье я не буду спорить с идеологами посткоммунизма по существу. Не составляет труда доказать, что сама цель полного преодоления в России сакрального отношения к государству и утопична, и вредна. Не соответствует действительности утверждение наших либералов, что на Западе сакральное отношение к государству было заменено целиком «рациональным». Французы выстояли в 1918 году под Парижем и победили в Первой мировой войне благодаря своему патриотизму, благодаря сакральному, религиозному отношению к своему национальному государству. По крайней мере, во время Первой мировой войны и французы и англичане при всем своем либерализме проявили куда больше сакрального, религиозного отношения к своему государству, чем патриархальные русские. Если бы не было сакрального отношения немцев к своему государству и к своим территориям, то не было бы у жителей ФРГ и ГДР навязчивой идеи объединения двух Германий, которая осуществилась с помощью руководства СССР.

Но сейчас я о другом, о сакральности антигосударственничества и в этом смысле антирусскости людей, которые сегодня называют себя либералами. Свободу, как выясняется, они понимают, прежде всего, как свободу от специфических интересов русской нации. Если немцам, как разделенной нации, ими было дано право на добровольное воссоединение, то великороссам и белорусам оно запрещено. Причем, обратите внимание, речь идет не о реставрации СССР, а только о гипотетическом праве на объединение двух близких по языку и культуре народов. Здесь объединение в принципе не разрешено, потому что снова будет «империя». Хотя непонятно, почему воссоединение двух частей титульной нации создает «империю», а не наоборот — увеличивает, расширяет национальное ядро российского государства. Как выясняется, наши либералы боятся не «империи», а, напротив, укрепления метрополии, укрепления русского, славянского ядра государства.

И будет очень трудно, если оставаться в рамках здравого смысла и на позициях европейского гуманизма, доказать, что я не прав, что

позволенное немцам, евреям, всем другим народам, реализовавшим мечту о воссоединении, не позволено русской нации. Ведь речь идет о возможном добровольном воссоединении. Но, как выясняется, нельзя, ибо тогда усилится роль государственно-образующего этноса, усилятся предпосылки для укрепления русского национального самосознания. Наши демократы и либералы активно поддерживали идею добровольного разделения славянских наций СССР. Но они всегда, на протяжении более двенадцати лет, были органическими противниками прорусских сил и в Белоруссии и на Украине. Наши либералы всегда поддерживали и белорусских, и украинских националистов. Люди, которые не терпят националистов и почвенников, активно поддерживают их тогда, когда они стоят на антирусских позициях.

В целом, на мой взгляд, наиболее зримо, наглядно проявилась враждебность новых западников или посткоммунистических либералов к коренным интересам подавляющей части населения страны, интересам русской нации во время дискуссии о государственном союзе Российской Федерации и Белоруссии. Тогда наши либералы, не только лидеры нынешнего СПС, но и Григорий Алексеевич Явлинский, я уже не говорю о многих волонтерах российской либеральной идеи, сказали вслух, написали черным по белому, что сами по себе национальные, культурные, геополитические интересы славян, в данном случае великороссов и белорусов, их не интересуют.

Уже по следам умолкающей войны Андрей Разбаш в передаче «Час пик» спросил Григория Явлинского: «Многие поддерживали первоначальный проект Договора с Белоруссией, ссылаясь на необходимость единения белорусов и русских как братских народов. Как вы к этому относитесь?» Ответ Григория Алексеевича: «Это — империалистические штучки».

Еще более откровенно и прямолинейно, на редкость откровенно, выразил это «демократическое» и «реформаторское» отношение к идее воссоединения великороссов и белорусов, вообще к идее славянского единства в своей статье «Не договор, а приговор», опубликованный в «Московских новостях», Всеволод Вильчек. Он писал: «Единение братских советских... простите, опечатка, я хотел сказать славянских народов»; «как сценарий не утопичен, но гибелен для России демократической».

Я лично воспринимал этот тезис как проявление расовой дискриминации меня как славянина, как представителя всех трех православных славянских народов Восточной Европы. Этот тезис носит расистский характер, ибо он исходит из того, что мы, славяне, не способны сделать Россию демократической, что любое объединение славян в рамках бывшей царской империи ведет к тоталитаризму. И сам по себе этот пример, как и многие другие, доказывает, что во многих случа-

ях наш посткоммунистический либерализм приобретает расистский характер.

Чего стоил только подшапочный заголовок в «Московских новостях» — «Договор между Россией и Белоруссией необъясним с точки зрения здравого смысла». Здесь же подпись к фотографии, где сидят Ельцин и Лукашенко, — «странные славяне».

Столь же откровенно антирусский характер мышления наших либералов проявился во время первой и второй чеченских войн. Всем памятна активная поддержка НТВ Владимира Гусинского Дудаева и чеченских сепаратистов во время войны 1994–1996 годов. Такую же враждебную позицию по отношению к федеральным войскам в это время занимали все видные представители так называемого нового западничества. Никто из них, абсолютно никто, не стал на защиту более 200 тысяч русских, бывших жителей Грозного, Чечено-Ингушской республики, которых убивали по ночам, насильственно изгоняли из своих домов, с территории, где их предки жили столетиями. Защищать русских вообще в то время, в начале и середине 90-х считалось признаком плохого тона.

Но все, почти все либералы в то время настаивали на полном отделении Чеченской республики от России, на выводе федеральных войск.

Хотя надо признать, что в антирусской или, как говорят сами либералы, в их антиимперской позиции середины 90-х ничего нового, неожиданного не было. Многие сейчас не помнят, что и во время днестровского конфликта все наши демократы и правозащитники занимали аналогичную антирусскую позицию.

Люди, которые настойчиво и яростно отстаивали права армян Нагорного Карабаха на самоопределение, стали противниками самоопределения своих соотечественников, русскоязычного населения в Молдавии. Мало того. «Демократическая Россия» начала яростно атаковать руководство армии только за то, что, поддавшись естественному национальному чувству, оно стало на защиту русскоязычного населения³. Вместо того чтобы морально поддержать молодых казаков, пришедших умирать во имя спасения своих соотечественников, издания «Демократическая Россия» и «Известия» начали кампанию дискредитации казачества. На что рассчитывала наша демократия, вставшая во время конфликта в Приднестровье на откровенно пораженческие позиции? На этот вопрос нет ответа. Я не знаю, о чем думали идеологи «Демократической России» в первые месяцы после распада СССР, чем на самом деле они руководствовались. Но факты

³ См. например: *Киселев В.* «Псы» выходят на тропу войны // Московские новости. 1992. №25.

говорили сами за себя. Люди, которые претендовали и до сих пор претендуют на то, чтобы быть глашатаями свободы в России, откровенно желали поражения русскоязычному населению во всех этих больных точках. Вольно или невольно ненависть «Демократической России» к «советской империи» переносилась и на граждан бывшего СССР, как будто они были виноваты в том, что оказались национальным меньшинством в новых государствах.

Никогда, ни во время событий в Приднестровье, ни во время первой и второй чеченских войн наши демократы или либералы не стали на русскую, национальную точку зрения. Можно сказать, что для партии, действующей в России среди русского населения, это — садомазохизм, это — самоубийство. Но это факт. И, честно говоря, даже не понятно, почему так долго, более десяти лет, наши либералы даже после расстрела Белого дома в октябре 1993 года удерживались на поверхности политической жизни, продолжали и до сих пор продолжают влиять на внутреннюю политику наших президентов.

Борьба российских либералов против русского патриотизма

Столь же активно, зримо проявляется антинациональный, анти-русский характер посткоммунистического либерализма и в отношении русского или великорусского патриотизма. И это столь же органично для наших посткоммунистических либералов, как и их вражда к Российской империи с ее необъятными территориями. И действительно, если ставится задача преодолеть и без того слабое русское национальное сознание, то для ее решения необходимо подрубить его корни и прежде всего дискредитировать традиционный русский патриотизм. Так как русская национальная идентификация опирается не столько на голос крови, сколько на личную сопричастность российской государственности, выражается и как государственная идентификация, то с этой точки зрения очень важно подрубить патриотизм как чувство, связывающее индивида с государством.

Негативное отношение к русскому патриотизму — это лакмусовая бумажка, по которой наши либералы находят друг друга, выражают свое родство. Вспомните, кто был основным героем программ телевидения в 90-е годы. И не только так называемого телевидения Владимира Гусинского и Бориса Березовского, но и героями первого и второго, государственных, каналов. Кстати, традиция продолжается до сих пор. Мы славим прежде всего эмигрантов, тех, кто выехал в США, кто там достиг успеха, а теперь изредка одаривает нас, Россию, своим вниманием. Можно сделать вывод, что у нас на телевидении заправляют люди, которые сами, по словам одного из лидеров СПС Бориса

Надеждина, готовы в каждую секунду «свалить из страны» и которые навязывают свою психологию перекаати-поле всей стране и прежде всего молодежи.

Все либеральные СМИ, в том числе и наши либеральные НТВ и REN-TV, стремятся всячески развенчать русские победы, подвиги русского солдата, доказать, что подвиг, готовность умереть за правое дело по своей природе противоестественны, что так не бывает, что никакого подвига «Варяга» не было, а была слабая подготовка к стрельбе («выпустили по японцам тысячи снарядов и все мимо цели» — Алексей Пивоваров, НТВ).

На протяжении последних без малого пятнадцати лет мы являемся свидетелями открытого глумления, просто издевательства над русским характером и русским человеком. Практически во всех своих передачах Владимир Познер приравнивает русский патриотизм к фашизму, пытается доказать, что все разговоры о достоинстве русского человека ведут на практике к зверствам скинхедов. В одной из передач Владимира Соловьева на НТВ Александр Осмолов прямо говорил о «дебилизации русского населения». Практически все политологи, называющие себя либералами, утверждают, что русские являются противниками частной собственности потому, что много пьют и не умеют работать. Наиболее часто подобные утверждения можно слышать от руководителей «Альфа-банка».

За последние годы сложилась, была отработана целая философия разоблачений, дискредитации русского патриотизма. Постулаты этой философии известны. Первый: «Патриотизм — это последнее прибежище негодяев». Второй: «Патриотом является тот, кому некого и нечего любить» (Денис Драгунский). Третий: «Патриотизм может быть только личным выбором свободной личности, а так как русские люди всегда были рабами, то и патриотических поступков никогда они не совершали».

Либералы против морали и социальных чувств

Надо осознавать, что наши посткоммунистические либералы боролись и продолжают бороться не только с русским национальным сознанием, с остатками привязанности современного русского человека к своей истории, национальному государству, к православной церкви, с остатками национальной памяти, но и с духовностью, моральностью в целом. И в этом, кстати, коренится основная опасность для страны посткоммунистического либерализма.

Нельзя сказать, что все новые западники изначально ставят себе задачу расчеловечивания новой России, задачу дебилизации новых поколений. Хотя подавляющая часть православной почвеннической

интеллигенции убеждена, что наше российское телевидение, включая шоу «Национальный интерес» Михаила Швыдкого, сознательно «растлеивает молодежь».

Но опыт новой полемики с многими новыми западниками показывает, что они просто по-иному видят природу и механизм патриотизма, они видят в патриотизме только почву для произрастания национализма и ксенофобии. Они не видят, что патриотизм, как ценность и как чувство, является самым простым и надежным способом социализации личности, способом обуздания природного эгоизма человека. Иначе я не могу объяснить, почему, к примеру, некоторые авторы книги «Западники и националисты: возможен ли диалог» оценивают как политический и даже моральный прогресс ослабление у новых поколений России «державной позиции».

Что хорошего в том, что сегодня в новой России более 80% опрошенных молодых людей равнодушны к такой нашей национальной святыне, как патриотизм. Неужели они не понимают, что патриотизм, любой патриотизм или «несвободного», или «свободного» человека (кстати, как и религиозное чувство) является одним из возможных способов социализации личности, воспитания умения связать себя с жизнью нации, государства, языка, культуры, умения встроить свою личную жизнь и личные интересы в контекст истории, контекст будущего и прошлого.

Патриотизм — это не только одно из самых прочных коллективистских чувств, но это еще основа для пробуждения чувства истории, исторической памяти, уважения к прошлому. Ведь на самом деле нынешняя либеральная борьба с русским патриотизмом является борьбой с остатками человечности в русском человеке, это покушение на историческую память, на национальное сознание.

Ведь на самом деле на место «святого» патриотизма приходит не «святая» свобода и уважение к личности, а приходит звериный, хуже звериного, эгоизм. Разлом «русской парадигмы», которому аплодируют наши либералы, сопровождается в российской жизни появлением сотен тысяч матерей-кукушек, отказывающихся от своих детей. Сначала у человека обрывается связь с Родиной, Отчиной, нацией, затем со своими родителями, потом даже с собственными детьми.

Я имел возможность уже несколько раз в прямой полемике с нашими либералами показать, что нет в современном «западном сообществе» ни одной нации, которая бы обошлась без сакрализации своих побед и своих героев, которая не оберегала бы и свой «суверенитет», и свою «державность», и святыни патриотизма. Абсолютно все нации Европы, как и русские, консолидировались перед лицом военной угрозы. И даже свое имперское прошлое они оберегают, как святыню. В главном Соборе Йорка в Уэльсе вы всегда увидите

живые цветы у стелы в честь героев-моряков, покорявших Индию. В восстановленном Королевском замке на «старушке» в Варшаве на почетном месте висит старая карта Великой имперской Польши, включающая все ее завоевания, Киев, Вильно и даже русские города. И, как известно, преданность поляков своим национальным победам и своей истории не мешает им любить свободу.

Вынужден заметить и то, что само понятие «свобода» не поддается сакрализации. Понятие «свобода» само по себе является негативным понятием. Есть свобода от иноземных поработителей, свобода от тирании, но есть и свобода зла, свобода преступления. Есть новая русская свобода, свобода от своих собственных детей.

Но в данном случае я хотел бы в первую очередь обратить внимание на нравственные аспекты спора о «русской идентичности». Почему наши западники не чувствуют, что, в принципе, безнравственно лишать людей памяти об их национальных победах, что безнравственно, античеловечно сама постановка вопроса о смене, сломя так называемой «цивилизационной парадигмы»? Что остается у человека, если убрать у него память о победах и героях его народа, если лишить его заботы о достоинстве своего государства или лишить его привязанности к религии предков, если вытравить у него остатки патриотических чувств, чувства «обиды за державу». Чем эта либеральная идея смены цивилизационной парадигмы отличается от коммунистического проекта «перевоспитания масс»? Да ничем. Если наши «западники» добьются своих целей, если они кастрируют и без того уже кастрированное большевиками сознание русских, то это будет уже не народ, а стадо «нелюдей».

Патриотизм — естественное чувство любого нормального, духовно развитого человека. Патриотизм как любовь к Родине, преданность родной земле, является высшей связью личного и общественного, коллективного. Духовная привязанность к своему народу, к нации, ее прошлому и преданиям, ее борьбе за независимость придает жизни и деятельности индивида общественный смысл, дает точку опоры, делает его человеком в подлинном смысле слова. Патриотизм — духовная опора всех высших проявлений духа, героизма, подвижничества, художественного творчества. Но в то же время ненависть человека к своему государству, к своей нации превращает его в уродца, в недочеловека. Все, что создается вне связи с Родиной, вне связи с традициями и ценностями народа, мертво, порочно. Обратите внимание. Не было в России ни одного известного литератора, ни одного известного мыслителя с так называемым космополитическим сознанием. Космополитизм — это всегда уловка. Тот, кто не чувствует себя гражданином, патриотом России, обязательно является осознанным или неосознанным патриотом другой страны и чаще всего патриотом США.

Человек, порвавший со своим государством, с Россией, с интересами и ценностями своего народа, превращается в перекасти-поле, в былинку, не имеющую ни веса, ни цены.

По сути, и об этом надо говорить прямо, ведущаяся уже 15 лет война наших либералов, как правило нерусского происхождения, против российского патриотизма является своеобразным насилием над совестью народа. Конечно, каждый гражданин России сохраняет за собой право мировоззренческого, политического, морального выбора. Но государство, если оно является государством, обязано бороться с попытками либералов навязать России психологию «перекасти-поле», навязать аномалию, т.е. ненависть к своей собственной стране всем другим людям. Необходимо бороться с попытками превратить то, что мы называли национальным и государственным отщепенством, в эталон интеллигентности и культуры.

Все это дает основания утверждать, что сегодня мы имеем дело с антинациональным, антирусским либерализмом, который рассматривает и традиционную российскую государственность, и претензии на державность, и, самое главное, русское национальное сознание как своих главных врагов.

Наши новые либералы в отличие от дореволюционных либералов олицетворяют не национальное сознание, а сознание борьбы с ним, олицетворяют оборонное сознание по отношению к русскости. В этом смысле современные либералы являются носителями так называемого «оборонного сознания». Они находятся в перманентном состоянии обороны от всего русского, от традиций державности, от православия и Русской православной церкви, от побед русского оружия, от традиционного российского суверенитета.

Парадокс состоит в том, что люди, постоянно разоблачающие русских за так называемое «оборонное сознание», за «ксенофобию», сами страдают глубинным, инстинктивным отторжением, оборонным комплексом по отношению к символам русскости, к православному священнику, к генеральским погонам, к традициям патриотизма и возвеличивания полководцев. Люди, которые в статьях и книгах обвиняют русских в так называемой ксенофобии, сами страдают непреодолимым, почти животным страхом перед всем, что олицетворяет русскую нацию и российскую государственность.

На самом деле наш новый русский либерализм является всего лишь новой формой ксенофобии, инстинктивным страхом группы, кучки вненациональных, антинациональных интеллектуалов перед громадной, вековой Россией. И чем меньше у этой кучки революционеров шансов переделывать, переломать вековую Россию, стерилизовать ее от державности и патриотизма, тем больше страхов, тем больше агрессии и откровенной, неприкрытой русофобии.

Старые, дореволюционные либералы страдали от того, что русские не стали полноценной нацией, что у русских мало «шовинизма», мало уверенности, любви к себе, мало активного отношения к своей национальности. «Россия, — писал во время Первой мировой войны Николай Бердяев, — самая нешовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. Немцы, англичане, французы — шовинисты и националисты в массе, они полны национальной самоуверенности и самодовольства. Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увь! — чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирует других» (См.: *Бердяев Н.* Судьба России. М.: Сов. Писатель, 1990. С. 15).

Показательно, что наши новые либералы, новые западники, которые довольно часто ссылаются на работы Бердяева о русской родословной большевизма, никогда не ссылаются на Бердяева — русского патриота и русского националиста. И это объяснимо. Если нынешние либералы связывают расширение свободы и демократии с искоренением чувства национальной, а тем более этнической солидарности, то Николай Бердяев, напротив, был активным сторонником укрепления и упрочения русского, этнического национального сознания. Он считал, что «национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества, она заложена в самых глубинах жизни и национальность есть ценность, творимая в истории, динамическая заданность». И далее, что очень актуально: «Чувствовать себя гражданином вселенной совсем не означает потери национального чувства и национального гражданства... Космополитизм есть также отрицание и угасание ценности индивидуального, всякого образа и обличия, проповедь отвлеченного человека и отвлеченного человечества». (Там же. С. 93).

Характерный для новых либералов страх перед всем русским, перед всем национальным ведет к формированию искаженного, вульгарного образа русской нации. Новые либералы, новые западники в принципе осуждают сам разговор о специфических интересах и специфических проблемах русской нации. К примеру, Егор Гайдар в упомянутой книге в самой постановке вопроса о русских интересах усматривает проявление великодержавного шовинизма и ксенофобии. Если, как я уже пытался показать, все русские мыслители видели главную особенность русской нации в пластичности ее души, в поразительной способности сближаться, сотрудничать с представителями других народов и наций, то нынешние либералы, напротив, обвиняют русских в «ксенофобии», «антисемитизме», «великодержавном шовинизме».

Я обращаю внимание на дефицит, отсутствие национального сознания у идеологов и вождей нового западничества не для того, чтобы подчеркнуть их нерусское происхождение. В России как многонациональной стране нет прямой корреляции между принадлежностью к русскому племени и глубиной национального сознания. Во время первой русской революции 1905–1907 годов так называемым «национальным», «государственным» и особенно «религиозным» отщепенством страдали интеллигенты, как правило, выходцы из православных семей.

Проблема наличия или отсутствия национального сознания у субъекта нашей новой революции интересует меня только с функциональной точки зрения. Надо понимать, что не могут люди, не обладающие русским национальным сознанием, развивать демократические институты в России. Идея демократии основана прежде всего на идее моральной равноценности каждой человеческой личности. А, как известно, именно современная идея нации позволяет в самой простой и непосредственной форме реализовать идею исходного морального равенства людей. Совсем не случайно христианская идея изначального равенства людей окончательно трансформировалась в гражданское общество, в систему демократических институтов только в период становления национальных государств Европы. Одно дело — формировать, строить демократию для себе подобных, близких мне по вере, по менталитету, по быту, а совсем другое дело — демократические реформы для «общества вообще» или для других, для, как говорит Игорь Яковенко, «туземной массы».

Беда наша состоит в том, что та часть интеллигенции, которая обладает национальным сознанием, или не заинтересована в демократических реформах, или не обладает достаточной волей, чтобы стать субъектом цивилизаторских перемен. А та часть интеллигенции, которая взяла на себя инициативу демократизации страны, делает это не для других, ибо они не воспринимаются как свои, не воспринимаются как национально равные люди, а для себя. Все дело в том, что в национально однородной среде, когда и субъект и объект реформы являются представителями одной и той же культуры, одной и той же среды, больше возможностей для компромисса, диалога, больше терпимости друг к другу. Когда субъект реформ воспринимает себя как носителя демократических ценностей, а народ — как «русский архетип», как «неадаптированную массу», как «объект воздействия», «переделки», то мы имеем дело не с демократизацией общества, а с очередной революцией, с очередной попыткой переделывать «косную» русскую массу. Тогда в нашем случае ставка делается на «борьбу», «конфликт», на противостояние «своих», идейно близких, и «чужих».

Без национального сознания легко делать пролетарские, социалистические революции. И совсем не случайно Карл Маркс был противником не только христианского учения о человеке, но и противником национального сознания, чувства национальной принадлежности в целом. И совсем не случайно учение Карла Маркса о пролетарской диктатуре победило в европейской стране с наиболее слабым национальным сознанием. Маркс прекрасно понимал, что главным препятствием на пути революции, классовой борьбы является национальное чувство.

Не всегда национальное самосознание, органическое ощущение единства нации ведет к демократии. Но без развития национального самосознания и в народе и в элите, без утверждения самоценности нации и национального государства в равной мере как и самоценности свободы невозможно созидание демократии. Легче достигнуть консенсуса, примирения, обуздания интересов вырывающихся групп на базе общих национальных интересов, уравнивающих все классы и социальные группы.

Все это говорит о том, что корни нашего нового западничества следует искать не в традициях дореволюционного либерализма, а в традициях марксизма-ленинизма, в идеологии вождей всемирной пролетарской революции. Не следует забывать, что все вожди нашей пролетарской революции и, прежде всего, В. И. Ленин стояли на позициях национального нигилизма, страдали откровенной русофобией. Для Ленина, как известно, русская нация была велика только «своими насилиями», велика, как «держиморда». Это Ленин говорил о том, что русская нация должна сама поставить себя в жертвенное, неравное положение по отношению к другим нациям России. Помните: «Интернационализм со стороны угнетающей нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства, но и в таком неравенстве, которое бы возмещалось со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывалось в жизни фактической». Именно Ленин смотрел на Россию и русскую нацию глазами человека, для которого русская народная среда является чуждой и враждебной, а потому настаивал на вытеснении русского национального сознания пролетарским интернационализмом. Большевики вслед за Марксом говорили о русских как «контрреволюционной нации», т. е. нации, враждебной идее пролетарской революции. Нынешние новые либералы говорят о русских, о «русском архетипе» как о препятствии на пути к утверждению демократии и гражданского общества.

Еще больше сближает нынешних западников, нынешних либералов с традиционным марксизмом абсолютное равнодушие к христианской морали, к учению о добре и зле. Марксисты вывели свое уче-

ние о равенстве за рамки стыда, совести и греха. Нынешние либералы, о чем я уже говорил, отделили понятие свободы от совести, стыда, личной вины и ответственности. Показательно, что наши новые западники всегда равнодушно относились к проблеме наркомании, преступности, к очевидной моральной и физической деградации значительной части молодежи. Большевиков никогда не волновали муки миллионов, обреченных умереть в горниле гражданской войны. Наши либералы никогда не думали о человеческой цене реформ, о том, сколько людей погибнут, деградируют в результате мгновенной остановки «социалистического планового производства».

Заключение

Все сказанное дает мне основание утверждать, что политическое и духовное поражение посткоммунистических либералов является благом для России. В конце концов, сам факт самораспада посткоммунистического либерализма увеличивает шансы на сохранение государственного и национального суверенитета. Поражение либерализма, который относится к населению собственной страны, как колонизаторы относились к населению покоренных народов, свидетельствует об успехе пробуждающегося национального самосознания.

Вопреки ожиданиям романтиков мир XXI века оказался весьма жестким, если не сказать жестоким. Окончание глобальной конфронтации двух сверхдержав, крушение биполярного мира, развитие процессов глобализации не привели, как полагали некоторые идеалисты, к прекращению межгосударственных конфликтов и соперничества, «растворению» национальных интересов в «общечеловеческих». Напротив, традиционно узкое понимание национальных интересов, а в ряде случаев и просто национальные эгоизмы вновь вышли на первый план. Налицо возрастание роли военно-силового фактора в международных отношениях, рост уровня региональной нестабильности и неопределенности военно-политической обстановки.

Помимо проблем глобальной и региональной безопасности формирующийся мировой порядок XXI века на первый план выдвигает глобальные экономические проблемы, требующие многосторонних решений и новых международных институтов.

Вся система современных международных отношений характеризуется высокой подвижностью и стремительными переменами. В такой системе выигрывают те государства, которые способны мгновенно реагировать на происходящие изменения, быстро адаптироваться к новым требованиям, осваивать постоянно возникающие все новые и новые «правила игры», соизмеряя цели и имеющиеся ресурсы, искусно используя свои экономические, политические, военные, технологические, информационные и интеллектуальные возможности.

Что такое эффективный механизм внешней политики?

В этих условиях уже не допустимы субъективные внешнеполитические решения, продуманные лишь на полшага вперед и опирающиеся лишь на конъюнктурные соображения, которые могут носить стратегический характер и вести к долговременным последствиям. Многие из таких решений в ряде случаев уже невозможно исправить, что чревато нанесением катастрофического ущерба долгосрочным национальным интересам страны и непосредственно интересам ее граждан, поскольку глобализация стирает грань между внешней и внутренней политикой.

Вот почему ведущие государства современного мира предпочитают приложить максимум усилий, чтобы иметь высокоэффективный механизм подготовки, принятия и выполнения решений по стратегическим вопросам международной деятельности. Такого рода механизмы имеют коллегиальный характер, отличаются вовлеченностью всех субъектов внешней политики и опираются на глубокую аналитику и экспертизу правительственных и неправительственных научно-исследовательских центров.

Например, разработкой и проведением американской внешней политики, согласованием позиций различных ведомств и координацией их международной деятельности занимается Совет национальной безопасности (СНБ) под непосредственным руководством президента США. Ядро СНБ — высшего органа страны, формирующего ее внешнюю политику, — составляют президент, государственный секретарь, советник президента по национальной безопасности, глава Пентагона, председатель объединенного комитета начальников штабов и директор ЦРУ, который снабжает участников этой группы текущей и аналитической информацией о событиях в мире. При этом госсекретарь через свой аппарат осуществляет руководство повседневной международной деятельностью и решает оперативные вопросы внешней политики в качестве главного советника президента по этим вопросам. Что же касается стратегических, концептуальных, наиболее важных вопросов внешней политики, непосредственно затрагивающих интересы национальной безопасности, то их проработка возложена на СНБ. Сравнительно малочисленный аппарат СНБ (порядка 40 человек) возглавляет советник президента по национальной безопасности, который с одобрения президента формирует различные межведомственные комиссии (группы), действующие на постоянной или временной основе, в целях выработки согласованных решений по ключевым вопросам внешней политики и национальной безопасности страны, а также подготовки директив делегациям США на многосторонних и двусторонних переговорах и конференциях.

Советник президента по национальной безопасности является центральной фигурой всего механизма разработки, принятия и реализации ключевых внешнеполитических решений, в том числе решений по вопросам обеспечения внешней безопасности. Советник назначается президентом из числа наиболее авторитетных специалистов в этой области. Он имеет непосредственный доступ к президенту для доклада по любому из этих вопросов и представления своей собственной точки зрения относительно наиболее целесообразного решения. Негласное правило, которому обязаны следовать члены СНБ, — не руководствоваться личными эмоциями при решении проблем, затрагивающих интересы страны. Кроме того, общим правилом, которое они

неукоснительно соблюдают, является сохранение конфиденциальности при обсуждении этих проблем.

Представители конгресса не входят в СНБ. Вообще законодательная ветвь власти в США непосредственно не составляет часть механизма выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений. Однако конгресс серьезно влияет на этот процесс, используя имеющиеся в его распоряжении рычаги. Среди них: бюджетная политика; организация различных слушаний, «в порядке надзора», с участием представителей исполнительной власти; запросы в органы этой власти; ратификация международных соглашений и договоров; консультации с президентом, госсекретарем, министром обороны, советником президента по национальной безопасности; утверждение назначений на должности послов и других высокопоставленных должностных лиц внешнеполитического и других ведомств и т. д. Отношения двух ветвей власти строятся на основах взаимного уважения и взаимопомощи. Органы исполнительной власти постоянно информируют конгресс о своей работе, стремятся своевременно учесть мнения конгрессменов в дальнейшей работе, причем процессы сотрудничества, взаимного обмена мнениями и информацией все время совершенствуются.

В процессе формирования внешней политики, в особенности когда поставлены под угрозу жизненно важные интересы США, необходимо, как полагают американцы, добиваться согласия между обеими ведущими политическими партиями страны. Во всяком случае, все споры и разногласия между ними должны прекращаться на границе США. Это означает, что президент должен на двухпартийной основе выслушать и принять во внимание взгляды всех сторон внутри страны. Но после принятия главой государства окончательного решения относительно того, какие шаги наилучшим образом отвечают национальным интересам США применительно к конкретному вопросу, обсуждение этого решения не должно выноситься за границу, хотя и может продолжаться внутри страны. Считается, что те представители властей, которые, выезжая за рубеж, используют свой статус временно находящихся за пределами своей страны в качестве платформы для выступлений против тех или иных решений, принятых на родине, переступают черту дозволенного и наносят ущерб национальным интересам страны. У представителей политической элиты США превалирует твердое убеждение, если не сказать — неукоснительное правило: иностранцам необходимо показывать, что Америка единым фронтом выступает в поддержку важнейших внешнеполитических решений президента и основных методов их претворения в жизнь. Даже при наличии определенных внутренних разногласий, полагают американцы, нельзя терять национальную перспективу. Характерно, что этот

принцип соблюдается не только действующими политиками, но и представителями авторитетных неправительственных организаций, хотя, естественно, и в меньшей степени.

Особое внимание исполнительными органами власти, имеющими отношение к формированию внешней политики, уделяется работе со средствами массовой информации (СМИ). Считается, что внешняя политика может быть эффективной лишь при наличии поддержки со стороны общественного мнения страны, на которое сильное воздействие оказывают СМИ. Никто не стремится сделать СМИ рупором правительства, но считается, что они, по крайней мере, должны знать и понимать позицию правительства, правильно освещать ее. Исходя из этого, органами исполнительной власти налажен и поддерживается регулярный процесс проведения брифингов для СМИ.

Как дело обстоит в России

К сожалению, пока столь отлаженного и эффективного механизма в России нет. Ни российскому обществу, ни тем более нашим зарубежным коллегам не понятно, кто и как принимает у нас важнейшие решения в области международной деятельности. Формально вопросы координации в этой сфере возложены на МИД России. Однако если это ведомство и координирует внешнюю политику с другими ведомствами, то в основном лишь на рабочем уровне и, уж во всяком случае, не системно. Нет и должной прозрачности этого процесса. Если бы это было не так, у общественности не возникало бы вопросов, например, о том, кто готовил и с кем было согласовано решение о вступлении России в Организацию Исламская конференция, были ли просчитаны долгосрочные последствия этого решения, в том числе и в контексте нашего партнерства с США, Европой, Китаем и т. д.

Концептуальные вопросы внешней политики сегодня призвана прорабатывать (но явно с этим не справляется) межведомственная внешнеполитическая комиссия Совета безопасности РФ. Рассмотрением оперативных вопросов международной деятельности занимаются МИД, Минобороны, СВР России и ряд других ведомств. Оперативные вопросы, связанные с планированием и осуществлением мероприятий Президента РФ, решаются в Администрации Президента, в частности через Управление Президента РФ по внешней политике и Протоколно-организационное управление Президента РФ. Деятельность всех этих органов зачастую имеет разрозненный характер, что наносит ущерб внешнеполитическим интересам России. Кроме того, из процесса принятия решений при сложившемся порядке полностью исключены структуры Федерального собрания РФ, не говоря уже о регионах России, которые порой стремятся осуществлять само-

стоятельную внешнеполитическую деятельность. Недостатком этого порядка является также и то, что он зачастую не отвечает даже оперативной внешнеполитической деятельности Президента РФ и попросту не поспевает за ее темпами, которые задает стремительно меняющаяся международная обстановка. Но самое главное — сложившийся «конгломерат» органов, «допущенных» к решению вопросов внешней политики России, и существующий порядок их взаимоотношений (к сожалению, российская практика последнего десятилетия показывает, что термин «взаимодействие» здесь не совсем уместен) обеспечивают — в лучшем случае, но не с лучшим качеством — решение сиюминутных оперативных внешнеполитических задач, но никак не нацелены на формирование стержневой внешнеполитической линии Российского государства, рассчитанной на длительную перспективу и свободной от внутривнутриполитической конъюнктуры сегодняшнего дня, связанной с личностью очередного главы государства, предпочтениями, личными и корпоративными интересами его ближайшего окружения или иных близких к нему сил и фигур из числа политической и бизнес-элиты.

В бывшем СССР существовал координационный механизм выработки позиций страны в этой области — межведомственная комиссия (так называемая «пятерка») при ЦК КПСС с участием в ней также представителей МИДа, Минобороны, КГБ, Комиссии Совмина СССР по военно-промышленным вопросам (ВПК), которая готовила проекты решений руководства страны по основным вопросам национальной безопасности. Комиссия имела многоуровневую структуру (эксперты, руководители среднего и высшего звеньев указанных ведомств). Во многом благодаря этому механизму принятия и реализации решений на важнейших направлениях международной политики СССР добился значительных успехов в сфере ограничения ядерных вооружений и других видов оружия массового уничтожения, а также обычных вооружений в Европе.

Этот механизм позволил нейтрализовать активные силы в лице ряда политиков и военных, которые выступали против разоружения. Позитивные последствия имело и вовлечение ключевых государственных структур в переговорный процесс, поскольку способствовало осознанию крупными политическими и военными руководителями необходимости достижения компромисса с партнерами по переговорам. В свою очередь, это отразилось на итогах переговоров и позволило в ряде случаев избавиться от целых классов вооружений, и тем самым как сэкономить финансовые средства, так и ослабить напряженность в военно-политических отношениях по линии Восток—Запад.

После распада СССР ничего даже близкого по эффективности в России создано не было. Причины здесь следует искать и в межведом-

ственных распрах, и в низком уровне исполнительной дисциплины, и в том, что мы находимся лишь в самом начале становления российской государственности, и во многом другом. Сами же ведомства ничего, кроме идеи возродить «пятерку», не предлагают. Но ведь ясно, что для восстановления прежнего порядка, существовавшего в СССР, надо ни больше ни меньше как восстановить в России прежний коммунистический режим и Политбюро ЦК КПСС, что, конечно же, совершенно невозможно. Однако такая констатация, к сожалению, проблему координации не решает.

Предпринятые в последние годы попытки создать соответствующий механизм — будь то в рамках Совета безопасности РФ или вне его — были заблокированы ведомствами. Создаваемые же межведомственные комиссии по различным проблемам не решают этой задачи: они приводят лишь к дальнейшему распылению усилий, параллелизму в работе и в конечном счете — к росту безответственности и снижению эффективности государственной политики в этой области.

Совет безопасности был задуман как основной механизм системы исполнительной власти по выработке, принятию и выполнению важнейших решений в области национальной безопасности — как внутри-, так и внешнеполитических. Создавался он в первую очередь на основе опыта США, в которых с 1947 года успешно функционирует Совет национальной безопасности. За десять последних лет сменилось десять секретарей Совета безопасности. Одним досталось несколько лет работы, другим — несколько месяцев. Каждый приходил со своей командой. Аппарат СБ был в основном занят адаптацией к очередной смене ситуации и к проводимым ежегодно, а иногда и чаще, реорганизациям, сопровождавшимся каждый раз выводом всех сотрудников за штат. К тому же руководители силовых министерств и ведомств, координировать работу которых по положению был призван Совет безопасности, делали все, чтобы этого не допустить. Президент, которого вполне устраивали прямые контакты с «силовиками», ничего не сделал для того, чтобы укрепить Совет, председателем которого он являлся. К тому же ни один из назначаемых президентом секретарей СБ не располагал достаточным авторитетом в государстве для того, чтобы руководители других ведомств согласились с его координирующей функцией. В результате работа аппарата СБ была практически дезорганизована. Ни на одном из этапов своего существования Совет безопасности не имел возможности выполнять возложенные на него полномочия.

Следствием этого явилось отсутствие государственного управления в области национальной безопасности в целом и в области внешней политики, в частности. Государственное управление свелось к оперативно принимаемым решениям даже тогда, когда они вели к

долгосрочным и необратимым последствиям. Межведомственные комиссии Совета безопасности, которым по статусу было предписано заниматься согласованием позиций по стратегическим вопросам безопасности, оказались не в силах взять на себя процесс подготовки и принятия решений, координации деятельности министерств и ведомств в этой сфере. В итоге сложилась ситуация, когда такого рода координацией на государственном уровне и сейчас, по существу, не занимается никто. В этих условиях резко упала (да и не могла не упасть) государственная дисциплина выполнения внешнеполитических решений. Стало очевидно, что и Совет безопасности, и МИД, и Администрация Президента РФ — в том числе и по причине недостаточного авторитета и политического веса руководителей этих ведомств — оказались неспособными организовать эффективный механизм принятия и выполнения решений в этой сфере.

Это привело к катастрофическому положению во внешней политике. Каждое ведомство стало проводить чуть ли не самостоятельную внешнюю политику, а на высшем политическом уровне непродуманные решения приводили к крайне противоречивым заявлениям и действиям, прямо-таки изумлявшим наших зарубежных партнеров. Достаточно вспомнить наши метания по таким важнейшим вопросам, как расширение НАТО, урегулирование югославского кризиса, Договор по ПРО, вступление в ВТО, политика России на Кавказе, особенно в отношении Грузии, размещение американских вооруженных сил в Центральной Азии, ближневосточный конфликт, наконец, разоружение Ирака. Все это нанесло и продолжает наносить серьезный ущерб национальным интересам и внешнеполитическим позициям России, которая остается в глазах зарубежных коллег по-прежнему непредсказуемым и, следовательно, ненадежным партнером.

Один из последних вопиющих примеров в этом ряду — российско-украинский конфликт вокруг острова Тузла. До сих пор не ясно, какое ведомство принимало решение о строительстве дамбы в Керченском проливе. Можно лишь предположить, что этот «самострой» начала администрация Краснодарского края: губернатора Ткачева мы все время видели по телевизору. Говорят, правда, что он не мог принять такое решение без «отмашки» из Москвы. Но кто дал такую «отмашку» в Кремле — осталось не ясным до сих пор. На этом фоне по меньшей мере удивительно было четырехдневное молчание нашего МИДа, который просто не выполнил свою работу — не создал четкую правовую базу для проведения укрепительных работ, уже не говоря о том, что не договорился с украинской стороной и довел дело до очередного кризиса в отношениях с Киевом. В это же время посол России в Киеве В. Черномырдин заявлял о необходимости приостановить строительство дамбы. То же самое говорил Председатель Правительства РФ М. Касья-

янов. А председатель Комитета Государственной думы по международным делам Д. Рогозин, напротив, настаивал на продолжении работ, делая грозные декларации в адрес Киева. В результате Россия, по общему признанию экспертов, полностью проиграла информационную войну, которую ей навязала Украина. Авторитету государства в который раз был нанесен чувствительный ущерб.

Не меньше недоумения у отечественной общественности и у наших зарубежных коллег вызвала и недавняя попытка России урегулировать приднестровскую проблему. Конечно, вполне возможно, что за этой попыткой стоял хорошо продуманный замысел. Но поскольку о нем никто ничего не знал, то поведение нашей страны выглядело далеко не лучшим образом. Сначала в Молдову направляется заместитель руководителя Администрации Президента РФ, никакого отношения к внешней политике не имеющий. Он, как сообщают, находит долгожданный компромисс между Кишиневом и Тирасполем при должном учете интересов Москвы. Более того, этот компромисс якобы согласовывается с Киевом. Участие МИДа в этих непростых переговорах, мягко говоря, не слишком заметно. Очень скоро, впрочем, выясняется, что необходимой дипломатической работы с ОБСЕ МИД явно не провел, поскольку в самый последний момент президент Молдовы отказывается подписать компромиссный документ после строгого замечания из Вены. Результат — очередное громкое внешнеполитическое поражение Москвы, отодвигающее урегулирование проблемы Приднестровья на неопределенный срок.

Но вернемся к более серьезным вопросам. Отсутствие должного межведомственного согласования по важнейшим международным вопросам, опирающегося на солидную аналитику, привело, по существу, к кризису всей внешней политики России. Непросчитанность соразмерности внешнеполитических амбиций и возможностей (ресурсов) страны, неспособность осознать характер происходящих в мире процессов, восприятие их сквозь призму традиционных, свойственных советскому периоду представлений, привели к тому, что *ни одна из стратегических целей, сформулированных политическим руководством России в последние 10–12 лет, не была достигнута*. Не удалось ни предотвратить расширение НАТО, ни построить реальное партнерство с этим альянсом, равно как и сохранить необходимый уровень отношений со странами ЦВЕ и Балтии. Все красивые программы построения европейской безопасности, в частности через механизмы ОБСЕ, остались на бумаге. Операция НАТО против Югославии была проведена вопреки позиции России, а упорная поддержка режима С. Милошевича обернулась после его поражения потерей российского влияния на Балканах. Не был сохранен Договор по ПРО главным образом потому, что Москва отказалась вести переговоры о его модифи-

кации. Переговоры с США о дальнейшем сокращении ядерных вооружений были прерваны. Повисла в воздухе ранее декларированная концепция стратегического партнерства с США. Полностью провалилась идея Е. Примакова о создании «стратегического треугольника» Москва — Пекин — Дели. Россия оказалась по сути дела вытесненной из процессов ближневосточного, корейского, а теперь уже и иракского урегулирования. На нуле продолжают находиться отношения России со второй экономикой мира — Японией. Не сработал практически ни один из стратегических замыслов в отношении СНГ и ДКБ на всем постсоветском пространстве. Это касается не только союза России с Белоруссией, но и российско-украинских отношений, партнерства с государствами Центральной Азии (в особенности с Узбекистаном) и Кавказа (прежде всего с Грузией). Никакого серьезного продвижения не произошло в важнейших для России вопросах интеграции в мировое, прежде всего европейское, экономическое пространство и привлечения масштабных инвестиций в российскую экономику.

Что необходимо предпринять?

Повышение эффективности внешней политики требует принятия специального закона о механизме разработки, принятия и реализации внешнеполитических решений, который обеспечивал бы четкую координацию деятельности министерств и ведомств в этой области под руководством Президента РФ в целях проведения единой линии Российской Федерации в отношениях с другими государствами и международными организациями.

Нет сомнений, что принятие политических решений в соответствии с Конституцией РФ по принципиальным вопросам внешней политики должно осуществляться Президентом Российской Федерации. Однако для представления Президенту РФ предложений по этим вопросам требуется их согласование между должностными лицами, имеющими непосредственное отношение к внешней политике. Это — Председатель правительства, секретарь СБ, руководители МИДа, Минобороны, ФСБ и СВР. На данном этапе государственного строительства России в этом процессе, вероятно, должны принимать участие также представители законодательной власти — Председатели Совета федерации и Государственной думы Федерального собрания РФ: это необходимо для обеспечения единой позиции высших представителей двух ветвей власти по важнейшим внешнеполитическим вопросам, т. е. элементарной государственной дисциплины. Перечисленные лица должны образовать новый орган по внешней политике и международной деятельности при Президенте Российской Федера-

ции в качестве его постоянных членов. Речь, подчеркнем, идет именно о новом органе, поскольку все имеющиеся, в том числе и Совет безопасности, оказались для выполнения этой функции непригодными (ну не может секретарь СБ координировать деятельность внешнеполитических ведомств!). Такой орган и был бы аналогом СНБ США. В этом контексте потребовалось бы, разумеется, и введение должности, аналогичной советнику президента США по национальной безопасности — из числа авторитетных отечественных дипломатов — с не большим, хорошо оснащенным аппаратом.

Следует подчеркнуть, что коллегиальность при подготовке решений в сфере управления международной деятельностью характерна для государств в целом, независимо от культурно-цивилизационных различий, их геополитического, геостратегического и геоэкономического положения. Это обстоятельство обусловлено, в первую очередь, тем, что, по сути, любая международная проблема — комплексна в своей основе. Как правило, она имеет взаимозависимые военно-политическую, экономико-финансовую, социальную, дипломатическую и другие составляющие и, соответственно, последствия как временного, так и длительного характера. Именно в условиях сегодняшнего мира и места в нем России, положения внутри страны главе государства требуется общенациональный коллегиальный орган управления (а не механизм для консультирования президента) международной деятельностью страны. Нельзя в данном контексте не согласиться с прочно укоренившимся в США пониманием того, что *ни одно государственное ведомство, какими бы формальными правами оно ни наделялось, не может быть лидером в сфере международной политики и ожидать от других заинтересованных ведомств, что они за ним последуют*. Внешнеполитическая деятельность должна основываться в том числе и на новых возможностях по продвижению интересов страны через развитие международных связей *всеми субъектами международной деятельности государства, в том числе российскими регионами*.

Представляется, что эффективное функционирование механизма выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений связано с пятью главными методологическими трудностями.

Во-первых, такой механизм не может быть механизмом выработки, принятия и реализации всех внешнеполитических решений. Речь идет лишь о ключевых решениях, которые связаны непосредственно с внешними аспектами национальной безопасности, имеющими отношение к жизненно важным интересам личности, общества и государства. Следовательно, основная методологическая сложность состоит в том, чтобы отделить ключевые внешнеполитические проблемы от текущих и оперативных, которыми занимается Министерство иностранных дел РФ. Общее соображение здесь та-

кое: ключевые решения — это решения, непосредственно связанные с национальной безопасностью, как она «прописана» в соответствующих официальных документах — Концепции национальной безопасности, Концепции внешней политики, Военной доктрине, а также в других подобного рода документах — концепциях экономической, информационной, продовольственной безопасности и т. д. Следует провести соответствующую инвентаризацию этих документов. Например, проблема вступления России в ВТО — это проблема, напрямую относящаяся к национальной безопасности (поскольку она затрагивает жизненно важные интересы граждан России), хотя она и не имеет прямого отношения к военно-политической проблематике.

Во-вторых, необходимо строго и четко разграничить компетенцию различных ведомств и в первую очередь — исполнительной и законодательной ветвей власти. Ведь мы ведем речь о механизме не только выработки и принятия, но и реализации внешнеполитических решений. К реализации таких решений ни Совет федерации, ни Государственная дума, ни вообще законодательные органы власти отношения иметь не могут. Для того чтобы выполнять такие решения, нужны соответствующие ресурсы, людской и материальный потенциал, чем законодатели не располагают. Реализация — это исключительная прерогатива исполнительной власти. Другой вопрос, что законодательные органы могут контролировать выполнение принятых с их участием решений путем различного рода депутатских запросов, организации слушаний с участием руководителей федеральных ведомств и т. д. Хотя опять же функция контроля должна быть строго разграничена между исполнительными (в частности президентскими) и законодательными органами власти. Например, текущий регулярный контроль за президентскими решениям в области внешней политики (в том числе контроль за внешнеполитическими ведомствами и в первую очередь за МИДом) должен, безусловно, осуществляться Администрацией Президента РФ.

В-третьих, в условиях становления в России по-настоящему многопартийной системы следует отработать четкий механизм принятия важнейших внешнеполитических решений с участием представителей правящей партии (партий) и оппозиции (как это делается в других цивилизованных странах, в частности в США).

В-четвертых, следует разработать различные алгоритмы принятия решений, когда это необходимо делать в различные сроки. Скажем, долгосрочное (год) решение (например, политика России в отношении расширения НАТО); среднесрочная (месяц) ситуация (например, наша реакция на выход США из Договора по ПРО); срочное (сутки) решение (например, позиция в связи с терактами в США).

В-пятых, — и это, пожалуй, главное — необходимо обеспечить сопряжение принимаемых внешнеполитических решений с имеющимися ресурсами, в первую очередь экономическими ресурсами страны.

В этом отношении показателен опыт США.

В США, например, просчитывается любой вид деятельности по реализации национальных интересов или Стратегии национальной безопасности. В этих подсчетах участвуют не только государственные или представительные органы, но и специально создаваемые по случаю группы — типа совещательной группы по присутствию за рубежом — *overseas advisory panel*.

Финансирование международной политики США закладывается в раздел *Function 150* федерального бюджета, а точнее, *Function 150 Account*. Поначалу этот раздел верстается в разделе ресурсов планирования политики госдепартамента. Затем передается в администрацию президента, где самую важную роль играет служба по управлению бюджетом. После утверждения президентом проекта бюджета документы передаются для обсуждения в конгресс, а часть по международной политике — в подкомитеты конгресса: внешние операции, коммерция и государство и др. Затем проекты вновь возвращаются в администрацию президента для доводки и подписания. Причем весь процесс строго расписан по срокам.

Финансирование международной политики распределяется по программам через пять департаментов: Госдепартамент, Минфин, Агентство по сотрудничеству в области оборонной безопасности, Министерство обороны, Министерство сельского хозяйства, а также через 7 независимых агентств — типа Агентства по международному развитию, Агентства международной торговли, Корпорации по зарубежным частным инвестициям, Корпуса мира, Агентства по торговле и развитию, Института мира или через ряд фондов — типа Фонда американского развития, Азиатского фонда и Межамериканского фонда.

Чтобы правильно просчитать бюджет, в США разработана система категорий и понятий. Эта система прописана в документе *The Budget Systems and Concepts*. В нем объяснены все бюджетные термины. Причем надо иметь в виду, что финансирование международной политики не то же самое, что финансирование внешней политики. Понятие «цель» определяется через разные термины в зависимости от содержания: например, «*goal*» — это принципиальная цель с нефиксированным временем ее достижения, а «*objective*» — конкретная цель с обозначением сроков ее достижения. Возьмем, например, «*strategic goal*». К этой категории относится уменьшение угрозы США и их союзникам от оружия массового уничтожения или дестабилизирующего обычного оружия. «*Operational goal*» — это операционная цель. В каче-

стве примера — ядерная самозащита на международной арене. В соответствии с документами США, национальные интересы состоят из 7 пунктов, стратегические цели в международных делах («goals») — из 16 пунктов и т. д. Весь бюджет «150» делится на 4 неравные части. Наибольшая сумма приходится на раздел «внешние операции», вторая по значимости часть расходов приходится на раздел «коммерция и государство», в рамках которого финансируется и госдепартамент. В частности, расходы на функционирование госдепартамента составляют приблизительно 28% от всей суммы на внешнюю политику. Основная сумма расходов из них падает на содержание административного аппарата внутри страны и за рубежом — порядка 65%. Это также международные организации и организация международных конференций — 24%. Расходы по другим частям относительно незначительны. В разделе «сельское хозяйство» финансируется продовольственная помощь. Службу труда финансирует Институт мира США. Расчет расходов на внешнюю политику США учитывает даже такие детали, как выходные дни в стране пребывания для американских дипломатов. И если американский дипломат работает в выходной день в стране пребывания, ему положена дополнительная оплата и другие компенсации. Все это учитывается до дня и до доллара.

А как обстоит дело в России? В федеральном бюджете России многие статьи, имеющие отношение к внешней политике, или слишком общи, или засекречены. Из бюджета России можно понять, например, что внешняя политика означает международное сотрудничество, участие в миротворческой деятельности, реализацию международных договоров в рамках СНГ, международные, культурные, научные, информационные связи, экономическую, гуманитарную помощь другим государствам. Если по таким данным сравнить США, Японию, Англию и Россию, то окажется, что на внешнюю политику в США тратится 300 млрд. долл., в Японии — более 50 млрд. долл., в Англии — около 40 млрд. долл., а в России — около 8 млрд. долл. Даже если принять во внимание, что мы не все учли в бюджете из затрат на внешнюю политику, соотношение сил более чем понятно. И Англия, и Япония значительно превосходят Россию в расходах на внешнюю политику. Причем эти страны не ставят себе задачу, по крайней мере на официальном уровне, стать великой державой. Россия же претендует на статус великой мировой державы, о чем свидетельствует Концепция внешней политики РФ 2000 года. В ней поставлена, например, такая цель — «обеспечение надежной безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам Российской Федерации как великой державы».

Совершенно очевидно, что с имеющимся финансированием Россия не добьется статуса великой державы, как бы мы ни убеждали себя и других, что мы великая держава. Вот почему все разговоры о наших национальных интересах, о нашей национальной безопасности и внешнеполитических целях останутся пустой болтовней, если заранее не оговорить стоимость их реализации и финансовое обеспечение этой стоимости. Поначалу надо научиться считать хотя бы теоретически. Видимо, необходимо использовать категорию, например, внешнеполитического потенциала как суммарного ресурса, затрачиваемого государством на проведение внешней политики. Разделим, скажем, внешнеполитический потенциал на три части: расходы на национальную оборону, расходы на международную деятельность, расходы на внешнюю экономическую деятельность. Эти три компонента, по-видимому, составят порядка 85–90% всего внешнеполитического потенциала. Будут, видимо, и другие позиции.

Наконец, необходимо составить алгоритм принятия решений в сфере внешней политики. Этот алгоритм должен, видимо, состоять из ряда блоков: постановки стратегических и тактических задач; экономических расчетов; выработки политического курса; оценки программ, концепций; организации сбора данных; оценки данных; выбора вариантов решения; контроля промежуточных результатов; переоценки, переформулировки, уточнения решений на основании данных промежуточного контроля; оценки результатов; ответственности.

На самом деле, конечно, это должен быть не один универсальный алгоритм выработки внешней политики, а целый пакет алгоритмов. В него, в частности, входят: алгоритм выработки концептуальных стратегических планов, алгоритм достижения тактических целей, алгоритм оперативного, срочного реагирования на изменение ситуации, алгоритм политических действий в чрезвычайных ситуациях, алгоритм финансового планирования, алгоритм контроля, алгоритм подведения итогов и возложения ответственности и т. д.

Такая модель функционирования координационного механизма, в частности через выработку обновляемых директив, принята и апробирована в международной практике. Ее внедрение в России позволит относительно быстро восстановить управляемость процессом принятия и выполнения внешнеполитических решений, координированность деятельности различных ведомств, а также начать процесс восстановления государственной дисциплины в этих сферах. В частности, в сфере внешнеполитической деятельности без ведома или разрешения Президента РФ как руководителя внешней политики России или без полномочий Министерства иностранных дел Российской Федерации должностные лица, состоящие на федеральной государственной службе, были бы не вправе:

выступать с официальными заявлениями по внешнеполитическим вопросам;

совершать официальные визиты в другие государства и встречаться с представителями международных организаций;

принимать в Российской Федерации официальные делегации других государств или международных организаций;

вести переговоры с представителями других государств или международных организаций по вопросам, относящимся к внешней политике.

За нарушение названных выше ограничений должностные лица государственных органов исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также сотрудники Администрации Президента РФ подлежали бы освобождению от занимаемой должности; должностные лица, представляющие государственные органы законодательной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, отстранялись бы Президентом РФ от участия в процессе подготовки и принятия решений в сфере внешней политики и международной деятельности РФ.

Для усиления интеллектуального обеспечения принимаемых решений, укрепления связей с научными и экспертными кругами целесообразно было бы предусмотреть создание научно-экспертных комиссий, состоящих из независимых экспертов.

Необходимо стратегическое планирование

Никакой реалистичный и рассчитанный на успех политический курс не может быть избран и последовательно осуществлен без предварительной оценки ресурсов и просчета возможных вариантов действий, оценки положительных и отрицательных последствий тех или иных акций, их взаимосвязи с возможными, вероятными или иными предсказуемыми событиями и, наконец, просчета их последовательности во времени. Именно к этому в конечном итоге и сводится суть стратегического планирования.

Нужно, однако, всегда иметь в виду, что такое планирование различается в зависимости от уровня поставленных перед ним задач и обычно осуществляется на различных управленческих уровнях. В том что касается внешней и военной политики, высший уровень стратегического планирования должен предусматривать систематическую разработку и уточнение стратегии развития страны и обеспечения национальной безопасности, определение соответствующих целей, средств и ресурсов для их достижения. Разумеется, такой уровень стратегического планирования может осуществляться только на высшем эшелоне политической власти.

Следующий уровень стратегического планирования подразумевает диверсификацию и специализацию принятых решений, выработку тех или иных конкретных политических акций и прогнозирование их средне- и долгосрочных последствий. Эта работа осуществляется на следующем административном уровне — федеральных министерств и ведомств. Сказанное совсем не исключает и даже скорее предполагает, что при разработке стратегических планов министерства и ведомства постараются инкорпорировать в них прогнозы и предложения своих звеньев, занимающихся стратегическим планированием. Чтобы максимально учесть существующие мнения, им должна быть предоставлена соответствующая организационная возможность.

Существуют, как минимум, два возможных варианта выработки конечного продукта процесса стратегического планирования. Первый из них предусматривает, что в результате работы планирующего органа (о нем чуть ниже) вырабатывается некий единый, приемлемый для всех участников процесса курс, который и рекомендуется от имени этого органа лицам, ответственным за принятие решений. Положительной стороной данного подхода является то, что такая рекомендация получает поддержку всех заинтересованных государственных структур. Но, с другой стороны, чтобы добиться такого единодушия, требуется серия межведомственных компромиссов, в результате которых может быть предложен не самый оптимальный вариант решения и без альтернативы.

Другой вариант, который успешно использовали некоторые президенты США, предусматривает с самого начала работы планирующего органа подготовку двух, трех и более альтернативных вариантов действий с детальным просчетом требуемых ресурсов и всех их возможных последствий. В этом случае у лица или органа, принимающего решение, существует выбор, который должен быть им сделан. Предлагаемые решения могут быть весьма различными, возможно, даже противоположными, но, по мнению их авторов, оптимальными. Выбор зависит от политического опыта и интуиции лица, принимающего решение. Поскольку формирование альтернатив является необходимым элементом принятия решений, различие между охарактеризованными вариантами сводится, в сущности, к тому, на каком уровне осуществляется их сопоставление и выбор окончательно-го решения.

В организационном плане процесс стратегического планирования может быть осуществлен различными методами в зависимости от его направлений и уровня потребителя его результатов. Если предусматривается, что таким потребителем станет президент, а сам процесс будет охватывать не только вопросы безопасности, но и все стороны жизни страны, по-видимому, наиболее целесообразным решением

стало бы создание соответствующего подразделения в Администрации Президента РФ, например, группы стратегического планирования, состоящей из специалистов в различных областях, и осуществляющей координацию деятельности этого органа с аналитическими службами иных властных структур. Если же будет принято решение о внедрении стратегического планирования на высшем уровне только в области национальной безопасности, возможно, имеет смысл присмотреться к опыту США, где эта функция возложена непосредственно на Совет национальной безопасности. Такую работу могла бы осуществлять созданная специально для выполнения этой задачи межведомственная группа из высококвалифицированных и авторитетных специалистов, в том числе, возможно, и независимых экспертов.

Алгоритм функционирования описанного механизма в кратком изложении выглядел бы следующим образом:

- на основании развернутых на постоянной основе научных исследований и экспертных оценок осуществляется анализ интересов объектов обеспечения безопасности личности, общества и государства; конкретизация на данный момент жизненно важных интересов (с учетом неизбежного противоречия интересов объектов обеспечения безопасности — разных социальных групп, общественных организаций, государственных структур и т. д.);
- вырабатываются рекомендации по основным направлениям деятельности государства в интересах обеспечения безопасности во всех сферах жизнедеятельности;
- результаты исследований в сжатом виде излагаются и тем самым авторизуются в ежегодных посланиях Президента и регулярных посланиях по национальной безопасности (с периодичностью раз в 4 года) Президента Федеральному собранию; в последних излагается политика национальной безопасности на очередной президентский срок;
- в каждой сфере безопасности вырабатываются более детальные политики национальной безопасности (экономической, информационной, экологической и т. д.);
- разрабатываются долгосрочные и среднесрочные программы и планы, четко привязанные к целям и обеспечивающим ресурсам, или вносятся изменения в ранее принятые программы и планы. Необходимость внесения таких изменений очевидна: меняются внешние условия, финансовые возможности, внутривнутриполитическая обстановка. Предложения по корректировке планов и программ вырабатываются в ходе формирования федерального бюджета на очередной год.

Таким образом, оперативная цикличность всего процесса привязывается к ежегодному посланию Президента Федеральному собра-

нию, а концептуальная — к посланию по национальной безопасности Президента Федеральному собранию на предстоящие четыре года.

Значительная часть в организации всего алгоритма принадлежит межведомственным комиссиям. Именно через них должна осуществляться трансформация концептуальных положений в конкретные пункты программ и планов и выработка предложений по их коррективке.

Этот алгоритм закладывает фундамент эффективного государственного управления процессами обеспечения национальной безопасности, управления страной в целом на демократической и строго научной основе. Он позволяет использовать весь положительный как отечественный (в том числе и советский), так и зарубежный опыт государственного планирования и управления. Речь идет о программно-целевом планировании, которое в наибольшей степени применялось в СССР в сфере военного строительства, а затем было взято на вооружение странами Запада, в том числе США. Это сфера, за которую в полной мере несет ответственность государство, так как она — одна из наиболее затратных сфер, в которой и недостаток финансовых ресурсов, и их избыток опасны в равной степени. Избыточное финансирование угрожает экономической безопасности государства, а недостаточное — военной безопасности, суверенитету, государственной целостности. Именно в военной сфере США внедрили этот советский метод планирования. Россия же по непонятным причинам от него отказалась.

* * *

Принятие специального закона о порядке подготовки, принятия и выполнения решений в сфере международной деятельности назрело уже давно. Исторический опыт и России, и других стран показал: без соответствующего эффективного механизма при президенте не может быть и эффективной внешней политики. Страна, не имеющая такого механизма, обречена на то, чтобы постоянно проигрывать другим государствам. Поэтому всем участникам международной деятельности России следовало бы сегодня пожертвовать и личными амбициями, и узковедомственными соображениями для того, чтобы обеспечить принятие закона о таком механизме и тем самым сделать еще один крупный шаг в укреплении российской государственности.

После 11 сентября 2001 г. мы познакомились с понятием «спящие агенты исламистов». Речь идет о внешне добропорядочных гражданах мусульманского вероисповедания, которым невозможно предъявить обвинения в уголовных преступлениях, но которые одновременно являются членами террористических организаций и вовлечены в их широкую международную сеть.

В то время в Гамбурге была нейтрализована группа подобных «спящих» террористов, которую возглавлял египтянин Мохаммед Атта. Как известно, Атта управлял одним из самолетов, врезавшихся в здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Арест подозреваемых, в большинстве своем ничем не примечательных студентов преимущественно технических вузов¹ из арабского и исламского региона, во многом способствовал успеху одного популиста на выборах в сенат Гамбурга. Отличающийся либерализмом ганзейский город был потрясен осенью 2001 года, когда он внезапно оказался в центре международного полицейского расследования деятельности исламской террористической сети.

Известия о терактах в Мадриде застали врасплох некоторых наблюдателей, придерживавшихся, как и правительство премьер-министра Испании Хосе Марии Аснара, версии о причастности к терактам баскской террористической организации ЭТА². Но ведь Испания уже несколько лет считается плацдармом для развертывания исламистских группировок. Судья Верховного суда Бальтасар Гарсон до сих пор проводит расследование деятельности испанского филиала «Аль-Каиды». Уже последовали многочисленные аресты. Еще начиная с лета 2001 года была установлена слежка за марокканцем Джамалем Зугамом, но доказательств против него не хватало. Зугам оказался одним из организаторов терактов, совершенных 11 марта 2004 г. на мадридском вокзале «Аточа». В прошлом Бальтасар Гарсон уже вскрывал в

¹ Согласно социологическим исследованиям, проводимым в арабских странах (например, в Алжире и Египте), исламистов больше на факультетах естествознания, чем на факультетах гуманитарных наук. — Интервью с ливанским социологом Антуаном Мессарой (Antoine Messara) 20 ноября 2001 г. в Бейруте.

² Об этом заявил немецкий эксперт по терроризму Рольф Топхофен. — Kurier. 2004. 13 марта.

ходе своих расследований факт присутствия на испанской территории многочисленных связанных «Аль-Каиды». Как известно, летом 2001 года участники теракта 11 сентября проводили встречи в Испании.

В переводе с арабского «Аль-Каида» означает «база». Террористическая сеть исламистов, заставившая о себе говорить после серии террористических акций, начало которым было положено в конце 1990-х годов на Аравийском полуострове, по мнению многих наблюдателей, представляет собой рыхлый союз группировок, отчасти действующих весьма автономно на пространстве между Юго-Восточной Азией, США и Европой. Видимо, «Аль-Каида» не имеет ничего общего с организованной по иерархическому принципу структурой, во главе которой находятся Осам бен Ладен и его заместитель Абу Мусаб аль-Заркави. Или иначе это можно сформулировать так: список членов организации находится в базе данных по афганским учебным лагерям на жестком диске, принадлежащем саудовскому миллиардеру Осаме бен Ладену. При подготовке исламских боевиков, участвовавших в боевых действиях против советских оккупационных войск, он сотрудничал с США. В настоящее время притягательность «Аль-Каиды» имеет во многом символический характер. Благодаря войне в Ираке «Аль-Каида» смогла воссоздать свою организационную структуру. Как в Афганистане, откуда союзники выводят свои войска в Ирак, так и в зоне хаотических боевых действий в самом Ираке не прекращается приток волонтеров в учебные лагеря исламистов. Более того, новости с Ближнего Востока — будь то новости о Палестине или о проводившихся американскими или британскими военными попытках в иракских тюрьмах — лишь увеличивают их число. Способы и методы вербовки новых членов зависят от конкретных условий. Однако в настоящее время рекрутирование в среде иммигрантов в Великобритании, Франции и Испании нарастает с небывалой интенсивностью³.

Независимо от того, идет ли речь о плохо организованном Арабском легионе⁴ в начале иракской войны, в который вступили тысячи молодых людей из Европы и арабского мира, или о еженедельно возникающих террористических группировках, объявляющих священную исламскую войну, ситуацию с потоком добровольцев можно сравнить лишь с обстановкой в Советском Союзе и Испании в 1930-х годах. **Молодые коммунисты и социалисты со всей Европы отправлялись**

³ Исламистские террористы готовят в Ираке рекрутов для Европы. — Le Monde. 2004. 5 мая.

⁴ Арабский легион следует отнести не к террористической группе, а скорее к подразделению боевиков. Во время иракской войны военное командование Ирака отсылало назад тех арабских добровольцев, которые прибывали прежде всего из Иордании, Египта и Сирии, чтобы воевать на стороне Ирака.

в качестве добровольцев на фронт, чтобы бороться за идеи Коминтерна. Гражданская война в Испании оказала гигантское притягательное воздействие на молодых мужчин и женщин, посвятивших свою жизнь борьбе против Франко за победу социализма. Однако тогда ими двигала светская идеология. Религиозная доктрина, обещающая избавление от грехов и вечное блаженство, обладает существенно большей разрушительной силой, и это в условиях, когда преобладает мнение о том, что Запад ведет войну против арабского и исламского мира. Объектом пропаганды является молодежь, не имеющая у себя на родине ни политических, ни экономических перспектив, а таковая имеется во всех арабских и исламских государствах. Кроме того, в фокусе находятся молодые люди, испытывающие большие трудности с самоидентификацией, что характерно для многих мусульман в Европе. Воинствующая религиозная доктрина помогает некоторым молодым мусульманам решить эту проблему. Они связывают свою жизнь с делом, сопровождающимся насилием, потому что находят в этом ее смысл. Впрочем, это относится не только к исламу, хотя в настоящее время мы сталкиваемся именно с примерами политического ислама.

О драматизме положения свидетельствуют уже те теракты, которые соответствующим спецслужбам удалось предотвратить в марте и апреле 2004 года. 30 марта английская полиция арестовала двух граждан Великобритании пакистанского происхождения 17 и 32 лет. У них было изъято 500 кг нитрата аммония. Себя они называли «интернациональными солдатами священной войны». 30 апреля иорданский представитель подтвердил, что в последнюю минуту был предотвращен крупный теракт, который намеревались устроить исламисты. Список можно продолжать на выбор примерами из жизни Великобритании и других европейских стран. Возникает вопрос: или спецслужбы разных стран, осуществляющих тесную координацию между собой, действуют на высоком профессиональном уровне, или террористы проявляют дилетантизм. Возможно, причина в том, что в настоящее время террористические группы планируют особенно крупные операции и поэтому становятся уязвимыми и более доступными для их нейтрализации.

Существование ячеек исламистов в крупных европейских городах сомнению не подвергается. Выражение «спящие исламисты» точно характеризует существо дела, поскольку в странах проживания в своем большинстве они ведут совершенно нормальную — как на работе, так и в семье — жизнь, и даже самые ближайшие родственники ни о чем не подозревают. В Великобритании лица исламского вероисповедания — это в основном переселенцы во втором или третьем поколениях из Юго-Восточной Азии, британское подданство получили еще их предки. Контакты с исламистами происходят иногда случайно, иногда в

результате систематической работы по вербовке. Трудно построить типичную схему, поскольку в зависимости от специфических условий в каждой отдельно взятой стране это происходит по-разному. **Завербованные годами ведут двойную жизнь, готовясь совершить ту или иную акцию. Нет ничего нового в том, что кто-то, имея совершенно нормальную репутацию, на самом деле по идеологическим мотивам скрывается в глубоком подполье, чтобы в назначенный час добиться максимального успеха.** Шииты прибегают к тактике так называемой «таквии», т. е. симуляции. Внешне они ведут себя в духе конформизма, подчиняясь большинству, но в глубине души остаются приверженными «истинной вере», своей особой доктрине. Подобная установка объясняется особым положением шиитов, на протяжении столетий подвергавшихся массированным преследованиям со стороны своих суннитских единоверцев. История знает немало примеров разного рода синкретизма: это было и в Испании времен Реконксты, и на Балканах, находившихся под оккупацией Османской империи. Тем не менее целью «спящих исламистов» является не только сохранение своей веры в условиях проживания в неисламском обществе — конституции большинства стран и так предоставляют подобные гарантии. Скорее во главу угла ставится выполнение плана террористической операции.

После первого тяжелого пробуждения осенью 2001 года и под влиянием недавнего шока от мадридских событий внимание общественности вновь приковано к феномену «спящих» ячеек исламистов. Тем не менее к предотвращению терактов не готов никто. Только в Гамбурге действует десяток исламистов, готовых нанести удар⁵. И следовательно, и все мы как потенциальные жертвы хорошо понимаем крайнюю неудовлетворительность положения, когда во многих случаях исполнительная власть не в состоянии ничего предпринять против подозреваемых. По словам главы лондонской полиции Джона Стивенса, террористическая атака в Великобритании «неизбежна», и это остается лишь вопросом времени⁶. Французская полиция проводит широкомасштабные облавы в поисках причастных к террористическим актам. Все они — выходцы из стран Магриба, численность которых во Франции составляет 4,5 млн. человек. В Германии подразделениям по антитеррору хорошо известны имена большинства потенциальных исполнителей в исламской среде. Но с этими подразделениями может случиться то же, что и с их испанскими коллегами: будущие террористы взяты на учет, но не находятся под подозрением, как было с Зугамом, который считался симпатизирующим, но не исполнителем.

⁵ База «Аль-Каиды» в Германии. — Der Spiegel. 2004. 22 марта.

⁶ The Observer. 2004. 27 марта.

Перед органами власти правового государства стоит острый вопрос: как мероприятия по розыску и расследованию совместить с безопасностью и основными правами человека. Тем не менее в настоящей статье этот крайне сложный вопрос я бы хотела обойти стороной. Отмечу лишь, что в перспективе соблюдать баланс интересов будет все сложнее. Придется пройти «по лезвию ножа», что удастся только при наличии устоявшихся институтов и контролирующих органов правового государства, высокого профессионализма правоохранительных органов и проявления глубокого понимания проблематики. Благодаря апрельскому скандалу с пытками в Ираке, запечатленными в большом количестве на фото пленке, было наконец доказано, что американский персонал систематически и в широких масштабах допускал издевательства над заключенными багдадской тюрьмы «Абу Грейб». Он наглядно продемонстрировал, в какую пропасть может опуститься правовое государство, объявив войну терроризму. Критику сенаторов от демократической партии в адрес Министерства обороны США следует признать справедливой, поскольку военное руководство во главе с министром обороны Дональдом Рамсфельдом, последовательно игнорируя и нарушая права человека — начало было положено в лагерях в Гуантанамо, где возник международно-правовой вакуум, — подготовило почву для подобных злоупотреблений и истязаний⁷.

Далее я попытаюсь ответить на следующие вопросы:

1. Какая ситуация сложилась в некоторых отдельно взятых европейских государствах? Коротко я остановлюсь на положении в Испании, Франции, Великобритании, Германии и Австрии. Выводы излагаются в обобщенном виде.
2. Каковы цели и какова мотивация членов исламских террористических группировок и симпатизирующих им?
3. Какие реформы и новые структуры безопасности необходимы для европейских государств?

Я ни в коей мере не претендую на то, чтобы осветить проблему в полном объеме, тем более не собираюсь критиковать меры, принимаемые компетентными спецслужбами европейских государств. Я не компетентна в этих вопросах.

Смысл и цель настоящей статьи и последующей дискуссии в том, чтобы совместно обсудить проблему. Предварительно хотелось бы подчеркнуть, что ни одна страна, ни один город не застрахованы от террористической атаки. Страусиная политика под лозунгом: «Мы вам ничего не делаем, и вы нам ничего не делаете» — не подходит. Не следует также распространять панику и разжигать военные конфлик-

⁷ Washington Post. 2004. 3 мая.

ты в государствах Ближнего и Среднего Востока. В этом смысле иракская война была грубейшей ошибкой. К сожалению, правозащитники и политики, не только в США и Великобритании, но и в Австрии и Германии, в обоснование правомерности войны приводили сомнительные аргументы. Я называю это трагическим примером совершенно некритического заимствования чужого мнения, на основании которого затем подтасовываются факты. Достаточно вспомнить о мнимых контактах Саддама Хусейна с «Аль-Каидой» и пресловутом оружии массового уничтожения. Требуется критическая позиция и прежде всего самокритика, не надо следовать пословице: «С волками жить — по-волчьи выть».

Обратимся сначала к первому вопросу.

Какая ситуация сложилась в некоторых отдельно взятых европейских государствах?

Наиболее актуальным представляется **положение в Испании**. Уже утром 12 марта в интервью Австрийскому радио я заявила, что теракты в Мадриде совершили исламисты, а никакая не ЭТА. Версия о причастности ЭТА, как известно, окончательно рухнула 14 марта, в день проведения парламентских выборов в Испании. В центре расследования, проводимого испанскими властями, оказалась марокканская община⁸. Все предполагаемые исполнители являются выходцами из Северной Африки, прежде всего из Марокко и Туниса. Взрывчатку раздобыл горняк марокканского происхождения в северной провинции Астурии. Оказалось, что в качестве взрывчатого вещества была использована «Гома-2 ЭКО», хранение которой находится под особой охраной, а перевозка осуществляется под конвоем Гражданской гвардии. Хищение взрывчатки осуществлялось в течение длительного времени. Как такое стало возможно — предмет расследования.

Испанские власти явно недооценили информацию марокканской стороны относительно расследования террористического акта, совершенного в Касабланке 16 мая 2003 г. Ответственность за него взяла «Аль-Каида». Целями были и испанские организации, например Институт культуры. В ходе расследования следы привели в Испанию и во Францию, где в последние недели проводились облавы против круга лиц, подозреваемых в причастности к теракту в Касабланке. Недооценка этих многочисленных структур в Европе, связанных между собой в единую сеть, особенно в Испании и Франции, имела фатальные последствия.

⁸ В связи с этим у членов североафриканских общин в Испании стали возникать серьезные неприятности. Усилилась опасность выдвижения обвинений против всей общины. Но это еще больше подталкивает иммигрантов к самобытности. Они еще активнее ищут прибежища в вере.

Следует отметить, что в отличие от Алжира в Марокко исламская оппозиция никогда не вступала в открытую и насильственную конфронтацию с правительством. Хасан II и Мохаммед VI считают себя шерифами, потомками пророка. Поэтому в Марокко невозможно выступать против королевского дома, прибегая к религиозным аргументам, как это делают исламисты в Алжире и Тунисе, где у власти находятся светские репрессивные правительства. Сотни тысяч молодых марокканцев уже переселились в Испанию по политическим и прежде всего по экономическим причинам. Будучи мусульманами, в Испании они находятся на положении аутсайдеров. Это же относится к южноамериканцам, нередко проживающим в Испании на нелегальном положении. Но между ними и североафриканскими мусульманами имеется одно большое отличие: североафриканцы связывают свою самоидентификацию с верой.

Инциденты, имевшие место в августе 2000 года на андалусских апельсиновых плантациях, показывают, насколько сложнее положение у мусульманских иммигрантов, чем у южноамериканцев. Толчком к событиям послужило убийство, совершенное марокканцем. Оно стало поводом для многодневных выступлений против наемных рабочих из Северной Африки, в большинстве своем проживавших нелегально. В конечном итоге выступления вылились в самую настоящую травлю людей. После террористической атаки в Мадриде для всех проживающих в Испании марокканцев резко возрос риск оказаться под подозрением и из-за этого стать жертвами дискриминации. Логическим следствием станет то, что иммигранты с их (религиозной) самобытностью будут в большей степени подвержены риторике воинствующего ислама.

Еще одну крупную проблему в области испано-марокканских отношений представляют собой испанские анклав на территории Марокко — Сеута и Мелилья, где разница в уровне жизни между Северной Африкой и Испанией особенно ярко бросается в глаза. В связи с расследованиями терактов 11 марта в СМИ уже упоминался Танжер. Овеянный легендами город контрабандистов на границе между Африкой и Европой из-за своей массовой нищеты в трущобах превратился в центр движения «Ас-Салафия аль-Джихадия» «исламских воинов Марокко». Его члены участвовали в боевых действиях в Боснии и Герцеговине, Афганистане, Алжире и Чечне. Для них, как и для других воинствующих идеологов восстановления исламской империи, Испания является частью древних мусульманских земель. (Ниже я еще подробнее остановлюсь на этом.) **Воспоминание об аль-Андалусе, который лишь в 1492 году вновь стал католическим в ходе Реконкисты, для определенных кругов имеет большее значение, чем просто миф об ушедшей в прошлое великой державе.**

Помимо географического и исторического аспектов Испании следует обратить особое внимание на проницаемость границ, слабый контроль за выдачей разрешений на пребывание, из-за чего активность террористов и организованной преступности плохо поддаются отслеживанию. Печально известным примером бесхозяйственности является управление городом Марбелья. **Нельзя исключать, что в будущем Испания вновь окажется под прицелом исламских террористов.**

Взрывоопасная обстановка во Франции. Свои идеалы «гражданин» («citoyen») связывает с чисто светским характером государства. Но вот уже несколько десятилетий воинствующий ислам ставит под сомнение именно эту особую форму светского порядка. Ассимиляция иммигрантов, которым предстоит стать новыми французскими гражданами, должна пройти в максимально короткие сроки, что выходит далеко за рамки интеграции с признанием религиозной автономии.

Начиная с середины 1980-х годов во Франции проблемами ислама активно занимается французский социолог и политолог Жиль Кепель, имеющий много публикаций. В его книгах «Les banlieues de l'Islam» и «A L'Ouest d'Allah» подробно описывается эволюция взглядов 4,5 млн. мусульман во Франции. Так, например, в светской республике, которая проводит политику строгого отделения религии от государства, так называемое дело о платках длится уже почти 16 лет.

Осенью 2002 года по поручению консервативного правительства министр внутренних дел Николас Саркози выдвинул инициативу создания Национального совета мусульманской религии, легитимность которого после выборов в декабре 2002 многими мусульманами Франции подвергается сомнению. Правительство руководствовалось стремлением создать наконец институт, представляющий интересы исламских общин в отношениях с государством. Однако одобрив закон о запрете ношения (вызывающим образом) религиозных символов в государственных учебных заведениях, светская республика вступила в период тяжелой конфронтации с исламским миром. Протесты против Франции всколыхнули весь исламский мир. Некоторые воинствующие мусульмане фактически отождествили запрет ношения платков с терроризмом.

Призыв к учреждению частных школ для мусульман находит конкретное воплощение. Совершенно ясно, в какой степени это ослабит влияние государства на быстро растущие исламские общины.

Великобритания следует совершенно иному курсу, предусматривающему в соответствии с мультикультурными традициями британской империи высокую степень религиозной автономии. Но и эта модель дала осечку. О степени обособления и радикализации мусульманских

общин в Великобритании свидетельствует осуждение в 1989 году мусульманского автора индийского происхождения Салмана Рушди после публикации его произведения «Сатанинские стихи».

Английские власти уже давно лишились возможности влиять на образовательные учреждения, например на школы по изучению Корана. Кроме того, после 1966 года благодаря Мусульманскому образовательному фонду (Muslim educational trust) появились большие возможности для финансирования разностороннего образования с целью развития самобытности мусульман. Внутри различных сообществ, объединяющих преимущественно выходцев из азиатского региона, существуют радикальные кружки, построившие свое параллельное общество.

В **Германии** ислам также стал опорой для развития контркультуры в немецком обществе. В 2003 году численность людей, постоянно посещающих мечети, выросла на 176%. Германские власти взяли на учет около 270 моджахедов (бывших участников афганской войны). Проблема неофитов возникает и в связи с подозрительными лицами, которые, как предполагается, являются членами «Аль-Каиды».

Так же как и во **Франции**, федеральное правительство Германии прилагает усилия с целью институционализации представительства крупной мусульманской общины, насчитывающей почти 3 млн. человек главным образом турецкого происхождения. Происходит стремительный и совершенно бесконтрольный со стороны государства рост числа проповедников, молельных домов и учителей религии для частного преподавания. Какого правового и философского направления в исламе они придерживаются, какие учебники рекомендуют для изучения — все это остается полной загадкой для властей.

С почти десятилетним опозданием в Германии разгорелись дискуссии (например, о ношении платка в школе или на рабочем месте), которые Франция пережила в конце 1980-х годов. Во многих отношениях камнем преткновения для институционализации ислама в Германии является федеративное устройство страны. В принятом осенью 2003 года решении относительно ношения платков на рабочем месте конституционный суд не проявил смелость и призвал федеральные земли принять законодательные меры.

В то время как Великобритания и Франция придерживаются диаметрально противоположных моделей мультикультурной автономии и соответственно ассимиляции в интересах единства государства, в Германии доминируют расплывчатые формы. Усилия, предпринимаемые на всех уровнях — от федерации до общины, также не принесли большого успеха. Экстремисты, среди которых и саудовские ваххабиты, и египетские братья-мусульмане, ведут набор в

параллельном обществе среди тех мусульман, для которых интеграция — пустой звук.

Так же как и во Франции, в Германии обсуждается вопрос о том, является ли твердое «нет» Берлина и Парижа по поводу иракской войны гарантией от нападения, особенно в свете терактов в Мадриде. Вывод: скорее не является.

Австрия. Перед лицом тех институциональных проблем, с которыми столкнулись Германия и Франция, выстраивая свои отношения с крупными исламскими общинами, Австрия и в этом случае не забывает о древнем девизе дома Габсбургов: «*Tu felix Austria*» («Пусть другие воюют, а ты, счастливая Австрия, играй свадьбы»). После 40 лет военной оккупации Австро-Венгрия аннексировала в 1908 году бывшую провинцию Османской империи Боснию и Герцеговину. Незадолго до распада Дунайской монархии рейхстаг принял закон, который до сих пор служит правовой основой для организации исламской общины в Австрии. Мусульмане были признаны религиозной общиной в 1912 году. В настоящее время она является второй по численности (400 тыс. человек) в стране, опережая евангелистов (350 тыс.). Признанием пользуется суннитский ислам ханафитского толка.

Хотя благодаря этому создан существенный элемент управления, тем не менее государственный контроль за исламской общиной не обеспечен. Тот факт, что воинствующие мусульмане уже давно выбрали Австрию (как и Германию) в качестве места отдыха, объясняется существующими в стране возможностями для учебы, равно как и возможностями для отмывания денег, о чем свидетельствует история с анонимным банковским счетом, остававшимся открытым до 2001 года.

На фоне развернувшейся во Франции и Германии полемики вокруг ношения платка, Австрия, по мнению турецкой газеты «Хурриет», превратилась в европейский «центр» для исламских учащихся средних и высших учебных заведений⁹. Подробный комментарий газеты, в частности, посвятила Исламской гимназии Вены (*Viyana Islam Lisesi*).

По мнению обозревателя газеты «Хурриет» Яльчина Догана (*Yalchin Dogan*), в связи с тем что во многих странах ЕС установлен строгий контроль за исламскими объединениями и проходят дебаты по поводу ношения платка, «политический ислам» избрал Австрию в качестве основного плацдарма.

Так, Исламская гимназия Вены, получившая официальную лицензию, в Европе является единственной в своем роде. Именно поэтому в венских учебных заведениях учатся дочери многих турецких поли-

⁹ Хурриет. 2004. 23 мая.

тиков и видных деятелей религиозно-консервативного толка. Существенной причиной популярности Вены в качестве места учебы являются существующие в Турции ограничения на исламские школы.

Выпускники религиозных школ «Имама Хатиба» в Турции, которые первоначально занимались подготовкой исламских теологов, до сих пор должны были сдавать дополнительные экзамены, чтобы быть допущенными к учебе в государственном университете. В Турции носить платки в университете запрещено. По-другому дело обстоит в Австрии, где конституция гарантирует студенткам свободное отправление религиозных обрядов. Объединения типа WONDER («Союз поддержки международных студентов и студенческой активности») организуют пребывание в Вене набожных студентов, которых финансируют исламские коммерсанты.

В целом подытоживая все сказанное выше относительно указанных стран, можно сделать следующие выводы.

1. Вера становится эрзацем родины. В работах по изучению миграции доказывается, что мигранты — по понятным практическим соображениям — сначала отказываются от родного языка, который уже не знают последующие поколения (такое положение сложилось с классическим арабским), в предпоследнюю очередь забывают собственную кухню — по меньшей мере одно поколение готовит пищу по рецептам, принятым на родине. И лишь в последнюю очередь забывают веру — сердцевину всей культуры. Но когда люди отказываются от веры, нередко они вновь пытаются к ней вернуться. Однако из-за слабых знаний самопровозглашенных проповедников вера может трансформироваться в воинствующую доктрину, которая с первоначальным вероучением уже не имеет ничего общего.

2. Вопрос о самоидентификации возникает в диаспоре у второго и третьего поколений. Это относится к потомкам иммигрантов, которые «сумели это сделать» (т. е. переехать), и к тем семьям, которые по каким бы то ни было причинам находятся на задворках общества. Каждому молодому человеку свойствен поиск смысла жизни. Во всех мусульманских общинах Европы отмечаются процессы, заключающиеся в том, что переход молодежи к воинствующему исламу скорее вызван психологическими причинами, чем конкретными экономическими условиями. Если внуки требуют от своих бабушек ношения платка в качестве доказательства соблюдения исламских обрядов (как в иммигрантских семьях из Алжира во Франции), то речь идет о глубоком внутриисламском конфликте, который вызван вовсе не крахом интеграционных моделей.

3. В любой диаспоре, не только в мусульманской (это относится и к армянской, и к еврейской), политическая дискуссия нередко принимает

более крайние формы, чем это имеет место в соответствующих родных странах. Например, на Ближнем Востоке в таких странах, как Ливан, Сирия и до американского вторжения Ирак, также существовал немалый потенциал для конфликтов в связи с другим образом жизни. Ведь диаспора не обязана заниматься проблемами повседневности и общественного развития своей этнической родины. Именно в мусульманской диаспоре преобладает убеждение, что в либеральной среде исламские нормы должны выполняться особенно досконально, что не позволит отойти от вероучения. Дети из семей, в которых мусульманские обычаи соблюдаются особенно строго, в ходе социологических опросов заявляют, что в Турции родители не были бы таких строгих правил, как в европейских гетто.¹⁰

4. Перед политическими кругами, законодательной, исполнительной и судебной властями в равной степени стоит серьезная проблема выбора между безопасностью и гражданскими правами. Везде возникает один и тот же вопрос: насколько либеральным и насколько жестким должно быть государство? К сожалению, во многих государствах, прежде всего в Великобритании, отмечается тенденция, заключающаяся в том, что иммигранты не придерживаются принятых в стране проживания политических правил и злоупотребляют возможностями открытого общества.

Идеологическая подоплека исламистских акций

Предварительно необходимо отметить следующее: понятие «нация», получившее развитие в Европе после заключения Вестфальского мира 1648 года, не поддается переводу на арабский язык и соответственно не может быть перенесено на исламскую почву. Вместо этого понятия в арабском употребляются два выражения. Ватан (в переводе — *родина, отечество*) означает географически очерченный регион. Например, Ливан называется «ватан лубнани». Помимо этого, каждый араб и мусульманин является частью большой общины: во-первых, «умма арабийя» — арабской общины, во-вторых, «умма исламийя» — мусульманской общины. Решающее значение имеют не территориальные отношения, а социальные связи. Членом мусульманской уммы (слово «умма» означает мать) может быть любой мусульманин независимо от его этнического происхождения или гражданства.

Почему в последнее время мусульманские террористы взяли под прицел Испанию (11 марта 2004 г.) и Турцию (22 ноября 2003 г.)? Некоторые вещи можно объяснить политикой правительств. Так, пре-

¹⁰ Штерн. 2004. 29 марта.

мьер-министр Испании вопреки воле народа проводил курс на поддержку США в иракской войне. Анкара имеет тесные союзнические отношения с Израилем, хотя большинство населения против. Надо помнить и об истории, не ограничивающейся одним двадцатым веком. А для идеологов исламских группировок, сплотившихся — возможно, скорее символически, чем организационно — вокруг Осамы бен Ладена, значение имеют уходящие корнями в историю территориальные притязания. В исторической памяти мусульман Андалусия остается частью исламских земель.

Когда-то Кордова в Андалусии была центром весьма самостоятельного халифата, т. е. резиденцией духовного «главы правоверных». С начала возвышения династии и до 1922 года столица халифата османских султанов находилась в Стамбуле. С точки зрения мусульман оба государства рухнули из-за падения религиозных нравов. Реконкиста, т. е. отвоевание у арабов Пиренейского полуострова католическими королями, стала возможной благодаря тому, что католики относились к своей религии серьезнее, чем «изнеженные» властители Гранады. Об этом написано во многих исламских учебниках по истории. То, что считается расцветом мусульмано-еврейской культуры, для ортодоксально настроенного мусульманина, независимо от того, жил ли он в XV веке или живет в настоящее время, является эпохой заката. Стамбульский халифат лишился своих исламских владений из-за высокой задолженности перед европейскими банками и технической отсталости страны.

Необходимо было избавиться от этих недостатков: выйти на передовые позиции в результате научных исследований, как это сделали пакистанские физики-ядерщики, создавшие «исламскую атомную бомбу», укрепнуть в финансовом отношении за счет щедрой помощи из Саудовской Аравии. Как известно, оба государства являются тесными союзниками США.

Однако если возникнет желание понять территориальные притязания экстремистски настроенных исламистов, то старые карты исламской империи с европейскими владениями, достигавшими юга Франции и охватывавшими Сицилию, не помогут. Ведь исламская община — умма исламийя — не знает территориальных границ. Дом мира, по-арабски «дар ал ислам», необходимо расширять за счет неумиротворенных территорий неверных, в том числе, очевидно, по мнению сегодняшних экстремистов, и **путем терроризма.**

Французский эксперт по исламу Жиль Кепель считает современный терроризм последним всплеском нигилистов, поскольку исламские модели, будь то в Иране или в Алжире, оказались неэффективными. Тем не менее складывающаяся в настоящее время обстановка в

мире говорит скорее о неотвратимом возобновлении конфронтации на религиозной основе, чем об отдельных акциях мусульман-одиночек, не имеющих будущего и поклоняющихся культу смерти. Решающую роль играет символическое значение палестинского конфликта, вызывающего живой отклик у мусульман от Лондона до Джакарты. Объявление войны терроризму, т. е. противнику, у которого нет своей территории, не помогает решить проблему, а лишь порождает новых террористов. Афганистан и Ирак, в связи с проводящимися там с 2001 года военными операциями, стали магнитом для воинов аллаха всех мастей. Уже давно территориальные категории не играют роли в международных отношениях. У восточных культур куда более длинная история, чем у Брюсселя или Вашингтона.

Международные террористы вовсе не привержены средневековым стереотипам мышления, хотя их различные послания и способны это внушить. В их усилиях по созданию организационной структуры есть логика, они прибегают к оптимальным средствам и прежде всего используют самые первоклассные связи. Действия этих людей, ностальгирующих по ушедшим великим эпохам исламского господства, вовсе не отличаются иррациональностью. Нет, исламисты искусно владеют «реальной политикой», о чем свидетельствует их попытка повлиять на европейскую политику путем совершения теракта незадолго до парламентских выборов в Испании или оказать давление на Францию, чтобы изменить законодательство (как в случае с запретом на ношение платков в государственных учебных заведениях).

Немецкий политолог профессор Херфрид Мюнклер охарактеризовал террористическую атаку 11 сентября как «законченную форму идеи партизанской войны». На взгляд египетского политолога Хебы Рауф Эззат (Heba Raouf Ezzat), теракты показали, как «отдельные личности могут успешно бороться с империей».

В отличие от терроризма прошлых лет, когда по политическим мотивам люди устанавливали для себя черту, за которую нельзя было переступать, по оценке Мюнклера и других экспертов, террористы XXI века руководствуются военными принципами. Как известно, возможности предотвращения подобных терактов ограничены. Желание поставить под систематический контроль общественную жизнь в мегаполисах быстро приведет к остановке деловой и экономической активности. В отличие от своих американских коллег европейские эксперты спорят по следующему вопросу: можно ли бороться с этим новым измерением террора военными средствами или же такую проблему транснациональной преступности, как теракты в Мадриде 11 марта, следует решать на уровне исполнительной власти путем укрепления сотрудничества между спецслужбами?

Асимметричные военные действия, сторонником которых являет-

ся Израиль, не приносят успеха. Убийство лидеров «Хамас», защитные стены, бомбардировки жилых кварталов ежедневно порождают лишь новых противников, и не важно, к кому они себя причисляют — к борцам сопротивления или террористам. Год назад главы арабских государств предупреждали, что в результате войны в Ираке появятся сотни новых «бен Ладенов». Как показывают теракты в Мадриде, все идет к тому, что объявившие войну террористам, не имеющим своей территории, терпят унижительное поражение. В настоящее время существует острая необходимость урегулировать все те конфликты, которые имеют большое символическое значение для будущих участников террора. Среди них в первую очередь следует выделить Палестину и Чечню.

Центральный вопрос: как бороться с проповедуемой исламистами идеей насилия в сознании людей?

Как уже было отмечено, сегодня «Аль-Каида» — это скорее движение, чем организация. Круг сторонников носит весьма разнородный характер. Особую озабоченность вызывают молодые люди из буржуазного сословия, которые хотят обратиться к религии отцов. Не меньшую тревогу вызывают неофиты, которые, как правило, придерживаются крайне ортодоксальных и экстремистских взглядов. О них мало известно. Но спецслужбы Великобритании, Франции и Германии хорошо знают, что потенциально они представляют большую опасность. Среди возможных членов террористических сетей особое внимание уделяется скорее неприметным, чем выделяющимся личностям. Мелкие преступники и желающие получить убежище подозрений не вызывают.

Среди иммигрантов доминирует ненависть к обществу, их принявшему: в их понимании Запад отличается декадентским материализмом, не имеет ни обычаев, ни ценностей. Западу они противопоставляют концепцию высоконравственного ислама, у которого есть ответы на все вопросы современности. Во время симпозиума «Исламский мир и Европа», проводившегося в феврале 2004 года по инициативе бейрутского Консультативного центра исследований и документации — Consultative Center for Studies and Documentation (научно-исследовательский центр, поддерживающий тесные связи с «Хезболлой»), я сама могла убедиться в том, насколько сильны подобные настроения, особенно в диаспоре. Мне стало ясно, что представители диаспоры придерживаются значительно более экстремистских взглядов, чем представители соответствующих государств.

Еще одной существенной проблемой для мусульман Европы является плохая подготовка мусульманских священнослужителей, выступающих проводниками поверхностных знаний и воинственности и

превращающихся в опасных пропагандистов. Так, член Национального совета мусульманской религии, муфтий Марселя Сохейб Бен-шейх потребовал улучшения подготовки священнослужителей для мусульманских общин Франции. Уже их степень владения арабским оставляет желать лучшего. Кроме того, им не хватает основательной теологической подготовки и педагогических знаний. Возникают острые вопросы. Кто оплачивает школы по изучению Корана? Какая степень государственного контроля еще возможна?

К сожалению, во времена постоянного размывания полномочий государственных органов у государства, стремящегося к сокращению госаппарата, остается все меньше важных рычагов контроля.

Одновременно следует подчеркнуть, что зачастую речь идет о проблемах психологического характера, которые, видимо, невозможно решить мерами государственного воздействия, которые нередко приводят в замешательство ближайших родственников.

Тиражирование микрореформ и предложений о сотрудничестве

На государственном и общеевропейском уровнях обсуждается необходимость проведения некоторых реформ. На повестке дня внесение изменений в конституцию, реорганизация спецслужб с целью повышения централизации. Для таких федеративных государств как Германия задача почти невыполнима. Ведь путем укрепления взаимодействия полиции и спецслужб ставится амбициозная цель создания своего рода органа исполнительной власти со сверхполномочиями, что не является бесспорным с точки зрения конституционного права. Поэтому пересмотру подлежит существовавшая ранее практика четкого обособления спецслужб от полиции. Имеется в виду прежде всего обмен информацией.

Оппозиционный блок партий ХДС/ХСС выступает за то, чтобы внутри страны бундесвер «взял на себя полицейские функции». В Берлине царит приподнятое настроение. Тем не менее после кратковременного периода оживления политики деклараций вновь может наступить период беспомощности и затишья. Когда читаешь актуальные сообщения в контексте событий 11 марта, сразу вспоминаешь решительные и разнообразные заявления, сделанные после событий 11 сентября три года тому назад. Во многих государствах власти ограничились ничего не значащими микрореформами. Бдительность политиков и экспертов в области безопасности пробуждается только после сообщений о счастливом предотвращении теракта (например, о срыве плана нападения на рождественскую ярмарку в Страсбурге в декабре 2002 года).

На европейском уровне складывается аналогичное положение. 24 марта 2004 г. министры внутренних дел ЕС единодушно высказались в пользу «расширения сотрудничества и обмена информацией». Совет ЕС увеличил список лиц, финансирующих террористические организации. Тем не менее, по существу, европейская кооперация топчется на месте. Не сталкиваемся ли мы опять с давно известными требованиями? Недостатки европейской интеграции в области безопасности остаются неизменными. В первые часы после терактов 11 марта стало понятно, насколько плохо обстоит дело в этой сфере. Видимо, под давлением аппарата премьер-министра Хосе Марии Аснара испанские власти преднамеренно предоставили своим европейским коллегам дезинформацию по поводу взрывчатки, чтобы доказать причастность к терактам баскской организации ЭТА. Этот факт хорошо характеризует гротескную ситуацию на «рынке информации».

16 апреля 2004 г. по инициативе министра внутренних дел Австрии Эрнста Штрассера ЕС в очередной раз заявил о необходимости укреплять сотрудничество и с этой целью провести саммит по вопросам безопасности. Штрассер высказался за создание общеевропейской разведслужбы. Новизной это требование не отличается. Но по известным причинам и эту инициативу скорее всего постигнет неудача. Слишком много рвения проявляют разведслужбы в отношении собственных баз данных, полученных в результате расследований. Кроме того, европейские партнеры критикуют Вену за то, что она не проявляет достаточного интереса к проблеме исламистов.

Проникновение в исламистские круги

Если в 1980-е годы было относительно легко вербовать осведомителей и проникать в ряды право- и левоэкстремистских группировок, то ситуация с исламистами и широким спектром их разнообразных течений выглядит иначе. За исключением Франции и Великобритании, ни одно из европейских правительств не располагает ни базой данных, ни контактами, ни соответствующим образом подготовленными людьми, чтобы противостоять опасности. Наоборот, власти нередко закрывают глаза, чтобы избежать открытой конфронтации с вооруженными группами. Это в первую очередь касается Австрии и Швейцарии¹¹. В обоих случаях возникает проблема многочисленного дипкорпуса в связи с тем, что в Вене и Женеве находятся отделения

¹¹ Критика со стороны представителей спецслужб Франции и Германии. — Ряд интервью. Париж. 30 апр. 2004 г.

ООН. Большим препятствием при расследованиях становится Венская конвенция о дипломатических сношениях.

До сих пор чувство подспудной тревоги смягчалось надеждой на лучшее. Еще в 2002 году германское Федеральное управление уголовной полиции высказывало предположение, что Германия используется в качестве места отдыха или подготовки. Заявления талибов по поводу участия ФРГ в операциях по умиротворению Афганистана говорят о том, что ситуация изменилась¹².

В контексте терактов в Турции, в том числе тех, которые удалось избежать (например, планировавшийся теракт в связи с проведением 28–29 июня 2004 г. саммита НАТО), турецкая община в Германии неизбежно предстает в ином свете. Ни политические круги, ни исполнительная власть этим вопросом еще всерьез ни занимались.

Скрытое проникновение в потенциальный круг террористов требует больших инвестиций, а также акробатических номеров в области политики безопасности. Необходимо отнестись со всей серьезностью к подбору надежных сотрудников и информаторов и поддержанию их высокого настроения на работу. Хорошими познаниями в области языка обладают немногие. Однако если разведслужба имеет в чужих рядах свои глаза и уши, то по понятным причинам она не хочет делиться с таким трудом добытой информацией с другими организациями, которые не брали на себя соответствующие риски и расходы. Как раз в этой сфере действует старый «принцип взаимности».

Требуется политические решения

Независимо от решения исполнительной властью вопросов технического характера уже давно требуются политические меры. Конфликты в средиземноморском бассейне и на Кавказе нуждаются в серьезном урегулировании. Европа, ставшая клубом 25 государств, должна высказаться за более смелую политику, должна извлечь урок из фиаско Барселонского процесса, призванного развивать партнерские отношения со средиземноморскими государствами. Важный вывод заключается в том, что либерализация любой ценой приводит к ослаблению государственных структур и утрате легитимности государства. Возникает вакуум, который таит в себе опасность с точки зрения политики в области безопасности. Гражданское общество, которое формируется в репрессивных светских государствах исламского региона, неминуемо будет ориентировано на исламские ценности. ЕС проводит рискованную стратегию по стабилизации южной и восточ-

¹² Теперь немцы считаются врагами. Беседа с полевыми командирами талибов. — Die Welt. 2004. 31 марта.

ной частей Средиземного моря¹³. Активное гражданское общество может привести и к тоталитаризму. Вовлечение исламистов в управление государством способствовало бы укреплению стабильности. Но влиятельные европейские правительства воспрепятствовали этому в Алжире и Египте в начале 1990-х годов.

Нельзя недооценивать символическую роль и значение палестинского конфликта. Один только он способен привести к мобилизации нескольких тысяч молодых людей из 12 млн. мусульман, проживающих в Европе. Однако европейская дипломатия не располагает какими-либо наработками, касающимися всеобъемлющего урегулирования израильско-палестинского конфликта.

Ответственным лицам в ЕС необходимо расстаться с наивным представлением, будто с помощью применения силы можно выиграть асимметричные войны против терроризма во всех его проявлениях. Израиль и США ежедневно демонстрируют такой подход и добиваются плачевных результатов.

¹³ Christopher Daase, Susanne Feske, Ingo Peters (Hrsg.) Internationale Risikopolitik – Der Umgang mit neuen Gefahren in internationalen Beziehungen (Baden-Baden 2002), Beitrag von Jorg Wolf, Staatszerfall: Die riskante Stabilisierungsstrategie der Europäischen Union für den südlichen Mittelmeer Raum. S. 257 ff.

Иран после парламентских выборов

За четверть века, прошедших со времени Исламской революции в Иране 1979 года, броские революционные лозунги первых лет постепенно сходят на нет, а радикальные преобразования страны, в основе которых лежали религиозные догмы, сменяются эволюционными процессами, направленными на укрепление государства, развитие его экономики и социальной сферы. И хотя до сих пор во внутренней и (в меньшей степени) внешней политике страны преобладает идеология, а тезис об «особом исламском пути развития» еще в ходу, прагматический курс все чаще берет верх, страна выходит из периода послереволюционных возмущений. Иран все увереннее вписывается в новые реалии глобализирующегося мира и целенаправленно стремится занять одно из лидирующих мест в регионе Ближнего и Среднего Востока. И, надо признать, основания для этого у него есть.

Но не слишком ли оптимистично такое утверждение, если учесть пока еще довольно сложное положение страны на международной арене, известные слабости экономики и социальной сферы и непростую внутривластную ситуацию, которая осложняется растущим соперничеством двух внутривластных течений — консервативного и реформаторского?

Это соперничество особенно остро проявилось в парламентской избирательной кампании 2004 года, что дало основание некоторым наблюдателям говорить о внутреннем расколе и политическом кризисе в стране.

Результаты выборов в меджлис 20 февраля 2004 г., на которых консервативное крыло иранского политического спектра одержало убедительную победу, положив конец четырехлетнему доминированию в законодательном органе страны реформаторов, казалось бы, говорят о том, что страна поворачивает вправо. Этого мнения придерживаются многие зарубежные обозреватели. Действительно, по сравнению с прошлым составом, в котором реформаторы имели около 70% голо-

* Окончание статьи. Начало — см. «Вестник аналитики» № 1(15), 2004 г.

сов, ситуация поменялась на противоположную — теперь уже свыше 70% голосов в меджлисе контролируют консерваторы.

Госдепартамент США, выражая разочарование Вашингтона результатами парламентских выборов в Иране, назвал их «не соответствующими мировым стандартам». Аналогичное заявление сделал и Совет министров иностранных дел ЕС. Резкие оценки прошедшим в Иране парламентским выборам, как и в целом ситуации с соблюдением прав человека, были даны в ежегодном докладе госдепартамента США «Поддержка прав человека и демократии (2003–2004)», опубликованном 17 мая 2004 г. Эти оценки были вызваны тем, что накануне выборов Совет опекунов запретил участвовать в выборах многим кандидатам реформаторского крыла, в том числе действующим депутатам. Консервативным руководством страны был также принят ряд других мер, приводящих к ограничению свободы слова — может быть, не столь уж значительных самих по себе, но, безусловно, способствующих усилению страха в реформаторских кругах и в целом в интеллектуальной среде страны, усилению самоцензуры в СМИ под угрозой ожидаемых репрессий и т. п. Все это дало повод говорить об усилении реваншистской деятельности консерваторов. И доля истины в этом есть.

И все же результаты февральских парламентских выборов в Иране вряд ли следует оценивать столь прямолинейно. Прежде всего надо признать, что формально выборы прошли в основном в соответствии с Конституцией страны и действующими законами. Хотя, правда, некоторые представители реформаторов обвинили «ряд диктаторов» в предвзятой интерпретации Конституции страны, что «нанесло смертельный удар вере общества в Конституцию». В частности, ушедший в отставку заместитель председателя меджлиса ИРИ Бехзад Набави считает, что вмешательство Совета опекунов в политические процессы под предлогом защиты революции — грубое нарушение Конституции ИРИ, так как этот орган, судебная власть и вооруженные силы страны должны оставаться нейтральными.

Но поражение реформаторов вызвано не столько действиями радикальных правящих в стране сил, сколько иными, более глубокими причинами. Это признают и представители проигравшей стороны. Показательно, например, что явка избирателей на выборах составила, по данным министерства внутренних дел Ирана, чуть более 50% — самый низкий показатель со времени революции 1979 года¹.

¹ Консервативный Совет стражей Исламской революции обвинил МВД в преднамеренном занижении этого показателя. По его данным, явка избирателей составила около 60%.

Победа консерваторов стала возможной потому, что реформаторы так и не оправдали ожиданий населения, касающихся повышения уровня жизни, улучшения социального климата и социальной инфраструктуры (трагедия разрушенного землетрясением Бама в конце 2003 года показала всю ее слабость), развития гражданских прав и свобод. Т. е. надо говорить не столько о победе консерваторов на выборах, сколько о поражении реформаторов (скорее всего, временном), с одной стороны, и явном стремлении иранского общества к назревшим переменам — с другой.

К тому же и разница между консерваторами и реформаторами не столь уж большая. Реформаторы отнюдь не настаивают на замене сложившейся в Иране формы правления, а лишь говорят о ее частичной модернизации. «Мы выступаем против религиозного правления, но не против религиозной системы... Мы верим в политическую систему, способную управлять исламским обществом Ирана, учитывать религиозные чаяния народа», — отметил Реза Хатами, лидер крупнейшей реформаторской партии «Фронт участия исламского Ирана», брат президента-реформатора М. Хатами.

Поэтому говорить о состоявшемся кризисе власти пока не приходится. Необходимость политических и тем более экономических реформ, секуляризации (хотя бы частичной), без чего невозможно обеспечить экономический рост, осознают представители той и другой группы. Тем более что сложившийся в Иране своеобразный политический режим, сочетающий теократическую и республиканскую формы правления и основанный на примате исламского права, за прошедшую четверть века показал свою недостаточную эффективность и приспособленность к реалиям современного мира, к процессам глобализации. Режим эволюционирует, но довольно медленно, и не успевает за динамично развивающимися глобальными процессами в политике, экономике, информатизации. Бюрократизация режима, его инерционность существенно тормозят реформы. А с другой стороны, сами консерваторы вынуждены считаться с настроениями общества, и в их среде все больший вес приобретают прагматики. Не исключено, что именно под их влиянием назревающие преобразования пойдут более быстрыми темпами, так как реальная власть находится в руках консервативного крыла правящего в стране исламского духовенства.

Все это позволяет смотреть на будущее с известной долей оптимизма, хотя, конечно, обстановка в стране и вокруг нее такова, что исключать иное развитие событий никак нельзя. Но важно, что Иран обладает неплохими и внутренними ресурсами, и внешнеполитическим потенциалом для того, чтобы занять достойное место в мировом сообществе и одно из ведущих мест в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Война в Ираке и ее влияние на ситуацию в Иране и вокруг него

Накануне войны Тегеран, как и большинство членов мирового сообщества, выступал за мирное разрешение кризиса вокруг Ирака, высказывался против военной акции. Но в преддверии войны президент Хатами занял подчеркнуто нейтральную позицию, заявив, что его страна не примет сторону ни Ирака, ни США. Заявление вызвало в стране довольно резкую реакцию, даже представители реформаторского крыла разделились по этому вопросу на два лагеря. Тем не менее понять сложности, которые стояли перед президентом Ирана, можно. Да и другого выбора у него, по существу, не было. С одной стороны, войну вел главный противник Ирана — Соединенные Штаты, причем вел ее против соседней мусульманской страны, в опасной близости от границ Ирана. Но, с другой стороны, война была направлена против давнего врага Ирана — режима Саддама Хусейна, с которым Иран вел кровопролитную войну в 1980-1988 годах (развязанную, как считают в Тегеране, не без помощи США, поддерживавших в те годы Багдад).

Но как аккуратно подкорректировал позицию своего президента посол Ирана в Российской Федерации Голямреза Шафеи, «в иракском вопросе Иран нейтрален, но не безразличен». И это понятно. Победа антисаддамовской коалиции самым серьезным образом затрагивает Иран. Есть в ней позитивные для Тегерана стороны. Как-никак, США устранили в регионе, после талибов, уже второй недружественный Тегерану режим — иракский. Но все же негативных последствий больше.

Как известно, после террористического акта 11 сентября 2001 г. Соединенные Штаты заподозрили в его организации прежде всего те террористические группировки, которые, по их оценкам, связаны с Ираном. Однако проведенное расследование убедило американцев, что основным организатором теракта является базирующаяся в Афганистане «Аль-Каида», возглавляемая Усамой бен Ладеном. По ней и поддерживающему ее режиму талибов и был нанесен первый удар. Второй был нанесен по Ираку, хотя, по оценке самих американцев, режим Саддама Хусейна был в значительно меньшей степени замешан в поддержке международных террористических организаций по сравнению с Ираном. К тому же Тегеран намного дальше Багдада продвинулся по пути создания ОМУ.

Думается, в выборе второй — после Афганистана — цели своих превентивных антитеррористических действий США руководствовались не только своими геополитическими и военно-стратегическими интересами в регионе, но и учитывали особое положение

Ирана. Во-первых, Иран намного более серьезный противник, чем Ирак, — по состоянию своих вооруженных сил и их технической оснащенности, особенностям театра военных действий, военно-промышленному потенциалу. Во-вторых, Иран пользуется значительно большей поддержкой и авторитетом в исламском мире, да и его межгосударственные связи намного более обширны, чем у бывшего режима Хусейна. В-третьих, Иран является одним из основных поставщиков нефти на мировые рынки. (Объем его квоты, установленной ОПЕК, уступает только Саудовской Аравии.) Военные действия против этой страны могли бы серьезно нарушить поставки нефти на мировые рынки и на долгое время дестабилизировать мировую экономику. И, наконец, в-четвертых, выбрав в качестве цели очередной военной акции более слабое звено — Ирак и в короткие сроки успешно завершив операцию против него, США заняли исключительно выгодное стратегическое положение, в том числе для силового давления на Иран, а при необходимости — и на случай военных действий против этой страны. К этому надо добавить, что после войны в Ираке США фактически окружили Иран: помимо значительной группировки в соседних Ираке и Афганистане, они обосновались в ряде стран Центральной Азии и Южного Кавказа. В известном смысле войну в Ираке можно было рассматривать как подготовительную фазу возможных военных действий против Ирана. И надо отметить, что вероятность развязывания силовых действий против Ирана весной 2003 года после быстрой и фактически бескровной победы США в Ираке была довольно высокой.

Разумеется, последствия войны в Ираке сказались не только на достижении Соединенными Штатами серьезных военно-стратегических преимуществ на случай военных действий против Ирана или угрозы военной силой. США получили хорошие возможности оказывать давление на иранский режим, не прибегая к непосредственному применению военной силы.

Кроме того, весьма выгодное геополитическое положение в самом центре евразийского пространства, которое они заняли в результате войны, позволяет США активно влиять не только на Иран и другие близлежащие страны Ближнего Востока, но и в целом на весь континент.

Если бы Соединенным Штатам удалось, как обещал президент Буш, создать в Ираке демократический режим, укрепить стабильность, а главное — улучшить условия жизни народа, то одно это явилось бы мощным стимулом для ускорения процессов преобразования в Иране, проведения в стране либеральных реформ и, скорее всего, перехода к светской форме государственного устройства.

Последствия войны в Ираке будут сказываться для Тегерана и в экономической области, прежде всего в нефтедобыче — жизненно важной для страны отрасли, а также в трубопроводной стратегии. Если США в конце концов удастся обеспечить условия для резкого увеличения добычи нефти в Ираке и поставок ее на мировые рынки, то это снизит уровень нефтедоходов Ирана, на которых держится экономика страны, и в конечном счете может вынудить Иран занять более лояльные позиции по отношению к США и их главному союзнику в регионе Израилью.

Но в складывающейся сегодня ситуации США, объективно усилив Иран своими кампаниями в Афганистане и Ираке (причем война в Ираке не только покончила с иранским врагом Хусейном, но и способствовала усилению позиций консервативного крыла иранского истеблишмента, настроенного антиамерикански), опасаются его негативного воздействия. Влияние Тегерана на шиитов Ирака, составляющих большинство населения страны, бесспорно. После свержения режима Хусейна активно устанавливаются связи между Багдадом и Тегераном в экономической сфере (что, впрочем, не вызывает особой аллергии у оккупационных властей). Так, в январе 2004 года министерства энергетики Ирака и Ирана подписали меморандум, предусматривающий поставки электроэнергии из Ирана в приграничные районы Ирака в обмен на иракский природный газ. Достигнута договоренность о строительстве железной дороги, связывающей столицы Ирана и Ирака. Очень активно иранская сторона работает в нефтегазовой сфере, пытаясь внедриться в эту перспективную отрасль иракской экономики и наряду с прочим по возможности сгладить негативные для Ирана последствия полномасштабного восстановления этой отрасли экономики Ирака.

Безусловно, шиитская проблема — самая главная в складывающихся взаимоотношениях в пределах треугольника «оккупационные власти — Ирак — Иран». В Вашингтоне опасаются: как бы в результате демократических выборов не получить в Ираке второй Иран. США пытаются ввести шиитов Ирака в выстраиваемую ими схему политического урегулирования и даже сделать их одной из несущих конструкций будущего демократического Ирака. Тегеран, естественно, вынашивает собственные планы в отношении близкой им шиитской общины Ирака.

Однако сложность для обеих сторон заключается в том, что сама шиитская община Ирака далеко не однородна. Как заметил один американский журналист, сейчас в Ираке «у каждого аятоллы — собственная еженедельная газета, группа сторонников и недвижимое имущество». Сегодня в Ираке обозначилось соперничество, по крайней мере, между тремя религиозными деятелями.

Один из них — лидер Высшего совета исламской революции в Ираке (ВСИРИ) верховный аятолла **Абдель-Азиз Бадр аль-Хаким** (брат убитого 29 августа 2003 г. Мухаммеда Бадра аль-Хакима). Еще недавно организация ВСИРИ, активно поддерживаемая Тегераном, занимала главенствующее положение в шиитской общине Ирака, но после свержения режима Хусейна и особенно после гибели Мухаммеда Бадра аль-Хакима растеряла свой авторитет под напором внутриобщинных оппозиционеров. «Местные» шииты подозревали ВСИРИ и ее лидера в чрезмерной проиранской ориентации. Но сегодня аль-Хаким придерживается, скорее, проамериканских позиций, сотрудничая с Временным управляющим советом Ирака и коалиционной администрацией. В целом его влияние в Ираке за последний год, после завершения войны, заметно ослабло.

Молодой харизматический лидер **Муктада ас-Садр**, сын знаменитого аятоллы Мухаммеда Садека ас-Садра, убитого саддамовцами, — «трибун бедноты», пользующийся заметным влиянием в маргинальных кругах общины, выступающих как против американцев, так и против ВСИРИ. В отличие от лидера ВСИРИ аль-Хакима, выступающего за светские, демократические преобразования в Ираке, ас-Садр разделяет взгляды иранского аятоллы Али Хаменеи и главы судебной власти ультраконсерватора Махмуда Хашеми Шахруди, с которыми он встречался в ходе своего визита в Тегеран и поддержкой которых, по-видимому, пользуется. Как сообщалось, в Иране Муктада ас-Садр получил поддержку и соответствующую финансовую помощь для борьбы за установление исламистского режима в Ираке и со сторонниками светской формы правления, в частности с Систани. Когда в апреле 2004 года произошли вооруженные столкновения между оккупационными войсками и контролируемыми Муктадой ас-Садром вооруженными отрядами шиитов, многие официальные лица Ирана высказали поддержку молодому лидеру иракских шиитов. Так, бывший президент Ирана Рафсанджани заявил, что высоко ценит его роль и роль подконтрольных ему отрядов в противостоянии оккупационным войскам. Особо он подчеркнул заслуги Бадрского корпуса, члены которого проходили подготовку в Иране². Но в целом отношение в Тегеране к Муктаде ас-Садру неоднозначное. Многие в Тегеране считают Муктаду «воинствующим антииранским арабским националистом». В качестве национального лидера он неприемлем не только для Вашингтона, но и для Тегерана. Более того, некоторые аналитики считают, что именно фигура Муктады ас-Садра может послужить сближению между Вашингтоном и Тегераном.

² www.regnum.ru/allnews. Опубликовано 14 апр. 2004 г.

«Великий аятолла» **Али Систани** — авторитетный деятель, который пользуется влиянием среди богатых и среднеобеспеченных шиитов. Временная коалиционная администрация, которая вначале активно сотрудничала с ВСИРИ и ее лидерами, сейчас все более склоняется к поддержке и сотрудничеству с Али Систани, который выступает за создание в Ираке светского государства. Но и с ним сотрудничество складывается не просто. Так, Систани выступил против предложенного администрацией Бремера поэтапного многоступенчатого плана формирования властных структур Ирака, высказавшись за всеобщие прямые выборы. Но это может дать подавляющее преимущество во власти шиитам Ирака, чего опасаются США.

Неоднозначно отношение к усилению влияния иракских шиитов и в Тегеране. С одной стороны, создание в Ираке исламского государства при главенствующей роли шиитов Тегеран устраивает, но с другой — в Тегеране опасаются чрезмерного усиления иракских шиитов и появления опасного конкурента, который станет проводить собственную линию и ослабит влияние Тегерана. Опасаются в Тегеране и «ливанизации» Ирака, грозящей ему многими негативными последствиями, причем на длительную перспективу.

Вторая проблема, связанная с Ираком, — беженцы. К началу 2004 года в Иране находились, по данным ООН, 202 тыс. беженцев из Ирака в 20 лагерях (9 — для шиитов и 11 — для курдов), покинувших страну во время событий 1991 года и подавления режимом Саддама Хусейна восстания курдов на севере Ирака. По данным Ирана, численность иракских беженцев достигает 300 тыс. Их возвращение в Ирак, на чем настаивает Тегеран, может поставить перед Вашингтоном весьма серьезную задачу по их обустройству, не говоря уже об иных проблемах.

И еще один важный итог войны в Ираке. Как отметили участники круглого стола, проведенного редакцией журнала «Россия в глобальной политике» под руководством академика Е. М. Примакова, вооруженные действия США против Ирака однозначно способствуют укреплению позиций консерваторов в Иране и могут подтолкнуть Тегеран к разработке ядерного «оружия сдерживания»³. И хотя под давлением Соединенных Штатов, Евросоюза и МАГАТЭ Тегеран в конце 2003 года официально отказался от создания собственного ядерного оружия, этот вопрос вряд ли можно со 100-процентной уверенностью считать окончательно закрытым. Тем более что этот регион в течение последних десятилетий XX века превратился в основную «ядерноопасный» регион мира, в котором появились уже три ядерные страны, не охваченные обязательствами по режиму нерас-

³ Россия в глобальной политике. Т. 1. №2. Апрель-июнь 2003.

пространения (Пакистан, Индия, Израиль) и притом разноконфессиональные.

В целом война в Ираке и особенно последующие события в этой стране привели к усилению антиамериканских настроений в мусульманском мире и усилили консолидирующие тенденции в мировой мусульманской общине. На прошедшем 16–17 октября 2003 г. в Малайзии саммите Организации Исламская конференция — первом после терактов в США 11 сентября 2001 г. — на тему Ирака лидеры мусульманских стран почти не высказывались, однако общая тональность многих выступлений носила антиамериканский и антизападный характер. «Враг использует разобщенность нынешних мусульман, их дробление на различные ветви и группировки<...> Для него все мы — заклятые враги»; враги «атакуют и убивают нас, захватывают наши земли, свергают наши правительства — независимо от того, кто мы — сунниты, шииты, друзья»; «ни одна из наших стран не является подлинно независимой. На нас давят, чтобы мы соглашались с их желанием определять, как нам себя вести, как управлять своими землями, как думать». Такие обвинения прозвучали в речи Махатхира Мохамеда, премьер-министра Малайзии, избранного на саммите новым главой ОИК. И, надо отметить, Иран в своей политике на иракском направлении стремится использовать ситуацию в Ираке для того, чтобы «набирать очки» в сложных отношениях с Соединенными Штатами как в многостороннем, так и в двустороннем формате.

Но шиитская проблема, помимо конфронтационных, вносит в отношения между США и Ираном и нюансы сотрудничества. Так, в апреле 2004 года, когда в Ираке вспыхнуло восстание шиитов, в Багдад направилась делегация Ирана во главе с руководителем департамента МИДа по вопросам Персидского залива Хосейном Садеги. Ясно, что направление официальной делегации Ирана в оккупированный американцами Ирак, да еще в самый разгар шиитского восстания, не могло быть осуществлено без просьбы американцев. Это косвенно подтвердили и представитель госдепартамента, и глава иранского МИДа Харази, который сообщил, что Тегеран предпринимает усилия по урегулированию кризиса по просьбе американцев. Позднее, правда, иранские официальные лица сделали ряд заявлений, в которых отвергалась сама идея посредничества, тем более сотрудничества с США. Но сам этот беспрецедентный факт говорит о том, что обе стороны находят общие точки соприкосновения по ситуации в Ираке, во всяком случае, по шиитской проблеме. Еще один факт связан с обвинениями Тегерана (в основном со стороны американских военных) в поддержке радикальных шиитских движений в Ираке. Представитель госдепартамента сделал на этот счет официальное заявление о том, что никакими убедительными фактами такого рода внешнеполитическое ведомство США не располагает.

Некоторые аспекты политики Ирана в СНГ

В первые годы после Исламской революции 1979 года клерикальное руководство Ирана, руководствуясь принципом «Ни Запад, ни Восток», резко сократило свою деятельность на международной арене, ограничившись лишь необходимыми контактами.

Однако события последнего десятилетия прошлого века, в особенности распад СССР и война в Заливе 1990-1991 годов (агрессия Ирака против Кувейта и операция США «Буря в пустыне»), которые резко усилили позиции США, вынудили иранское руководство к постепенному отходу от международной самоизоляции и возвращению утраченных после Исламской революции 1979 года позиций в двусторонних отношениях и в международных организациях. Этот процесс особенно активизировался после избрания президентом страны М. Хатами (май 1997 года). Почти сразу же после избрания он провел под своим председательством совещание на высшем уровне Организации Исламская конференция (декабрь 1997 года), а в последующем предпринял ряд важных международных визитов, в том числе тех, которые были названы в прессе «историческими» (Япония, Саудовская Аравия, Россия и др.).

Реализуя свой обновленный международный курс, Тегеран особое внимание уделяет отношениям **с новыми независимыми государствами, образовавшимися на территории бывших советских республик Средней Азии и Закавказья**. Это и понятно.

Во-первых, образовавшийся здесь после распада СССР вакуум влияния стал быстро заполняться Соединенными Штатами, Западной Европой, Китаем, вытесняя «наследницу» Россию. Иран, хотя и с некоторым опозданием, также принял участие в этом «геополитическом пиршестве» и, используя экономические, политические, религиозные рычаги (не исключая, впрочем, и военные), стремится закрепить в перспективном районе, распространить здесь свое политическое и экономическое влияние, опираясь в том числе и на единство веры.

Во-вторых, мощным катализатором пробуждения внешнеполитической деятельности Ирана стала каспийская проблема, которая, помимо воли Тегерана, вышла далеко за региональные рамки и стала развиваться, как считают руководители и многие политические деятели страны, в исключительно неблагоприятном для Ирана направлении.

В-третьих, в Тегеране осознали экономическую ценность стабильных и добрососедских отношений с северными соседями. Без этого, в частности, Ирану не удастся реализовать одно из своих важнейших преимуществ как главного перекрестка трансконтинентальных ком-

муникаций и в первую очередь — наиболее привлекательный и выгодный для него транспортный маршрут Север—Юг. Тем более что и сами страны Центральной Азии, особенно нефтегазодобывающие — Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, заинтересованы в иранских маршрутах, открывающих им выход к южным морям и дающих альтернативные (помимо российских) и к тому же, как считается, более дешевые возможности транспортировки добываемого углеводородного и другого минерального сырья на мировые рынки.

В-четвертых, свою роль сыграли и соображения собственной безопасности. Тегеран тревожат активное военное проникновение в регион США и НАТО, усиление влияния Израиля. Да и Россия после десятилетней спячки стала активизировать здесь свои военно-стратегические усилия, что также вызывает опасения Тегерана, особенно с учетом сближения позиций Москвы и Вашингтона по многим международным вопросам, возможности их стратегического партнерства.

Надо отметить, что у Ирана после 1979 года отношения со своими «старыми» соседями, странами Ближнего Востока и Персидского залива, складывались не очень хорошо — от сдержанно-настороженных до откровенно враждебных (режимы «Талибан» в Афганистане, Саддама Хусейна в Ираке). Основная, но не единственная причина трений заключается в негативной реакции Ирана на арабо-израильский мирный процесс и поддержке Тегераном экстремистских мусульманских группировок. Существуют и территориальные споры с некоторыми из них (спор с ОАЭ за острова Абу-Муса, Томбе-Бозорг и Томбе-Кучек). А отношения с Пакистаном и Турцией остаются прохладными из-за соперничества в регионе, особенно в Афганистане и Центральной Азии. На этом «холодном» фоне северное направление для Ирана, в отношениях с государствами которого он может выступать в качестве донора и покровителя, весьма привлекательно и перспективно.

Наиболее тесные отношения в Центральной Азии у Ирана сложились с Туркменистаном. О многом говорит хотя бы тот факт, что за последние 12 лет, по сообщениям азербайджанских источников, состоялись десятки встреч только на высшем уровне. Финансовая и иная помощь Ашхабаду (все эти годы Иран был основным донором для Туркменистана), крупные экономические проекты, близкие позиции по разделу Каспия, устоявшиеся тесные межгосударственные и межправительственные связи на различных уровнях — все это позволяет сделать вывод о том, что отношения между двумя странами вышли на уровень стратегического партнерства.

Довольно тесные связи, хотя и не в равной степени, сложились у Ирана и с другими странами Центральной Азии.

Так, июньский (2003 года), четвертый по счету, визит президента Узбекистана Ислама Каримова показал, что отношения между этими двумя странами складываются хотя и дружеские, но, скажем так, довольно осторожные. Тегеран с настороженностью относится к про-американской ориентации узбекского президента. Каримов является одним из немногих неофициальных связующих звеньев между Вашингтоном и Тегераном. Через него, в частности, иранским властям подаются успокаивающие сигналы относительно американского военного присутствия в странах Центральной Азии. Появлялись даже сообщения о том, что июньский визит Каримова в Иран преследовал среди прочих цель уговорить Тегеран отказаться от сотрудничества в ядерной сфере с Россией в пользу американских компаний⁴.

Ташкент, в свою очередь, связывает деятельность некоторых экстремистских религиозных группировок и организаций, причисленных к международным террористическим («Хизб ут-Тахрир», Исламское движение Узбекистана), базирующихся на территории страны, с поддержкой Тегераном. В узбекских СМИ иранская тема почти не затрагивается, что дает повод властям Тегерана упрекать Каримова в информационной блокаде. Но важным объединяющим фактором для обеих сторон является экономическая сфера. Например, Узбекистан, второй в мире производитель хлопка, крайне заинтересован в транспортном коридоре, обеспечивающем ему выход через территорию Ирана к Персидскому заливу. Эта тема стала одной из главных на четырехсторонних переговорах в Тегеране в июне 2003 года, в которых, помимо Ирана и Узбекистана, приняли участие лидеры Таджикистана – Рахмонов и Афганистана – Карзай. Узбекистан также является участником трехстороннего (с Ираном и Афганистаном) Соглашения о перевозках, реализация которого позволит Узбекистану транспортировать грузы (хлопок в первую очередь) по автодорогам этих стран к портам Персидского залива.

В Закавказье главным объектом внимания Ирана является Азербайджан. Даже установившиеся довольно тесные отношения Ирана с Арменией многие аналитики склонны рассматривать через призму соперничества Ирана и Азербайджана, в котором Еревану отводится роль потенциального союзника Тегерана. Это верно, но лишь отчасти, так как Армения для Ирана также представляет несомненный интерес как потребитель иранского газа, а в потенциале и как транзитная страна для его транспортировки в Европу. Развивается сотрудничество и в других областях экономики. Объем годового торгового оборота Ирана и Армении составляет около 130 млн. долл. Ежегодно около 28 тыс. грузовиков занимаются перевозкой товаров и транзитом между

⁴ Тегеран в объятиях Ташкента//Время МН. 2003. 18 июня.

Ираном и Арменией. Новые возможности для обеих стран в области транспортных перевозок открывают транзитные маршруты Астрахань — Каспий — Армения и Иран — Армения — Грузия — Европа. Успешно функционирует созданная несколько лет назад ирано-армянская комиссия по экономическому сотрудничеству. Среди экономических проектов, реализуемых Тегераном в Армении, — строительство туннеля и прокладка газопровода из Ирана в Армению, экспорт электроэнергии, учреждение иранского банка в Ереване. Расширяются контакты и по политической линии. В частности, в октябре 2003 года стороны приняли решение создать двустороннюю межпарламентскую комиссию.

На отношения между Ираном и **Азербайджаном**, помимо Южного Азербайджана, влияют многие проблемы. Это прежде всего Каспий. Стороны занимают принципиально разные позиции в отношении его раздела. Кроме того, в последние годы возник спор относительно ряда шельфовых месторождений, разрабатываемых Азербайджаном, на которые претендует Иран. Летом 2001 года дело едва не дошло до применения военной силы, когда участились случаи нарушения иранскими самолетами воздушного пространства Азербайджана и произошел инцидент с кораблем «Геофизика-3». (Тогда в территориальные воды Азербайджана вторгся боевой корабль Ирана, а иранский боевой самолет имитировал нападение на это судно.)

Крайне обеспокоен Тегеран и усиливающимся военным присутствием США в Азербайджане и Грузии. Стоило, например, в ряде СМИ появиться сообщениям, что США намерены разместить в них свои военные контингенты, как последовало жесткое заявление иранского руководства с угрозами нанести удар по военным объектам в этих странах.

Заметную, но неоднозначную, роль в иранско-азербайджанских отношениях сыграл визит президента Азербайджана в Тегеран в мае 2002 года, который откладывался около двух лет. В ходе визита были подписаны Договор о принципах дружбы и сотрудничества (одно это уже немало стоит), а также целый ряд соглашений по конкретным вопросам сотрудничества (по таможенной службе, автомобильным грузоперевозкам, воздушному транспорту и др.). Удалось добиться взаимопонимания и по такому важному для обеих стран вопросу, как проект международного транспортного коридора Север—Юг, в котором Азербайджан также намерен принять участие. Но наиболее острые в отношениях двух стран темы (прежде всего Южный Азербайджан) были обойдены. Сторонам фактически не удалось сблизиться по вопросу о статусе Каспийского моря. Влиятельная иранская газета «Iran News» в комментариях по поводу визита писала, что переговоры по Каспию «могли бы быть эффективными лишь в том случае, если

Азербайджан откажется от проамериканской, пророссийской и про-израильской позиций» и предпримет все возможные меры «для искоренения атмосферы недоверия», которая, считает газета, установилась между Тегераном и Баку после 1991 года. Иранской стороной был проигнорирован и призыв азербайджанской стороны вместе выступить против захватнической политики Армении в отношении оккупированных ею земель Азербайджана.

Все это и многое другое дает основание считать, что отношения между Ираном и Азербайджаном при всех усилиях, прилагаемых официальным Баку их приукрасить и не выпячивать противоречия, все же оставляют желать лучшего. Перспектив их коренного улучшения при той внешнеполитической ориентации, которую избрали нынешние власти Баку, и при сохранении нынешнего режима в Иране пока не видно. До сих пор высшему руководству Азербайджана удавалось поддерживать баланс в своих отношениях между Ираном и США. Смена президента в Азербайджане в результате выборов 15 октября 2003 г. может подорвать этот баланс, причем не в пользу Тегерана, хотя новый руководитель Азербайджана и заявил о преемственности его внешней политики. Многое будет зависеть от позиции Вашингтона, влияние которого на Баку после президентских выборов усилилось.

Иран – Евросоюз

По целому ряду причин отношения Ирана с Евросоюзом представляются крайне важными для обеих сторон.

Для Ирана — это прежде всего важнейшая часть сферы его внешнеэкономических связей. Достаточно сказать, что в списке важнейших торговых партнеров Ирана страны Евросоюза занимают ведущее место. Иран остро нуждается в инвестициях и передовых технологиях для модернизации своей нефтегазовой промышленности, а также для развития других отраслей с тем, чтобы снизить довлеющую над экономикой Ирана острую зависимость от поставок энергоресурсов.

Не менее важными являются и соображения безопасности. В Тегеране понимают, что чем теснее будут экономические и политические отношения между Ираном и ЕС, тем менее вероятно развязывание Соединенными Штатами военной кампании против Ирана и тем выше уровень безопасности страны, которая будет включена в сферу торгово-экономических интересов ЕС. (Переговоры о заключении торгового соглашения с Евросоюзом Иран ведет с 2000 года).

Камнем преткновения в дальнейшем развитии этих отношений долгое время являлась ядерная программа Ирана, точнее, нежелание Тегерана сделать ее более открытой, убедить мировое сообщество в отсутствии ядерных амбиций. Поэтому Евросоюз усилил давление на

Тегеран, поставив будущее экономических отношений с ним в зависимость от согласия Ирана подписать Дополнительный протокол к ДНЯО. Поначалу это вызвало довольно резкую ответную реакцию в Тегеране, особенно со стороны консервативно настроенного руководства. Однако твердая и в то же время конструктивная позиция Евросоюза, терпеливое разъяснение всех неясностей, вызывающих озабоченность Тегерана, и готовность учитывать их принесли свои плоды. И если пресловутый протокол и был в конце концов все же подписан Тегераном (хотя пока и не ратифицирован), то в первую очередь благодаря позиции, занятой Евросоюзом, а не американскому силовому давлению и осторожным пожеланиям России.

При новом обострении ситуации с иранской ядерной программой весной 2004 года, когда Иран был обвинен в предоставлении неполных данных по своему ядерному досье и встал вопрос о новых инспекциях МАГАТЭ, страны ЕС вновь результативно действовали в разрешении конфликта.

Свою роль сыграла и твердая позиция ЕС, занятая в отношении особенностей предвыборной кампании в Иране. Она во многом оказалась тем сдерживающим фактором, который не позволил консервативному руководству страны использовать в полную силу имеющиеся в его распоряжении административные и силовые рычаги для окончательного отстранения реформаторов от участия в выборах.

Политика ЕС в отношении Ирана дает, как думается, хороший пример реалистичного политического подхода к урегулированию сложнейших международных вопросов с проблемными государствами с использованием только мирных средств и рычагов воздействия и на основе взаимовыгодного сотрудничества. Так, именно после визита в Иран в начале 2003 года комиссара Евросоюза К. Паттена Тегеран решил допустить в страну инспекторов по защите прав человека, освободил из мест заключения многих диссидентов, смягчил наказания виновных в совершении уголовных преступлений (в частности, отменил забивание камнями и отрубание конечностей). Он также дал согласие открыть некоторые объекты и предприятия атомной промышленности, вызывающие подозрения, для проверки МАГАТЭ.

Есть и еще один немаловажный для безопасности Ирана момент, связанный с ЕС. Тесно увязывая справедливые требования относительно транспарентности ведущихся в Иране работ по развитию ядерной энергетики с экономическими отношениями, ЕС по большому счету берет эту страну под свою защиту от агрессивной и бескомпромиссной политики США.

Причины подобной политики Евросоюза, находящегося в сильной зависимости от поставок энергоресурсов, определяются в первую очередь его энергетической политикой. По прогнозам экспертов

Международного энергетического агентства, доля импорта нефти в страны Евросоюза составляет 73% от общего уровня ее потребления, импорта газа — 44%. К 2030 году импорт нефти возрастет до 90%, газа — до 81%. Поэтому обеспечение надежных поставок углеводородов из стран Ближнего Востока является одним из приоритетных направлений энергетической стратегии Евросоюза.

Другая причина — стремление диверсифицировать маршруты поставок энергоресурсов и снизить энергозависимость от России. В настоящее время 18% нефти и 41% газа в страны Евросоюза поставляются из России. Евросоюз опасается попасть в нежелательную для него сильную энергозависимость от России.

Но в не меньшей степени нежелательным для Объединенной Европы является намечающаяся энергозависимость от благорасположения США, особенно после войны в Ираке. Если США к контролируемой ими зоне в странах Ближнего Востока и Персидского залива добавят огромные нефтегазовые запасы Ирана, то зависимость станет практически полной. Это — третья причина, влияющая на отношения ЕС с Ираном и объясняющая стремление Объединенной Европы установить свой контроль над запасами нефти и газа.

К тому же Тегерану импонирует и более прагматичная, по сравнению с американской, позиция Евросоюза по отношению к Израилю.

После войны, развязанной США в Ираке вопреки мнению ряда ведущих стран Западной Европы, в странах Евросоюза нарастает обеспокоенность бескомпромиссными, «ковбойскими» методами разрешения сложных международных проблем, которых придерживается нынешняя американская администрация, но последствия которых, как видно на примере послевоенного Ирака, приходится расхлебывать их западноевропейским союзникам и другим мировым державам. Вполне оправданны опасения, что подобная политика Вашингтона может втянуть Европу в крупные неприятности. Иран в числе таких «ловушек» для Европы занимает одно из первых мест.

В целом же политика Евросоюза в отношении Ирана представляется более эффективной, чем политика Вашингтона, особенно на фоне примитивного сценария США, обвиняющих Иран в создании ядерного оружия, связях с международным терроризмом или искусственно поддерживаемом иранскими духовными властями «дефиците свобод» и игнорировании демократических реформ и на этой основе создающих повод для внешнего силового вмешательства. Если бы Брюссель не сумел убедить Тегеран открыть свои ядерные программы и поставить их под более жесткий контроль МАГАТЭ, Соединенные Штаты получили бы неоспоримый довод в пользу своей силовой превентивной стратегии, а Евросоюз, скорее всего, не только потерял бы для себя Иран, но и вдобавок обоснованные претензии ЕС на статус

одного из глобальных центров силы были бы значительно подорваны. И наоборот, посреднический успех глав внешнеполитических ведомств ведущих стран Евросоюза в урегулировании ситуации вокруг ядерной программы Ирана наглядно показал, что Объединенная Европа при согласованных действиях всех своих членов может играть значительную конструктивную роль в глобальной политике.

Иран – Россия

Отношения России и Ирана, которые после 1991 года начали складываться, в известной мере, заново, в настоящее время отличаются стабильностью и взаимным уважением интересов, хотя их и нельзя назвать особо сердечными. Если после революции 1979 года СССР был назван пришедшими к власти в Иране религиозными деятелями «Малым Сатаной» и в списке противников Ирана стоял после США и Израиля, то сегодня положение иное. Иран помог стабилизировать обстановку в Таджикистане, не ударился в оголтелую критику политики Москвы в Чечне, рассматривая ситуацию в этой республике как внутреннее дело России, что, кстати, важно для России, учитывая значительный вес Ирана в исламском мире. С пониманием и осторожностью относился и относится Иран к закавказским проблемам, в том числе к конфликтам в этом регионе. Плотно взаимодействовала Россия с Ираном и в период войны с талибами в Афганистане.

Россия, которая помимо важных для обеих сторон устойчивых и дружеских политических связей имеет в Иране серьезные экономические интересы, в свою очередь, заинтересована в поддержании стабильной обстановки в этой ключевой стране региона, понимая, что дестабилизация ситуации в ней приведет к хаосу в обширном регионе, примыкающем к южным границам СНГ и России, включая Каспийский регион.

Позитивное развитие российско-иранским отношениям дал визит президента Ирана Хатами в Россию в марте 2001 года. По его итогам президентами двух стран был подписан Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ и ИРИ. Намечается визит Президента РФ В. Путина в Иран.

Можно сказать, что отношения России с Ираном в политической области складываются довольно неплохие. Тегеран, испытывающий в последние годы сильнейшее давление со стороны США, безусловно, заинтересован в их развитии и углублении в надежде на поддержку Москвой его позиций в международных организациях (ООН, МАГАТЭ) и в тех ситуациях на международной арене, в которых он конфронтирует с Вашингтоном. Но дальнейшее развитие российско-иранских политических связей сдерживается негативной реакцией

Вашингтона на любые шаги в этом направлении, с которой Москва вынуждена считаться. Например, продвигаемая Тегераном еще с 1992 года идея создания Организации сотрудничества прикаспийских государств пока так и не нашла поддержки в Москве и, как думается, не без влияния американского фактора.

Объемы сотрудничества в экономической сфере в последние годы также растут, хотя уровень товарооборота пока довольно низок. Как отметил Президент РФ В. Путин на встрече в Москве 17 мая 2004 г. с министром иностранных дел Ирана К. Харрази, с 2002 года товарооборот между РФ и Ираном увеличился на 70%. Однако в абсолютном исчислении его объем по сравнению с потенциальными возможностями обеих стран довольно невелик — 1,37 млрд. долл. в 2003 году⁵. Проектов выдвигается и обсуждается немало, но вот существенного прорыва в этой сфере пока не ожидается.

Главным проектом в экономической сфере является, конечно, строительство АЭС в Бушире. Окончательный ввод ее в эксплуатацию затягивается, с одной стороны, из-за тормозящего эффекта, вызванного активным противодействием США. С другой стороны, Тегеран долгое время не давал согласия на полную открытость своей ядерной программы. Естественно, Москве приходилось все это учитывать.

Рассматриваются и другие проекты в энергетической области. Успешно завершены работы российского «Газпрома» в рамках международного консорциума по проекту обустройства второй и третьей очередей газового месторождения «Южный Парс». Заключено соглашение по развитию Международного транспортного коридора «Север—Юг», который свяжет Финляндию с Индией через территории России и Ирана (порт Бендер-Аббас на побережье Персидского залива).

В марте 2003 года в Тегеране на заседании Постоянной российско-иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству одобрен проект долгосрочной программы экономического сотрудничества двух стран на следующее десятилетие, рассчитанной до 2012 года. Данный документ касается развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Россией и Ираном. В нем особо выделено сотрудничество в топливно-энергетическом комплексе, электроэнергетике, атомной энергетике, промышленности, транспорте, связи, банковском и страховом деле, здравоохранении, образовании. (Предшествовавшая программа экономического взаимодействия России и Ирана на долгосрочную перспективу была утверждена в 1995 году.)

Активно сотрудничают Россия и Иран и в сфере борьбы с наркобизнесом, являющимся большой проблемой для обеих стран. В Ира-

⁵ Коммерсантъ. 2004. 18 мая.

не (там насчитывается около 2 млн. наркоманов) на борьбу с нарко-манией тратится около 800 млн. долл. в год. И эти деньги используют-ся довольно эффективно: на долю Ирана, по данным Бюро ООН по контролю над наркотическими средствами и предотвращению пре-ступности (UN ODCCP), приходится около 80% опиума и 90% мор-фия, конфискованных в мире⁶.

Развивается сотрудничество в военно-технической сфере, в част-ности экспорт в Иран российского оружия и военной техники. Так, по американским оценкам, к середине 2001 года было заключено и об-суждалось различного рода контрактов в этой области на сумму 7 млрд. долл., что вызвало протесты со стороны Вашингтона. Но надо заметить, что сумма реальных контрактов значительно меньше. В част-ности, по оценкам экспертов, доля вооружений в российском экс-порте в Иран составляет всего 40-60 млн. долл. в год⁷. Иран, обеспо-коенный возможной военной агрессией США, намерен выделить на закупку новейших вооружений для армии и флота около 10 млрд. долл., причем он заинтересован в приобретении у России комплексов ПВО С-300, бронетехники, использующей технологию «стелс», под-водных лодок для применения их в Персидском заливе и др.

Довольно успешно развивается сотрудничество в сфере безопасно-сти. Здесь у обеих стран также немало совпадающих интересов. Так, и Москва, и Тегеран озабочены обеспечением стабильной обстановки в прилегающих к их границам районах Центральной Азии и Южного Кавказа, расширяющимся здесь военным присутствием США, укреп-лением собственных границ на этом направлении. Близкие позиции у Москвы и Тегерана и в отношении иракского кризиса, решающей ро-ли ООН в разрешении этого и других аналогичных конфликтов.

Особо надо подчеркнуть тот факт, что Иран — одна из тех немно-гих стран, которые покупают у нас не только сырьевые материалы (металл, лес), но и готовую продукцию с высокой степенью обработ-ки (станки, оборудование, химикаты, удобрения, бумагу), поддержи-вая тем самым высокотехнологичные отрасли российской промыш-ленности. Готовится к подписанию контракт на сооружение ТЭС «Табас» и освоение угольного разреза «Мазино», к которому будет привязана электростанция (стоимость контракта 600—700 млн. долл.).

Работают с Ираном и российские нефтяники и газовщики. «ЛУ-Койл» и «Сиданко» экспортируют нефть через Каспий. ЮКОС пла-нирует восстановить нефтепровод Павлодар — Чимкент — Туркмена-бад с тем, чтобы далее доставлять по железной дороге нефть в иранский порт Нека. «ЛУКойл Оверсиз» и норвежская фирма «Norsk

⁶ Парламентская газета. 2003. 16 июля.

⁷ Коммерсантъ. 2004. 18 мая.

Hydro» подписали контракт по геологоразведке блока Анаран (потенциальные запасы — около 350 млн. тонн) на западе Ирана. Доля «ЛУ-Койл Оверсиза» составит 25%. «Татнефть» заключила контракт с Иранским институтом исследования нефти на разведку пресных вод в южной части Ирана. Минэнерго подписало протокол о сотрудничестве с Ираном в угольной отрасли.

Все это, так сказать, позитивные моменты в сотрудничестве России и Ирана.

Однако нельзя не видеть и тот факт, что нынешние отношения России с Ираном строятся под воздействием двух противоречивых факторов: с одной стороны, стремления Москвы обеспечить свои политические и экономические интересы и с другой — политики сдерживания и изоляции Ирана, проводимой Вашингтоном, с мнением которого Москве также приходится считаться и соответствующим образом балансировать между Вашингтоном и Тегераном. И порой бывает трудно сказать, какой из факторов перевешивает.

В частности, приоритетный проект — строительство АЭС в Бушире. Несмотря на довольно твердые заверения российского руководства, совсем не факт, что Россия даже на этой стадии не откажется от его реализации под давлением США, и уж тем более под вопросом участие России в дальнейшей программе развития ядерной энергетики Ирана. Хотя надо отметить, что подписание Тегераном в конце 2003 года Дополнительного протокола к ДНЯО заметно улучшило перспективы завершения строительства первой очереди АЭС в Бушире. Между Россией и Ираном идет окончательное согласование Протокола о возвращении Ираном отработанного ядерного топлива. Как было заявлено после визита в Москву министра иностранных дел Ирана Харази и его встреч с Президентом РФ В. Путиным 18 мая 2004 г. и другими высшими руководителями страны, подписание этого документа планируется уже летом 2004 года, после чего Россия начнет поставки в Иран ядерного топлива, и в 2005 году первый энергоблок АЭС в Бушире должен быть введен в эксплуатацию. Тем не менее до сих пор муссируются слухи о том, что разменной монетой за Бушир и ограничение поставок российской военной техники в Иран могут стать долги бывшего СССР (около 42 млрд. долл.). Реальность такой сделки, конечно, довольно сомнительна. Но даже если представить, что она будет хотя бы частично реализована, то для России многое будет потеряно в международном авторитете, доверии будущих партнеров — и не только в торговой, но и в политической сфере, будет подорвано влияние России на процессы в регионе.

В июле 2003 года Высший экономический совет Ирана отменил решение о приобретении в России спутника связи «Зохре». Заинтересованность в постройке своего первого телекоммуникационного

спутника и его запуске на геостационарную орбиту российской ракетой-носителем «Протон» Тегеран высказал Москве в конце 2000 года. Стоимость контракта — около 100 млн. долл. Работы с российской стороны координировала московская компания «Авиаэкспорт», разработкой спутника занималось красноярское НПО прикладной механики имени Решетнева. Причины отказа иранской стороны называются разные. По одним данным, госдепартамент США отказал американско-российской компании ILS (она занимается маркетингом «Протонов» на мировом рынке) в выдаче лицензии на запуск этого спутника. Некоторые эксперты считают, что работы по «Зохране» были сорваны из-за давления на российских чиновников со стороны США, выступающих против сотрудничества России с Ираном. Против этого контракта выступали и некоторые иранские представители, заинтересованные в получении высоких технологий из западных стран⁸.

Надо также отметить, что сближение России с Соединенными Штатами, ее политика в отношении раздела Каспия, укрепление в этом регионе и на море российской военной составляющей вызывает довольно нелицеприятные оценки официальных лиц и СМИ Ирана. Так, после подписания с Казахстаном договоренности о разделе северной части Каспия в 1998 году из Тегерана последовали беспрецедентно резкие комментарии, в том числе критика в адрес Президента России В. Путина, которого обвинили в «политической незрелости». Министр обороны и другие руководители военного ведомства Ирана тут же пообещали усилить свою группировку на Каспии. Накануне визита Дж. Буша в Москву Тегеран преподнес свой «подарок», объявив об успешном испытании ракеты «Шахаб-3» и подчеркнув, что она способна достичь американских баз в государствах Ближнего Востока и Персидского залива.

Иранское общественное мнение также негативно относится к проамериканской, как считают в Иране, политике Москвы. Звучат вопросы: не стоит ли отказаться от сотрудничества со страной, которая не в состоянии противостоять давлению США по большинству проблем международной политики и не в состоянии защитить своих союзников? Россию обвиняют в «пренебрежительной» политике по отношению к Ирану.

В целом же отношение в Иране к России заметно изменилось со времен СССР. Ее рассматривают уже не как великую мировую державу, а лишь как региональную державу, с которой полезно сотрудничать в экономической области и использовать поддержку Москвы для укрепления своих международных позиций, но не более того.

⁸ Коммерсантъ. 2003. 1 авг.; Ведомости. 2003. 1 авг.

Каспийская проблематика

Каспийская проблематика в политике Тегерана занимает особое место. Министр иностранных дел Ирана К. Харрази не раз подчеркивал, что статус Каспия является для Ирана общенациональной проблемой. Иран с самого начала настаивал на принципе кондоминиума либо в крайнем случае на равнодолевом разделе моря. Он также категорически выступал и продолжает выступать против вмешательства в решение проблемы Каспия третьих стран и только за пятистороннее соглашение по разделу Каспия, заключенное между всеми прикаспийскими государствами.

Подписанное 23 сентября 2002 г. президентами России и Азербайджана двустороннее соглашение «О разграничении сопредельных участков дна Каспия» было встречено в Иране очень бурно. Президент страны Хатами уже 30 сентября выступил с резким заявлением, в котором подчеркнул, что для Ирана не могут быть приемлемыми никакие односторонние действия на Каспии. Тегеран считает незаконными любые соглашения, заключенные без участия хотя бы одной прибрежной страны.

В то же время группа депутатов меджлиса Ирана обвинила МИД своей страны в бездействии в определении правового статуса Каспия и слабом отстаивании национальных интересов. Как заявила член парламентской комиссии по вопросам национальной безопасности и внешней политики Элахи Кулаи, иранские дипломаты не сумели заложить прочную основу для достижения общих интересов в регионе. После распада СССР Ирану ни разу не удавалось использовать благоприятные исторические, социальные и экономические условия для соблюдения своих интересов на Кавказе и в Каспийском регионе. Кулаи назвала значительным успехом России, Казахстана и Азербайджана их соглашения о разделе ресурсов Каспия.

В Иране, надо сказать, довольно критически относятся к позиции России, которая отошла от принципа кондоминиума и, по мнению Тегерана, в одностороннем порядке нарушила условия договоров, заключенных Ираном с Россией в 1921 году и с СССР в 1940 году. А после заключения Россией двусторонних соглашений с Казахстаном и Азербайджаном в Тегеране считают, что Москва, чтобы закрепить положение, сложившееся в результате этих договоренностей, преднамеренно расширяет свое военное присутствие на Каспии.

Но еще большее недовольство и опасения иранской стороны вызывает вмешательство США в каспийские дела. Та же Элахи Кулаи заявила на слушаниях по Каспию 29 декабря 2002 г.: «Все усилия Америки как одного из основных игроков в регионе направлены на то, чтобы лишить Иран возможности защитить свои интересы в регионе».

Некоторые прикаспийские страны, такие как Азербайджан и Казахстан, используя влияние США, пытаются получить большую часть ресурсов Каспия. Иран вынужден действовать с учетом новых условий и реалий. Я предупреждаю все руководство, что проводимая им политика не отвечает историческим интересам Ирана».

На сегодняшний день ситуация такова, что Иран фактически согласился с принципом раздела Каспия по секторам (хотя формально и не отказался от принципа кондоминиума). На открытии в Тегеране в январе 2003 года международной конференции «Перспектива и безопасность Центральной Азии и Кавказа» специальный представитель Ирана по Каспию, заместитель министра иностранных дел Мехди Сафари подтвердил это согласие, подчеркнув, правда, что доля Ирана должна составить 20%.

Конечно, в позиции Тегерана за последние годы определенные подвижки произошли. Иран, в частности, вынужден был признать, что есть польза и в двусторонних соглашениях по тем или иным проблемам каспийского «стола». «Двусторонние договоренности будут способствовать достижению консенсуса и согласия пяти прикаспийских государств по проблеме юридического статуса моря», — признал Сафари. В настоящее время Иран ведет переговоры с Азербайджаном и Туркменистаном в области энергоресурсов и с Казахстаном в сфере их транспортировки.

Тем не менее 14 июля 2003 г. на заседании иранского парламента член Комитета меджлиса по Каспию Казем Джелаки заявил, что двусторонние соглашения о разделе моря усложнили процесс сближения сторон по правовому статусу Каспия и что пока ни одна из 14 статей Конвенции по Каспию (ее проект был представлен на заседании многосторонней спецгруппы по Каспию в Баку в феврале 2003 года) не была ратифицирована всеми пятью государствами.

Некоторые специалисты считают также, что после того как Россия и Казахстан применили «ресурсный» принцип деления дна (имеются в виду спорные месторождения Северного Каспия) позиция Ирана может сдвинуться с мертвой точки. В частности, Тегеран проявил интерес к совместной разработке туркменского шельфа, а также и к варианту раздела шельфа по образцу российско-казахстанского.

Однако позиция Тегерана по разделу Каспия и к середине 2004 года оставалась весьма твердой, даже при том, что «поезд уже ушел» и в итоге двусторонних соглашений между государствами «тройки» разделено свыше 67% морского дна (Казахстан — 29%, Россия — 19%, примерно столько же Азербайджан), т. е. на долю Ирана и Туркменистана остается менее 33%. А если «тройке» удастся договориться с Туркменистаном, то Ирану может остаться около 13% морского дна.

Как заявил представитель МИДа Ирана на заседании спецгруппы по Каспию в Москве (июль 2003 года), его страна занимает гибкую позицию и готова пойти на уступки. Однако, «если речь идет о сохранении законных прав и своих интересов, Иран и впредь будет проявлять твердость и настойчивость». И это не просто обычная дипломатическая риторика. Помимо упорного отстаивания своих позиций на переговорах по разделу Каспия и по Конвенции о его правовом статусе в ходе двусторонних встреч на различных уровнях, Иран в последние годы взял курс на увеличение своего военного присутствия на этом море. Им также принято решение о создании на Каспии специальной морской полиции⁹.

Конечно, ВМС Ирана на Каспии нельзя назвать самыми мощными. Всего на Каспии у Ирана в составе двух независимых командований (командование ВМС армии, ВМБ Энзели и командование ВМС Корпуса стражей исламской революции, батальон охраны побережья, порт Нушахр) насчитывается около 90 плавсредств, в основном мелких. Это море в военной доктрине страны всегда рассматривалось, как мирное, как второстепенное направление. Главное внимание уделялось группировке ВМС в районе Персидского залива.

Однако распад СССР, появление в Прикаспии новых независимых государств, а также все активнее заявляющая о себе в Каспийском регионе третья сила в лице США и НАТО, усиление здесь российской военно-морской группировки, возрастающее значение военно-морской составляющей в военной политике других прибрежных государств круто изменили военно-стратегическую обстановку на Каспии, вынудили Иран пересмотреть свои доктринальные установки и принять меры по наращиванию своих ВМС на Каспии. Осенью 2003 года Иран спустил на воду Каспийского моря ракетный корабль «Пейкан». Представитель ВМС ИРИ адмирал Аббас Мохтадж назвал это важным шагом в деле усиления защиты иранских рубежей на Каспии. Ракетный корабль, который был полностью построен в Иране, оборудован новыми видами оружия. Командование ВМС планирует также развернуть на Каспии новые артиллерийские катера «Моудж». Кроме того, как считают специалисты, Иран способен в короткие сроки нарастить в 1,5 раза на Каспии число боевых катеров (включая катера на воздушной подушке) путем переброски их из Персидского залива.

Можно предположить, что упорство богатого нефтяными запасами Ирана в отстаивании своей позиции по правовому статусу Каспия объясняется не столько нефтяными интересами, сколько геополитическими и геостратегическими особенностями Каспийского региона.

⁹ НГ-Дипкурьер. 2004. 19 апр.

Недаром проблемы Каспия выделены Соединенными Штатами в отдельное направление внешней политики. Специальные подразделения по Каспию созданы в Совете национальной безопасности, ЦРУ и Госдепартаменте США, а также в конгрессе. О важности Каспийского региона для России также говорить много не приходится. Что касается остальных прикаспийских государств (Азербайджана, Туркменистана и Казахстана), то они связывают с Каспием свое будущее.

Все это приводит к выводу, что проблема правового статуса Каспия останется для Тегерана весьма болезненной и важной, мало зависящей от складывающейся в стране политической конъюнктуры, и вряд ли можно ожидать резкой смены иранской позиции, особенно учитывая нынешнюю обстановку в политических сферах страны и ее руководстве.

Прошедшее в Тегеране 9–10 декабря 2003 г. 12-е заседание специальной рабочей группы по Каспию подтвердило этот вывод. Никакого осязаемого результата вновь добиться не удалось. Согласованы четыре пункта Конвенции, касающиеся, в частности, рыболовства и экологии. Не привело к заметному продвижению и 13-е заседание, прошедшее 16–17 марта 2004 г. в Баку. 6 апреля 2004 г. в Москве по инициативе российской стороны прошло заседание министров иностранных дел государств Каспийского региона. Участники встречи констатировали, что по отдельным ключевым вопросам правового статуса Каспия в подходах сторон сохраняются принципиальные различия. Надежды возлагаются на второй саммит глав прикаспийских государств, который должен пройти в Тегеране в конце 2004 года. Однако его результаты также прогнозируются с большой долей пессимизма.

И одним из главных препятствий на пути выработки конвенции по правовому статусу Каспия является позиция Ирана. По мнению ряда независимых экспертов, Тегеран едва ли не сознательно тормозит эту работу. Причин для этого у него достаточно. И дело не только в том, что Иран при нынешнем подходе может получить около 13% Каспия (вместо требуемых 20%). Во-первых, четкий международно признанный правовой статус Каспия неизбежно усилит влияние и присутствие в регионе США, в том числе и военное. Во-вторых, усилится влияние Российской Федерации на Каспии как наиболее мощной в регионе в экономическом, политическом и военном отношении державы. В-третьих, для Тегерана будут ослаблены практически все нынешние очаги давления на прикаспийские государства (Азербайджан, Туркменистан и Казахстан). В-четвертых, поток иностранных инвестиций частично может быть перенацелен с иранских на каспийские проекты. В-пятых, частично потеряют привлекательность трансиранские маршруты транспортировки энергоресурсов Каспия и получат юридическую поддержку западные (Азербайджан – Грузия – Турция)

маршруты. Наконец, Иран утратит повод для наращивания своих военных сил на Каспии и в прибрежной зоне, которое сегодня прикрывается потенциальными угрозами, вызванными неопределенностью ситуации на Каспии и территориальными спорами с Азербайджаном.

Следовательно, ждать кардинальных поворотов в позиции Ирана по правовому статусу Каспия в ближайшее время, по-видимому, не приходится.

Выводы и прогнозы

1. Несмотря на обозначившееся в последние годы соперничество в Иране двух направлений — реформаторского и консервативного, говорить о их глубокой конфронтации, тем более об остром политическом кризисе власти в стране пока не приходится. Необходимость реформирования страны осознают представители той и другой группы. Особенно сильны эти ожидания в общественном мнении страны. Вопрос лишь в том, насколько далеко могут зайти либеральные реформы и в какие сроки они должны выполняться. Растет понимание того, что секуляризация, по крайней мере частичная, необходима. Об этом говорят даже высшие духовные лица (аятоллы Монтазери).

В целом ситуацию в стране, несмотря на ряд массовых выступлений студенчества летом 2003 года с требованиями отставки президента Хатами за его недостаточную деятельность в продвижении либеральных реформ, на обострившееся противоборство реформаторов и консерваторов в период парламентских выборов 2004 года, пока можно оценить как достаточно стабильную. Однако в том случае, если острые социально-экономические проблемы (высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, старение основных фондов и нехватка инвестиций, бюджетные трудности и др.) не будут решены, страну могут ожидать потрясения. Ситуация может также обостриться после ухода духовного лидера страны Хаменеи. Его преемниками называют консервативно настроенного руководителя судебной власти страны аятоллу Хашеми-Шахруди, аятоллу Монтазери, представляющего реформаторское направление, бывшего президента Ирана, председателя Совета государственной целесообразности Рафсанджани и др.

Победу консерваторов на парламентских выборах в феврале 2004 года вряд ли можно расценивать однозначно как результат их реваншистской деятельности. Причины поражения реформаторов — что признают и их представители — во многом объясняются их собственными промахами, нерешительностью в проведении обещанного избирателям реформаторского курса, низкой результативностью социально-экономической политики.

Не прошли даром уроки последних лет и для консерваторов, которые, похоже, признали необходимость определенной либерализации социально-экономической политики, расширения свобод и прав человека. В традиционном новогоднем послании духовный лидер страны Хаменеи заявил, в частности, что все ветви власти должны уделить особое внимание науке, борьбе с коррупцией, бедностью, ущемлением прав граждан, способствовать воцарению правосудия.

Все это свидетельствует о том, что Иран в своей внутренней политике постепенно переходит к более прагматическому курсу, учитывающему реалии сегодняшнего дня.

Вместе с тем многое для будущего страны могут определить очередные выборы президента страны летом 2005 года. Подготовка к ним уже началась. И проходит она вновь под знаком соперничества реформистского и консервативного крыльев политической элиты страны.

2. В последнее время, наряду с общим нагнетанием напряженности вокруг Ирана, **обостряется проблема Южного Азербайджана**. Она особенно обострилась после того, как бывший президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей заявил о необходимости воссоединения Северного Азербайджана с Южным. Хотя официальные власти Тегерана не признают наличие такой проблемы, однако она существует давно и всегда была непростой для многонационального Ирана. Многие аналитики, сравнивая эту проблему с курдской, считают, что она не только несет угрозу расчленения страны, но и может взорвать ситуацию во всем регионе. Более того, ряд зарубежных исследовательских центров прогнозируют, что проблемы курдов и южных азербайджанцев предопределят развитие геополитических процессов в регионе Большого Кавказа в ближайшую четверть века, и считают современные межэтнические проблемы в этом районе предвестниками будущих межнациональных потрясений, которые прежде всего затронут Турцию и Иран. Обе проблемы уже сегодня создают напряженность в отношениях между этими странами и служат поводом для взаимных обвинений в подстрекательстве к сепаратизму¹⁰.

За последние 10 лет у азербайджанцев в Иране резко возросли сепаратистские настроения в силу как внутренних причин, так и целенаправленной деятельности внешних сил, в первую очередь Соединенных Штатов, которые естественное стремление южных азербайджанцев к расширению своих прав и свобод не прочь использовать в собственных политических целях в Иране. Некоторые аналитики из-за проблемы Южного Азербайджана предрекают распад Ирана и возможное появление на Южном Кавказе нового госу-

¹⁰ Независимая газета. 2000. 24 окт.

дарственного образования — Объединенного Азербайджана. Во всяком случае, можно констатировать, что проблема Южного Азербайджана из внутрииранской переросла в ранг межгосударственных. Она создает дополнительную напряженность в отношениях Ирана с Азербайджаном, Турцией, США.

Как бы то ни было, но эта проблема действительно требует серьезного решения тегеранских властей, предоставления Южному Азербайджану прав автономии.

3. На международной арене в последние годы руководство Ирана осуществило заметный поворот к открытости и выходу страны из самоизоляции от внешнего мира. Не увенчались успехом и усилия Соединенных Штатов, направленные на то, чтобы политическими и экономическими акциями добиться полной изоляции ИРИ в мире. Не помогло даже введение в мае 1995 года полного эмбарго на торговлю с Ираном, которое действует и поныне, и предпринимаемые Вашингтоном меры давления на другие страны для того, чтобы заблокировать их торговые связи с этой страной.

Сегодня можно констатировать, что международные контакты Ирана и его сотрудничество с другими государствами расширяются. При этом, по-видимому, предпочтение отдается Объединенной Европе. Другими важными партнерами являются Россия, Япония, Германия, Китай, Индия. Особое внимание Иран уделяет сотрудничеству с новыми государствами Центральной Азии и Закавказья, образовавшимися после распада СССР. Среди этих стран наиболее близкие отношения складываются с Туркменией и Киргизией. Особое место во внешней политике Ирана занимает Азербайджан, в частности из-за проблемы Южного Азербайджана, неразрешенных споров по поводу принадлежности ряда месторождений на Каспийском море, дружеских отношений между Тегераном и Ереваном и проармянской позиции Ирана по Нагорному Карабаху.

В целом можно сделать вывод, что Иран сегодня находится внутри силового треугольника США — Евросоюз — Россия, и его внешняя политика во многом определяется не только собственными интересами, но и результирующей сил в границах этого треугольника.

4. Актуальный вопрос, который поставлен сегодня перед мировым сообществом и который, по-видимому, не снят с повестки дня: станет ли Иран очередной мишенью силовой политики Соединенных Штатов. Какие бы споры ни происходили вокруг планов США в отношении Ирана, ясно одно — в дальнейших планах США по перестройке ближневосточного региона, являющихся важной частью новой глобальной концепции Вашингтона, Иран сегодня занимает одно из ведущих мест. Иран, по-видимому, должен был стать третьим этапом превентивной мегаоперации, проводимой США на Ближнем

Востоке. Трудности, с которыми столкнулся Вашингтон в Ираке и в ближневосточном урегулировании, затормозили ход этой операции, но пока не привели к ее свертыванию. При этом к тем обвинениям, которые Вашингтон выдвигает против Ирана — нарушение режима нераспространения и стремление создать под прикрытием развития атомной энергетики собственное ядерное оружие, поддержка международных террористических организаций, попрание прав человека, несоблюдение демократических прав и свобод, может также добавиться обвинение Тегерана во вмешательстве в ситуацию в Ираке. Во всяком случае, как писала газета «Нью-Йорк Таймс» 8 апреля 2004 г., ссылаясь на источники в секретных службах США, некоторые высокопоставленные военные из Пентагона жаждут любыми способами связать Иран с последними событиями в Ираке¹¹. Госдепартамент США подтвердил, что было много сообщений и докладов о вмешательстве Ирана в события в Ираке, но все они лишены убедительных аргументов. Однако Пентагон продолжает вести свою линию.

С достаточно высокой степенью уверенности можно утверждать, что Соединенные Штаты не оставят Иран в покое. Эта страна для Вашингтона — та враждебная сила, которая может помешать их планам по задуманному ими переустройству «Большого Ближнего Востока» по собственным демократическим лекалам. При этом надо признать, что опасения администрации Буша относительно возможности попадания ядерного оружия Ирана (если бы оно было создано) в руки враждебных США террористических организаций все же имеют под собой некоторые основания. Однако все эти опасения можно снять политико-дипломатическими средствами, в частности ужесточением режима контроля по линии МАГАТЭ, для чего от Ирана требуется полностью открыть свою ядерную программу, ратифицировать подписанный им в конце 2003 года Дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия. Именно на это направлены сегодня усилия сторонников мирного разрешения конфликта, прежде всего Евросоюза и России.

Может ли вашингтонская администрация удовлетвориться не сменой политического режима, а корректировкой курса нынешнего руководства Ирана в сторону сближения с США? Если это ее и устроит, то лишь как временная мера, тем более что даже вынужденная «холодная дружба» Ирана с США позволит Вашингтону усилить свое влияние в стране и возможности по смене «команды мулл».

В целом пока все говорит о том, что Соединенные Штаты, твердо намерившись сменить режим в Тегеране, стремятся довести дело до кон-

¹¹ См.: Iran News. 2004. 20 мая.

ца относительно мирными средствами, во всяком случае, без нанесения массированных ракетно-бомбовых ударов, которые в последние годы становятся главным средством «дипломатии «Томагавков»». При этом опора будет делаться на внутреннюю оппозицию, использование различного рода побочных факторов, направленных против неугодного режима, в том числе с применением возможностей спецслужб и массированного информационного воздействия, использование этнонациональных проблем (Южный Азербайджан).

Решатся ли Соединенные Штаты в складывающейся обстановке начать в ближайшем будущем полномасштабные военные действия против Ирана? Думается, что в нынешних условиях это маловероятно, хотя полностью военный вариант исключать нельзя. Он может быть применен в небольших масштабах, например, путем нанесения ограниченного ракетного удара по некоторым объектам ядерной промышленности. Представители Пентагона уже заявляли о возможности нанесения таких выборочных ракетных ударов, если Иран будет все же реализовывать свою военную ядерную программу, в существовании которой военно-политическое руководство США до последнего времени не сомневалось.

Этот вывод подтверждается и тем, что Палата представителей конгресса США проголосовала за нанесение упреждающих ударов по территории Ирана («за» проголосовали 376 человек, «против» — 3). В СМИ США сообщалось, что план военной акции против Ирана был разработан Пентагоном еще в мае 2003 года. Согласно плану, США могут нанести ракетный удар по объектам, связанным с ядерной программой Ирана, — Араку, Натанзу, Исфагану и Буширу, а запуск ракет может производиться, в частности, из Ирака¹².

Что касается **возможных сроков** непосредственного начала военной операции против Ирана (если решение о ней будет все же принято), то они, по-видимому, будут определяться рядом факторов, в том числе президентскими выборами в США в 2004 году. Летом 2005 года должны пройти президентские выборы в Иране. Примерно к этому же сроку должен быть «приведен к общему знаменателю» Ирак: к 31 декабря 2005 г. планируется принятие постоянной конституции Ирака, проведение всеобщих выборов и формирование постоянного правительства. До тех пор американские оккупационные войска, скорее всего, останутся на территории Ирака¹³.

¹² Экономическая и философская газета (Москва). 2004. 1 июня (со ссылкой на американское интернет-издание Independent Media).

¹³ В резолюции СБ ООН по Ираку №1546 от 8 июня 2004 г. говорится, что мандат многонациональных сил истечет по завершении политического процесса в Ираке (к 31 декабря 2005 г.) или будет прекращен раньше, «если об этом попросит правительство Ирака».

Поэтому можно предполагать, что в ближайшие год-полтора США вряд ли решатся на какие-либо активные военные действия против Ирана, если не последуют какие-либо форс-мажорные обстоятельства. Многое будет зависеть и от того, как будет развиваться ситуация в Ираке.

5. Является ли развернутая Соединенными Штатами борьба против ядерных программ Ирана настоящей причиной готовящейся ими операции или она служит маскировкой, предназначенной для сокрытия истинных целей? Думается, что у США действительно существуют искренние опасения относительно угроз, которые может нести им и их ближневосточным союзникам Иран в качестве ядерного государства. Подписание Дополнительного протокола к ДНЯО не сняло опасений Вашингтона относительно военных ядерных программ Ирана. 22 апреля 2004 г. президент США Дж. Буш в очередной раз обвинил Иран в намерении создать собственное ядерное оружие. Он, в частности, заявил: «Белый дом считает неприемлемым вероятное обладание Ираном ядерным оружием, так как цель Ирана, о которой Тегеран ранее заявлял, — уничтожить Израиль. Если Иран продолжит свои стремления к обладанию ОМУ, мировое сообщество через ООН будет препятствовать его стремлениям». Позднее, 2 июня 2004 г., уже после завершения очередных инспекций МАГАТЭ, официальный представитель госдепартамента США Ричард Баучер заявил, что Иран продолжает скрывать свою ядерную программу, которая носит военный характер.

Но, как показывает беспристрастный анализ, ядерная угроза со стороны Ирана в известной мере надуманная, особенно после того как Иран подписал Дополнительный протокол и открыл свою ядерную программу. И хотя к ней еще есть некоторые вопросы со стороны МАГАТЭ, они вполне могут быть решены и решаются за столом переговоров. При изучении позиции и действий США по этой проблеме невольно напрашивается аналогия с так и не обнаруженным ОМУ Ирака, которое послужило поводом для США начать вторжение.

Безусловно, у США в Иране есть и другие цели, помимо предотвращения так называемой иранской ядерной угрозы. Иран — обладатель крупнейших запасов нефти и газа. Если США удастся стабилизировать обстановку в Ираке и хотя бы частично вернуть свое бывшее влияние в Иране, они смогут так или иначе контролировать практически все мировые запасы нефти. Иран становится также перекрестком важнейших транспортных магистралей современного мира. Тот, кто будет их контролировать, получит неоспоримые и геополитические, и геостратегические, и геоэкономические преимущества. Наконец, Иран — весьма влиятельная и авторитетная держава в мусульманском мире, и установление нормальных отношений с ней в случае замены нынешнего режима на более лояльный поможет США в их от-

ношениях с другими мусульманскими странами и в реализации вынашиваемых ими планов перестройки этого беспокойного мира.

Лишним доказательством того, что иранская ядерная программа служит для США не столько конечной целью их политики в отношении Ирана, сколько поводом для давления на эту страну, является, в частности, выступление президента США Дж. Буша по случаю 20-летия Национального фонда за демократию в начале ноября 2003 года. Соглашаясь с тем, что «ислам совместим с демократическим правлением», Дж. Буш тем не менее подчеркнул, что во многих странах Ближнего Востока существует «дефицит свободы», который порождает нищету и застой. Среди стран, которые игнорируют призывы к демократическим реформам, он назвал Сирию и Иран. При этом в отношении Ирана американский президент высказался достаточно недвусмысленно: «Тегеран должен либо прислушаться к требованиям иранского народа, либо утратить последнюю претензию на легитимность»¹⁴. Какими методами и средствами Вашингтон будет добиваться «нелегитимности» нынешних иранских властей — вопрос другой. Но ясно, что подписание Тегераном Дополнительного протокола к ДНЯО и полная прозрачность ядерной программы Ирана не остановят американскую администрацию в ее стремлении к демократическому переустройству этой страны по собственным лекалам.

Другое дело, что в последнее время появился ряд других — внешних и внутренних — факторов, которые могут охладить «реформаторский» пыл нынешней американской администрации, скорректировать проводимую ею бескомпромиссную линию, заставить прислушиваться к мнению мирового сообщества и в первую очередь считаться с мнением своих ближайших союзников. Это — Ирак, сложности в отношениях с Евросоюзом и его ведущими странами, внутренние проблемы. В частности, появились признаки того, что Вашингтон в борьбе с ядерными планами Тегерана опасается действовать в одиночку, как это было с Ираком, а намерен подключить к ней ООН, создав тем самым легитимную основу для интервенции в Иран, если потребуется.

6. Интересы России заключаются в том, чтобы Иран, один из основных наших торговых партнеров и политически лояльный сосед, оставался стабильным государством с процветающей экономикой. Совершенно не в интересах России, чтобы Иран стал обладателем ядерного оружия (которое, кстати, отнюдь не поднимет резко уровень его собственной безопасности — скорее наоборот). Появление ядерного оружия у Ирана не только кардинально изменило бы стратегическую обстановку в этом беспокойном и конфликтном регионе (и так уже характеризую-

¹⁴ <http://www.voanews.com>. 2003. 9 нояб.

шимся чрезвычайной плотностью ядерных государств: Израиль, Пакистан, Индия, не считая России и США). Оно послужило бы поводом для резкой дестабилизации обстановки в регионе, повлияло бы на глобальную стабильность, причем не в лучшую сторону.

С другой стороны, для России неприемлемым является любое силовое вмешательство США в Иране. Последствия его были бы для всех, в том числе и для РФ, более тяжелыми, чем последствия войны в Ираке. Помимо намного более ощутимых экономических потерь война против этой страны привела бы к дестабилизации обстановки не только на Ближнем Востоке, в странах Центральной Азии и Закавказья, но и в южных регионах России.

К тому же, как показали события самого последнего времени, решать спорные проблемы, в том числе связанные с опасениями угрозы распространения ядерного оружия, вполне можно за столом переговоров, политическими средствами, а в случае необходимости оказывая давление на подозреваемые страны с использованием экономических санкций, добиваться более активной роли ООН, МАГАТЭ и других соответствующих международных органов. Сегодня это наиболее эффективный путь противостоять распространению ядерного оружия без применения военной силы, чреватого подрывом стабильности в регионе на долгие годы.

**РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮЖНОМ
КАВКАЗЕ: ПАРТНЕРСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?**

Кавказ на протяжении всей истории был одним из важнейших регионов соперничества между Турцией и Россией и временами становился причиной ожесточенных конфликтов. В периоды же отсутствия войн стороны существовали в условиях «холодной войны». Распад СССР, кардинально изменив геополитическую ситуацию в мире, также существенно повлиял на российско-турецкие отношения. Стремление Турции сблизиться в постсоветский период с новыми тюркскими государствами привел к новому этапу российско-турецкого соперничества. В то же время становилось ясно, что у двух государств есть предпосылки не только для геополитической борьбы, но и для конструктивного сотрудничества на евразийском геополитическом пространстве. Ярким примером стал договор, подписанный министрами иностранных дел России и Турции в Нью-Йорке 16 ноября 2001 г.

Этот договор, получивший название «План содействия сотрудничеству в Евразии», предусматривает разностороннее сотрудничество на евразийском пространстве. В то же время он не ограничивает сотрудничество в регионе рамками лишь двух государств. Планируется, что договор будет стимулировать многостороннее сотрудничество на евразийском пространстве. Особая роль при этом уделяется странам Южного Кавказа. Стороны также планируют, что договор выведет взаимоотношения России и Турции на новый уровень — «уровень усиленного конструктивного сотрудничества».

Подписав «План содействия сотрудничеству в Евразии», стороны также подтвердили «взаимное уважение территориальной целостности, суверенитета и независимости». После подписания документа проблема борьбы с международным терроризмом стала одной из важнейших сфер сотрудничества между двумя государствами.

В то же время, несмотря на евразийский охват данного договора, основным предметом как сотрудничества, так и соперничества России и Турции был и остается Южный Кавказ. Становится все более очевидно, что после эпохи соперничества 1990-х, порой основанного на старых предрассудках, стороны все активнее переходят к этапу взаимного доверия и конструктивного сотрудничества. Одним из самых ярких примеров может служить недавно проведенный в жизнь проект

газопровода «Голубой поток», который вместе с другими российскими газопроводами уже покрывает 70% нужд Турции в газе. На сегодняшний день это крупнейший проект с участием России и Турции. Необходимо также упомянуть, что в настоящий момент товарооборот между двумя государствами составляет приблизительно 6 млрд. долл., объем турецких капиталовложений в России — 17 млрд. долл., каждый год 2 млн. туристов из России посещают Турцию. Наконец, немаловажном, что российская компания «Татнефть» приобрела в ходе приватизации в Турции крупнейший нефтеперерабатывающий завод.

Хотелось бы отметить, что геополитическое значение Южного Кавказа определяется, по крайней мере, двумя аспектами. Во-первых, через этот регион пролегают пути, связывающие Запад и Восток, во-вторых, регион богат энергетическими ресурсами. Дополнительное значение Южному Кавказу придает еще и то, что он граничит с Россией.

Отмеченные аспекты, на первый взгляд, могут быть существенными причинами соперничества России и Турции за контроль над регионом. И в принципе в начале 1990-х годов существовал именно такой тип отношений между двумя государствами. Основной причиной соперничества были маршруты трубопроводов для транспортировки нефти и газа из Каспийского региона.

Так, Турция продвигала свой вариант прохождения нефтепровода по маршруту Баку—Тбилиси—Джейхан. Этот вариант поддерживали США и некоторые другие западные страны. Россия же прикладывала усилия для того, чтобы основная нефтяная магистраль прошла по линии Баку—Новороссийск. Однако последний вариант является ограниченным географически: он не предоставляет непосредственный доступ нефти в западные страны. По этой причине, а также ввиду поддержки влиятельных западных государств первый вариант пролегания трубопровода выглядит более вероятным. В то же время даже это соперничество России и Турции способствует постепенному налаживанию сотрудничества в данной сфере, так как возможно участие российского нефтяного гиганта «ЛУКОЙл» в использовании будущего трубопровода Баку—Тбилиси—Джейхан. Принимая во внимание мировую ситуацию в нефтяной сфере, не только компания «ЛУКОЙл», но и Россия в целом крайне заинтересована в появлении новых каналов для экспорта энергоносителей.

В настоящее время единственным государством, объем экспорта нефти которого превышает подобный показатель России, является Саудовская Аравия. Поэтому сотрудничество с Турцией в области транспортировки энергоносителей в дополнение к уже созданному каналу в рамках проекта «Голубой поток» может стать дополнительным каналом сбыта российской нефти на западные рынки через тер-

риторию Турции, причем не только из Каспийского региона, но и из внутренних месторождений России.

Для реализации проекта можно использовать два варианта. Во-первых, нефть из Каспийского региона и внутренних месторождений России может транспортироваться через территорию Грузии. Для этого с черноморского побережья России необходимо провести трубопровод до территории Турции, где его необходимо будет соединить с трубопроводом Баку–Джейхан. Это будет способствовать улучшению российско-грузинских отношений и стабилизации ситуации в Грузии. Если подобный вариант окажется неприемлемым, Россия может рассмотреть и другую схему. В соответствии с ней можно транспортировать нефть на танкерах из Новороссийска до турецкого порта Самсун, расположенный на черноморском побережье Турции. Для дальнейшей транспортировки будет необходимо провести трубопровод, соединяющий черноморское и средиземноморское побережья Турции.

В целом нефть, как и газ, может стать в отношениях России и Турции не предметом спора, а средством налаживания взаимовыгодного сотрудничества.

Если рассмотреть по отдельности страны региона в контексте российско-турецкого партнерства и соперничества, эти взаимоотношения можно представить в следующем виде. Азербайджан, например, является самой удобной страной для сотрудничества России и Турции. Грузия занимает среднее положение на шкале благоприятных условий для сотрудничества двух стран. Армения же по причине некоторых исторически сложившихся предрассудков **на данный момент** не представляет собой благоприятную среду для конструктивного взаимодействия России и Турции. В то же время Армения может стать очень перспективным пространством для сотрудничества, но только в том случае, если победит здравый смысл.

Перспективы сотрудничества России и Турции не ограничиваются лишь геополитическими и экономическими вопросами. Не менее актуальной сферой сотрудничества между двумя государствами является борьба с терроризмом. В Турции есть очень известная поговорка: «Damdan dusenin halini ancak damdan dusen anlar», которую приблизительно можно перевести так: «Только тот может понять упавшего с крыши, кто сам упал с крыши». Одной из стран, наиболее пострадавших от терроризма, несомненно, является Турция. В течение последних двадцати лет более 35 тыс. невинных граждан Турции стали жертвами террористических актов.

Международный терроризм — общее зло, с которым должны бороться как Турция, так и Россия. Терроризм транснационален и трансконфессионален, террорист, какой бы национальности он ни был, везде остается террористом. Террористы взрывали метро в Моск-

ве, террористы взрывали гражданские объекты в Стамбуле. И в России, и в Турции сотни и тысячи невинных людей стали жертвами терроризма.

Совершенно очевидно, что проблемы региона могут и должны решаться прежде всего государствами, расположенными в этом регионе. Россия и Турция — страны, являющиеся соседями на Южном Кавказе. И решение проблем региона — дело не внешних сил. Ключом к благополучию и процветанию Южного Кавказа является сотрудничество России и Турции. Внерегиональные державы могут просто уйти из региона, если встретятся здесь с непредвиденными трудностями, а мы не можем никуда уйти, потому что здесь живем. Если мы не будем сотрудничать и не будем помнить уроки истории, история будет вновь повторяться и преподносить нам новые уроки.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ:
ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ТРЕХ ВАРИАНТОВ**

Иногда можно услышать, что в современной России стратегическая линия в проведении национальной политики отсутствует, что действия государственных органов носят в основном характер тактический, порой импровизационный, направленный не столько на длительную перспективу, сколько на решение сиюминутных задач. Так ли это? И да и нет! Нет — уже потому, что у нас в 1996 году была подготовлена и подписана президентом страны Концепция государственной национальной политики, где сформулированы и общие цели политики, и ее основные задачи и принципы. Государственная дума приняла за последние годы ряд соответствующих федеральных законов, конкретизирующих некоторые положения Концепции, а в ряде субъектов федерации приняты собственные местные законы, регулирующие сферу межнациональных отношений.

И все же на вопросы: в чем стратегическое (именно стратегическое) направление сегодняшней национальной политики, каково ее нынешнее содержание и чем оно отличается от предыдущего, однозначно ответить сложно.

Вообще складывается впечатление, что национальная политика постепенно начинает отходить у нас на задний план. Дескать, пик крупномасштабных конфликтов страна миновала, а значит, и необходимость в целенаправленном воздействии на сферу этнической жизни отпадает. Но ведь главная задача любой политики (в том числе и национальной) не в тушении пожара, а в его недопущении, в создании таких условий, когда он в принципе станет невозможным. И здесь можно только повторить, что четкого понимания, как этого достичь, у нас пока не просматривается.

Три варианта национальной политики

А что в этой связи показывает исторический опыт, как мировой, так и отечественный? Конечно, сам по себе этот опыт неоднозначен, относиться к нему следует осторожно, критически. И все-таки исходя из него, можно выделить три основных стратегических направления, по которым в полиэтнических государствах осуществлялась и осуще-

ствляется национальная политика. Именно три, ибо ничего другого (если, конечно, говорить о стратегии, а не о конкретной тактике) человечество пока не придумало.

Первым из таких направлений можно считать политику *государственного патернализма* или, как иногда говорят, патронажа. Второе выражается в идее мультикультурализма или этнического плюрализма. Наконец, третье основывается на идеологии *унификации и ассимиляции*, а наиболее яркое свое воплощение оно получило в концепции «плавленного котла». Существует, правда, еще одно направление — так называемый «внутренний колониализм», когда доминирующий внутри государства этнос подчиняет себе и эксплуатирует все остальные. Однако в силу своей абсолютной неприемлемости для современной России данный случай не будет даже рассматриваться.

Под *государственным патернализмом* подразумевается такой вариант национальной политики, когда с помощью государственных ресурсов осуществляется целенаправленное воздействие на развитие тех или иных народов. При этом государство сознательно регулирует темпы развития разных народов, стимулируя и поддерживая более высокий его уровень у одних по сравнению с другими. Делается это в основном для ликвидации существующего социально-экономического разрыва между этносами или регионами страны, для того чтобы уровень развития одних как можно быстрее подтянуть до уровня развития других. Конечно, помимо преодоления неравенства у патерналистской политики могут быть и другие цели, но в любом случае главное внимание уделяется в ней именно процессу развития, корректировке его темпов с помощью соответствующих льгот, предпочтений, выделения квот и т. д. Ярким примером такого подхода является политика «коренизации аппаратов на местах», проводившаяся в Советском Союзе начиная с 20-х—30-х годов.

В современной России одним из документов патерналистской направленности можно считать Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», принятый Государственной думой в 1999 году.

Политика *мультикультурализма* основной упор делает на другом. Здесь главным становится не столько стимулирование экономических или социальных аспектов развития народов, сколько создание равных условий для такой самореализации каждого, к которой он более склонен (пусть даже подобная самореализация лежит вне рамок «индустриального развития»). При этом народы получают право на соответствующие формы этнического самоуправления, в том числе на создание своих национально-культурных автономий, различных общественных организаций, на получение доступа к своей культуре независимо от того, в какой части страны проживают его представители.

Благодаря подобному подходу сохраняется и поддерживается этническая самобытность (непохожесть) народов, а значит — этническое многообразие страны. Что касается государства, то для него здесь на первое место выходит не столько принцип «помогать», сколько принцип «не мешать», а основной его задачей становится разработка законодательной базы, создающей максимально благоприятные условия для самореализации всех и каждого.

В современной России вариантом мультикультуралистического подхода можно считать Федеральный закон «О национально-культурной автономии», принятый Государственной думой в 1996 году.

Что касается унификаторской политики, то она выражается в стремлении государства к эрозии (размыванию) этнических и культурных различий между разными группами граждан, в постоянном стимулировании этого процесса. Одна из попыток проведения подобной политики была предпринята на рубеже XIX—XX веков в США и выразилась в знаменитой концепции «плавильного котла», гласившей, что представители разных народов, приехавшие в страну, должны переплавиться в единую американскую нацию, единую не только в экономическом или социально-политическом, но и в этническом отношении.

В сегодняшней России вариантом унификаторских настроений можно считать ликвидацию графы «национальность» из новых паспортов. В том же унификаторском русле лежит и вестернизация, т. е. массированное (по сути беспрепятственное) внедрение в культуру, сознание и быт российских народов безнациональной (значит, и бездуховной) западной массовой культуры.

Таким образом, даже беглый анализ показывает, что сегодня в Российской Федерации обозначились и тенденции к патернализму, и ориентация на мультикультурализм, и потуги унификаторского свойства. Однако неясно, какое из трех стратегических направлений национальной политики признается ведущим. Дискуссионным остается и другой вопрос: которое из обозначенных направлений в наибольшей степени отвечает сегодняшним интересам как Российского государства в целом, так и каждого из проживающих в нем народов. Чтобы ответить на поставленные вопросы, надо подробнее рассмотреть сильные и слабые стороны каждого из этих трех вариантов национальной политики.

Плюсы и минусы государственного патернализма

Казалось бы, политика государственного патернализма должна отвечать интересам и чаяниям многих народов. Ведь она способствует ускоренному развитию тех этносов, которые по экономическим

или социальным параметрам отстают от других либо вообще пока не достигли стадии индустриального развития. Такие народы получают гарантированную поддержку, их развитие стимулируется и доводится до уровня, позволяющего быстро сравняться с другими. Само государство тоже при этом выигрывает, ведь выравнивание развития этносов и регионов должно, по идее, улучшать всю систему управления.

Но в том то и дело, что политика патернализма отвечает интересам хоть и значительного числа, но отнюдь не всех народов страны. Ведь поддержание завышенных темпов развития одних возможно лишь за счет ограничения темпов развития других. Это своего рода закон сообщающихся сосудов. При этом еще вопрос, насколько ее проведение отвечает интересам всех тех народов, которые на стадию индустриального развития не вступили. Патернализм, в силу своей природы, тяготеет к типологизации, он не в состоянии учитывать этнические предрасположенности каждого народа; развитие всех направляется по одному и тому же пути, ведущему в конечном итоге ко всеобщей нивелировке. Вряд ли необходимость «индустриального прорыва» может оправдать отказ от этнической самобытности, а резкий разрыв с устоявшимся бытом, средой обитания, традициями, культурой вряд ли пойдет кому-то на пользу. Конечно, искусственно сохранять «этнические заповедники» тоже не выход, да они в современном мире просто нереальны. Однако нельзя забывать, что в сфере этнической жизни действуют, помимо прочих, еще и собственные законы развития, не всегда совпадающие с законами экономическими или социальными, а их опять же искусственное нарушение (даже в благих целях) может привести к нежелательным последствиям.

Что касается интересов государства, то и здесь не все просто. Главная проблема патерналистской политики заключается в том, что она должна иметь свои пределы, определить которые, а главное — переориентироваться после их определения, далеко не просто. Она должна гибко реагировать на постоянно меняющиеся реалии, иначе может перерасти в свою противоположность, привести к результатам, обратным тем, которые замышлялись. Примером сказанного может служить опыт национальной политики в Советском Союзе.

Известно, что после образования СССР большевики, чтобы выравнивать уровень развития советских народов, начали проводить уже упоминавшуюся линию «коренизации аппаратов на местах». Помимо выделения «национальным окраинам» соответствующих ресурсов, она включала и подготовку «национальных кадров» (интеллигенции, управленцев, руководителей разного уровня). Нуждавшимся народам представлялась система квот для зачисления их представителей в вузы, последующего принятия на ключевые должности и т. д. Основы

патернализма в национальной политике заложили еще X и XII съезды РКП(б), определившие, что важнейшей задачей партии того времени являлись «последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и прежде всего планомерное насаждение промышленности на окраинах путем переноса фабрик к источникам сырья»¹. Для индустриализации «национальных окраин» требовались кадры, а получить их можно было только путем выделения уже упоминавшихся квот для представителей тех или иных национальностей. Так логика становления советского государства продиктовала общую стратегическую линию в сфере национальной политики.

Сегодня ведутся дискуссии: правильно или нет поступили большевики, взяв курс на «коренизацию аппаратов», введя систему квот и предпочтений для многих народов страны? Думается, подобная постановка вопроса не совсем корректна. «Этническое квотирование» в Советском Союзе являлось неотъемлемой частью политики государственного патернализма, а без нее о быстром выравнивании уровня развития народов и регионов, а значит о создании единой системы управления страной, не могло быть и речи. Корректнее ставить вопрос по-другому: до каких пор политика «коренизации» выполняла общественно значимые функции, а с какого времени она переросла в свою противоположность? Любое общественное явление всегда надо рассматривать конкретно исторически, иначе его интерпретация будет односторонней.

По всей видимости, патернализм в сфере этнической жизни советского государства был на определенном этапе, а именно в первые годы его существования, оправдан. Тогда действительно требовались экстренные меры для прорыва, для преодоления ничем не оправданных противоречий и неравномерностей. Однако уже к концу 30-х годов политика патернализма основные свои функции, по сути, выполнила. В стране была ликвидирована неграмотность, для абсолютного большинства народов созданы собственные (национальные) кадры интеллигенции, управленческого персонала, специалистов самого разного профиля. «Национальные окраины» получили мощные ресурсы, позволявшие все увереннее опираться на собственные силы, в том числе на собственный кадровый потенциал. Тем не менее система «этнических льгот и привилегий» продолжала действовать как на местном уровне, так и во всесоюзном масштабе. Она действовала и в 50-е, и в 60-е, и в 70-е, и даже в 80-е годы, вплоть до распада Союза.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1979. Т. 2. С. 253.

А теперь представим, что группа каких-то народов регулярно, из десятилетия в десятилетие, получает преимущества для зачисления своих представителей в престижные вузы, им отдаются предпочтения при последующем принятии на значимые должности, их представители формируют кадровый состав в важнейших сферах жизнедеятельности того или иного региона. К чему подобная, поощряемая государством стратегия приведет в конечном итоге? К тому, что рано или поздно в разных регионах страны возникнут сферы жизнедеятельности, фактически становящиеся привилегией лиц той или иной национальности (неважно, какой именно). Возникнет то, что в западной социологии давно уже обозначается термином «этническая стратификация».

Вообще под понятием «этническая стратификация» в современной западной социологии подразумевается ситуация, когда разные иерархические слои общества (страты) начинают формироваться из представителей только определенных этнических групп. В итоге доступ людей к материальным ресурсам, благам, властным полномочиям, а также общие жизненные шансы индивида все жестче начинают определяться его этнической принадлежностью, тем, какие общественные страты контролируют представители его этноса². Необходимо подчеркнуть: первыми обратили внимание на данное явление западные, в частности американские, социологи, разработав в середине 70-х годов соответствующую научную концепцию. И хотя первоначально она описывала ситуацию в западных государствах, и в первую очередь в США, тем не менее признаки этнической стратификации существовали уже тогда и в СССР. При этом одной из причин их возникновения у нас стала вовремя не скорректированная патерналистская политика в сфере этнической жизни.

Вообще причины, порождающие этническую стратификацию, — тема особая, в отечественной науке она пока еще серьезно не разработана. Но со всей определенностью можно сказать: одной из форм проявления этнической стратификации стали возникшие в советских республиках «этнократии», т. е. политические элиты, формируемые по однопациональному принципу. А как они могли не возникнуть, когда их целенаправленно и планомерно создавали (именно создавали) путем распределения должностей (как в партийном, так и в государственном аппаратах) по этническому принципу? Именно этнократии сыграли затем не последнюю роль в разжигании крупномасштабных межэтнических конфликтов, предшествовавших, как увертюра, распаду страны. Ведь интересы групп, в частности этнократий, рано или по-

² Об основных постулатах и посылах концепции этнической (или национальной) стратификации см.: Социология межнациональных отношений. М., 1996. С. 42–61.

дно начинают превалировать над интересами основной массы населения, в частности народов, которые они представляют.

Еще одним следствием вовремя не скорректированного патернализма стала проблема самого крупного народа страны — русского. Корни ее уходят также в 20-е и 30-е годы, когда вследствие курса коренизации под национальной политикой фактически начали подразумевать политику в отношении нерусских народов. Считается (и с этим в принципе можно согласиться), что на данном историческом этапе подобное понимание сути национальной политики было оправдано. Однако времена менялись, менялось состояние дел в стране, а приоритеты национальной политики оставались прежними; она, как и раньше, ориентировалась в основном на нерусские этносы. В итоге произошел парадокс: самый крупный этнос страны — русский — фактически выпал из сферы национальной политики, перестал быть ее объектом и субъектом. Один только факт: за всю историю СССР не было принято ни одного официального документа, в котором хотя бы упоминалось о его проблемах. А проблемы у русских, как и у всех остальных, естественно, существовали, но для их решения вообще ничего не предпринималось. И произошло то, что должно было произойти: маятник в конечном итоге резко качнулся в прямо противоположную сторону.

Конечно, не только русский народ оказался сегодня в трудном и противоречивом положении, проблемы других не менее остры, порой просто вопиющи. И тем не менее выделение именно «русского вопроса» в качестве одной из самостоятельных проблем сегодняшней национальной политики представляется оправданным. Не потому, что он лучше или хуже других, а по одной причине — это самый крупный этнос страны; сегодня (по переписи 2002 года) удельный вес русских составляет 80% общего населения России. Поэтому любые катаклизмы, связанные с ним, любые попытки использовать «русский вопрос» в практике политической борьбы не могут обойти стороной никого. Такова реальность, нравится она кому-то или нет.

Парадокс, но когда разговариваешь с политиками или чиновниками, специализирующимися на защите русского народа, то на вопрос: а в чем именно заключаются его проблемы — внятного ответа, как правило, не следует. В самом деле, разве кому-то не разрешается говорить по-русски? Разве в российских школах или вузах запрещено преподавание на русском языке? Или, может быть, русским не дают изучать свою историю и культуру? В чем же тогда проблемы? А они действительно имеются, причем острота их, к сожалению, нарастает. Но, увы, как правило, ничего другого, кроме ссылок на отсутствие в России особой «русской республики» (республики только для русских?) и отсутствие специального закона о русском народе вы не ус-

лышите.³ Да в этом ли дело? Во Франции, например, тоже нет особой республики для французов, хотя там удельный вес французов ниже, чем русских в России. И что в конечном итоге должен зафиксировать закон о русском народе — его особый статус, преимущества перед другими или наоборот? Если ни то, ни другое, зачем тогда он вообще нужен? Невольно возникает вопрос: не является ли муссирование надуманных, искусственных проблем попыткой увести общественное мнение от проблем реальных, которые действительно имеются. В чем же они состоят?

Думается, можно выделить несколько основных, действительно жизненно важных проблем, стоящих сегодня перед русским народом. Первая из них — демографическая. Дело в том, что начиная с 90-х годов русский народ оказался в ситуации катастрофической — ежегодно с этого времени смертность у русских превышает рождаемость примерно на миллион человек. Если в современной России насчитывается 116 млн. русских (данные переписи 2002 года), то легко подсчитать, сколько понадобится лет, чтобы при сохранении данной тенденции народ исчез с политической и этнографической карты планеты. И хотя причины происходящего не до конца еще понятны, ясно одно: решить проблему митинговыми методами нельзя. Здесь нужны глубоко продуманные социальные и экономические действия.

Невозможно решить митинговыми методами и другую проблему, вставшую перед русским народом — проблему политической разделенности. В одну ночь после денонсации СССР (декабрь 1991 года) свыше двадцати миллионов так называемых русскоязычных, в основном русских, оказались гражданами других государств, причем в положении далеко не всегда равноправном. Уже много писалось и говорилось, каким тяжелым ударом стало это для народа. Ведь здесь и вопрос разделенных семей, и негативные психологические процессы, ущерб, нанесенный национальной культуре, самосознанию, самооценке.

Но самым вопиющим явился даже не сам факт разделения народа, а то отношение к соотечественникам, которое в течение десяти лет (1991—1999 годы) демонстрировала высшая российская власть. Только недавно начало приходить осознание всей важности проблемы. А ведь ситуации, в которой оказались наши соотечественники за рубежом, могло и не возникнуть. Более того, они сами давно могли бы стать проводниками российских интересов, распространителями наших духовных ценностей, культуры.

³ Предложения о создании в России специальной русской республики активно выдвигались комитетом по геополитике Государственной думы третьего созыва, а проект специального закона о русском народе разрабатывался комитетом по национальным проблемам Государственной думы предпоследнего созыва. Не снят он с повестки дня и сегодня.

Наконец, еще одной проблемой, стоящей сегодня перед русскими (как и перед другими народами страны), является проблема так называемой вестернизации — активного проникновения во все сферы жизни, и прежде всего в сферу духовную, западных (в основном североамериканских) образцов массовой эрзац-культуры. Эта проблема (в отличие от ряда других) активного общественного беспокойства пока еще не вызывает. Однако если дело и дальше пойдет подобным образом, то наши дети и внуки просто забудут, кто они такие, а разрушение внутренней структуры русского этноса неизбежно приведет к внутреннему разрушению и остальных народов страны.

Значит ли все сказанное, что государство должно продолжать патерналистскую политику, только теперь основной ее вектор перенацелить именно на русский народ, на его поддержку? Ответ не так прост, особенно если учесть, что в правящем слое страны существуют влиятельные группы, выступающие именно за подобный сценарий. Подтверждением могут служить уже приведенные (лежащие в русле патерналистской политики) законодательные инициативы, а также другие, менее масштабные предложения. Чтобы адекватнее оценить возможности патернализма, как основного направления национальной политики уже современной России, рассмотрим две другие, также возможные здесь стратегии: мультикультурализм и ассимиляторство.

Плюсы и минусы мультикультурализма

Со второй половины XX века большинство полиэтнических государств Запада, в том числе и США, официально провозгласили политику мультикультурализма. Связано это с несколькими причинами: с почти повсеместным ростом национального самосознания многих народов планеты (процессы «этнического ренессанса»⁴), с крахом политики «плавильного котла», деклариовавшей в США на рубеже XIX–XX веков, с резким усилением этнической составляющей в иерархии ценностей современного индивида. Существуют, естественно, и другие резоны мультикультуралистской стратегии, но в любом случае считается, что на современном этапе положительные ее стороны перевешивают возможные издержки. Подобного мнения придерживаются даже некоторые сторонники глобализации. Просто мультикультурализм рассматривается ими как необходимая тактическая уступка, как временный «зигзаг прогресса».

Обычно среди доводов в пользу политики мультикультурализма приводятся следующие: она в наибольшей степени отвечает общеде-

⁴ См. подробнее: *Жарников А.Е.* Этнический ренессанс: парадокс XX века // *Этносфера*. 2000. №2.

мократическим ценностям современного мира, идеям плюрализма и политического либерализма. Она провозглашает принцип добровольности, стремится к созданию равных шансов у разных этнических групп и уже в силу отмеченного ориентируется на максимальное сглаживание межэтнических противоречий. Кроме того, мультикультурализм в наибольшей степени отвечает усилиям по решению проблем, порождаемых миграциями (бич западных государств), давая возможность этническим мигрантам сохранять культурную самобытность и одновременно (благодаря специальным программам) включаться в жизнь тех государств, в которых они оказались. Все перечисленное в той или иной степени относится и к современной России, тем более что опыт политики, достаточно близкой к нынешнему мультикультурализму, у нас уже был. Правда, он связан далеко не с демократическим (по нынешним понятиям), более того — с имперским прошлым нашего Отечества, но тем не менее одно другому не мешало.

В самом деле, национальную политику царской России (во всяком случае до первой трети XIX века) вполне можно отнести к одной из разновидностей мультикультурализма. В стране существовала широкая сеть местного, в том числе этнического самоуправления, центральная власть лояльно относилось к вере, традициям, культуре разных народов, стараясь без надобности в эту область не вмешиваться. Еще в 1649 году Соборное уложение фактически заложило принцип гражданского равенства в сфере этнической жизни, который не давал преимуществ ни одному из народов империи. Конечно, неравноправие существовало и тогда и после, но оно проходило не по этнической, а по сословной принадлежности, когда сами сословия (включая высшее) формировались из представителей разных народов⁵. Словом, основные принципы мультикультурализма были в Российской империи налицо. В немалой степени этому способствовали особенности формирования нашего государства, которое складывалось и долго существовало как симбиоз народов, как ситуация, где разные этносы проживают «в одном регионе, когда каждый занимает свою экологическую нишу»⁶, не вмешиваясь в жизнедеятельность других и стараясь никого не переделывать по собственному образу и подобию. Долгое время подобный подход приносил несомненные положительные плоды.

Вместе с тем и отечественный, и зарубежный опыт демонстрирует, что политика мультикультурализма имеет и свою обратную сторону, не замечать которую было бы легкомысленно. Ее проведение также

⁵ См. подробнее: *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000.

⁶ *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1997. С. 609.

требует учета меняющихся реалий и гибкого реагирования на конкретные ситуации.

В Российской империи, к примеру, с началом промышленного развития и утверждения капиталистических отношений началось резкое усиление разрыва в социально-экономическом развитии разных народов, чему сам по себе мультикультуралистический подход воспрепятствовать не мог. В конечном итоге этот разрыв стал одной из причин появления фактического неравенства в сфере этнической жизни, а все вместе взятое потребовало, после 1917 года, перехода к новой — патерналистской стратегии.

Что касается современных западных государств, то издержки политики мультикультурализма наблюдаются и там. Социологи, изучающие межэтнические отношения, давно уже фиксируют тот факт, что переход на позиции мультикультурализма не избавил западное общество ни от этнической конкуренции, ни от ужесточающейся борьбы между этническими группами за сферы влияния, материальные ресурсы, властные полномочия. Высказывается даже мнение, что именно с политикой мультикультурализма связано устойчивое поддержание ситуации «этнической стратификации», объективно порождающей межэтнические трения и конфликты.

Еще одной неприятной неожиданностью для западных исследователей и политиков стал рост изоляционистских настроений (стремления ко все большему обособлению и замыканию) у ряда этнических групп, что также связывается с политикой мультикультурализма⁷. Так, в одном из докладов Совета по расовым и этническим вопросам при президенте США, несмотря на общий оптимизм, особо подчеркивалось, что «Америка разделена на многочисленные островки, которые отличаются друг от друга цветом кожи, вероисповеданием, культурными обычаями, традициями и которые тщательно оберегают свою самобытность, нетерпимы к соседям»⁸.

Приведенный пример не единичен, хотя и его достаточно, чтобы обнажить еще одну, связанную с мультикультурализмом проблему. Позитивные результаты данная политика может принести лишь тогда, когда ее проведение опирается на некую идеологическую парадигму, принимаемую и разделяемую всеми проживающими в стране народами. На ту самую консолидационную идеологию, которую у нас называют «общегосударственной» или «общенациональной идеей». Без этого мультикультурная стратегия способна вести к разобщенности, а при определенных обстоятельствах даже угрожать целостности государства. Как показывает опыт, одной

⁷ См. подробнее: Национальные отношения в полиэтнических государствах//Реф. бюлл. М., 2001.

⁸ Там же. С. 19.

юридической базы здесь недостаточно. Не все решает и высокий уровень благосостояния, ибо никогда еще меркантилизм и даже формальная законность не становились действительно прочной основой долговременного сообщества народов. Опираясь только на них можно достичь успехов тактических, но стратегических, рассчитанных на перспективу, вряд ли. Единство многообразного нуждается прежде всего в «идеологии взаимодополняемости»; без нее мультикультурализм становится и однобоким и чреватым неприятностями.

Ассимиляция в контексте глобализма

Казалось бы, переход большинства полиэтнических западных государств на позиции мультикультурализма лишает перспектив третий вариант национальной политики, тот, который ориентирован на ассимиляторство. К подобному мнению подводит и крах ассимиляторской политики (политики «плавильного котла») в США, крах попыток создания единой «пролетарской нации» на заре существования СССР, а также другие, не менее выразительные примеры. Однако не все так просто и здесь. Унификаторские и ассимиляторские настроения в современном мире не ослабевают, они сильны и в политических, и в интеллектуальных кругах. Более того, сегодня они обрели новый источник вдохновения — идеологию глобализма.

Вообще на исторической авансцене давно уже проявляются две группы политических и интеллектуальных элит, которые по-разному относятся к самому факту этнического многообразия человечества. Первые рассматривают его как фактор несомненно позитивный, имеющий колоссальную социально-культурную и духовную значимость. Его приверженцы мыслят категориями национального и государственного суверенитета, а будущее человечество видят этнически многообразным. Другая группа элит представляет иное — мондиалистско-глобалистское направление (от фр. *monde* — мир)⁹. Его представители мыслят, скорее, категориями транснациональных компаний, которым этническое многообразие в общем-то ни к чему, для них многообразный мир — это прежде всего множественность товаров, ресурсов, валют.

Мондиалистский (или глобалистский) подход больше связан с западной интеллектуальной традицией, с концепцией прямолинейной односторонней эволюции, вылившейся в конечном итоге в кон-

⁹ Идея мондиализма, понимаемого как доктрина «нового мирового порядка», впервые была озвучена президентом США Джорджем Бушем-старшим в 1991 году в ходе войны в Персидском заливе. Сегодня она фактически вошла в более широкую и модернизированную идеологию глобализма.

цепцию «европоцентризма»¹⁰. Основным доводом здесь является то, что человечество, несмотря на отдельные отступления, в принципе движется ко всеобщему единению, ведущему в перспективе к размытию различий этнических. Многоэтничность расценивается в этой связи как нечто мешающее магистральному движению, способствующее размежеванию, как нечто такое, без чего вполне можно и даже желательно обойтись. Оппозиционный мондиализму взгляд связан в основном с отечественной традицией, начиная от русской религиозной философии, концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, евразийской историософской школы и кончая современной теорией этногенеза Л. Н. Гумилева¹¹. Здесь сам феномен этнического многообразия выводится из фундаментальных основ бытия, из особенностей земной биосферы и антропосферы, связывается с изначальным стремлением всего живого к самобытности, к оригинальным формам проявления. Этническое разнообразие людей признается в этой связи абсолютно необходимым для сохранения самой человеческой популяции, для ее выживания в условиях глобальных вызовов нового столетия.

Естественно, превалирующий взгляд на будущее человечества диктует и выбор стратегической линии в сфере национальной политики. Поэтому в ряде стран, вступивших на путь глобализации, все громче слышны призывы пересмотреть мультикультуралистскую политику или вообще от нее отказаться, заменить политикой ассимиляции. Так, в США давно уже ведется дискуссия о целесообразности возврата к стратегии «плавильного котла», а доводы сторонников ассимиляторства находят заметный отклик¹².

Проблема усложняется еще и тем, что ситуация в западном мире сегодня сложна и противоречива. С одной стороны, глобальные процессы и связанная с ними идеология глобализма делают политические элиты Запада все более космополитичными, «наднациональными». Поэтому сегодня *«быть элитой и реализовать себя как элита означает поставить себя в независимое положение от национальных интересов и национальных чаяний»*¹³. Но, с другой стороны, у широких масс населения усиливаются этноцентристские ориентации и связанные с ними националистические настроения. Их стимулируют процессы этнического ренессанса, подстегивает растущая этническая

¹⁰ Официальное декларирование политики мультикультурализма рядом современных западных государств мало что меняет в их принципиальном курсе на создание единого глобального мира по западным образцам.

¹¹ Отдельные периоды нашей истории, когда правящий слой совершал унификационные потуги, также мало что в этом смысле меняют.

¹² См. подробнее: Национальные отношения в полиэтнических государствах//Реф. бюлл. М., 2001.

¹³ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000. С. 9.

миграция, на рост националистических настроений влияет появление все новых общин, этническая совместимость которых с коренным населением западных государств, а также с другими общинами проблематична. Европоцентристский мир начинает трещать внутри самой Европы. В итоге мультикультурализм испытывает все возрастающее давление «сверху» и «снизу» — со стороны космополитичных элит и националистических масс. И те, и другие все активнее начинают выступать за переход к жесткой ассимиляции, за превращение полиэтнических государств в моноэтнические.

Выбор России: стратегия и тактика

Какой же видится государственная национальная политика России в свете всего сказанного? С точки зрения стратегии, принципиальным ориентиром для нас может, по всей видимости, служить только политика мультикультурализма. Именно она в наибольшей степени отвечает и нынешним российским реалиям, и историческим традициям нашего государства. Она отвечает и традициям интеллектуальным, когда сам факт многоэтничности России рассматривался отечественными мыслителями как явление позитивное, как признак ее силы и жизнестойкости. В принципе с этим сегодня мало кто спорит, о чем свидетельствует хотя бы начальная строка нашей Конституции: «Мы, многонациональный народ России...» Элементы мультикультуралистской политики все четче начинают просматриваться и в ряде правовых документов, а также в практических действиях федеральных и региональных органов.

Но одно дело — отдельные шаги в духе мультикультурализма, другое — концептуальная разработка стратегии и тактики мультикультуралистской политики, разработка, предполагающая ее внятное обоснование, а главное — создание целостной системы ее реализации, включая юридические, социально-экономические, политические, государственно-управленческие действия. Ничего подобного пока не сделано. Отсутствует такой подход и в ныне действующей Концепции государственной национальной политики, которая (надо отдать должное) в целом фиксирует важные в этом отношении моменты. Но на вопрос: какой стратегической линии придерживается Россия в области национальной политики и почему, ясного и обоснованного ответа все-таки не дает.

Высказывается опасение, что провозглашение мультикультуралистской стратегии подтолкнет государство к полному уходу из сферы этнической жизни страны, а это в перспективе чревато хаосом. Ведь наша специфика заключается сегодня в том, что без участия государства никакие серьезные решения в области национальной политики

невозможны. В принципе с этим можно согласиться. Но разве общая мультикультуралистская стратегия должна исключать применение там, где необходимо, патерналистской тактики, государственного участия? Вовсе нет. И примеры подобного сочетания имеются. Достаточно вспомнить уже упомянутый закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», который, будучи патерналистским, вполне «работает» на стратегию мультикультурализма. Другое дело, что удельный вес патерналистских действий, как и степень участия государства в сфере этнической жизни, со временем должны уменьшаться, но только со временем, когда в стране окончательно утвердится гражданское общество, а институты этнического самоуправления (включая национально-культурную автономию) достигнут необходимой зрелости.

Правомерен вопрос: как избежать, встав на путь мультикультурализма, его «оборотной стороны», которую уже испытали на себе западные государства? Вряд ли здесь существуют общеприменимые рецепты. Однако некоторые соображения на этот счет уже высказывались. В этом смысле вполне можно согласиться, что мультикультурализм потребует все более активного перемещения основной тяжести национальной политики из центра в регионы. Именно там будут разрабатываться и осуществляться конкретные программы, учитывающие местную специфику, приниматься конкретные решения, касающиеся межэтнических отношений или вариантов развития тех или иных народов. И это будет правильно, тем более что такой поворот у нас уже намечился.

Что касается необходимости общегосударственного центра, осуществляющего национальную политику, то этот вопрос остается дискуссионным. Тем не менее можно согласиться, что и в условиях перехода к мультикультурализму надобность в таком центре останется, что в этом также одна из особенностей нашей страны. Однако функции такого центра изменятся, сократившись до общей координации стратегической линии и ее аналитического обеспечения.

Другим институтом, сопутствующим нашей мультикультурной политике и способным смягчить некоторые ее издержки, может стать система адекватного представительства российских народов во властных структурах как федерального, так и местного уровня. Пожалуй, только она сможет сегодня нейтрализовать наиболее негативные последствия «этнической стратификации», давно уже существующей в стране, перевести отношения обостряющегося этнического соперничества в область нормальной, общепринятой конкурентности. Известно, что в Советском Союзе роль подобной системы представительства народов играл Совет Национальностей Верховного Совета СССР и Советы Национальностей Верховных Советов союзных республик.

Конечно, их работа носила формальный характер, сами они формировались по принципу механического квотирования мест. Однако сегодня у нас нет даже подобных органов. Совет федерации РФ – это представительный орган территорий, а не народов страны. Но ведь Россия всегда являла собой не только объединение земель, но и союз самобытных народов. Безусловно, вопрос о создании адекватной системы этнического представительства куда сложнее, чем может показаться, но от его решения также будет зависеть успешность политики мультикультурализма.

Наконец, еще одним (уже упоминавшимся) условием успешности политики мультикультурализма является наличие идейной базы для ее проведения, некой «идеологии взаимодополняемости», разделяемой всеми народами. Здесь пока ясно одно: основой подобной интеграционной идеологии не может выступать идея классовой борьбы, грозящая скорее расколом общества. Не сможет в качестве таковой служить ни этническая, ни религиозная идеология, ибо Россия – страна многонациональная и многоконфессиональная. Поиски здесь должны, по всей видимости, сосредоточиться на аксеологическом аспекте, на выработке системы ценностных, мировоззренческих ориентаций, вбирающих в себя и идею социальной справедливости, и концепцию внутреннего, духовного родства всех российских народов, а также религий. Только подобная, построенная на аксеологических принципах идейная система может стать надежным интегратором общества, вступившего на путь политики мультикультурализма. Естественно, что вопрос о конкретизации данных принципов является проблемой особой, требующей специального анализа и разговора.

Мировой танкерный флот, предназначенный для морских перевозок нефти и нефтепродуктов, отличается от других секторов торгового мореплавания в первую очередь тем, что нефть и ее производные являются стратегически важными товарами, торговля и снабжение которыми тесно переплетены с международной политикой. Цены международного рынка на нефть и нефтепродукты, а также стоимость их транспортировки (фрахт) всегда значительно повышаются в связи с военными конфликтами любого масштаба и любой продолжительности.

Стремление к контролю над нефтяными ресурсами или их захвату влечет за собой борьбу за власть внутри стран—производителей нефти (Нигерия, Венесуэла), или к агрессии извне (Ирак), или к комбинации аналогичных действий в зависимости от складывающейся обстановки в нефтеносных регионах мира.

Транспортировка нефти и нефтепродуктов морем менее политизирована, однако и здесь под предлогом защиты морских путей в целях безопасности доставки нефти к потребителю нередко используются корабли военно-морского флота, в особенности со стороны США.

Другими отличительными характеристиками танкерного флота является его суммарная грузоподъемность 319,2 млн. тонн, что составляет на начало апреля 2004 года почти 40% всего торгового флота мира, а также размеры судов, доходящие до 540 тыс. тонн. Последний танкер такого размера был построен в период войны Египта с Израилем как самый экономически выгодный для перевозки нефти с Ближнего Востока в США вокруг африканского мыса Доброй Надежды.

Вообще размеры танкеров определяются глубинами в портах или в пунктах погрузки и выгрузки, маршрутами транспортировки, а также объемами торговых партий груза. К настоящему времени сложилась ситуация, при которой по своей грузоподъемности танкерный флот подразделяется на супертанкеры следующих классов.

VLCC (Very Large Carrier) грузоподъемностью около 300 тыс. тонн, вмещающие 2 млн. баррелей нефти. Таких судов сейчас насчитывается 440 единиц, они используются в основном на перевозках из портов Ближнего Востока в США, Японию и Южную Корею. Цена нового танкера этого класса составляет 80 млн. долл.

«**Суэцмакс**» — танкеры грузоподъемностью около 150 тыс. тонн, вмещающие 1 млн баррелей нефти и способные по своим габаритам проходить Суэцкий канал. Таких судов в мире насчитывается около 300 единиц. Они используются, как правило, на тех же направлениях, что и VLCC, а также для перевозок из Нигерии и нефтепромыслов Северного моря в США и Южный Китай. Цена нового танкера этого класса составляет 55 млн. долл.

«**Афраммакс**» — танкеры грузоподъемностью 95–110 тыс. тонн, предназначенные для перевозок более умеренных партий в объеме 500–700 тыс. баррелей нефти. Судов такого типа насчитывается более 600 единиц, работают они на тех же направлениях, что и указанные выше группы танкеров, но в то же время их используют на более коротких маршрутах, например, из бассейна Карибского моря в США и в Европу, из Северной Европы в Великобританию, из Индонезии в Японию, внутри Средиземного моря, из Новороссийска и Финского залива (порт Приморск), от танкера-накопителя «Белокаменка» в Кольском заливе и др. Цена нового танкера данного класса составляет 45 млн. долл.

«**Панаммакс**» — танкеры грузоподъемностью 60–80 тыс. тонн, способные благодаря своим размерам проходить Панамский канал. Таких танкеров насчитывается около 230 единиц, используются они в зависимости от объемов торговых партий, как и более мелкие танкеры, число которых превышает 2000 единиц.

Количество танкеров и их доля в составе мирового торгового флота увеличивались с ростом добычи нефти и усилением ее роли в качестве энергоносителя в промышленном производстве. Следует также иметь в виду, что в результате постоянного повышения налогового пресса около 70% мирового тоннажа, включая танкерный флот, зарегистрировано в офшорных регистрах под так называемыми «удобными флагами» — Либерии, Бермудских островов, Маршалловых островов, острова Мэн, Мальты и т. д.

В России, а может быть и в мире, первые танкеры появились на Каспии и были построены по рекомендации Д. И. Менделеева, который посчитал, что использование бочек в качестве тары ограничивает возможности транспортировки нефти.

До Первой мировой войны танкеры составляли всего 3% мирового флота, в те времена в основном еще парусного. К 1938 году их доля возросла до 19%, а к концу 70-х годов XX века подошла к 50%.

Производство же нефти постоянно росло и, например, за период с 1938 года по 1977 год увеличилось с 258 млн. тонн более чем в 10 раз, а затем в период с 1977 года по 1988 год рост ее добычи практически прекратился.

Указанные изменения на нефтяном рынке, вызванные ростом цен и перепроизводством, не могли не сказаться на морских перевозках

этого груза с учетом того факта, что Суэцкий канал был открыт, и часть флота оказалась излишней.

В 1977 году 59% всей нефти, добытой в мире, было перевезено морем, что явилось отражением того факта, что темпы роста спроса на морскую торговлю нефтью увеличивались быстрее, нежели спрос на нефть, доставляемую потребителям другими видами транспорта. Наблюдалось и довольно необычное явление, когда с 1980 по 1985 год потребление нефти ежегодно уменьшалось на 1,3%.

Для характеристики развития морской торговли нефтью показательна следующая таблица, из которой, в частности, видно, что до настоящего времени мировой танкерный флот не достиг своей суммарной грузоподъемности, имевшейся в 1977 году до возобновления перевозок через Суэцкий канал, закрытый в связи с войной между Египтом и Израилем в 1967 году.

	1967	1977	1987	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Мировое производство нефти, <i>млн. тонн</i>	1758	2915	2925	3182	3179	3213	3252	3372	3468	3533	3452
Перевезено морем, <i>млн. тонн (%)</i>	865 (49)	1724 (59)	1279 (44)	1648 (52)	1714 (54)	1771 (55)	1808 (56)	2127 (63)	2172 (62)	2181 (62)	2159 (62)
Грузоподъемность мирового танкерного флота, <i>млн. тонн</i>	103,5	332,3	245,5	270,6	270,3	269,4	263,0	271,5	272,0	279,5	284,5
Доля танкеров в мировом флоте, %	36	46	38	40	40,4	40,6	39,7	35,8	35,1	35,4	35,4
Производительность перевозок, сколько тонн груза перевезено одной тонной грузоподъемности танкера	8,4	5,2	5,2	6,3	6,4	6,7	6,8				

Источник: ОЭСР Обзор морского транспорта 2000 г.

Действительно, объемы транспортировки нефти морем упали с 1724 млн. тонн в 1977 году до 1279 млн. тонн в 1987 году, прежде чем начали подниматься, и только в 1994 году превзошли уровень 1977 года, причем среднее расстояние перевозок колебалось от 4700 до 5350 морских миль и более. Увеличение среднего расстояния транспортировки морем объясняется закрытием Суэцкого канала в результате войны 1967 года, который был вновь открыт лишь в 1975 году.

Вынужденный переход на маршрут вокруг Африки привел к росту размеров танкеров сначала до 100 тыс. тонн, затем до 250 тыс. тонн и, наконец, свыше 500 тыс. тонн. Выросла и стоимость перевозки — были периоды, когда один рейс танкера вокруг Африки компенсировал все затраты на его постройку — несмотря на общее правило о том, что чем больше судно, тем меньше себестоимость перевозки на нем одной тонны груза. Вообще же в условиях усредненной рыночной конъюнктуры средства, вложенные в строительство танкера, окупаются в течение 10–12 лет.

С открытием Суэцкого канала среднее расстояние транспортировки нефти морем сократилось почти вдвое, соответственно сократился и спрос на танкеры, что привело к кризису в этом секторе морских перевозок и к экономическим проблемам судовладельцев и судовых операторов вплоть до банкротств.

Интересно отметить, что в 1960-е годы цены на нефть колебались от 1,80 до 2,0 долл. за баррель, и цены поддерживались на этом уровне, пока ОПЕК не повысила их до 4,0 долл. в 1970 году. В октябре 1973 года вслед за шестидневной арабо-израильской войной ОПЕК подняла цену до 9 долл. за баррель и угрожал ввести нефтяное эмбарго для стран, которых члены ОПЕК рассматривали в качестве союзников Израиля.

Рост цен в 4 раза привел к серьезным осложнениям на международном фрахтовом рынке, к застою в экономическом развитии западных стран и подтолкнул к банковскому кризису на фоне огромных накоплений средств на счетах стран-экспортеров и соответствующего дефицита средств на счетах стран-покупателей.

Чтобы представить себе, в какой мере и какие страны могут пострадать от подобного развития событий, необходимо иметь в виду следующее: на США приходится 28% всего мирового импорта нефти, а собственное производство в два раза меньше российского и постоянно сокращается; Япония ввозит 16% мирового объема импорта и не имеет природных ископаемых; Западная Европа является крупным импортером нефти (23%), несмотря на открытые запасы в Северном море.

На Ближний Восток приходится 47% всей морской нефтяной торговли и около 80% мирового нефтяного экспорта, хотя в последние годы у стран этого региона появились конкуренты в лице России, Мексики и Норвегии.

Потенциальными районами роста потребления и спроса на морские нефтеперевозки являются страны Латинской Америки и Азии.

Международный танкерный фрахтовый рынок является независимым сектором судоходного рынка, независимым постольку, поскольку перевозимый танкерами товар — нефть и нефтепродукты — по своим качествам отличается от характеристик других грузов, перевозимых судами другого типа. Однако следует иметь в виду, что спрос и предложение на рынке наливных грузов, как и на рынке сухих грузов, определяются прежде всего состоянием мировой экономики в целом. Если в мировой экономике наблюдается рост, увеличивается промышленное производство, то этот процесс ведет к повышению спроса, как правило, на все виды морских перевозок. Состояние мировой экономики — это главная фундаментальная основа, определяющая состояние фрахтового рынка, спрос на перевозки того или иного груза по различным направлениям в различные регионы мира.

Танкерный фрахтовый рынок не регулируется ни межправительственными соглашениями, ни какими-либо картельными союзами или объединениями, как, например, происходит регулирование перевозок контейнеров через Атлантику или из Европы на Дальний Восток и страны Азии, где судоходные компании объединены в так называемые конференции, устанавливающие тарифы на транспортировку единицы груза — одного 20- или 40-футового контейнера. На танкерном рынке каждый судовладелец может свободно появиться со своим судном, попробовать заработать, сколько он предполагает, и, если не получит желаемой прибыли, свободно уйти с рынка, продав свое судно другой компании или на слом.

Существует сложившаяся веками система фрахтовых фирм-брокеров, которая поможет зафрахтовать танкер за уплату стандартной комиссии в размере 1,25% от суммы фрахта, если в сделке участвовал один брокер, или 5%, если в сделке участвовали четыре брокера. Точно также с помощью брокера можно купить или продать свой танкер. Разница состоит лишь в размере комиссии, которую в случае купли-продажи принято взимать в сумме 1% от цены судна. Если угадать тенденцию развития рынка, можно разбогатеть, но можно и разориться невзначай, если потеряешь пульс рынка.

Можно сколько угодно изучать публикации крупных исследовательских компаний, знать, казалось бы, все о поведении рынка и вместе с тем потерять состояние из-за принятия решения, которое впоследствии окажется неверным. Известен случай, когда норвежская брокерская и консалтинговая компания с хорошей репутацией «Фирнлей и Егерс» создала дочернюю судоходную компанию с целью осуществления морских перевозок и буквально в течение года-полутора разорилась и закрыла свое судоходное предприятие.

Принято считать, что фрахтовый рынок развивается циклично, по синусоиде с интервалами в 7–9 лет, существует множество приемов угадывания, какие события последуют после тех или иных решений ОПЕК, после решений Центробанков ведущих стран по учетной ставке, по результатам сравнения заказанного и списанного на слом тоннажа, по десяткам других признаков и характеристик. Но не ошибиться можно только в одном — в сезонном факторе: зимой танкерные фрахтовые ставки повышаются, а летом — понижаются. Все остальное — это задача со многими неизвестными и никакой формулы общего благополучия, к сожалению, не существует.

На состояние рынка оказывают влияние также и совершенно непредсказуемые факторы, такие, например, как забастовка в Венесуэле в 2003 году, в результате которой поставки венесуэльской нефти в США были заменены поставками из других районов мира с транспортировкой на большие расстояния; вывод из строя атомных станций в Японии; военные беспорядки в крупнейшем африканском производителе нефти Нигерии; засуха в Скандинавии и Европе в 2003 году, что привело к снижению производства электроэнергии гидроэлектростанциями и повышению спроса на нефть.

Закупка (скрытая, засекреченная) американской администрацией запасов нефти и нефтепродуктов осенью 2002 года при подготовке к агрессии в Ираке привела к скачку спроса на нефть, в результате которого вкуче с перечисленными выше и другими факторами ставки фрахта в октябре 2002 года достигли уровня, в 4–5 раз превышающего самоокупаемость, и приносили танкерным судовладельцам в среднем в течение всего 2003 года и до мая 2004 года от 15 до 40 тыс. долл. прибыли в сутки в зависимости от типоразмера судна.

Количество танкеров в мире на 1 апреля 2004 г. составляло 5532 единицы. Самыми крупными судовладельцами до последнего времени считались нефтяные гиганты «семь сестер», включая «Экссон», «Шелл», «Бритиш петролеум», «Мобил» и др. Флот «БиПи», например, по грузоподъемности в два раза превышал флот Советского Союза в период его расцвета в 1970-е годы. Затем нефтяные гиганты постепенно сокращали свой флот в связи с усилением законодательства и повышением рисков загрязнения моря нефтью, особенно после принятия в США в 1990 году «Закона о загрязнении нефтью» (Oil Pollution Act), предусматривающего значительное повышение материальной ответственности за разлив нефти.

В результате в 1996 году десяти крупнейшим судовладельческим танкерным компаниям принадлежало лишь 14% мирового танкерного флота, в то время как в 1966 году лишь пяти нефтегигантам принадлежало 23% флота. В наши дни 20 крупнейших компаний контролируют 25–28% мирового танкерного флота.

Крупнейшей организацией, объединяющей «независимых танкерных судовладельцев», является «Интертанко», в которую входят 227 компаний и 270 ассоциированных членов из 37 стран с флотом в количестве 2198 танкеров грузоподъемностью 165 млн. тонн. В соответствии с уставом организации ее членами не могут быть ни нефтяные компании, ни компании, контролируемые государством.

Задачей «Интертанко» является защита общих интересов ее членов, в том числе в Международной морской организации, в части проблем безопасности судоходства. Но вместе с тем «Интертанко» не служит инструментом разработки уровней фрахтовых ставок или их применения — члены организации конкурируют на мировом рынке и друг с другом и с теми фирмами, которые не являются ее членами.

Интересно отметить, что в своем отчете за 2003 год руководство «Интертанко», характеризуя состояние индустрии нефтяных перевозок, заявило, что «танкерный рынок представлял собой зигзагообразную загадку в трех измерениях, в которой было невозможно сложить вместе все составные кусочки, <...> даже самые опытные аналитики признались, что они не могли представить себе и понять, как функционирует танкерная индустрия».

Несмотря на то что танкерный рынок не регулируется, существует механизм для сравнения существующих ставок фрахта с некими номинальными публикуемыми на январь каждого года показателями, рассчитанными некоммерческой организацией «Ассоциация Мировой шкалы», которая издает шкалу «World scale», включающую 73 тыс. ставок (в электронной версии свыше 320 тыс. ставок) для различных маршрутов и типов танкеров. Номинальным является показатель WS-100, при повышении рынка в 2003 году показатели превышали WS-250; в апреле 2004 года на направлении Персидский залив — США, к примеру, ставка WS-75 соответствовала для танкеров класса VLCC тайм-чартерному эквиваленту в сумме 32 437 долл.

Крупнейшим потребителем услуг танкерного флота являются США. В 2003 году импорт нефти в США увеличился более чем на 0,5 млн. баррелей в день и составил рекордную цифру в 9,6 млн. баррелей в день (приблизительно равную всему ежедневному объему нефти, добываемой в настоящее время в России); летом 2004 года этот показатель может достигнуть 10,4 млн. баррелей в день. Объем импортируемой сырой нефти составляет 62,9% всей нефти (15,3 млн. баррелей в день), используемой нефтеперегонными заводами США. По прогнозам Вашингтонской нефтяной финансовой компании, импорт сырой нефти в США будет постоянно увеличиваться, так как собственное производство сократится с 5,6 млн. баррелей в день в 2004 году до 4,6 млн. баррелей в день к 2025 году.

Вторым важным для танкерного флота районом деятельности является Китай. Потребление нефти в Китае на одного человека составляет всего 6% от потребления в США, а собственное производство нефти стагнирует на уровне менее 3,5 млн. баррелей в день, в то время как импорт увеличивается ежегодно на 7–8%, что равнозначно росту на 1 млн баррелей в день каждые 4–5 лет. В 2001 году морем в Китай было поставлено 59 млн. тонн нефти, а в 2003 году уже 89 млн. тонн. Основными типами судов, фрахтуемых китайцами, являются танкеры класса VLCC и «Афрамекс».

Самыми крупными потребителями российской нефти являются страны Европы, покупающие около 80% всего экспорта нефти из России. На США российской нефти приходилось всего 0,15 млн. баррелей в день в 2002 году и 0,35 млн. баррелей в день в III квартале 2003 года.

Уместно подчеркнуть, что после известного спада 20 лет назад мировой спрос на нефть постоянно растет и составит в 2004 году, по оценкам, 80,6 млн. баррелей в день.

В танкерном судоходстве не регулируются тарифы — ставки фрахта, но существует большой объем правил международных конвенций, регулирующих проблемы безопасности окружающей среды, — и это в дополнение к другим международным конвенциям, регулирующим вопросы безопасности судоходства во всех остальных секторах торгового мореплавания.

Появление международного законодательства в области охраны морской экологии было вызвано авариями танкеров, нанесшими большой ущерб природе, а также принесшими убытки судовладельцам и страховым компаниям.

Результатом таких аварий явились также изменения в конструкции танкеров: введение требований о сегрегационных балластных танках, об использовании инертных газов, о двойном дне, двойных бортах и, наконец, о двойных корпусах.

Катастрофа однобортного танкера «Престиж» в 2002 году, по существу, произошла в результате неправильных действий правительства Испании, которое вместо того чтобы предоставить порт-убежище для разгрузки аварийного танкера, приказало капитану отойти как можно дальше от берегов Испании, где танкер разломился на волне и затонул на большой глубине. Вину за происшествие, чтобы снять ответственность с себя, испанское правительство возложило на капитана, которого арестовали, а затем правительство выступило с рядом предложений по ужесточению требований к конструкции танкеров.

В результате страны Европейского Союза ввели такие требования к танкерам в своих портах, а в декабре 2003 года Международная морская организация приняла дополнительные ужесточения к существующей Конвенции «Марпол 73/78». Европейский Союз запретил заходы одно-

бортных танкеров старше 15 лет в порты своих стран. Большинство имеющих молодых однокорпусных танкеров вытесняются в Азию и будут использоваться до 2015 года или до достижения ими 25-летнего возраста.

Ожидается, что к концу 2005 года 73% всего танкерного флота будут двухкорпусными, несмотря на то что строительство двухкорпусных танкеров обойдется судовладельцам на 20–25% дороже, чем однокорпусных.

Российский торговый флот в целом находится сегодня в состоянии упадка и перевозит приблизительно 4% всего внешнеторгового оборота страны, в отличие от 65–70% во времена СССР, когда он обеспечивал ежегодные поступления в бюджет в сумме более 2,5 млрд. долл.

Самыми крупными судоходными компаниями России являются: «Совкомфлот» (100% акций у государства, г. Москва), «Новошип» (50,3% акций у государства, г. Новороссийск), «Приморское морское пароходство» (ныне частная компания, г. Находка), «Волготанкер» (частная компания, г. Москва). Флот всех компаний в основном составляют танкеры класса «Суэцмакс», «Афрамакс» и суда более мелкого размера суммарной грузоподъемностью около 9 млн. тонн, которые используются на перевозках грузов иностранных фрахтователей в связи с тем, что получить груз для перевозки у иностранцев значительно проще, нежели у российских грузовладельцев. Это положение не распространяется на «Волготанкер», так как компания занята в основном перевозками по внутренним водным путям.

Самая большая проблема судоходной политики России состоит в том, что в стремлении «стать святее папы римского» в вопросах перехода к капитализму наши экономические политики не приняли никаких законодательных мер по обеспечению доступа российских судоходных компаний к грузам российского происхождения. Необходимо законодательство, которое предусматривало бы резервацию за российским флагом морских перевозок стратегических для России грузов — таких как нефть и нефтепродукты, лес, зерно, удобрения, металлы. В соглашениях о разделе продукции по новым месторождениям нефти также должны быть предусмотрены условия участия российских судоходных компаний в перевозках.

Отсутствие возможности получения груза для морских перевозок привело к упадку торгового флота России, в результате чего и возникает логичный вопрос: если государство не обеспечивает независимость внешней торговли страны в мирное время, то что же может произойти в случае возникновения кризиса, скажем, местного балтийского, черноморского или дальневосточного значения. У страны нет торгового флота для выполнения вспомогательных морских задач, которые всегда возникают в конфликтных ситуациях.

Крушение «реального социализма» привело к политическому кризису марксистского учения. Однако в качестве теории и идейной практики марксизм остается одним из заметных течений современного общества. На Западе и Востоке марксистские идеи имеют своих сторонников и даже занимают все еще место господствующей идеологии, модифицированной национальными традициями (КНР, Вьетнам, Куба). Тем не менее следует отметить, что 90-е годы прошлого столетия, как и начало нынешнего, не дали каких-либо серьезных дополнительных импульсов к развитию марксизма в виде новых направлений или школ. В западных странах ведущими марксистскими направлениями все так же остаются Франкфуртская школа (второе поколение), альтюссеррианство и аналитический марксизм¹. Работы представителей западного марксизма, опубликованные в России в эти годы², вызвали определенный интерес, но не послужили импульсом для появления оригинальных продолжателей этих идей в нашей стране.

И все же в спектре политических теорий и идеологий постсоветского периода России марксизм остается заметным идейным течением. Было бы странным не увидеть его продолжателей после более чем вековой истории развития в нашей стране идей К. Маркса и Ф. Энгельса и господствующих позиций марксизма-ленинизма в советское время. Серьезные политические трансформации в 90-х годах прошлого века, конечно, потеснили марксизм на периферию общественной теории и идеологии, но марксистская методология и идеи тем не менее часто просматриваются в суждениях нынешних постсоветских идеологов либерализма, консерватизма, патриотизма, глобализма и др. Марксизм в современной России все же имеет не только отдельных последовательных сторонников, но и оформлен в некоторые школы и политические движения.

¹ См.: Hindess B. *Marxism//A Companion to Contemporary Political Philosophy*. Ed. by R. Goodin and Ph. Pettit. Oxford, Malden, Mass.: Blackwell, 1998.

² См.: Хабермас Ю. 1) Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2000; 2) Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001; 3) Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.

В постсоветской России ряд политических течений пытается использовать марксизм. Догматическая версия — марксизм-ленинизм — наблюдается у крайних коммунистических партий и объединений (типа Российской коммунистической рабочей партии или Всероссийской коммунистической партии большевиков). Политическая риторика и основные идеи здесь не представляют чего-либо принципиально отличного от того догматического научного коммунизма, который господствовал в советский период. В целом большевистская версия марксизма довольно активно пропагандируется до сих пор, но имеет довольно узкий круг сторонников³. Попытка с марксистских позиций переосмыслить историю социализма в России и современные проблемы общественного развития присутствует в некоторых работах идейных сторонников КПРФ, но и они не выходят в целом за рамки традиций советского периода⁴. Идеи классиков марксизма можно обнаружить также в социалистическом и социал-демократическом движении. Социал-демократическая и социалистическая версии, однако, строятся скорее по типу западных аналогов, где марксизм является одной из основ подобных движений. Следует сказать, что догматическая и социалистическая (социал-демократическая) версии марксизма в России не дали сколь-либо заметных идеологов. Из всего спектра постсоветского марксизма выделяются, пожалуй, только критический марксизм и эклектический марксизм, обладающие различным политическим весом и влиянием.

В данной статье и будут рассмотрены две основные версии марксизма в постсоветский период России: критический марксизм и эклектический марксизм.

Критический марксизм (или «неомарксизм») разрабатывается небольшой группой обществоведов — экономистов, философов, социологов, юристов и политологов, объединенных журналом «Альтернативы», издаваемым в Москве на русском и английском языках с 1991 года. Идейными вдохновителями группы являются экономисты Александр Владимирович Бузгалин и Андрей Иванович Колганов. Критическими марксистами опубликован ряд статей, монографий и сборников, посвященных в целом трем основным проблемам: оценке «реального социализма» и его кризису, пониманию современного состояния мира и России и возможностям социализма, перспективам коммунистической формации как «царства

³ См.: Барышев А. П. Большевизм и современный мир. Т. 1. М.: [Об-во дружбы и сотрудничества с заруб. странами], 2003.

⁴ См.: например: Кара-Мурза С. Г.: 1) Истмат и проблемы Восток–Запад. М.: Эксмо, 2002; 2) Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003.

свободы»⁵. Данное направление не имеет какого-либо одного политического объединения; некоторые из его участников близки к различного рода социалистам, социал-демократам.

Критические марксисты считают себя наиболее последовательными продолжателями марксистского учения и претендуют на адекватное выражение «левого» социалистического и коммунистического движения в России. Критикуя «ортодоксально-коммунистическое течение» за фактически реставрационную идеологию и политику («за восстановление “социализма” 30-х — 60-х годов») и «социал-державное течение» в КПРФ («идеологически оно представлено смесью экономических лозунгов социал-демократии с российским традиционным государственно-бюрократическим патернализмом и пережитками общинности/“державности”/»), критический марксизм реально оценивает слабость своей политической базы и полагает, что их движение находится только в самом начале: «По сути дела мы стоим перед необходимостью начала нового левого движения, наследующего достижения и преодолевающего ошибки коммунистов и социал-демократов XX века»⁶.

Хотя «критический марксизм» в современной России и заявляет о грандиозности и новизне своего замысла, тем не менее по ряду моментов он вторичен, в чем-то родствен западным версиям марксизма («критической теории» Франкфуртской школы, левому экзистенциализму, еврокоммунизму), которые развивались как ответ на неспособность догматического марксизма объяснить новые процессы. Более того, можно сказать, что это российское направление является реакцией творческой части советских марксистов, пытающихся на основе прочтения работ Маркса (философско-экономических рукописей 1844 года, экономических рукописей 1857—1859 годов, 3-го тома «Капитала») и некоторого заимствования идей у западных новых марксистов, теоретиков информационного общества, глобалистов, российских гуманистариив создать оригинальную марксистскую теорию XXI века.

Данное направление марксизма опирается на идею критического диалектико-материалистического метода, позволяющего выполнять

⁵ Бузгалин А., Колганов А. Трагедия социализма. М.: Экономическая демократия, 1992; Бузгалин А. В. Будущее коммунизма. М.: Олма-Пресс, 1996; Курашвили Б. П. Новый социализм. К возрождению после катастрофы. М., 1997; Славин Б. Ф. После социализма... Метаморфозы российской политики конца XX века. М., 1997; Критический марксизм: русские дискуссии/Под ред. М. И. Воейкова. М., 1999; Межуев В. М. 1) Социализм как пространство культуры//Альтернативы, 1999. №2; 2) Социал-демократия как политика и идеология//Свободная мысль. 2001. №5; Воейков М. И. Споры о социализме. М., 2001; Критический марксизм: продолжение дискуссий/Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово, 2002; Бузгалин А. В. Анти-Роррег: социальное освобождение и его друзья. М.: Едиториал УРСС, 2003.

⁶ Бузгалин А. В. Будущее коммунизма. М.: Олма-Пресс, 1996. С. 101, 102, 110.

не только задачи познания действительности, но и ее преобразования. В определенной мере он восходит к одиннадцатому тезису Маркса о Фейербахе, согласно которому философы прошлого лишь объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы его изменить⁷. Намерение построить критическую теорию общественного развития означает, что критике подвергаются действительность (против объективизма), теория (против позитивизма) и сама методология (против постмодернизма). Как пишет А. В. Бузгалин, «этот метод (в отличие от приписываемых ему постмодернизмом недостатков) принципиально открыт. Особенно важно то, что он открыт во времени, ибо утверждает историческое развитие и смену качественно разнообразных систем<...>

Более того, диалектический метод не претендует на абсолютную метасистемность (в отличие от постмодернизма, возводящего свой плюрализм-равнодушие в абсолютную догму), он историчен. В частности, диалектический метод наиболее адекватен для эпохи «экономической необходимости» и может быть снят в методе диалогического, «полифонирующего» сотворчества как более адекватном для «царства свободы»⁸.

Композиционно теория «критического марксизма» строится вокруг идеи о социализме как переходе из «царства необходимости» (капитализм) в «царство свободы» (коммунизм). Общий взгляд на этот процесс выражен в следующем суждении: «Марксистская концепция движения к социализму основывалась главным образом не на прогнозах (отчасти неточных), которые были даны в «Анти-Дюринге» и в «Критике Готской программы». Она основывалась не на моральном осуждении эксплуатации, не на признании справедливости классовой борьбы пролетариата против буржуазии. Она основывалась на выдвигании тезисов, что развитие всеобщих производительных сил (науки, в частности), творческого труда и т. п. требуют преодоления отчуждения, выхода за рамки «царства экономической необходимости»; что капиталистическая система хозяйства создает материально-технические условия, производственные отношения и социально-экономические институты, позволяющие революционному движению не ограничиваться уничтожением эксплуатации, но и использовать многие элементы разрушаемой капиталистической системы как основания для формирования нового, более прогрессивного экономического строя»⁹. Источники этих идей, согласно критическому марксизму, об-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 265.

⁸ Бузгалин А. В. Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе)//Критический марксизм: продолжение дискуссий/Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002. С. 14.

⁹ Бузгалин А., Колганов А. Трагедия социализма. М.: Экономическая демократия. 1992. С. 304.

наруживаются в работах: том 3 «Капитала» (главы о кредите и фиктивном капитале) К. Маркса, «Фиктивный капитал» Р. Гильфердинга, «Социальные основы кооперации» М. Туган-Барановского, «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» В. И. Ленина.

Современное общество, как мир отчуждения, характеризуется рядом предпосылок, свидетельствующих о назревающих преобразованиях, о выходе за рамки материального производства как основной сферы, определяющей прогресс. К таким предпосылкам коммунизма относятся: (1) превращение творческого труда, новаторства в главный фактор прогресса; (2) на место рационального *homo economicus* приходит новый тип личности — *homo creator*, человек творческий, любящий и умеющий создавать новый мир; (3) из источника сырья биосфера превращается в культурную ценность, сохранение и воспроизводство которой становится важнейшей функцией общества и условием его прогресса; (4) культурное богатство, накопленное человечеством к концу второго тысячелетия¹⁰. Сфера интеллектуальной деятельности, творчество идут на смену физическому труду, а соответственно мерилom общественного богатства становится не рабочее, а свободное время. Культурные ценности становятся новым источником развития; они принципиально отличны от материальных ценностей индустриального производства; они всеобщие, не ограничены и неуничтожимы; они уникальны, не потребляемы, а подлежат лишь распределению; они общедоступны. «В “царстве свободы”, — пишет А. В. Бузгалин, — природа, культура и человек выступают не как ресурс, не как предмет потребления или источник производства вещей, а как ценности, которые не могут и не должны быть потребляемы в физическом смысле этого слова. В этом мир культуры качественно противоположен миру материального производства, который нацелен на безграничное физическое потребление природных и человеческих ресурсов. Напротив, для мира культуры задачей становится воспроизводство (а на первом этапе — восстановление и сохранение) биосферы и человека, как культурных ценностей»¹¹. Не упраздняя материальное производство (что было бы утопией, считают критические марксисты), новое коммунистическое общество ставит во главу угла всеобщий интеллектуальный труд и культуру: «Существование социализма в качестве теории и политического движения оправдано в настоящее время в той мере, в какой он представляет в обществе интересы

¹⁰ Бузгалин А. В. Будущее коммунизма. С. 9–11.

¹¹ Бузгалин А. В. Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе)//Критический марксизм: продолжение дискуссий/Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002. С. 22.

культуры..., делает их приоритетными по отношению к экономическим и политическим интересам»¹².

Все эти предпосылки коммунизма обнаруживаются уже в современном капиталистическом обществе, но, как полагают критические марксисты, они проявляются в превращенных («превратных», по терминологии критических марксистов) и отчужденных формах. Категория «отчуждения» здесь выступает центральной, и она используется для оценки положения человека в период «корпоративного капитализма». Если отчуждение от средств производства выступало основной характеристикой положения работника в эпоху индустриального производства в его капиталистической форме, то сегодня, по мнению критических марксистов, в основе отчуждения лежит антагонистическое противоречие между творческим всеобщим трудом и частнокапиталистическим характером присвоения этого труда и его результатов¹³.

Переход от «корпоративного капитализма» к коммунизму мыслится в виде вызревания условий сначала для народно-демократической, а затем и социалистической революций. Вслед за Марксом революции рассматриваются действительными «локомотивами истории», но делается принципиальное различие между революцией и бунтом. Основным критерием различения служит «прогресс культуры»: «Мы можем сказать, что только тот социальный качественный сдвиг (“взрыв”), который способствует (1) новому скачку в развитии креатосферы, (2) рождению системы отчуждения, относительно менее антагонистичной для прогресса культуры, чем предыдущая, и (3) росту меры социального освобождения, мы можем назвать подлинной социальной революцией (а не бунтом), праздником не только угнетенных, но и культуры»¹⁴. В качестве субъектов преобразования критический марксизм выделяет лиц наемного и свободного труда, в деятельности которых присутствует значительная доля творчества. При этом формулируется значимость развития классового подхода к анализу противоречий, так как «классовый подход дает возможность объяснять развитие общества, потому что только он в центр понимания ставит главную проблему общественного развития — проблему труда и распределения его результатов»¹⁵, хотя задача ставится пре-

¹² Межуев В. М. Социализм в перспективе развития постиндустриального общества//Критический марксизм: продолжение дискуссий/Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002. С. 474.

¹³ Бузгалин А. В. Неомаксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе)//Критический марксизм: продолжение дискуссий/Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 172.

¹⁵ Воейков М. И. Парадоксы теории социализма в России XX века//Критический марксизм: продолжение дискуссий/Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово. 2002. С. 407.

одолеть, «снять» предшествующие представления об исторической миссии пролетариата¹⁶.

Критический марксизм рассматривает социализм как переходную к коммунизму форму общества, как интернациональный, мировой процесс формирования ростков нового общества в превратных формах в рамках современного постклассического капитализма, деятельности массовых демократических и социалистических организаций, «выращивание» отношений нового общества в тех странах, где произойдут народно-демократические и социалистические революции. В экономическом отношении это будет пострыночное общество, в политическом отношении — общество «базисной демократии» и самоуправления: «Трактовка социализма как переходного процесса, главным “энергетическим потенциалом” которого является ассоциированное социальное творчество, позволяет дополнительно обосновать тезис об отмирании политических форм (в частности, партий, государства и вообще принципа представительной демократии) и развитии базисной демократии и самоуправления как направлений, характерных для всех трех “потоков” (“русел”) социализма (социалистически ориентированных реформ в “странах капитала”, социалистических движений, социалистических обществ)»¹⁷. Основанием данной системы выступают отношения свободной ассоциации индивидов — объединения, которое является добровольным и свободным союзом, работающей и открытой ассоциацией, строится на основе соединения труда, управления и собственности¹⁸.

«Базисная демократия» при социализме включает международно признанные права и свободы человека, территориальное самоуправление, превращение массовых демократических организаций и движений в полновластных субъектов регулирования общественной жизни, отмирание политических партий, построение государства, где законодательная власть формируется по принципу представительства от низовых ассоциаций с императивным мандатом депутатов, исполнительная власть подчинена законодательной, а суд независим¹⁹.

¹⁶ Бузгалин А. В. Будущее коммунизма. С. 50.

¹⁷ Бузгалин А. В. Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе)//Критический марксизм: продолжение дискуссий/Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово, 2002. С. 180.

¹⁸ Там же. С. 161; Колганов А. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М., 1994; На пути к экономической демократии/Под ред. А. В. Бузгалина. М., 1994.

¹⁹ Бузгалин А. В. Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе)//Критический марксизм: продолжение дискуссий/Под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово, 2002. С. 180–181.

Критический марксизм в современной России является маргинальным течением, не оказывающим серьезного влияния ни на политический дискурс в обществе, ни на обществоведческие научные направления, ни на политическую практику. Объективно он служит сохранению интереса к работам К. Маркса, западных марксистов в условиях глубокого кризиса марксизма как политического и идейного движения.

Эклектический марксизм. Данный термин используется здесь для того политического и идейного течения в постсоветской России, которое пытается объединить ряд марксистских идей (сохранение верности марксизму) с идеологиями и идейными конструктами, слабо встраивающимися в логику марксизма или даже противоречащими ей. Здесь наблюдается приспособление прежних марксистских идей, с одной стороны, к новым процессам и явлениям в современном мире (глобализации, информатизации, демократизации), с другой стороны, к особенностям развития России в посткоммунистическое время. Часто это объединение носит прагматический характер и рассчитано на расширение союзников коммунистической партии и ее социальной базы. В эклектическом марксизме присутствует попытка развить основные идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина с учетом новой ситуации, в которой оказалось коммунистическое движение после краха «реального социализма». В политическом отношении к данному направлению следует отнести идеологов КПРФ и прежде всего ее руководство. Олицетворяет эту линию в КПРФ ее лидер Г. А. Зюганов (р. 1944), опубликовавший ряд работ²⁰.

В отношении собственно марксистских идей и их интерпретации и наполнения новым содержанием эклектический марксизм идет в том же направлении, что и критический марксизм. Можно отметить общее для них стремление опереться на идею творческого труда, характеризующую реальное обобществление как условие всестороннего и гармонического развития человека в коммунистическом обществе. *Здесь марксизм остается, как и прежде, философией и идеологией труда, эксплуатируемого капиталом в буржуазном обществе и освобождающего себя при коммунизме.* Направления, по которым идет движение в эклектическом марксизме, подобны или параллельны критическому марксизму; часто совпадают и понятия, хотя критический марксизм более склонен использовать философско-экономическую, а эк-

²⁰ Зюганов Г. А. 1) Держава., 1994; 2) Россия и современный мир. М.: Информпечать, 1995; 3) Россия — Родина моя: Идеология государственного патриотизма. М.: Информпечать, 1996; 4) Октябрь и современность. М.: Информзнание, 1997; 5) Вера и верность: Русское Православие и проблемы возрождения России. М.: [б.и.], 1999; 6) Постигание России. М.: Мысль, 2000; 7) Глобализация: тупик или выход?//Диалог. 2000. №6; 8) На рубеже тысячелетий. М.: Мысль, 2001.

лектический марксизм — политико-экономическую терминологию. Вместе с тем эклектический марксизм пытается расширить интеллектуальное поле своего размышления, включив в него идеи цивилизационного подхода, «устойчивого развития», геополитики, «русскую идею». Отметим ряд положений, характеризующих особенность данного направления российского марксизма.

Процесс развития и смены общественно-экономических формаций осуществляется в ходе обобществления труда. Марксизм, однако, проводит различие между технико-экономической и социально-экономической сторонами труда. Производительные силы и производственные отношения составляют способ производства материальных благ; они же выступают характеристиками этих двух сторон труда. Социальные революции (т. е. смена общественно-экономических формаций) наступают тогда, когда активные производительные силы (средства производства и человек) перерастают существующие производственные отношения (отношения собственности). Эта логика марксистского рассмотрения общественного развития явно лежит в основании идеологии Г. А. Зюганова, когда он пишет о современной глобализации как последней стадии развития капиталистического обобществления труда и производства. Всемирный масштаб обобществления труда на этапе глобального капитализма в формах экспансии капитала и рынка, его интернационализации, глобальных финансов, новой глобальной системы международного разделения труда и т. д., однако, вступает в противоречие с современным характером труда и ведет к новым формам эксплуатации. «...В марксистском понимании категории труда и капитала по своему содержанию значительно шире их традиционной узкоэкономической интерпретации, — пишет Г. А. Зюганов. — Труд есть прежде всего родовой признак человека, способ его существования, способ его развития — индивидуального и общественного. Его сущностью является не простая затрата энергии, а творчество. Так, согласно Марксу, всеобщий труд есть “всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение”. Капитал же — это овеществленный, мертвый труд, приобретший денежную стоимостную форму и господствующий над трудом живым... Капиталистическая глобализация несет в себе зародыш, материальную возможность перехода к новому, более справедливому общественному укладу. Но для того чтобы эта возможность превратилась в действительность, она должна быть освобождена от своей нынешней, капиталистической общественной оболочки»²¹.

Основные изменения, которыми сегодня отмечен труд как раз и связываются с его интеллектуализацией, ростом творчества и нова-

²¹ Зюганов Г. А. Глобализация: тупик или выход? С. 19.

торства, духовного содержания. «Производительный труд становится трудом преимущественно интеллектуальным, — пишет Г. А. Зюганов. — В силу этого неуклонно повышается вес творческих мотивов и стимулов труда. Из вынужденной необходимости (или даже нравственной обязанности) труд превращается в самоцель, приобретает значимую потребительскую ценность как естественный процесс развития и раскрытия способностей человеческой личности»²². В противоположность капитализму, где трудовая деятельность являлась сферой траты физических и интеллектуальных сил, в современном обществе создаются новые условия, позволяющие сделать труд пространством для развития личности, т. е. приобретения ею истинно человеческих качеств. Отсюда «в качестве главной основы производства и богатства выступает “развитие общественного индивида”. Соответственно главными показателями жизнеспособности общества становятся масштабы вложения ресурсов “в человека” — в науку, образование, культуру. Поэтому и мерой общественного богатства все больше становится не *рабочее время* и создаваемая в течение него меновая стоимость, а *свободное время*, необходимое человеку для его непрерывного развития»²³. Силой, способной выступить субъектом преобразований, являются новый рабочий класс XXI века — работники физического и умственного производительного труда, национально-освободительное движение и движения, борющиеся за спасение культуры от наступления бездуховности.

Правда, вопреки логике прежнего марксистского представления о новых возможностях материального и духовного прогресса при коммунизме (социализме) эклектический марксизм характеризует будущее развитие материальных условий жизни более осторожно. Так, отрицается, по сути, содержание закона возрастания потребностей и коммунистический принцип «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям» на том основании, что они носят внеисторический характер. Концептуально этот принцип обновляется утверждением, что «круг потребностей человека должен быть понят как совокупность материальных и духовных средств, необходимых творческой, нравственной личности для реализации своих способностей в окружающем мире»²⁴; без этого данный принцип совпадает с буржуазным идеалом «сверхпотребления». Современное же развитие скорее можно прогнозировать в направлении «оптимального» социализма. Сам переход трактуется как движение от принципа «всеобщей эксплуатации» (при капитализме) к принципам «всеобщего сбережения — природной среды, материальных ресурсов, труда», «гуманизи-

²² Зюганов Г. А. На рубеже тысячелетий. С. 527.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 528.

рованного потребления», сочетания «стабильного и достойного человека индивидуального потребления» с «постоянно расширяющимся, все более разнообразным уровнем потребления в сфере общественного, коллективного бытия»²⁵. Трудно совместимыми в эклектическом марксизме в этой связи выступают идеи о необходимости не свертывания производства и потребления, а изменения их формы, и идеи рациональной экономики как экономики «снижения расхода материалов и энергии на душу населения».

Наиболее очевидно эклектическая составляющая данного вида социально-политической теории и идеологии проявляется в несогласованных между собой идеологических частях, истоки которых лежат в различных культурных и идейных традициях и которые рассматриваются в качестве необходимых элементов развития марксизма. Двумя важнейшими подходами, которыми пытаются обогатить марксизм современные российские коммунистические идеологи и политики, являются геополитика и теория цивилизаций. В этом отношении нет никакой ясности: как сочетаются данные подходы с марксистской теорией общественно-экономических формаций (несмотря на утверждения о том, что это сочетание даст неувульгаризированную теорию), каково соотношение геополитики и теории цивилизаций с теорией социализма и коммунизма как всемирно-исторического процесса. Утверждение приверженности марксизму (небесспорное, как было показано), сочетаемое с евразийским мировоззрением, представлением о соперничестве «океанской империи» (США) с «континентальной державой» (Россия), идеями соборности и государственничества, особенности русского цивилизационного пути, явно находится в состоянии несогласия между собой. Собранные вместе как результат «комплексного» подхода²⁶ эти идеи образуют конструкцию довольно «постмодернистскую» в том самом «ругательном» смысле (как эклектика), с которым это понятие часто связывают (хотя и неправомерно). В политико-прагматическом смысле эклектический марксизм является популизмом и выполняет мобилизационную функцию в условиях, когда марксистские идеалы (бесклассовое общество, гармоничное развитие человека, общественное самоуправление и др.) эту функцию не выполняют. Тогда идея «врага», органично присущая геополитике, или идея особой исторической миссии культуры, свойственная цивилизационному подходу, начинают замещать такие старые марксистские постулаты, как «классовый враг» и «всемирно-историчес-

²⁵ Зюганов Г. А. Глобализация: тупик или выход? С. 31.

²⁶ Зюганов Г. А. Россия — Родина моя: Идеология государственного патриотизма. С. 46.

кая миссия пролетариата». В этом отношении эклектический марксизм оказался более эффективным, чем догматический с открытой опорой на эти принципы, или критический, вообще отказавшийся не только от этих понятий, но и от всяческих их замещений. Но в конечном итоге в «эклектическом марксизме» марксизм оказался вытесненным полностью геополитикой и теорией цивилизации. Попытка «развить» марксистское учение добавлением к классовым противоречиям междоцивилизационных противоречий привела к тому, что, как и ранее в истории формирования российского марксизма в конце XIX — начале XX века, вопрос «о капитализме в России» стал центральным. Как представляется, утверждение о «сущностной несовместимости западной буржуазной цивилизации и цивилизации российской»²⁷ ставит под вопрос правомерность марксизма как универсальной историософской теории, способной к развитию. Гуманистические идеалы марксизма, его теория социализма и коммунизма неотрывно связаны с критикой капитализма, но эта критика не выступает отрицанием исторической необходимости капиталистической формации. В нем критика дает понимание исторических границ капитализма как всемирно-исторического процесса развития производительных сил и производственных отношений. В эклектическом же марксизме марксистская критика капитализма понимается в принципе как голое отрицание. В основе такого отношения лежит антизападничество и отождествление современного Запада с «мировой капиталистической системой», находящейся в состоянии кризиса. Запад не только не справляется со своими проблемами, но и навязывает пагубный способ общественной жизни другим народам. Принципиальная несовместимость западной культуры и цивилизации с ее рационализмом и приоритетностью индивидуального начала, ярко представленными в либеральной идеологии и философии, с русской цивилизацией с ее культом соборности и державности, как считается в эклектическом марксизме, является основным выводом, проистекающим из использования геополитического и цивилизационного подходов к анализу современности.

В этой связи нельзя сбрасывать со счетов и своеобразный «национализм» эклектического марксизма, направленный против капиталистической глобализации как унификации и против «всечеловеков». Идея «русского социализма» в чем-то напоминает тот вариант «национальных моделей социализма», который наблюдался в истории. За образец здесь берется, конечно же, китайский путь развития последних десятилетий. В основании «русского социализма» эклектический марксизм пытается положить идеологию сочетания постиндустриаль-

²⁷ Зюганов Г. А. На рубеже тысячелетий. С. 531.

ного технологического способа производства (постиндустриализм как материально-техническая предпосылка социализма) с традиционными ценностями русской цивилизации, с «русской идеей»: «Именно синтез ленинской методологии и наследия лучших отечественных мыслителей должен стать основой современного русского социализма и залогом возрождения нашей любимой Родины — великой социалистической державы»²⁸. Технологический способ производства, адекватный социализму, развивается на основе изменений характера производительного труда (интеллектуализация), взаимоотношений производства и природы («уподобление производства процессам жизни»), гибкого автоматизированного производства, новых источников энергии и др. Ему будет соответствовать реальное обобществление труда, т. е. усиление его коллективного характера, возрастание взаимосвязи различных отраслей производства, повышение его управляемости. Все это в соответствии с идеологией эклектического марксизма должно быть соединено с национальными традициями: «Единственно достойный ответ заключается в скорейшем создании общенациональной и самобытной патриотической идеологии, которая смогла бы противопоставить мнимым ценностям западного либерализма исконные, традиционные духовные ценности российской цивилизации, соединенные со всеми материально-техническими достижениями “постиндустриального” мира»²⁹. Современное, как ее понимает Г. А. Зюганов, прочтение «русской идеи» включает в себя четыре положения: (1) «идея державная. Наш народ всегда стремился иметь сильное государство»; (2) «идея национальная. Для России — страны, где более 80% составляют этнические русские, это в первую очередь идея спасения самобытной русской цивилизации и возрождения русского народа как станового хребта российской государственности»; (3) «идея социальной справедливости. Тяга нашего народа к правде и справедливости общеизвестна. Особенно она обострена сейчас, когда в результате безответственных политических игр ищ имущественное расслоение общества достигло невиданных размеров»; (4) «идея демократическая... Тысячелетняя русская история являет нам многочисленные примеры народовластия — от новгородского веча XII–XV веков до казачьего самоуправления начала XX столетия. А рассуждая о благотворительности и нравственной высоте русской соборности, смешно не видеть, что установить соборное согласие в обществе “сверху”, минуя демократические механизмы народного волеизъявления, совершенно невозможно. Соборность есть цель, а демократия — механизм ее реализации»³⁰.

²⁸ Зюганов Г. А. Глобализация: тупик или выход? С. 31.

²⁹ Зюганов Г. А. На рубеже тысячелетий. С. 480–481.

³⁰ Там же. С. 481–485.

Данное сочетание марксистских идей с идеями русского консерватизма и традиционализма (по преимуществу) носит не органический характер, т. е. не составляет единой логической концепции общественного развития. С одной стороны, такое сочетание является результатом политической борьбы с оппонентами и поиска союзников. С другой стороны, реальное основание эклектизма этого российского марксизма можно обнаружить в его неоднородной социальной базе и составе партийных масс в КПРФ.

* * *

В данной статье были освещены два направления в современном постсоветском марксизме, которые претендуют на политическое выражение в виде общественного движения. Остался нерассмотренным «академический марксизм», присутствующий в среде ученых и преподавателей высшей школы и академических институтов. Во-первых, он не выражен столь отчетливо, как политические версии. Во-вторых, он не может претендовать на какую-то особую школу. В большей мере «академический марксизм» заметен в области методологии исследования и в мировоззренческих установках (частично обществоведов, но и естественников); в какой-то степени он выражен и в отдельных попытках продолжить марксистскую теорию. В этом отношении «критический марксизм» и «эклектический марксизм» более активны и влиятельны, хотя между «академическим марксизмом» и этими версиями можно отметить определенную взаимосвязь (например, разработка концепции «устойчивого развития» под руководством академика В. Коптюга, одобренная и принятая марксистами из КПРФ). Марксизм в современной России имеет место; он не вычеркнут из политики, науки и идеологии. После «антимарксизма» начала 1990-х отношение к этому идейному и теоретическому направлению более спокойное и рациональное. Марксизм остается и в качестве политической теории, и в виде политического движения.

В современной российской политической науке и публицистике проблемы политического образования и той роли, которую играет университетская традиция в его формировании, относятся к числу маргинальных. И это не случайно. Наиболее бросающейся в глаза особенностью посткоммунистического периода нашей истории является глобальный кризис ценностей. Распад СССР был следствием не столько конкуренции политических элит, сколько не имеющей прецедентов в новейшей истории нравственной деградации всех слоев российского общества. Типичным ее свидетельством был и тот факт, что пришедшая к власти в начале 1990-х годов под радикальными либеральными лозунгами номенклатурная прослойка и ее идеологи действовали (конечно, инстинктивно) по известному рецепту, предложенному еще в 1920-е годы ренегатом социалистического движения Б. Муссолини после установления им в Италии фашистского режима: соответствующая идеология может быть «заказана» уже после того, как ключевой вопрос о политическом господстве благополучно решен.

Уже первые парламентские выборы, проведенные после октябрьского переворота 1993 года, показали, что легитимность нового политического режима не обеспечена в том числе и потому, что в большинстве регионов России «универсальные ценности западной либеральной демократии отходят ныне на периферию массового сознания столь же стремительно, как и ценности коммунистического вчера»¹. Переизбрание В. Путина 14 марта 2004 г. рассматривается многими аналитиками как преодоление посткоммунистическими властными структурами затянувшегося «кризиса легитимности», но это, конечно, не означает, что социально-экономический кризис, в который страна погрузилась полтора десятилетия назад, преодолен окончательно и бесповоротно. Выходом из него могут стать только разработка и проведение в жизнь альтернативной программы реформ, затрагивающей все сферы материальной и духовной жизни российского общества. Одним из ее ключевых моментов является, на наш

¹ Зубов А. Б., Колосов В. А. Что ищет Россия? Ценностные ориентации российских избирателей 12 декабря 1993 года//Политические исследования. 1994. №1. С. 107.

взгляд, постепенное формирование новой политической культуры, опирающейся на принципиально новую концепцию политического образования.

Данная констатация возвращает нас к вопросу о специфике политической культуры вообще и российской традиции политического участия, в частности.

Из многочисленных характеристик политической культуры, представленных в современной политологии, наиболее предпочтительным, на наш взгляд, выглядит ее «элементарное» определение Г. Алмондом и Дж. Пауэллом как «структуры индивидуальных позиций и ориентаций в отношении политики среди членов политической системы», т. е. обозначающее ту субъективную, состоящую из познавательных, аффективных и оценочных предпочтений сферу, которая лежит в основе и дает смысловую направленность всем политическим действиям².

Если анализ индивидуальных и даже групповых ориентаций и не позволяет предсказывать с абсолютной достоверностью все особенности поведения того или иного индивида в рамках конкретной политической системы, он является необходимым звеном для определения ее основных свойств и тенденций развития, для выяснения специфики ее взаимодействия с гражданами и, наконец, для понимания как характера и направленности политического процесса, так и уровней субъективного их восприятия. Так, степень демократичности и ответственности политической системы зависит от ее способности к агрегации легитимных нужд и требований, проявляющейся в том числе и в возможности (относительно бесконфликтной) передачи управленческих функций от одной группы лидеров к другой на любом ее уровне — от государства до политической партии³.

Противоположный тип политического участия, в наиболее чистой форме развившийся в русле марксистской традиции, определяется представлением о политике как арене постоянной борьбы между господствующими и угнетенными классами (и внутри каждого из них). В системах, где получают распространение такие представления, начинает преобладать идеологический стиль политики, подавление автономного поведения индивидов и групп. Это в конечном итоге приводит к появлению весьма специфической ориентации населения, названной Алмондом и Пауэллом «подданическо-активистской» (subject-participant), поскольку она основана на сочетании политического конформизма с имеющим оттенок индифферентности религиозно-традиционалистским подходом к политике⁴.

² Almond G. A., Powell G. B. Comparative Politics. A Developmental Approach. Boston, 1966. P. 50.

³ Ibid. P. 55–56.

⁴ Ibid. P. 57–63.

Именно такая патриархально-подданическая политическая культура, уходящая корнями в традиции прежней монархической государственности, формировалась в России на протяжении десятилетий правящей коммунистической элитой. Сохранение многих ее элементов в новом посткоммунистическом государстве всегда настолько бросалось в глаза, что определение этой культуры в прежнем ее качестве с самого начала рассматривалось как хрестоматийное даже авторами учебных пособий⁵. Именно эти «общинные свойства», усиленные в социалистический период, и предопределили, по мнению некоторых специалистов, возникновение своеобразного феномена «антиполитики», оказывающего в этом регионе решающее воздействие на характер проведения реформ⁶.

Понятие «антиполитика» стало использоваться с целью более четкого понимания способов легитимации новых политических структур в странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию. Как показала практика, решение новых сложных хозяйственных и социальных проблем с самого начала осуществлялось в русле специфической бюрократической модели политики. «И корпоративные варианты согласования интересов, и отделяемая от конкретных лиц легитимация властных функций посредством установленных правил, — отмечает немецкий политолог К. Мэнике-Дендеши, — уже предполагают вполне развитые институты промежуточного или бюрократического характера, которые в рамках постсоциалистической ситуации, сложившейся в восточноевропейских переходных обществах, представляются неуместными. Для этой ситуации как раз характерно, что они находятся лишь в процессе институционального оформления, причем, с одной стороны, границы между институтами остаются зыбкими, а с другой — различные виды рациональности и ориентации, определяющие свободу действий и способы поведения внутри самих институтов, лишь складываются. В отношении механизмов взаимодействия между предпринимателями, менеджерами и государственными чиновниками в бюрократической, связанной с посредничеством, сфере очень трудно становится отделять, с одной стороны, клиентелизм и защищенное законом согласование интересов от бюрократического регулирования — с другой»⁷.

⁵ См., например: Основы политической науки: Учеб. пособие/Под ред. проф. В. П. Пугачева. М., 1993. Ч. II. С. 64–67; ср.: Капустин Б. Г. Кризис ценностей и шансы российского либерализма//Политические исследования. 1992. №5–6. С. 79; Гаджиев К. С. О перспективах демократической государственности в России//Политические исследования. 1994. №3. С. 107.

⁶ См.: Manicke-Gyongyosi K. Konstituierung des Politischen als Einlösung der «Zivilgesellschaft» in Osteuropa?//Der Umbruch in Osteuropa als Herausforderung für die Philosophie. Dem Gedenken an Rene Ahlberg gewidmet. Peter Lang. 1995. S. 225 sqq.

⁷ Ibid. S. 224–225.

«Антиполитика» является, следовательно, основным способом обеспечения свободы действий для новой бюрократии, оказавшейся вполне способной воспользоваться советом, который В. Парето давал всем правителям, т. е. трансформировать радикальные антикоммунистические настроения и энергию в такой тип руководства, когда институционализация рынка и демократии оказались всецело опосредованными тенденцией к всеобщей государственной опеке⁸.

В этих переходных условиях единство власти и основной массы населения достигается не реальными результатами демократизации общества, а обеспечивается правительством при помощи «символической интеграции», долженствующей «поддерживать совместную реализацию демократического участия»⁹ и способствовать преодолению противоречий, усиливая механизм снятия конфликтов «в процессе символической идентификации граждан с демократическим базовым консенсусом»¹⁰.

В рамках такой модели политического участия усиление авторитарной ментальности в переходном обществе, каковым является посткоммунистическая Россия, диктуется той двойственной ролью, которую играет государство, проявляющее заботу прежде всего о собственных интересах (совпадающих с интересами олигархии и других замкнутых корпоративных групп — генералитета, бюрократии, банковских и криминальных структур, на которые оно опирается), но одновременно стремящееся выйти из узких корпоративных рамок и брать на себя ответственность за обеспечение общественных потребностей путем оказания поддержки тем структурам, с деятельностью которых связаны перспективы долговременного роста. При таком положении вещей несовпадение результатов государственной политики с ожиданиями основной массы граждан становится вполне закономерным и объяснимым. С этой точки зрения, российская политическая культура не может не оставаться конфликтной, будучи не только диаметрально противоположной традициям, сложившимся в Западной Европе и США, но и значительно отличаясь от той эволюции политического менталитета, которую мы наблюдаем, например, в странах Центральной Европы.

В каком же направлении может выстраиваться при данных социо-

⁸ См.: *Manicke-Gyongyosi K.* Konstituierung des Politischen als Einlösung der «Zivilgesellschaft» in Osteuropa? S. 225, 229.

⁹ *Manicke-Gyongyosi K.* Zum Stellenwert symbolischer Politik in den Institutionalisierungsprozessen postsozialistischer Gesellschaften//*Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa: In memoriam Gabor Kiss, Kristina Manicke-Gyongyosi (Hrsg.). Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus. 1996. Bd. 9. S. 13.*

¹⁰ *Ibid.* S. 13–14.

культурных характеристиках новая отечественная модель политического образования?

В цивилизованном обществе политическая культура и политическое образование не только неотделимы друг от друга, но в известном смысле являются эквивалентами. Если придерживаться принятого выше определения политической культуры, можно рассматривать политическое образование как сложную систему, интегрирующую в результате целенаправленной деятельности те элементы культуры, которые определяют характер и формы политической социализации в процессе формирования определенного типа политического поведения и сознания, свойственных данному типу общества и государственному устройству.

Независимо от особенностей и общепринятого понимания политики, любое государство стремится контролировать этот процесс посредством принятия централизованных решений, т. е. стремится проводить определенную образовательную политику. «Когда тоталитарное государство пересматривает изложение истории в школьных учебниках или когда молодая нация разворачивает школьную систему, то это означает, что политические элиты стремятся формировать и контролировать этот процесс создания политических ориентаций»¹¹.

В демократическом обществе с развитым гражданским сознанием существование независимого общественного мнения является достаточной гарантией для ориентации государства на такую модель политического образования, в рамках которой будет поддерживаться и усиливаться механизм контроля над государством со стороны гражданского общества. Такую систему, основанную на плюрализме интересов, с такими ее атрибутами как автономия, самодостаточность, свобода, итальянский политолог Дж. Сартори собственно и называет «образованием», противопоставляя ее «индоктринации», т. е. внедрению одной единственной модели политического поведения¹². Производным от данного базового различия можно считать разделение американским философом М. Оукшоттом политического образования на профессиональное и универсальное, которые противопоставляются, в свою очередь, «идеологическому образованию», основанному на заучивании строго определенного набора «идеологических текстов»¹³.

В современном мире широко представлены все названные выше модели политического образования. Специфически западной обычно

¹¹ Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics. P. 64–65.

¹² Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, New Jersey, 1987. P. 126. Note 36.

¹³ Oakshott M. Rationalism in Politics. London, 1962. P. 116 sqq.

называют только плюралистическую, свободную (конечно, относительно) от государственного контроля модель. Она возникла в результате длительной эволюции как самих государственных институтов, так и различных систем политической философии. Важнейшими институтами, в которых кристаллизуются образовательные процессы данного типа, являются, во-первых, система универсального (свободного) образования в государственных и частных школах, во-вторых — современная система университетского образования. В обеих системах на разных уровнях реализуются три основных аспекта политического образования: формулирование, закрепление и передача общих основ политического мировоззрения, освоение всей совокупности политических дисциплин (уровень научного осмысления политики и самого феномена политического) и, наконец, подготовка как к участию в выборах, так и к профессиональной политической деятельности.

Осуществляя контроль над этими институтами, политическая элита способна практически влиять на характер политической социализации и, следовательно, на другие сферы общественной жизнедеятельности¹⁴. Степень такого контроля определяется соотношением образования и индоктринации¹⁵ в программах обучения, т. е. прямо зависит от уровня развития политической свободы. Отдельные элементы политического образования могут быть созданы и в рамках авторитарных режимов, но они немедленно исчезают, как только авторитаризм доводится до крайнего предела, трансформируясь в ту или иную разновидность тоталитарного государства.

Современный характер политического образования в западноевропейских странах и США складывался под влиянием оптимистической убежденности интеллектуалов в необходимости проведения образовательной реформы, в результате которой демократическая система раскроет все свои преимущества. «Мы можем, — писал американский философ Д. Дьюи, — спроектировать в школах план в соответствии с типом общества, которого мы желали бы достичь»¹⁶. Такую ориента-

¹⁴ См. подробнее: *Almond G. A., Powell G. B. Comparative Politics*. P. 65–68.

¹⁵ Конечно, нельзя рассматривать в качестве «индоктринальных» те исходные авторитарные элементы, которые лежат в основе образовательной программы любого цивилизованного общества. В отличие от различных корпораций, деятельность которых может создавать такую угрозу (религиозные секты, радикальные партии и группы и т. д.), государственная политика, например, в вопросе о начальном образовании, естественно, не определяется критерием автономного выбора. Это признают почти все без исключения теоретики либерализма. «Мы, — отмечает Р. Даль, — не предоставляем детям право решать — должны они посещать школу или нет» (*Dahl R. A. After the Revolution? Authority in a Good Society*. Revised edition. New Haven and London. 1990. P. 16). Не менее категорично выражается и И. Берлин: «Мы принуждаем детей быть образованными» (*Berlin I. Two Concepts of Liberty//Liberalism and Its Critics*. P. 31).

¹⁶ Цит. по: *Westbrook R. B. John Dewey and American Democracy*. Ithaca and London. 1992. P. 192.

цию можно уже обнаружить в классическом произведении Дж. Ст. Милля «Размышления о представительном правлении», в котором сами понятия «демократическое правление» и «образование» нередко рассматриваются как тождественные¹⁷. Сформулированный английским философом исходный принцип: сущность демократической конституции — всеобщее гражданство, поэтому все люди должны получить образование, чтобы стать гражданами — рассматривается в наши дни в качестве основы для разработки современной концепции демократии¹⁸.

Развивая мысль Милля о присущих демократии слабостях, современный американский теоретик политического образования М. Адлер следующим образом определял стоящие перед цивилизованными странами проблемы: «Ни одной другой форме правления нельзя отдавать предпочтения перед демократией из-за этих недостатков, поскольку все другие формы правления подвержены тем же самым слабостям, в то время как лекарства для них могут быть найдены в политической демократии. Лекарством от некомпетентности правителей при политической демократии является образование людей с целью выполнения ими своих обязанностей в качестве граждан и в качестве должностных лиц<...> Постепенное предоставление всем равного доступа к школьному образованию и достаточное количество времени для досуга и обучения в зрелые годы будут также способствовать тому, что каждое воспитанное человеческое существо (все за исключением неизлечимо слабоумных и больных) станет образованным до такой степени, когда он или она смогут быть настолько же хорошими гражданами, чтобы также разумно использовать его или ее право голоса, как и всякий прочий<...> Неискоренимое неравенство среди человеческих существ не подрывает само по себе той демократической предпосылки, что все нормальные люди могут быть достаточно образованы, чтобы стать хорошими гражданами<...> Я не утверждаю, что проблема создания вполне образованного электората (когда он увеличивается до размеров всего населения в сообществе) уже решена. Дело как раз обстоит не так и мы все еще очень далеки от решения этой проблемы. Я только утверждаю, что те изменения, которые произошли со времени Милля, в особенности технологический прогресс, давший изобилие и полноту возможностей для обучения и досуга с самого раннего возраста, дает нам надежду на то, что она может быть решена в большей степени, по сравнению с тем, на что Милль, воз-

¹⁷ См.: *Милль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении*. Chaldize Publications, 1988. С. 31–32.

¹⁸ *Adler M. J. Haves Without Have-Nots. Essays for the 21-st Century on Democracy and Socialism*. New York. 1991. P. 126.

можно, мог бы рассчитывать, чтобы подкрепить свои колеблющиеся демократические убеждения»¹⁹.

В работе М. Адлера, посвященной перспективам идей демократии и социализма в XXI веке, в концентрированном виде выражена оптимистическая уверенность представителей либерального направления социальной философии в том, что при помощи адекватной условиям современной цивилизации программы школьного обучения и соответствующих этой программе дидактических методов можно не только сохранить и упрочить рационалистическую основу демократической политики, но и превратить ее в главный инструмент политического воспитания и социализации.

Не случайно, что сторонники такого подхода решительно выступают против профессионализации школьного образования и за введение во всех средних школах свободных (liberal) гуманистических общеобразовательных программ. «Профессиональное образование, — утверждает М. Адлер, — является обучением специальной работе в экономической машине. Оно стремится к тому, чтобы дать заработать на хорошую жизнь, а не к тому, чтобы дать прожить жизнь достойно (living a good life). Оно является рабским и по своим целям и по своим методам. Оно защищает демократию точно таким же образом, как это делает экономическое рабство»²⁰.

Данные социологических опросов, проводимых в американских городах, свидетельствуют, что такая радикальная позиция находит достаточно широкую поддержку, проявившуюся как в требованиях улучшения образовательных стандартов, так и в предпочтениях, отдаваемых американцами обучению своих детей в католических и протестантских частных общеобразовательных школах²¹. Специалисты отмечают, что в США борьба различных концепций образования превратили эту сферу в своеобразную политическую субкультуру²².

В Западной Европе аналогичную тенденцию можно наблюдать, например, в ФРГ²³. Как и повсюду, серьезные теоретические и прак-

¹⁹ I Adler M. J. *Have Without Have-Nots. Essays for the 21-st Century on Democracy and Socialism*. P. 120–122.

²⁰ Ibid. P. 126.

²¹ См., например: *Crespi I. Public Opinion, Polls and Democracy*. Westview Press, Inc., Boulder, San-Francisco, London. 1988. P. 43, 80–81; Wilson J. Q. *Bureaucracy. What Government Agencies Do and Why They Do It*. Basic Books, Inc., 1989. P. 22, 360 sqq.

²² См.: *Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven and London, 1989. P. 142 sqq, 156–162; *Janowitz M. The Reconstruction of Patriotism. Education for Civic Consciousness*. Chicago; London, 1985. P. 92–112; *Yankelovich D. Coming to Public Judgement. Making Democracy Work In a Complex World*. Syracuse; New York 1991. P. 166 sqq, 249 sqq.

²³ См., например: *Harms H., Breit G. Zur Situation des Unterrichtsfachs Sozialkunde/Politik und der Didaktik des politischen Unterrichts aus der Sicht von Sozialkundelehrerinnen und-lehrern. Eine Bestandsaufnahme//Zur Theorie und Praxis der politischen Bildung*. Bonn. 1990. S. 13–167.

тические проблемы, с которыми сталкивается политическое образование в этой стране, определяются прежде всего характером дискуссии, развернувшейся вокруг вопроса о роли политического образования как одной из главнейших жизненных сфер, не только определяющей мировоззрение подрастающих поколений, но и непосредственно влияющей на разработку того, что можно назвать политикой будущего, теснейшим образом связанной с демократической традицией западной культуры²⁴.

Сама постановка вопроса о новых перспективах политического знания и образования была бы непонятна и практически невозможна, если не принять во внимание те импульсы к развитию гуманитарного знания, которые всегда исходили и продолжают исходить из сферы университетского образования.

Вопрос о месте и роли университета как уникального феномена человеческой культуры в определении содержания демократической политики также является объектом ожесточенной дискуссии между сторонниками свободного и профессионального образования. Далеко не все ученые и политики разделяют сформулированное в середине XIX в. Дж. Г. Ньюменом — ректором католического университета в Дублине — положение о том, что главной задачей университета — места, где получают доступ к «всеобщему знанию», являющемуся «целью в себе», всегда было и остается «формирование ума» как «привычки к порядку и системе, привычки соотносить всякое достигнутое знание с тем, что мы уже знаем, с помощью которой интеллект, вместо того, чтобы стать объектом обработки и быть принесенным в жертву какой-то частной или случайной цели, какому-либо особенному занятию или профессии, предмету или науке, дисциплинируется ради самого себя для осознания своей собственной цели и во имя своей собственной высшей культуры»²⁵.

Свидетельством противоположного подхода к университетскому образованию стала распространившаяся со второй половины XIX века практика открытия сначала профессиональных колледжей и институтов внутри старинных университетов, а затем технических и «политехнических» университетов²⁶. Подготовка в них узких технических

²⁴ См.: Politische Bildung in der Bundesrepublik. Zum dreißigjährigen Bestehen der Deutschen Vereinigung für politische Bildung. Opladen, 1996; Politische Bildung und Globalisierung. Opladen, 2002.

²⁵ Newman J. H. The Idea of a University Defined and Illustrated: I. In Nine Discourses Delivered to the Catholics of Dublin [1852]; II. In Occasional Lectures and Essays Adressed to the Members of the Catholic University [1858]. Edited with introduction and notes by I.T.Ker. Oxford, 1976, II.IX, 7; I. VII, 1.

²⁶ См. подробнее: Pelikan J. The Idea of the University. A Reexamination. New Haven and London, 1992. P. 20–23; cp.: Shames L. The Hunger for More. Searching for Values in an Age of Greed. New York, 1991. P. 42–43.

специалистов, даже в том случае, когда она формально и не противоречила таким основным функциям университета, как обучение, организация исследовательских работ и публикация их результатов, была направлена против самой сущности университетского образования как всеобщего и свободного.

Не случайным, конечно, является и тот примечательный факт, что процесс технизации университетов сопровождался постоянными обвинениями последних в распространении «подрывных» и революционных учений.

Не приходится, конечно, сомневаться в том, что идеи революционного преобразования общества часто вызревали и внутри университетских стен, а сами университеты не раз на протяжении последних двух веков становились источником революционного брожения и даже рассматривались в качестве «модели» нового политического и общественного порядка. Проблема, однако, состоит в том — в какой мере ответственность за это несет университетская традиция гуманитарного образования. Практика дает достаточное количество примеров того, что будущие революционные теоретики были людьми с университетскими дипломами и первые элементы своего революционного воспитания получили, сидя на студенческой скамье.

Но ведь нередко университетскими выпускниками были и откровенные консерваторы, и бюрократы, и милитаристы. М. Вебер был совершенно прав, когда утверждал, что наибольшую ответственность за вступление США в Первую мировую войну несут американские университеты и сформированный ими новый бюрократический слой чиновников²⁷.

Приведенные доводы призваны подтвердить, в сущности, только одно положение: университеты, независимо от их статуса и, как уже отмечалось выше, нередко конъюнктурной образовательной ориентации, открыты всем существующим в обществе тенденциям развития и оказывают на них в большей степени косвенное и скрытое влияние, чем являются лабораториями революции.

Кроме того, как очень точно заметил Я. Пеликан, автор одной из лучших книг, посвященных проблемам университетского образования, «в период революционного социального изменения, каковым является настоящее время, когда революции ниспровергаются революциями, положение университета неизбежно оказывается диалектическим: будучи одновременно и институтом, и идеей, он выступает в одно и то же время и как рассадник революции, и как объект атаки со стороны революции»²⁸.

²⁷ См. Вебер М. Социализм. Речь для общей информации австрийских офицеров в Вене (1918)/Пер. и вступ. ст. В. А. Гуторова//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1991/2. С. 46.

²⁸ Pelikan J. The Idea of the University. P. 157.

Можно поэтому утверждать, что в современный период университетское образование обретает подлинный статус только внутри демократического общества, политика которого направлена на поиск консенсуса, а не на разжигание социальных конфликтов. Соответственно, источником новых концепций политического образования университет становится только тогда, когда практическая, идеологически ангажированная политика остается вне его стен и ее место по праву занимает язык истории и философии²⁹. Последнее возможно только в том случае, если «первые принципы» университетского образования остаются в силе и, следовательно, сохраняется «убеждение в том, что традиция, из которой вышел современный университет, не должна отбрасываться непринужденно и легко, как это подчас случается, словно причудливый музейный экспонат, как будто мы в нынешнем поколении вольны определять характер университета любым желанным способом, не обращая внимания на данное им наследие»³⁰.

Существует немало путей расстаться с традицией свободного образования. Иногда они представляются вынужденными и даже единственно возможными. На рубеже 30-х–40-х годов прошлого века, когда многим казалось, что либеральные ценности будут окончательно похоронены под натиском тоталитарных диктатур, К. Маннгейм возлагал на либеральное образование чуть ли не главную ответственность как за тоталитарное перерождение Германии, так и за неспособность современных демократий справляться с принципиально новыми ситуациями³¹.

В этот же период Й. Шумпетер в получившей впоследствии громкую известность книге «Капитализм, социализм и демократия» вообще ставил под сомнение саму возможность реализации «классической концепции демократии», как не соответствующей ни человеческой природе, ни постоянно подтверждающим ее иррациональность реалиям повседневного человеческого поведения³². В области политики, утверждал Шумпетер, образование не дает людям никаких преимуществ прежде всего потому, что воспитываемое им чувство ответственности и рационального выбора обычно не выходит за пределы их непосредственных профессиональных занятий. Общие политические решения оказываются поэтому столь же недоступны образованным слоям, как и безграмотным обывателям³³. «Таким образом, типичный

²⁹ См. подробнее: *Oakshott M. Rationalism in Politics*. P. 331–332.

³⁰ *Pelikan J. The Idea of the University*. P. 31.

³¹ См.: *Маннгейм К. Диагноз нашего времени*. М. 1994. С. 473, 477–481.

³² См.: *Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy*. New York. 1976. P. 256

sqq.

³³ *Ibid.* P. 261.

гражданин опускается на более низкий уровень умственных характеристик, как только он вступает в политическую сферу. Он спорит и анализирует при помощи аргументов, которые он охотно признал бы ребяческими внутри сферы своих собственных интересов. Он снова становится примитивным»³⁴.

Демократическая теория, следовательно, может иметь какую-либо практическую ценность только в том случае, если она обосновывает необходимый минимальный уровень участия, предоставив на практике решение основных политических вопросов конкурирующим элитам и бюрократии³⁵.

Нетрудно заметить, что и сама аргументация, и выводы, к которым пришли в 1940-е годы К. Маннгейм, Й. Шумпетер, Г. Моргентхау и многие другие ученые, разочаровавшиеся в возможностях современной им демократии, выглядят, на первый взгляд, как гораздо более подходящая основа для дискуссии о месте и роли политического образования в современной России. Однако, на наш взгляд, любые варианты «разочарования в прогрессе», даже если они облекаются в великолепные научные формулы, не могут опровергнуть того принципиального довода, что сама постановка данного вопроса предполагает тождество демократии как нормативного политического идеала и политического образования как единственного способа обеспечения плюрализма интересов, адекватного этому идеалу³⁶.

Разумеется, переходный характер политического процесса в России и положение, в котором она теперь находится, не предоставляют ни малейших шансов на реализацию западной либеральной модели. Страна вновь вступает в период, который М. Вебер, анализирувавший в начале XX века шансы русского либерализма, пророчески назвал эпохой «мнимого конституционализма» (понятие более удачное, чем его современный эквивалент — «символическая политика»)³⁷. Соединение декларативной ориентации на принципы конституционализма с бюрократическим регулированием открывает вполне реальный путь к постепенному формированию структур «управляемой демократии» с ярко выраженной конкуренцией элит в сфере политики.

В этих условиях государственная политика в сфере образования будет одним из самых важных индикаторов будущего направления

³⁴ См.: *Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy*. P. 262.

³⁵ Ibid. P. 284–285; подробную критику концепции Шумпетера см.: *Held D. Models of Democracy*. Stanford, California. 1987. P. 164–185; ср.: *Beitz Ch. R. Political Equality. An Essay in Democratic Theory*. Princeton, New Jersey. 1989. P. 180–187.

³⁶ См.: *Adler M. Haves Without Have-Nots*. P. 122–124.

³⁷ См.: *Weber M. Zur Lage der burgerlichen Demokratie in Russland* // *Weber M. Gesammelte politische Schriften*. Hrsg. von Johannes Winckelmann. Tubingen. 1988. S. 66 sqq.

политического развития. Это положение выглядит тем более обоснованным, поскольку образовательная инфраструктура, оставленная в наследство социалистическим государством, вполне могла бы при соответствующей поддержке, стать надежным гарантом стабильности демократического выбора.

Советский Союз был «технотопией», т. е. «политическим режимом, обещавшим своим гражданам технологический прыжок к качественно лучшему существованию»³⁸. Система науки и образования, подкреплявшая идеологические претензии, была самой крупной в мире. В ней была сконцентрирована одна четвертая научных работников земного шара³⁹. Хотя основная доля крупнейших научных проектов была сосредоточена в специальных институтах Академии наук, подготовка научных кадров осуществлялась средними и высшими техническими учебными заведениями и университетами. Университетская структура была достаточно разветвленной и опиралась на имеющие прочные традиции общеобразовательные школьные программы, которые, несмотря на многие попытки профессионализации школы, так и не удалось искоренить⁴⁰.

Конечно, в условиях господства одной идеологии университет был одним из элементов идеократического государства и выполнял отведенную ему служебную функцию. Но уже начавшийся вместе с «перестройкой» процесс деидеологизации спонтанно выявил важнейшую роль университетского образования в формировании новой политической культуры.

Вместе с тем очень характерно, что в бурном потоке либеральной риторики, достигшей кульминации к концу 1980-х годов, проблеме политического образования и роли университетов в его формировании не уделялось никакого внимания. Чтобы в этом убедиться, достаточно открыть известную «перестроечную библию»⁴¹.

Современная ситуация выглядит еще более парадоксальной, но вместе с тем закономерной: правительственная политика в сфере науки, поставившая все ее структуры на грань вымирания и исчезновения⁴², в то же самое время санкционировала происходивший сначала

³⁸ Balzer H. D. Soviet Science on the Edge of Reform. Boulder, San-Francisco and London. 1989. P. 1 sqq.

³⁹ Ibid. P. 60.

⁴⁰ См. подробнее: Ruble B. A. Leningrad. Shaping a Soviet City. Berkeley, Los Angeles, Oxford. 1990. P. 144–154.

⁴¹ См.: Мигранян А. Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления; Баткин Л. Возобновление истории; Франк-Каменецкий М. Механизмы торможения в науке//Иного не дано/Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.; Минск. 1988. С. 97–121, 154–191, 635.

⁴² О начальных этапах этой политики см.: Keen P. Science in Shock: Russian Science Policy in Transition//Europe-Asia Studies. March 1995. Vol. 47. №2. P. 281–304.

стихийно процесс переименования многих технических вузов в университеты. В условиях, когда отсутствуют сколько-нибудь долгосрочные программы восстановления статуса университетского образования, когда проблема политического образования во всех его многообразных аспектах еще ни разу не рассматривалась правящей элитой, стремление как можно скорее «влиться» в Болонский процесс на волне всеобщей коммерциализации как средней школы, так и университетов порождает гораздо больше вопросов, чем дает ответов.

Все эти процессы в очень яркой форме свидетельствуют о том, что рубеж двух тысячелетий будет для российской государственности переломным. В условиях глубокого кризиса разработка новой концепции политического образования на основе обоснованных выше принципов могла бы стать важнейшим связующим звеном между находящимся на самом начальном этапе своего формирования гражданским обществом и новым содержанием политического образования, пробивающим путь сквозь корпоративные интересы. Только опираясь на образование, российская «антиполитика» имеет шанс постепенно превратиться в обеспеченный соответствующими ресурсами политический дискурс.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛЫХ СТОЛОВ,

**проведенных с участием Института стратегических оценок
и анализа и редакции журнала «Вестник аналитики»
(апрель – май 2004 года)**

І. «ДУГА НЕСТАБИЛЬНОСТИ» В СРЕДИЗЕМНОМОРСКО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ: САМОПРОВОЗГЛАШЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ

16 апреля 2004 г. Институт Европы РАН, Институт стратегических оценок и анализа и редакция журнала «Вестник аналитики» провели круглый стол, посвященный проблемам самопровозглашенных республик. В работе круглого стола приняли участие сотрудники Института Европы РАН, ИМЭПИ РАН, ИСКРАН, ИВИ РАН, Института востоковедения РАН, Российской академии государственной службы при Президенте РФ, МГИМО МИД РФ, ряда аналитических центров и СМИ, дипломаты. На обсуждение были выдвинуты следующие вопросы:

1. «Замороженные» конфликты на территориях Косово, Республики Северный Кипр, Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха — общие черты и специфика.

2. Наиболее вероятная динамика развития конфликта на территории Косово: предпосылки и непосредственные причины вспышки насилия (март 2004). Возможности и роль контактной группы, KFOR, ЕС, НАТО в преодолении острой стадии конфликта, поиске путей его разрешения. Позиция и роль России.

3. Болевые точки на Южном Кавказе: ситуация в Нагорном Карабахе и вокруг него, ее воздействие на отношения между Азербайджаном и Арменией и развитие экономического и политического сотрудничества в регионе. Варианты разблокирования конфликта с учетом современной расстановки политических сил в Азербайджане и Армении и международных факторов.

4. Сепаратизм грузинских автономий: case study Абхазия. Опасность превращения неконтролируемых территорий в «серые зоны», очаги криминала, наркоторговли, торговли оружием. Перспективы и возможные сценарии дальнейшего развития событий с учетом позиций нынешнего руководства Грузии. Негативное воздействие сохраняющейся нестабильности на республики Северного Кавказа и урегулирование конфликта в Чеченской Республике.

5. Позиция и роль России в урегулировании затянувшихся конфликтов на постсоветском пространстве. Разнородное воздействие существую-

щего в России спектра политических сил на процессы разблокирования конфликтных ситуаций. Резервы сотрудничества в рамках СНГ и ОБСЕ. Соотношение принимаемых тактических решений и стратегического видения конфликтной проблематики Кавказа и Балкан.

6. Республика Северный Кипр — модель постепенного разблокирования конфликта. Возможные варианты взаимодействия двух частей острова.

Ниже публикуется сокращенный вариант стенограммы круглого стола.

Открыл круглый стол директор Института Европы РАН, академик РАН Н. П. Шмелев.

Тема нашей встречи сверхактуальна и очень противоречива. В каждом из вопросов повестки дня можно отыскать две стороны, и за какой из них будущее — об этом, может быть, и надо сегодня разговаривать. Начиная от таких общецивилизационных вопросов, таких, например, как право народов на самоопределение вплоть до отделения. Хорошо это или плохо? Поначалу это звучало благородно, но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад, в результате получается нечто безобразное, кровавое и неизвестно, куда оно вывернет это право на самоопределение, где его пределы. Можно привести тысячи примеров. Например, кто такие казаки — нация или не нация? Если нация, то они имеют право на самоопределение. А где они будут «самоопределяться»? И по этому принципу можно, собственно, всю Россию «раздраконить». Или, например, Африка. Как там можно каждой нации самоопределяться, до чего это доведет и уже довело?

В чем причина возникновения несостоявшихся и непризнанных государств. Наверное, есть масса причин, связавшихся в один клубок. Что за этим стоит? Вековые противоречия между живущими бок о бок народами? Проблема Карабаха уходит своими корнями очень глубоко. Или тот же Кипр. В этом ли причина, в каких-то иррациональностях, которые копились веками, или это просто амбиции местных безумных лидеров и безумная реакция толпы? Кто такой Гамсахурдия? Этот человек поднял всю страну, вспомните эти знаменитые «черные колготки», а оттуда выросла Южная Осетия, затем — абхазский конфликт и др.

Очевиден и фактор внешнего воздействия. Я глубоко убежден, что Югославия развалена искусственно, сначала толчок дал Геншер, а потом и Евросоюз, и НАТО, и бомбежки. В итоге пусть несколько неустойчивую, но очень приличную страну развалили. А причины-то здесь были другие, не право наций на самоопределение, не какие-то гуманитарные аргументы, а последствия имперских амбиций — вначале немецких, а потом американских. Или возьмем приднестров-

скую проблему. Явно за нею стоят великодержавные румынские претензии на Молдавию, на Приднестровье, которые к тому же подогреваются извне. Между прочим, при вступлении Румынии в НАТО никакой оговорки не было насчет того, что Бухарест должен как-то урегулировать свои претензии ваши на Молдавию, а через нее — на Приднестровье.

В общем, объективный или человеческий фактор стоит за рассматриваемой проблемой — это мы, может быть, немного проясним сегодня. Чем старше я становлюсь, тем больше соглашаюсь с одной простой английской максимой: «Все великие люди — плохие люди». Мне кажется, что главную роль здесь играет скорее человеческий фактор, чем невозможность примирить какие-то конфессиональные, национальные или бытовые проблемы. И, может быть, у нас хватит фантазии, чтобы чуть-чуть посмотреть в будущее, к чему все это идет, есть ли решение у проблемы непризнанных государств хотя бы в перспективе. Хотя я придерживаюсь на этот счет достаточно скептических позиций. Что такое перспектива? Никита Николаевич Моисеев, великий математик, человек, который просчитал наступление ядерной зимы, высказал мысль, что больше, чем на пятнадцать лет, загадывать и прогнозировать не имеет смысла, потому что в мире обязательно произойдет что-то такое, что опять перевернет все вверх тормашками, и надо будет планировать и думать по-другому.

В. Гусейнов (директор Института стратегических оценок, главный редактор журнала «Вестник аналитики»). Спасибо, Николай Петрович. Вы завершили свое выступление пожеланием «поразмышлять на будущее». Я думаю, что мы для этого и собрались.

Хотелось бы прежде всего отметить, что постановка проблемы, обозначенной в теме круглого стола, вполне правомерна. Анализ показывает, что все указанные «горячие районы» обладают рядом общих, объединяющих их черт.

Среди таких общих факторов я бы выделил следующие.

Первый фактор — временной. Пик «эпидемии самопровозглашения» пришелся на сравнительно компактный отрезок времени, в основном 1990-1992 годы. (Исключение — Северный Кипр). Следовательно, именно в этот период создались наиболее благоприятные условия для активизации сепаратистских тенденций. Связь этой активности с завершением периода «холодной войны», распадом биполярного мира и его вступлением в новую эпоху (очертания которой пока еще не совсем ясны) довольно очевидна.

Второй фактор — географический. Самопровозглашенные республики располагаются по своеобразной дуге, разделяющей (хотелось бы сказать — соединяющей) в основном христианский и мусульманский миры, на своего рода историческом водоразделе между цивилизация-

ми Севера и Юга. Этот факт дает основания различным аналитикам и исследователям говорить либо о «столкновении цивилизаций» (по Хантингтону), либо об антагонистических противоречиях между этими двумя конфессиями, либо об экспансии той или другой стороны, о борьбе за жизненное пространство.

Третий фактор, который можно назвать *многослойностью*. К самопровозглашенным республикам, о которых идет сегодня речь, примыкает еще целый ряд территорий, стремящихся, хотя и в разной степени, к самопровозглашению своего суверенитета или, по крайней мере, к расширению своей автономии. В России это Чечня, в Украине — Крым (прежде всего проблемы, связанные с крымскими татарами и — хотя и в меньшей степени — с русскоязычным населением). Целый ряд таких районов можно назвать в Грузии. Помимо Абхазии (вопрос об этой автономии и расширении ее прав с уходом А. Абашидзе отнюдь не закрыт) к ним можно отнести, в частности, районы компактного проживания армян, чеченцев-кистинцев (Ахметский район). До сих пор не решена проблема турок-месхетинцев, затрагивающая Грузию и Россию (в частности, Краснодарский и Ставропольский края). На территории Азербайджана, оккупированной Арменией, помимо самопровозглашенного Нагорного Карабаха, поднимается вопрос о создании Лачинско-курдского государства. Перманентным фактором становится деятельность радикальных исламистских группировок в ряде стран Центральной Азии, провозглашающих своей целью свержение существующих правительств и установление исламского халифата в регионе. (Последние события этого ряда произошли в Узбекистане). Можно также назвать Гагаузию в Молдавии. Далеко не решены подобные проблемы на территории бывшей Югославии, и события 2001 года в Македонии, не говоря уже о событиях последних дней в Косово, показали это довольно ясно.

Многие аналитики отмечают, что в мире формируется зона «возрастающей многоуровневой нестабильности (социально-политической, этнополитической, военно-политической) с активной вовлеченностью в дестабилизационные процессы и акции исламских (исламистских) организаций, движений, группировок и режимов». (О формировании такой зоны говорится, в частности, в докладе Александра Игнатенко «От Филиппин до Косово. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор», сделанном на научном семинаре Института социальных проблем МГУ по теме «Исламизм — глобальная угроза?»).

Можно отметить ряд характерных особенностей этой зоны, несущих наибольшую угрозу для региональной и глобальной стабильности. Это, во-первых, ее расширяющийся характер, охват дестабилизирующей активностью все новых и новых территорий, Чтобы

убедиться в этом, достаточно сравнить, например, карты зон нестабильности 1984 и 2004 годов. В этой связи недавние события во Франции, Испании, Узбекистане, связанные с террористическими актами или их угрозами, можно, по-видимому, рассматривать как звенья одной цепи. Во-вторых, применяемые сепаратистскими и националистическими движениями формы борьбы за независимость, отделение от «метрополии» или даже смена политических режимов в той или иной стране, противостоять которым традиционными военными и полицейскими силовыми структурами, имеющимися в распоряжении официальных властей, сложно, если не сказать — невозможно. (Что может, например, сделать регулярная, вооруженная до зубов воинская часть, на территорию которой прорывается толпа женщин и подростков? Или как бороться с шахидизмом? И т. д.). В-третьих, это комплексный характер угроз, сочетающий в себе терроризм и диверсии, экстремистские проявления различного рода, криминал различных направлений, нарушение международных правовых норм, в том числе запрещающих распространение опасных видов оружия, и т. д.

Эта многослойность является своего рода питательной средой, в известной мере поддерживающей сепаратизм самопровозглашенных республик, с одной стороны, а с другой — способствующих их постепенному превращению в анклав с повышенным уровнем криминальности, терроризма и массового нарушения прав человека.

Четвертый фактор — геополитический. При этом характерна динамика развития подобных конфликтов. Как правило, они возникают на этнической, национальной или религиозной почве. Основными их движущими силами являются этнонациональные движения, идеология которых зачастую формируется под воздействием религиозных факторов или подкрепляется ими. Но очень скоро эти проблемы трансформируются (искусственно или нет — другой вопрос) в проблемы политические и приобретают геополитическое наполнение.

По существу, подтверждаются выводы о том, что все подобные конфликты есть не что иное как скрытая форма борьбы за очередной передел мира, который наступил после завершения «холодной войны», и за заполнение того геополитического вакуума, который образовался в результате распада социалистического лагеря и Советского Союза. И не есть ли зарождение и размножение подобных «горячих районов» мира следствием того, что так называемые «победители» в «холодной войне» стремятся воспользоваться плодами своей «победы» и установить контроль на том пространстве, которое ранее полностью выпадало из-под их влияния (территории бывших СССР и Югославии)? При этом надо отметить, что большинство самопровозглашенных государств, о которых идет речь, и примыкающих к ним других зон нестабильности играют, как правило, ключевую роль, обеспечивая контроль

над важнейшими регионами, имеющими геостратегическое или геоэкономическое значение, — Южные Балканы, Причерноморье, Кавказ, Каспийско-Центральноазиатский регион.

Пятый фактор — исторический. Совершенно очевидно, что конфликты, которые привели к образованию самопровозглашенных республик, имеют исторические корни, они зрели десятилетиями. Явились ли они следствием ошибок, допущенных прежними режимами, или результатом преднамеренной политики определенных сил — вопрос другой. Но глубинные исторические корни этих конфликтов позволяют утверждать, что скоротечного их разрешения ждать не приходится. Мировому сообществу, великим державам и международным организациям, занимающимся их урегулированием, надо исходить из того, что потребуются терпеливая и кропотливая работа по снижению остроты и последующего урегулирования конфликтов. Тем более что большинство из них зарождались на уровне политических элит (именно в этот период свою наиболее зловещую роль сыграл человеческий фактор, о котором говорил Н. П. Шмелев), а сегодня перешли уже на бытовой уровень, сцементированы пролитой кровью, разрушением родовых гнезд, изгнанием из родных мест огромных масс населения. И теперь потребуются коренная перестройка сознания людей для взаимного примирения и окончательного урегулирования конфликтов. Даже сравнительно благополучному Кипру понадобилось более 40 лет, чтобы подойти к более или менее приемлемому для обеих сторон разрешению конфликта, причем еще далеко не факт, что на этом конфликт между греческой и турецкой общинами будет полностью и навсегда завершен. (Результаты референдума, проведенного на Кипре 24 апреля 2004 г., подтверждают этот вывод).

Шестой фактор — социально-экономический. Практически во всех самопровозглашенных государствах (не говоря уже об обрамляющих их зонах нестабильности) отмечается низкий уровень жизни населения. Тем самым создается благодатная почва для различного рода сепаратистских и экстремистских течений. И этот же фактор говорит о том, что один из путей разрешения конфликтов — это повышение уровня жизни населения в конфликтных регионах, обеспечение в этих странах демократических прав и свобод, защита интересов национальных меньшинств.

Седьмой фактор — постсоветский, или посткоммунистический. Не считая Республики Северный Кипр, все самопровозглашенные республики появились на территории бывшего СССР. Это вполне объяснимо. Российская империя, затем Советский Союз всегда были многонациональной и поликонфессиональной страной. И здесь всегда наличествовали и центристские, и центробежные процессы. Ослабление влияния Москвы в силу известного развития событий в

конец XX века привело к тому, что центробежные процессы взяли верх. К тому же они были усилены непродуманной и недальновидной политикой российского руководства, пришедшего к власти в начале 90-х годов, по отношению к автономным и бывшим союзным республикам. Политика эта страдала примитивизмом еще во времена М. Горбачева, а после прихода к власти Б. Ельцина вообще свелась к его известному изречению, обращенному и к субъектам Российской Федерации, и к бывшим советским республикам: «Берите суверенитета столько, сколько захотите». Все эти республики, тесно связанные общим экономическим, оборонным, культурным пространством, единой социальной инфраструктурой, были фактически брошены на произвол судьбы, что сразу же резко сказалось прежде всего на уровне жизни населения и зачастую заставило искать выход в сепаратизме. Сегодняшние попытки Москвы активизировать свою роль в разрешении проблем самопровозглашенных республик на территории бывшего СССР, к сожалению, не дают должной отдачи. Во-первых, за эти годы во многом утеряно ее бывшее влияние в этих районах, во-вторых, в этом не заинтересованы лидеры современного мира, опасющиеся возрождения былой мощи и влияния Москвы. Да и экономические возможности России не позволяют на равных конкурировать с другими заинтересованными державами.

Восьмой фактор носит юридический характер. Де-юре ни одна из самопровозглашенных республик не была признана другими государствами (за малыми исключениями). Но де-факто большинство из них стали независимыми образованиями и проводят самостоятельную политику, не только внутреннюю, но и внешнюю, как в сфере политики, так и в экономике, причем международное сообщество относится к этому достаточно индифферентно.

Девятый фактор — интернационализация конфликтов, активное подключение к их урегулированию «больших» держав. К сожалению, эта активность еще не означает конструктивности. Как правило, на первый план выдвигаются не столько интересы конфликтующих сторон, сколько собственные интересы «великих» в том или ином регионе. Наглядный пример — ноябрьский казус с урегулированием приднестровского конфликта, когда с помощью ОБСЕ при негласной направляющей роли Вашингтона был провален вполне реальный и практически согласованный со всеми заинтересованными сторонами план урегулирования, так называемый «план Козака». Провален только потому, что его инициатором выступила Москва, усиления влияния которой на бывшем постсоветском пространстве никак не намерены допустить США и их главные союзники.

Несколько слов о ***конфессиональном факторе***. Сегодня многие связывают динамику зоны нестабильности, о которой говорилось выше,

с территориальной и идеологической экспансией исламизма, или так называемого политического ислама. Как представляется, к самопровозглашенным республикам это относится в меньшей степени. В большей степени влияние исламистов проявляется в зонах нестабильности, граничащих с этими квазигосударственными образованиями. Это относится, в частности, к государствам Центральной Азии, республикам Северного Кавказа. А основные корни сепаратизма самопровозглашенных республик кроются прежде всего в политике, экономике, социальной и национальной сферах.

Подводя итог, можно сказать, что у самопровозглашенных республик довольно много общих черт и факторов, определяющих их стремление к отделению от «метрополий». А это, в свою очередь, не только позволяет говорить о схожести их генезиса и, следовательно, об определенной системности проблемы, но и создает известные предпосылки для того, чтобы попытаться выработать общие концептуальные подходы к их урегулированию, некую общую методологию для возможного разрешения конфликтных ситуаций в этих регионах или, по крайней мере, понижения в них температуры противостояния.

Конечно, с другой стороны, сложность в том, что практически каждый конфликт имеет свои специфические черты, требующие разработки конкретных подходов к их урегулированию.

Сепаратизм, без сомнения, — серьезная проблема, стоящая перед десятками государств, для некоторых она является жизненно важной государственной проблемой. Однако эта проблема не решаема исключительно военными мерами, ее решение требует продуманных и разноплановых действий.

Надеюсь, сегодня нам удастся обсудить различные прагматические подходы к решению этих сложных и наболевших проблем и даже выработать определенные рекомендации, которые будут полезны для официальных властей и организаций, занимающихся их урегулированием.

А. Язькова (ИЕ РАН, ИМЭПИ РАН). Самое важное для нас сегодня — услышать мнения экспертов. Проблема, которую мы сегодня обсуждаем, чрезвычайно важна. Когда она возникает, мы очень эмоционально на это реагируем, а потом забываем, и все возвращается на круги своя. И сегодня мы, по крайней мере, должны попытаться наметить пути ее решения.

Почему мы ставим вопрос о самопровозглашенных территориях, замороженных конфликтах и о сепаратизме? Существуют очень разные мнения, например, о праве наций на самоопределение. Если говорить не в рамках политического диалога, а в рамках науки и международного права, то здесь возникает много вопросов. Кто может самоопределиться? В основополагающем документе — Уставе ООН о

таком праве не говорится, там записан принцип самоопределения и не наций, не этнических групп, а народов, имея в виду весь народ, который проживал или проживает на данной территории. Вот одна из проблем, которую надо обсуждать и решать.

Почему мы решили провести сравнительный анализ? Казалось бы, перечисленные здесь проблемы кажутся весьма разными. Но если вникнуть в суть, то можно найти много общего во всех приведенных ситуациях. Иногда говорят, что это тупик, ничего сделать здесь невозможно. Я хотела бы несколько провокационно поставить вопрос: могут ли эти территории и далее оставаться вне государственного контроля и вне международного контроля и как долго это может продолжаться?

Хотелось бы высказать несколько тезисов, которые характерны для всех самопровозглашенных территорий. Это, прежде всего, высокий уровень стратегической и политической нестабильности — и в отношениях со своими метрополиями, и в отношениях с международными организациями. К этому можно добавить отсутствие легитимного государственного контроля. Возьмите любую из таких территорий: Абхазию, Нагорный Карабах и семь других оккупированных районов Азербайджана. Почему это положение сохраняется уже в течение десяти лет? Совершенно очевидно, что такая ситуация приводит к сращиванию или сосуществованию квазиофициальных правительственных структур с криминальными и террористическими группировками. Специалистам это хорошо известно. Приведу только некоторые конкретные факты. Так, «Аль-Каида» была создана еще в 1989 году после ухода советских войск из Афганистана. И она действовала, но никто не обращал на нее особого внимания. Тем временем она подготовила ту ситуацию, с которой мир и прежде всего США столкнулись 11 сентября 2001 г.

Президент Косово Ибрагим Ругова в своем интервью 20 ноября 2001 г. дал такую оценку ситуации в Косово: «Вопрос терроризма — сложный и тяжелый. В Косово укрылись худшие элементы преступного мира. «Аль-Каида» тренирует здесь своих террористов». К тому же можно добавить, что косовское село Великий Тырновац, по данным Интерпола, является одним из самых крупных в Европе центров наркобизнеса. Как известно, наркобизнес стал одной из главных статей доходов Афганистана, оттуда наркотики вполне установившимся путем через Кавказ, кавказские непризнанные государства или территории идут на Балканы и в Великом Тырноваце, а также в Македонии перерабатываются и далее идут в Европу. Это приносит гигантские прибыли. По данным, приведенным в работе американских исследователей «Опиумная экономика в Афганистане: международная проблема», в Афганистане 1 грамм героина стоит 1 долл., на

транзитных путях Кавказа — 7–10 долл., на Балканах — 27–30 долл., в Европе — 80–100 долл. Норма прибыли совершенно очевидна. Все это нас должно побудить к тому, чтобы думать о будущем. То же самое можно сказать и о самопровозглашенных территориях на Кавказе. Через Нагорный Карабах и окружающие его оккупированные районы как раз проходит путь наркотиков из Афганистана на Балканы и в Европу. В Абхазии — криминалитет такого же уровня, здесь дело обстоит даже хуже. На сайте abkhazeti.ru я прочитала, что в марте нынешнего года МАГАТЭ подтвердило факт наличия на территории Абхазии малых ядерных материалов, которые пригодны для изготовления «грязной» ядерной бомбы. Не буду говорить о том, к чему это может привести: ведь ядерные материалы за очень большие деньги передаются на Ближний и Средний Восток, куда реиммигрировало много выходцев из Абхазии. Чем может обернуться такой бизнес — не стоит и говорить.

Мне хотелось бы закончить выступление словами из интервью Верховного Комиссара ЕС в Боснии: «Если вы хотите победить преступность на улицах Манчестера, Лондона, Парижа, вы должны начинать это здесь, в Сараево. Здесь — передовая линия». Названия городов можно заменить, но проблема вырисовывается очень четко. И над ней всем нам стоит подумать.

Н. Арбатова (ИМЭПИ РАН, ИЕ РАН). Начну с типологии конфликтов. Что есть общего во всех этих конфликтах? На мой взгляд, это латентные этнорелигиозные и территориальные споры, но приводятся они в движение и реанимируются разными внешними факторами. Это могут быть кардинальные сдвиги в международных отношениях, такие как распад Советского Союза или Югославии, это и геополитические интересы отдельных государств. Реже — это идеологические факторы и еще реже — иррациональные. Пример иррационального фактора — наша политика по отношению к Грузии. На протяжении последнего десятилетия она питалась абсолютно иррациональным фактором — нелюбовью определенных лиц к Шеварднадзе. Мы фактически раскачивали государство, которое является нашим естественным союзником в этом регионе, и Аджария, и особенно Абхазия, где мы оказались практически в одной лодке с чеченцами, а потом получили практически то же самое.

Можно разделить конфликты и по историко-хронологическому принципу. Есть конфликты биполярные и есть постбиполярные, посткоммунистические. В первую группу можно поставить лишь один конфликт — Кипр. Это продукт биполярной эпохи, продукт борьбы за остров, который имел очень важное стратегическое положение, хотя в действие были приведены этнорелигиозные проблемы и споры. Посткоммунистические конфликты тоже различаются между собой. Есть

явные общие черты, протекают они очень похоже. Здесь уже говорили о том, что с окончанием эпохи биполярности встал вопрос: что такое право наций на самоопределение. Одна из трагедий нашего времени состояла в том, что, сломав старую систему, достаточно эффективную в тех условиях, мы не создали никакой новой системы, которая могла бы заниматься предупреждением конфликтов, но стали ломать те старые принципы, которые мы очень тяжело согласовывали в период биполярности. В частности, Хельсинские принципы. И у нас, и на Западе шли дискуссии о том, что все это уже не имеет никакого значения — нет биполярности, и все могут создавать свои государства. Но последнее десятилетие показало, что именно в постбиполярную эпоху принцип самоопределения приобрел еще большее значение, чем прежде. Нет никакого противоречия между принципом нерушимости границ, правом суверенности и правом наций или этнических групп на самоопределение, если последнее осуществляется мирным путем. Идеальный пример — «развод» Чехословакии. С ростом терроризма это стало еще важнее, потому что терроризм часто оправдывается естественным желанием этнических групп и наций жить так, как они хотят. Необходимо дополнить международное право положением о том, что вооруженный сепаратизм, терроризм, насильственные методы не могут оправдываться никакими чаяниями.

В заключение немного о постбиполярных конфликтах. Есть общее и есть различия между распадами Советского Союза и Югославии. Разница заключается в том, как распались эти два многонациональных государства. Советский Союз распался не в результате поражения, а в результате выбора, в то время как Югославия распалась совершенно другим путем. Роли России и Сербии в распаде были прямо противоположны. Россия была одной из движущих сил, Сербия, наоборот, была главной силой, пытающейся интегрировать распадающуюся империю. Это объясняет очень многое, скажем, те проблемы, которые мы получили с русскоязычным населением в странах Балтии, в Приднестровье. Поскольку российское руководство, которое пришло в начале 90-х годов, было заинтересовано в скорейшей легитимизации своей власти, оно осуществляло этот процесс развода чрезвычайно поспешно без учета очень важного национального фактора присутствия русскоязычных меньшинств. Более того, если вспомнить начало 90-х годов и отношение Козырева к проблеме Приднестровья, то в тот период Приднестровье рассматривалось как оплот коммунизма, и поскольку новое руководство России пришло на антикоммунистической волне, у него не было никакой разумной позиции, кроме исключительно идеологического подхода. Позже все стало меняться.

Отсутствие новой системы безопасности, которая могла бы заниматься предупреждением конфликтов, предопределило то, что мно-

гие конфликты постбиполярной эпохи, в основном Югославия, заканчивались плохим миром. На Западе и особенно в США придерживались мнения, что плохой мир лучше доброй ссоры. Опыт Косово, Боснии показывает, что плохой мир так же опасен, как и открытый конфликт. То, что сейчас происходит в Косово, — следствие несправедливого, плохого мира, который, собственно, конфликт не урегулировал.

Отвечая на вопрос о том, могут ли существовать самопровозглашенные территории достаточно долго, — думаю, что да. Если есть силы, которые готовы финансировать, поддерживать по разным причинам — геополитическим, религиозным и т. д. — да, они могут существовать. Опыт Северного Кипра — наглядное подтверждение этому. Я недавно была на Кипре и специально поехала в северную часть посмотреть, как там живут люди. Финансовое положение ужасное, экономическое положение тяжелое, и они, конечно, хотят объединения, хотят войти в Европейский союз. Но все эти десятилетия северная часть Кипра поддерживалась Турцией. Так что если находятся заинтересованные внешние силы, эти территории могут существовать достаточно долго.

А. Ципко (ИМЭПИ РАН, член редколлегии журнала «Вестник аналитики»). Сегодня нельзя всерьез обсуждать и проблему непризнанных государств, и проблему межэтнических конфликтов, не сформулировав ясно и отчетливо причины распада СССР. Я прекрасно понимаю, что любая попытка ревизии распада — это попытка ревизии международного статус-кво, и лучше пускай будет тот статус-кво, сложившийся на основе советских административных границ, чем никакого. Но, с другой стороны, мы, как и немцы в свое время по отношению к разделенной Германии, имеем моральное право говорить на эту тему, тем более что после декабря 1991 года прошло более двенадцати лет. Это имеет очень серьезное отношение, по крайней мере, к проблеме Северной Осетии и Абхазии. Есть легитимность советских административных границ, на основе которых сложились новые государства. Но есть еще легитимность российской истории. Раз новая Россия является преемником и СССР, и русской истории, она, по крайней мере, несет ответственность за судьбу тех народов, которые сформировались благодаря старой России. Я имею в виду тот факт, что Абхазия и Аджария были присоединены к России в результате русско-турецких войн. Это, конечно, не аргумент в международной политике, но это проблема моральной ответственности. Речь идет о территориях, которые кровно связаны с Россией, и о народах, которые связывали с ней свою судьбу. Почему я обращаю на это ваше внимание? Можно ругать правительство Ельцина за неправильные отношения с Шеварднадзе, но не стоит упрощать проблему. Проблема Абха-

зии — это проблема адыгов. Я разговаривал и с Валерием Коковым, со многими другими представителями руководства Северного Кавказа. Они очень внимательно следили за позицией России, и если бы Россия повела себя по-другому, конфликт на Северном Кавказе был бы куда более драматичным, чем просто проблема Чечни. И не забывайте тот факт, что перед распадом СССР, 3 ноября, в Сухуми прошло заседание Ассамблеи народов Северного Кавказа. Ее участники предупредили, что они за сохранение СССР, но оставляют за собой право выхода из РФ, если произойдет распад СССР. Стенограмма этого заседания была опубликована.

То, что я говорю, — это не предмет международного права, конечно, не предмет аргумента в международных спорах, но проблема ответственности за свою историю и за народы, которые связали свою судьбу с Россией. Это дает нам моральные основания быть одним из основных субъектов во всех этих переговорах и отстаивать интересы не только новых политических элит в новых республиках и государствах, но и отстаивать интересы народов. И чем более активно мы заявляем о своих правах, тем больше с нами считаются те же американцы, чем более услужливо и боязливо мы себя ведем, тем больше мы теряем. Другое дело, если народы снова решат вопрос о воссоединении на добровольной основе, если Саакашвили найдет возможность компромисса в рамках своих интересов. Но если он их не находит, то мы должны там сохранять свою роль и свою ответственность. К чему я веду? Надо честно сказать, что распад СССР, конечно, был обусловлен многими объективными причинами. Но это не выбор РФ, а выбор политической элиты РФ, а более точно — московской политической элиты, которая оказалась сильнее всех других. Но, говоря о распаде СССР, надо понимать, что громадную роль сыграли и внешние факторы, и, самое главное, громадную роль сыграли эгоистические интересы той демократической элиты, которая в тот момент побеждала. Недавно Григорий Соломонович Померанц в сборнике «Восток—Запад» сказал, что распад СССР нужен был для демократической элиты, ибо иначе она не имела шансов победить в рамках СССР, она могла победить только в рамках Российской Федерации, поэтому она была сторонницей ухода из Средней Азии и Кавказа. Т. е. речь идет не просто об объективном историческом процессе, а о реализации интересов определенных элитных групп. Все эти факторы мы должны учитывать, и тогда получаем моральное право отстаивать своей гуманные человеческие интересы на всем пространстве, где в нашей помощи нуждаются.

Еще раз хочу повторить, что есть легитимность признанная, историческая, упаси Бог ее нарушать, но, с другой стороны, есть ответст-

венность России за судьбу народов, которые добровольно связали с ней свою судьбу.

А. Громыко (ИЕ РАН). Тема дискуссии поднимает ряд вопросов, которые выходят далеко за рамки прикладных тем повестки дня. Во-первых, дуга нестабильности. Т. е. воспринимаем ли мы эти конфликты как определенную механическую сумму или здесь вкладывается такое геополитическое понятие, как дуга, и в таком случае каковы механизм или взаимосвязь между всеми этими «болевыми» точками. Во-вторых, самопровозглашенные территории. По типологии, как уже говорилось, эти территории самые разные, т. е. они были самопровозглашенными с самого начала или позже, как северная часть Кипра (разделение произошло в 1974 году, а провозглашение только в 1983-м). Являются ли эти территории частью государства или представляют сами таковое (т. е. Абхазия и Приднестровье — это часть чего-то, а Кипр — это раскол страны на две части). И третье — термин в названии круглого стола — «территории между Россией и Европой», т. е. можно говорить о том, что такое Россия и что такое Европа и почему они здесь вот так разведены. Я думаю, что это все-таки такие понятия, которые вошли у нас в геополитику с 1993 года как «пограничные территории» или «территории-проливы», т. е. территории, которые находятся на стыке каких-то формаций в регионах или на стыке культурных, цивилизационных блоков и т. д. И тогда можно более гибко смотреть на проблему, а не только с точки зрения того — в биполярный или постсоветский мир уходят корни конфликтов. Кроме того, с моей точки зрения, практически все перечисленные «болевы» точки уходят корнями в биполярный мир, кроме Кипра. Кипр — средоточие конфликта, который длился несколько веков между Турцией и Грецией и напрямую к эпохе раскола мира на две супердержавы отношения не имеет.

Хотелось бы сказать о некоторых общих и отличительных чертах этого конфликта в сравнении с другими. Во-первых, раскол Кипра, с одной стороны, это был такой манихейский взгляд, когда обе стороны рассматривали друг друга как врагов, и было определенное целеполагание. Некоторые греки стремились к эносису или вливанию в Грецию, другие считали, что Кипр должен быть всегда независимым и быть в форме южной части после 1974 года или в объединенном виде, но на условиях греков-киприотов. Со стороны Северного Кипра были две тенденции. Первая — вливание в состав Турции (самопровозглашение было только в 1983 году, и фактически северную часть всегда можно было рассматривать как провинцию Турции). Но с 1999–2000 годов и в северной части все более набирала вес та точка зрения, что Кипр, в том числе северная его часть, должен вновь стать единой страной, но уже на других условиях, чем, например, выдвигали греки.

Все дело в том, что социально-экономическое развитие северной части было фактически заморожено на 30 лет, и для турок, живущих на Кипре, вступление в ЕС — это своего рода манна небесная.

Далее, Кипр — это узел, в котором сочетаются и этнические и межконфессиональные противоречия. И это — геополитические противоречия между Турцией и Грецией. Сюда же можно включить и интересы в этой стране и в регионе в целом Великобритании и США. И момент третий — это интересы ЕС, т. е. это уже противостояние или взаимодействие ЕС и Турции. Т. е. на Кипре в сложный клубок сплетены несколько стратегических противостояний или взаимодействий.

Наконец, у нас речь идет о замороженных конфликтах. Все идет к тому, что кипрский конфликт — первый из того перечня, который нам предложен для дискуссии, может стать «размороженным» и решенным.

И последнее. На примере Кипра четко прослеживается, как модель наднационального взаимодействия ЕС, довольно абстрактная и далекая, действует на практике. Так как в решении проблемы Кипра главный фактор — это предложение не разделиться и не утверждать свою этническую или национальную идентификацию через конфликты и усиление противостояния, а предложение перешагнуть через этот этап, который раньше всегда представлялся естественным, т. е. разделиться, чтобы когда-то в будущем вновь объединиться, модель, по которой эта сугубо национальная и местечковая самоидентификация несколько убирается в сторону и предлагается найти точки соприкосновения на базе наднационального видения в решении этой проблемы в рамках ЕС и той уникальной модели, которая этим союзом предложена. Поэтому я думаю, что 1 мая из нашего горького списка, скорее всего, кипрский конфликт будет вычеркнут. Другое дело, что на практике еще пройдет много лет, прежде чем можно будет сказать, что Кипр един не только по букве, но и по духу. Но все-таки та модель, которая уже начинает работать на Кипре, может быть рассмотрена как один из вариантов решения некоторых других конфликтов.

Н. Арбатова. То, что кипрский конфликт — продукт биполярности, абсолютно очевидно. Клинтон, находясь в Греции, попросил извинения за то, что США участвовали в путче «черных полковников». И на этот счет открыты кое-какие документы, которые говорят о том, что путч греческих полковников был организован при помощи США, потому что США были недовольны политикой неприсоединения Макариуса, Кипр занимал важнейшее стратегическое положение в Восточном Средиземноморье. В общем, логика понятна. Это — конфликт биполярности, в нем были использованы греко-турецкие противоречия.

Кстати, сейчас одна из самых больших проблем Кипра (и поэтому я не так оптимистично смотрю на его решение) состоит в том, что на острове практически не осталось турок-киприотов, они были вытеснены переселенцами из Анатолии, которые не имеют опыта сосуществования с греками-киприотами. Сегодня турки-киприоты живут в Канаде, Австралии, самое большое их сообщество в Англии.

Я не разделяю интерпретацию А. Громыко того, что происходит сейчас на Кипре и его очень оптимистичный взгляд. Есть очень сильное давление США, фактически план Кофи Аннана — это план США, который навязывается Кипру, но отторгается большей частью политической элиты Республики Кипр. Почему США так заинтересованы в том, чтобы Кипр вошел именно этой общей территорией? Опять же по геополитическим причинам и прежде всего потому, что вхождение Кипра без северной части создаст очень тяжелую ситуацию для Турции. Представьте себе: страна Кипр — член ЕС будет оккупирована страной, которая претендует на членство в ЕС. Это полный нонсенс. Именно поэтому сейчас принимаются такие усилия, чтобы пробить этот план.

Что касается ЕС. У меня нет полной уверенности, что этот союз заинтересован в осуществлении плана, который сейчас обсуждается, как и во вступлении в ЕС Турции. Так же как у меня нет полной уверенности, что ЕС очень хочет вступления Турции. Может быть, замораживание этого конфликта и вступление Кипра без северной части как раз дает ЕС рычаг воздействия на Турцию и некий предлог на случай неблагоприятного развития событий внутри Турции, что происходит, к сожалению... Поэтому не так очевидно то, что на Кипре складывается модель решения других конфликтов. Сегодняшняя ситуация на Кипре гораздо сложнее.

Ю. Давыдов (ИСКРАН). Каждый из этих конфликтов или каждое из непризнанных государств — это особая статья, и каждый из них развивается в специфических условиях. Но все это очень сильно зависит от состояния международных отношений, от того мирового порядка, который существует. И прежде всего от неразработанности нормативной базы международных отношений. За последние 50 лет эта база формировалась в условиях «холодной войны», и поэтому строилась на компромиссах. И, естественно, те нормы, которые закреплены во многих документах — Уставе ООН, ОБСЕ — записаны в компромиссном варианте, который дает возможность противоборствующим странам толковать их по-разному. Так, в одном месте Хельсинского акта говорится о том, что должна существовать территориальная целостность государства, а в другом вы найдете положение, что каждое государство или национальное образование имеет право на самоопределение. И в результате этого нормы излагались как принципы, каких-то

критериев и механизмов разработано не было. Например, когда начинается самоопределение, с какой точки, с какой территории, с какого количества населения? Непризнанные государства или стремящиеся к самоопределению нации должны вести себя в соответствии с какими-то общими принципами и критериями, которых пока нет. И этим пользуются противоборствующие стороны. Одна — для того чтобы провозгласить право своей нации на самоопределение, а другая — для того чтобы отрицать его. Поэтому первое, что должно быть сделано, — выработать критерии. Тогда можно было бы рассматривать признание или непризнание государства на основе тех критериев, которые затверждены международным правом. Это первое.

Второе. Рассматриваемая проблема очень сильно коррелируется с развитием международной ситуации. Возьмите процесс глобализации. С одной стороны, он дает больше простора для реализации принципа самоопределения, но, с другой стороны, ставится вопрос: а нужны ли вообще национальные государства в условиях глобализации? Здесь, может быть, и лежит решение проблемы, поскольку мы отходим от государственно организованного мира к чему-то большему, связанному с процессом глобализации.

Сами непризнанные государства — определенная угроза для международных отношений. И прежде всего в том, что непризнанное государство исключается из правового международного поля. А значит, на его территории можно делать все, что угодно. Конечно, непризнанные государства создают много возможностей для наркотрафика, как говорила А. Языкова, но также и для передачи оружия и т. д. В частности, на Кипре (в его северной части) существовало огромное количество офшорных предприятий потому, что он наполовину находился вне правового поля. И такие государства даже хотят пребывать в неправовом поле, поскольку для них это очень прибыльно.

Каждый конфликт, порожденный существованием непризнанного государства, должен решаться с учетом специфических условий. И поэтому втягивание непризнанных государств в международные институты необходимо, чтобы хотя бы в какой-то степени они находились под международным влиянием, пусть не как признанные государства, а как какие-то организации, которые являются субъектами международных отношений. И, конечно, участие в таких межправительственных организациях, как ЕС, было бы нормальным и справедливым решением.

С. Маркедонов (Институт политического и военного анализа). На мой взгляд, при рассмотрении проблематики межэтнических, межконфессиональных конфликтов необходимо обращаться не только к рациональной сфере, которая очевидна, выражена в правовых актах, в каких-то социальных действиях, но и к сфере иррациональной. Со-

дается впечатление, что без нефти и наркотиков конфликтные регионы были, скажем, в XVIII веке просто оазисом мира и стабильности. Ведь не было же этого! Нефть, наркотрафик, торговля оружием, действия постсоветских элит — это лишь некие украшающие виньетки. А на самом деле все значительно глубже.

Одной из важнейших проблем является вещь, которую достаточно сложно определить и формализовать — это массовые представления. Их я определил как представление об этнической собственности на землю. Земля выступает как коллективная собственность того или иного этноса, которая ему по праву принадлежит, с которой связаны исторические воспоминания и т. д. Можно сколько угодно принимать самых замечательных резолюций ООН, Евросоюза по Косово, но каждый серб помнит, что это — Косово поле, 1389 год — это впечатано, это наша земля. Можно разрабатывать сколь угодно много замечательных планов по возвращению беженцев в Гальский район, говорить о том, что Гальский район в основном грузинский по своему этническому составу, но любая абхазская газета или книга напомнит о том, что это — древняя Самурзакань и приведет длинный перечень абхазских фамилий, которые стали грузинскими и мингрельскими. Т. е. понятие этнической собственности на землю, которое иррационально и о которое разбиваются любые серьезные миротворческие инициативы.

Возьмем Карабах. Был разработан план Гобла, план обмена территориями, предусматривающий мирное разрешение конфликта, инвестирование на этой основе и т. д. План разбился об один аргумент: мы землями не обмениваемся, это наша земля.

Азербайджанская сторона всегда будет говорить о Ходжалы, об оккупированных районах, а армянская — только о Сумгаите и Баку. Они не пересекаются. Грузины будут вести историю грузино-абхазской войны с сентября — октября 1993 года, а абхазы будут говорить только о начале Великой отечественной войны абхазского народа — именно так она называется в новейшей абхазской историографии и публицистике, — которая началась в августе 1992 года. И, на мой взгляд, именно эти массовые представления, которые потом трансформируются в политические решения, вводят такое состояние для постсоветских государств, что я называю эти государства «беременными нелегитимностью». Если мы легитимность понимаем не только как соответствие правовым нормам при выборах тех или иных органов власти, а восприятие власти этой страны как власти своей, то совершенно очевидно, что в Грузии эта власть будет чужой для абхазов, осетин, армян и азербайджанцев. Именно эта идея — «Грузия для грузин» — была положена в основу политики Гамсахурдиа и этот «вектор Звиада» до сих пор сохраняется.

Но самопровозглашенные государства, которые бегут от этой идеи — Армения для армян, Азербайджан для азербайджанцев, Грузия для грузин, — создают свои собственные государства, которые также больны кризисом нелегитимности. Для 250 тыс. грузин — это более 40% населения по последней советской переписи — абхазская власть тоже чужая, она тоже не дает социального роста, карьерного продвижения и т. д. Круг замыкается.

Здесь говорили, что самопровозглашенные образования находятся вне государства. Это как сказать. Вне грузинского государства находится Абхазия, вне азербайджанского государства — Нагорный Карабах. Но посмотрите на государственный аппарат, например, Абхазии: он более эффективен, чем грузинский. Шеварднадзевская Грузия — полный *falling state*, а в Абхазии достаточно жесткая элита и власть. И любая оппозиция Ардзинбе едина в том, что Абхазия — самостоятельное государственное образование, к Грузии не имеет никакого отношения, здесь — полный консенсус. То же самое Нагорный Карабах. Говорят, что Армения управляет Карабахом. Скорее — наоборот. Именно карабахский вопрос привел к отставке Тер-Петросяна, карабахский вопрос может стать для Кочаряна и палочкой-выручалочкой, и тем веслом, которое ударит его по голове. Это основополагающая вещь. Причем для населения этих территорий созданные там органы власти абсолютно легитимны. Это своя власть. Для абхазов Ардзинба свой. Да, будут клясть его за то, что он не разделяет государственный карман со своим собственным, но тем не менее он в любом случае свой «сукин сын», а не грузин.

Следующий очень важный момент — в непризнанных образованиях сформировалась своя идентичность. Свои учебники, историография, публицистика... Выросло поколение абхазов, которое не знает, что такое Грузия, поколение карабахских армян, которые не понимают, какое отношение они имеют к Азербайджану и т. д. Очень интересная ситуация и с Приднестровьем, конфликт, который резко выделяется на фоне всех остальных. Эта ситуация, кстати, говорит о том, что советские идеологи были все-таки не такими дураками, говоря о советской общности. Приднестровье — это, по сути, трансформированная общность «советский народ». Ведь это же не русско-молдавский конфликт. Есть прекрасная статья немецкого политолога Штефана Требста «Мы — приднестровцы». В названии республики есть слово «молдавская», т. е. там получается как бы триединая нация — молдавская, украинская, русская и апелляция к советскому опыту в противовес к антисоветскому кишиневскому. Тут особый подход. На мой взгляд, сильный иррациональный фактор, который присутствует в идеологии непровозглашенных государств, делает проблему урегулирования очень проблематичной.

Какие выходы все-таки возможны, есть ли они? На мой взгляд, их два. Первый достаточно жуткий — дать истории свершиться, не вмешиваться. По понятным причинам это — не самый лучший вариант. Тут встает проблема «худого мира». В Хасавюрте в 1996 году был заключен «худой мир». В результате в Чечне после этого, по данным Асламбека Аслаханова, 70 тыс. рабов, рост террористических актов, нападение на сопредельные территории и т. д. Мы видели последствия и «худого мира» в Косово. Второй вариант, значительно более затратный, который потребует эволюции в мозгах, — это серьезные интеллектуальные трансформации, связанные с пересмотром концепции этнической собственности на землю и с внедрением понимания нации как гражданства. Грузия — не для грузин, а для граждан Грузии. При такой концепции гражданин Грузии абхаз вполне может стать министром или даже президентом Грузии. Это выглядит достаточно утопично, но, на мой взгляд, в условиях второго переселения народов концепция гражданской нации — единственная альтернатива, потому что меняется этнический состав государств.

Для России вопрос этнического понимания нации тоже очень важен: с одной стороны, по переписи населения у нас 80% русских и можно сделать акцент на русскую идею. Но есть демографические тенденции — через 20–30 лет ситуация существенно изменится. У нас есть много народов, которые имеют разный опыт вхождения в состав Российского государства и в том числе негативный: есть чеченцы, ингуши, тувинцы, которые плохо вписаны в российский социум. Тем не менее при этих, не очень положительных для русских этнодемографических тенденциях Россия должна остаться Россией. Поэтому идея гражданской нации, т. е. восприятие всех этносов как россиян при доминирующей роли русских, должна быть, но это не должна быть русская идея в чистом виде. И, на мой взгляд, концепция гражданского понимания нации, внедряемая, если угодно, даже сверху, даже силой, более перспективна, чем на коленке написанный очередной мирный проект.

Реплика. Гражданское общество и гражданская нация — это одно и то же по-вашему или нет?

С. Маркедонов. Думаю, это разные вещи. Гражданское общество — это что-то автономное от государства, гражданская нация становится понятием не этническим, не по крови измеряемым, а по территории, гражданству этой страны и т. д. Чтобы говорить о гражданской нации применительно к России, нужно разрабатывать концепцию гражданских прав. У нас, к сожалению, сложилось отождествление политических и гражданских прав. Т. е. я могу выступать где-то, писать статьи в газетах — это мои политические права, а мои гражданские права — что это значит? В некоторых случаях получается, что жить на террито-

рии России и не быть гражданином — выгодно, а такого быть не должно. Если мы говорим о гражданской нации, система гражданских прав, привилегий — это целая концепция, которая должна быть разработана.

Р. Сичинава (независимый эксперт). Я как грузин, родившийся в Абхазии и проживший там всю свою сознательную жизнь, проработавший на руководящих должностях во властных структурах и видевший весь этот конфликт своими глазами, должен заметить, что некоторые выступления, прозвучавшие здесь, мне немного не понравились.

Я прекрасно помню это сборище в Сухуми, упоминавшееся А. Ципко, — Конфедерацию народов Кавказа, которую возглавлял тогда Муса Шанибов, сбежавший перед этим из Новочеркасской тюрьмы, где содержатся смертники и откуда, кроме него, никто не убежал. Он провозглашал создание Горской республики со столицей в Сухуми, и о России там не было сказано ни слова, говорилось об отделении от России. Создавалась эта Горская республика с идеологией ваххабизма. И что всегда меня удивляло в разговорах об абхазском конфликте: акцентируется внимание на роли России в конфликте, на месте Запада в его урегулировании, говорится о том, что хочет Грузия, Абхазия, а вот о Турции все почему-то забывают. Ее просто не берут во внимание, особенно в России, а у Турции здесь очень глубокие интересы, и идея создания Горской республики выдвигалась с подачи Турции.

Два слова о праве наций и народностей на самоопределение. Хочу согласиться с А. Языковой, что нет такого понятия, как право наций на самоопределение. Есть понятие «право народа, населяющего ту или иную территорию, на самоопределение». Причем право народа на самоопределение не говорит об изменении территории, а говорит о самоопределении внутри данной территории. Насколько мне известно, есть определенные методы изменения территорий.

Что получилось в Абхазии? На сегодняшний день мы имеем здесь непонятное образование. При этом сложившееся здесь статус-кво, которое устраивает все заинтересованные стороны: Абхазию, Грузию, Россию, у которой здесь существенные интересы, и Запад, который начал все активнее подключаться к решению этой проблемы.

По всей видимости, для разрешения этого конфликта потребуется еще определенное время, потому что все переговоры, которые активно велись до 2000 года, а потом прекратились, ни к чему не привели. Это были переговоры ради переговоров, чтобы показать общественности, что какие-то движения в этом направлении делаются. Абхазия как-то сформировалась, Ардзинбе под видом того, что грузинская угроза может в любой момент опять нависнуть, удается спланировать и держать вокруг себя население. И на предстоящих выборах, которые

должны состояться осенью этого года, его клану удастся провести своего человека. В Грузии несколько иная ситуация: она хочет, чтобы Абхазия опять была под ее юрисдикцией. Но Грузия слаба, и, как говорилось вчера в передаче «Человек и закон», там наблюдается какая-то странная закономерность: первый президент потерял Южную Осетию, второй — Абхазию, при третьем то же самое может произойти с Аджарией.

Теоретически распад Грузинского государства на княжества или какие-то составные единицы возможен, но лучше ли будет от этого России? Будет хуже. Для России складывается дилемма: или поддерживать статус-кво, потому что тем самым она и Абхазию, и Грузию к себе привязывает, или решать этот вопрос, но решение данного конфликта приведет к тому, что Грузия вместе с Абхазией семимильными шагами начнет убегать на Запад. Держать эту проблему в нынешнем состоянии — не знаю, насколько это выгодно России. Если решать этот вопрос (а без России он пока, конечно же, не решится), то Россия может выиграть в том, что будут открыты дороги с Арменией, каспийская нефть может пойти через Западный трубопровод, который можно соединить с Северным трубопроводом.

Но влияние России будет все меньше, потому что Запад начинает вкладывать в Грузию все больше инвестиций, а это влечет за собой, естественно, увеличение его военного и политического присутствия. Запад все больше и больше начинает решать эту проблему в свою пользу. То поколение в Грузии, от сорока лет и выше, которое выросло при Советском Союзе, мыслит по-русски и тянется к России, с приходом нового президента практически ушло с политической арены. Пришли те, кто больше смотрит на Запад. Почему Россия так неповоротлива в этой политике, мне не понятно.

Не понятны мне так же высказывания насчет земли, кому она раньше принадлежала и т. д. Политика не должна быть заложницей у историков и должна исходить из реалий сегодняшнего дня. Историки пусть занимаются своим делом, а политики — сегодняшним днем. А на сегодняшний день там, по данным ООН, около 300 тыс. беженцев, которые хотят вернуться в свои дома. Рано или поздно это может привести к новым конфликтам. Какие-то компромиссные варианты, возможности для совместного существования имеются, потому что было много и смешанных браков, и родственных связей между грузинами и абхазцами. Но пока мы выясняем, что, как и почему, жизнь идет своим чередом, и совершенно другие люди начинают решать этот вопрос совершенно по-другому. А. Ципко говорит, что Россия не может оставить родственные народы — абхазцев и осетин. А что, грузины — не родственные, не единоверный народ? Почему мы их отталкиваем? И к чему это приведет?

Н. Шмелев. Рамаз Борисович, вот вы говорите: если Россия и дальше не определится, молодое поколение переориентируется на Запад. Но молодое поколение — это не значит, что оно немняемое поколение. Оно может убедиться в том, что эта ориентация на словах хороша, а на деле не очень. Чего можно ждать? Сколько Сорос будет платить зарплату и кому? Хватит его лет на 5–10. Пресловутый нефтепровод Баку—Джейхан, по моим подсчетам, — это 10% нынешних доходов бюджета Грузии. Решат они что-то для молодого поколения? Не думаю. А американцы пока еще никого на содержание не брали и, я думаю, не возьмут.

Р. Сичинава. Понятно, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Но пока мы здесь, в России, разбираемся, что и как, Запад действует и действует довольно-таки эффективно. Помимо трубопровода очень много денег вкладывается сейчас Западом в Грузию, да и при Шеварднадзе вкладывалось. Грузия является форпостом на Кавказе, с ее потерей будет потеряна для России и Армении, и Азербайджан. И я соглашусь с Н. Арбатовой в том, что политика России в Абхазии была иррациональной.

С. Маркедонов. Здесь говорилось, что миротворческий процесс по Абхазии выхолощен и не затрагивает основополагающих вещей. Мне кажется, что причина — в самой архитектуре переговоров. Ведь в их основе лежит возвращение беженцев. В Абхазии в довоенный период грузинская этническая общность составляла большинство — 45%, а абхазов — 17%. И дело в том, что вернутся не бабушки или дедушки с котомкой, но люди, которые имели свой бизнес, открытый или теневой, большое имущество и т. д. Совершенно очевидно, что возвращение этих людей вовсе не будет христианским всепрощением, это надо четко понимать. Возвращение беженцев может привести ситуацию к тому, с чего она началась в 1992 году. Изменится этнодемографический баланс и т. п. Поэтому архитектура урегулирования, выстраиваемая на основе проблемы беженцев, не может привести к разрешению конфликта.

Что делать в этой ситуации? На мой взгляд, нужно озвучивать многие вещи, сколь бы они ни звучали неполиткорректно. Совершенно очевидно, что в Абхазии в результате исхода грузин произошли приватизация по-абхазски, захват собственности, установление своей административной ренты абхазской элитой, и с этим надо считаться. Понятно, что люди, которые совершили в 1993 году этот большой хапок, хотят остаться при своем интересе. И вопрос о суверенитете может быть в этой ситуации даже вторичен. Вопрос в том, как этот хапок красиво оформить, и тогда возможно сближение Абхазии и Грузии.

Что касается российской политики в Грузии, насколько она была там проабхазской и антигрузинской. На мой взгляд, мы допускаем не-

которые передержки в отношении якобы антигрузинской политики России. Напомню, что Россия в конце 1991 года способствовала утверждению Шеварднадзе. Россия инициировала ташкентские соглашения, по которым Грузии весной 1992 года переданы тяжелые вооружения. Когда в Грузии почти параллельно с абхазской войной развязалась гражданская война между звиадистами и сторонниками Шеварднадзе, Россия поддержала Шеварднадзе, а ведь могла в общем-то потопить его. Россия спасла ситуацию, не дала стране дойти до окончательного развала.

Следовательно говорить о том, что российская политика всегда была проабхазской и антигрузинской, нельзя. Мне довелось присутствовать на одном политическом собрании в Сухуми. Станислав Лакуба, который является официальным историографом абхазской сепаратистской государственности, выступал с большой критикой в адрес России, говорил о том, что Россия приглашала Грузию в Абхазию, вводила экономические санкции против Абхазии. Т. е. со стороны абхазской элиты какой-то благодарности в адрес России я не слышал. Ее нет и не будет. Я согласен с тем, что если большие американские деньги придут в Абхазию, мы получим ситуацию, которая была, когда наши дипломаты удивлялись, почему у черногорских королей висят портреты не Александра II, а Наполеона III. То же самое будет и здесь, сработает ситуативная политическая психология, и будут висеть портреты того президента, который нужен. Проблема России не в том, что политика ее была антигрузинской или проабхазской, а в отсутствии кавказской концепции, концепции внешней политики, да и вообще мы так до сих пор и не знаем концепции государства. Нельзя же строить какую-то патриотическую государственность, если к собственному государству относиться, как к произведению трех пьяных мужиков. Нравится или не нравится Беловежье — нельзя новое российское государство, которое существует с 1991 года, рассматривать как недоделанный обрубок Советского Союза. Это глупо и неэффективно.

И последнее. Межэтнические конфликты в Грузии имеют сильную внутреннюю подоснову. Еще не было никакого открытого грузино-абхазского конфликта, но уже был Гамсахурдиа, было диссидентское движение, очень мощно этнонационалистически настроенное, были события 1989 года. Почему абхазы собираются в Лыхнах, требуют чего-то? Поводом для этого стали антиабхазские мотивы апрельского выступления в Тбилиси, и не видеть этого нельзя. Нельзя рассматривать ситуацию на Кавказе так же, как раньше мы видели в каждом деле «руку Вашингтона» и под каждой кроватью искали агентов ЦРУ. Не надо и сейчас искать агентов Москвы и во всем видеть «руку Москвы».

М. Делягин (Институт проблем глобализации). Большая проблема как раз в том, что у нас под каждой кроватью перестали находиться соответственно руки Москвы и Вашингтона. Потому что непризнанные государства стали массовым явлением и опасностью для мира в целом именно после краха биполярного противостояния, после исчезновения борьбы двух систем, которая была, во-первых, всеобщей и, во-вторых, очень здорово дисциплинировала международные отношения. Это отражается и в статистике: взрывной рост беженцев пошел с начала 90-х годов по всему миру, потом, правда, стабилизировался. Классический пример — Кипр, когда вялотекущий конфликт фактически заморожен на тридцать лет, и если бы не случилось объединение Европы, он мог бы быть замороженным очень долго. Однако с ликвидацией системы биполярного противостояния произошло, во-первых, снижение интереса к экономически неразвитым странам, потому что неразвитые страны перестали восприниматься как солдаты в бою, о которых нужно заботиться. Они оказались брошенными и предоставленными сами себе. Во-вторых, произошел переход на более низкий уровень объединения и самоосознания. Если раньше он воспринимался на уровне идеологии и образа жизни, то в последние 14 лет уровень самоосознания сброшен на уровень нации или в лучшем случае религии. В результате глобальная идеологическая конкуренция заменилась конкуренцией цивилизационной, которая, строго говоря, такая же рациональная, как межнациональная конкуренция, и взаимопонимание далеко не всегда ведет к решению конфликтов, к возникновению компромиссов, часто оно обнажает принципиальное отсутствие почвы для компромиссов. В общем, исчезновение системы биполярного противостояния привело к хаотизации мировой политики и, соответственно, к возникновению обширных и географических, и тематических зон, которые никому не стали интересны. И маленькие, крошечные силы, которые раньше не имели никаких шансов на развитие, вдруг получили шанс стать доминирующими. Они не были готовы к своему лидерству, в том числе и по интеллектуальным, организационным возможностям. У нас чуть-чуть не появился Шапсугский район в районе города Сочи в начале 90-х годов.

Вторая компонента, которая очень сильно проявилась и повлияла на возникновение непризнанных государств, это, выражаясь старым языком, диверсия участников глобальной конкуренции друг против друга. Про роль Запада в распаде Советского Союза и про то, как поощрялись все национальные движения, мы все хорошо помним. Пример более близкого времени — Косово и вообще вся американская политика в Югославии, когда целенаправленно создавалась кровоточащая рана на теле стратегического конкурента — Европы.

Рану создали, теперь через эту рану туда идут наркотики, и все довольны и счастливы.

Кипрский конфликт сегодня внешний для Евросоюза. Но если Кипр войдет в Евросоюз целиком, он станет для Евросоюза внутренним, и это будет еще одна головная боль.

Н. Арбатова. Поэтому многие говорят, что лучше Кипр разделить.

М. Делягин. Да, но объединение Кипра по плану Аннана тоже может рассматриваться как способ США ослабить своего стратегического конкурента. И самое главное, самое неприятное, что в территории, которые остались без присмотра и которые демонстрируют неспособность к самостоятельному развитию, естественным образом приходит сетевая преступность, как единственный источник финансов, который может поддерживать их на постоянной основе. И она там укореняется, территория становится базой транснациональной преступности. Точно так же как офшорные зоны становятся базами ухода от налогов, непризнанные государства становятся базами незаконной торговли всем, чем угодно. Это определенное устойчивое состояние опасно и враждебно для мира в целом, но тем не менее мир ничего не может сделать.

Мне кажется, что главной проблемой здесь является не нежизнеспособность непризнанных стран, а нежизнеспособность многих признанных стран, например Грузии. Я приношу извинения, но Грузия и многие другие страны постсоветского пространства не демонстрируют способности к самостоятельному развитию. Это большая беда, это во многом результат неадекватной политики российского государства, точнее, отсутствие политики Российской Федерации.

Выход мне видится в развитии интеграционных процессов. Классический пример — Прибалтика, которая тоже сама по себе территория нежизнеспособная. Когда они угробили у себя высокотехнологичное производство и выдавили значительную часть российского транзита со своей территории, они оказались нежизнеспособными, вплоть до того, что Латвия живет сейчас в значительной степени вырубкой лесов. Выход они нашли: они идут в Европу и какое-то время будут существовать за счет европейских и натовских грантов. О том, что их ждет в долгосрочной перспективе: пример — Польша, где уровень безработицы 20% при внешнем, формальном благополучии.

Вариантов у Грузии только два: либо интеграция с Россией, и тогда возможна кипрская ситуация. Когда и Абхазия, и Грузия хотя бы интегрироваться с Россией, возникает общий интерес, на нем можно что-то построить. Но это требует адекватной политики со стороны России. Либо будет как раньше, когда деньги Запада приходят за антироссийскую позицию грузинского руководства, и грузинскому ру-

ководству некуда деваться, потому что другого источника денег у него нет.

В данном случае на околороссийском пространстве очень многое зависит от России. Можно надеяться, что через какое-то время непризнанные государства или слабые государства осознают, что на Западе их ничего не ждет, но до этого должно пройти много времени, и как далеко зайдет социальная деградация этих стран, предвидеть нельзя. Мы имеем чудовищный пример Чечни. Мне рассказывали, что после Хасавюртского мира из Чечни иммигрировала вся «интеллигенция» — электромонтеры, сантехники и т. д. Это — не шутка.

Что касается интеграции в Россию, слабые страны вокруг России все равно будут источником нестабильности, никто, кроме нас, их кормить не будет. Они будут для нас постоянной угрозой, они будут генерировать нестабильность, причем будут ее генерировать к нам в одностороннем порядке.

Ю. Давыдов. Не кажется ли Вам тогда, что мы сами генерируем присутствие США на постсоветском пространстве?

М. Делягин. Я не думаю, что присутствие США в Киргизии направлено против России. Существует еще масса проблем, и американцы все равно будут присутствовать на постсоветском пространстве. Теперь о том, что всякое действие рождает противодействие. Да, естественно, и мы видим, что любая попытка интеграции со стороны России вызывает немедленно удар по рукам. Но я хочу обратить внимание на то, что организованное противодействие — это все-таки менее страшно, чем неорганизованный хаос. Лучше получить удар по голове от американцев, чем удар по голове от наших уважаемых исламских фундаменталистов.

А. Дашдамиров (РАГС). По поводу ситуации вокруг непризнанных территорий. Это действительно серьезная угроза и для сопредельных государств, и для населения этих территорий, и для мирового сообщества в целом. В чем суть этой угрозы, видно на примере Чечни, которая оказалась в ситуации совершенно неконтролируемых процессов. У этой проблемы есть еще одна важная сторона: большинство из этих территорий всю свою историю были частью чего-то более крупного, целого. Возникают вопросы: насколько та или иная территория, тот или иной социум способны существовать в автономном, суверенном режиме, насколько институты, создаваемые на этих территориях, способны играть роль факторов жизнеобеспечения, насколько они могут отвечать общепринятым представлениям о государственных институтах и функциях государства как такового. Если посмотреть под этим углом, то мы убедимся в том, что большинство этих территорий, в частности на Кавказе, не способны существовать в самостоятельном режиме. Отсюда и теневая экономика, и криминал, и тор-

говля оружием и т. д. Совершенно верно, что на Кавказе эти территории не так уж и предоставлены самим себе, за их спинами стоят третьи, четвертые силы, страны, альянсы. Все это имеет место быть.

Но в том-то и трагедия, что эти силы и стороны в определенной степени сами заинтересованы в том, что существуют такие трафики и торговля наркотиками, оружием как способ выживания населения соответствующих территорий. Не хочу абсолютизировать эти моменты, но они явно просматриваются, и не только потому, что непризнанные территории бесконтрольны, но и потому, что иначе их населению будет еще более тяжело выживать. Не все могут уехать, эмигрировать, а те люди, которые там остаются, живут таким образом.

Другая опасность — это то, что такой способ выживания дает возможность удлинять срок замороженных или отложенных конфликтов, тем самым тиражируя конфликтную ситуацию на значительную перспективу.

Следующий момент — это архаизация отношений, которая происходит катастрофическими темпами. Когда социум подвергается таким потрясениям, обнажаются самые глубинные, архаичные структуры, системы отношений, в том числе и этнические. Но существование подобной этнократии вовсе не означает, что все будущее этих народов будет строиться на племенных, кровнородственных, этнократических отношениях. Любая тенденция, любой прорыв в цивилизованном направлении всегда будет сопутствовать усилиям к нормальным цивилизованным отношениям внутри и между этими территориями и соседними странами и государствами.

В связи с этим — о некоторых моментах, связанных с этническими, этнополитическими конфликтами. Наверное, не стоит упрощать этот конфликтный процесс, поскольку на разных стадиях и этапах развертывания конфронтационных отношений играют свою роль все обозначенные здесь сопутствующие факторы: и этнорелигиозные проблемы, и рациональные моменты. Особенно там, где есть попытка преодолеть конфронтационную ситуацию, они играют очень активную роль и тормозят эти процессы. Но меня никто до сих пор так и не убедил в том, что собственно экономический, социальный, геополитический факторы сосуществуют на равных с проблемами этническими или религиозными. Я не знаю ни одного современного конфликта, который бы носил в собственном смысле религиозный характер или главной проблемой в нем были бы религиозные различия. Другое дело, что ими пользуются как рычагами конфронтационных отношений, чтобы контролировать население, как средством этнической и этнополитической мобилизации и т. д. Дело в том, что есть фундаментальные интересы и потребности, которые регулируются в интересах тех или иных групп. Очень важно, когда обсуждаешь пути выхода из

ситуации, опираться на доступные, простые, прозаичные истины. И какими бы ангажированными — этнически, психологически — ни были бы люди, какие бы мотивы ни двигали ими по поводу исторической идентичности — жизнь берет верх.

Что же мешает решать проблему полюбовно? Конфронтация элит, конфронтация сил, которые паразитируют на тех или иных факторах, и, разумеется, внешние факторы. Ведь все эти территории — сравнительно малочисленные, относительно маленькие, зависимые — не способны существовать самостоятельно без того, чтобы не оказаться в общей региональной, мировой политической игре. Нетрудно убедиться в том, что, хотя мир перестал быть биполярным, остаются конфликты региональных держав, их соперничество, их интересы, что, несомненно, отдаляет решение проблем. Тем не менее как бы ни изменялась психология людей, находящихся в изолированных социумах или в условиях самоизоляции, всегда есть на перспективу возможность находить какие-то пути урегулирования конфликтных ситуаций на базе решения вопросов более общего характера. Есть общий, фундаментальный интерес к благополучной, безопасной и мирной жизни, который к тому же обеспечивает еще и более высокий прожиточный минимум, который будет побуждать людей и определять их более основательную мотивацию в объединительных процессах.

Еще один фактор, который играет конструктивную роль в преодолении конфликтных ситуаций, — процессы демократизации общества. Здесь говорилось о гражданском обществе, о гражданской нации. Я использую термин политических наций там, где они сложились на базе гражданского общества. Это вполне приемлемая перспектива. Скажем, применительно к карабахскому конфликту одним из ключевых факторов, способных помочь в его решении даже при всех сложностях и разноречивых тенденциях вокруг этой темы, могут быть процессы демократического строительства, постольку-поскольку оно окажется возможным. Не будет такого процесса — не будет и главного стержня объединительного процесса.

О. Воркунова (ИМЭМО РАН). В чем общие черты и специфика замороженных конфликтов? Вероятно, общность — в динамике, в особенностях протекания этих конфликтов, в статусе, в том, что они являются объектом влияния и внутренних, и внешних сил. Что же касается специфики, то правомерно выделять конфликты постсоветского пространства в особую группу, отличающуюся от тех конфликтов, которые мы называем конфликтами нового поколения периода «постхолодной войны».

С другой стороны, я бы выделила из всей этой большой группы постсоветских конфликтов конфликты, связанные с Кавказом, по-

тому что они имеют свою специфику, которая связана с особенностями внутреннего развития кавказских государств, в особенности Южного Кавказа. Эти замороженные конфликты, особенно на Кавказе, испытывают сильное влияние множества факторов — и внутренних, и внешних — и сами являются фактором внутреннего развития, политического развития государств на Кавказе. Нагорный Карабах был и остается фактором влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в Армении.

Этот и прошлый годы были годами выборов, и сама политическая ситуация сложилась непростая. И в Грузии, и в Азербайджане, и в Армении все события, связанные с выборами президента, протекали не так гладко, как хотелось бы. Ситуация существования замороженных конфликтов накладывается на политическую нестабильность и сложности демократизации и модернизации в этих кавказских государствах и усиливает их.

Еще один фактор — безусловно, фактор внешнего влияния, который все в большей степени проявляет себя в кавказских государствах. Это и соперничество между США и ЕС, это и нефтяной фактор. Например, в Армении происходит столкновение интересов Евросоюза, в частности Франции, и США, которое имеет влияние на расстановку политических сил.

М. Каргалова (ИЕ РАН). Хочу обратить внимание на то, что наш круглый стол называется «Дуга нестабильности». Эта дуга проблем проходит через бедные и очень неблагополучные в социальном отношении страны и регионы. Конфликт возникает, но для того чтобы он стал массовым, надо массы в этот конфликт вовлечь. Для этого должны быть причины. И если проанализировать, то оказывается, что практически у всех конфликтов, о которых мы говорим, корни уходят именно в социальные проблемы. В этих регионах — бедность, беззащитность, невозможность обеспечить свои семьи, и этому населению терять практически нечего. Социальная неустроенность заставляет искать виновников этой ситуации. Надо только суметь направить негодование, агрессию, недовольство или поднять какие-то мотивы — защита религии и т. д. Направить неудовлетворенность нерешенными проблемами в нужное русло, конечно, легче, чем помочь справиться с ними.

России стоит серьезно обратить внимание на Абхазию, Чечню, другие регионы. Очень важно преодолеть изоляцию этих регионов, может быть, не чисто политическими путями, а попытаться наладить какие-то экономические связи, пойти по пути решения социальных проблем. И ответственность эта лежит в первую очередь на государствах. Нужно добиваться того, чтобы государство становилось социальным для всех таких непризнанных территорий, помочь там. Мое глу-

бокое убеждение, что большинства этих конфликтов можно было избежать или хотя бы сгладить их, если перенести усилия не только идеологические, политические, но и экономические на построение гражданского общества, на такое государство, которое сумело бы выражать интересы любых частей, любых территорий, входящих в его состав.

А. Дашдамиров. Здесь этот момент уже звучал — об оказании помощи. Лет пять — семь назад была даже идея создания какой-то общественной международной организации. Но надо иметь в виду существенную составляющую этой проблематики. Сами непризнанные территории тратят огромные деньги на вооруженные силы. На этом фоне оказывать гуманитарную помощь населению, с одной стороны, благородное дело, но с другой — здесь обнажаются проблемы, которые будут способствовать воспроизведению этой ситуации. Поэтому помогать надо, но думать об иной технологии оказания помощи, сопрягать ее с демократическими процессами, в том числе и с вопросами демилитаризации.

М. Каргалова. Все дело именно в этом: речь не идет о благотворительности, о гуманитарной помощи, речь идет о том, чтобы помочь создать в общественных структурах на этих территориях такую ситуацию, когда они сами могли бы принять участие и в развитии собственной экономики, и в решении собственных проблем. Просто соединить усилия в диалоге со сторонами конфликта. Когда будут решены вопросы жизнеобеспечения, многие конфликты утихнут сами собой.

А. Ципко. Я не вижу подтверждения в истории Европы тезиса о том, что все этносоциальные конфликты и вообще сепаратистские движения, в конце концов, можно свести к каким-то экономическим и социальным проблемам. По-моему, все сложнее. Вот для больших народов экономика и экономические мифы, действительно, играли громадную роль: РСФСР всех кормит, у нас нефть, мы будем богаче. На Украине — абсолютно то же самое: у нас чернозем, мы будем богаче, в Москве ничего нет. А у малых народов другие факторы работали: страх утери идентичности и страх вымирания. Я это слышал от эстонцев, то же самое — у латышей: в школах нас вытесняют, если мы не будем независимыми, мы погибнем как народ. Т. е. там экономические проблемы отходят на второй план и работают эти глубинные инстинкты. Может быть, это был миф, эти народы сейчас вымирают быстрее, чем в СССР.

Посмотрите историю Европы. Разделенная Польша: часть — Пруссии, часть — России, часть — Австро-Венгрии. Как известно, богаче всех была та часть, которая вошла в Австро-Венгрию, но именно в Австро-Венгрии сохраняется польский идентитет и наиболее сильное

движение интеллигенции. Поэтому тезис о том, что в эпоху глобалистики национальный идентитет, национальное самосознание, национальное государство исчезнут, неправилен. Посмотрите на современную Европу: вдруг Ле Пен набрал 17%, даже в Голландии правые популярны. У них тоже побеждают животные страхи. Европа последних пяти лет полностью опровергает эти, на мой взгляд, не очень верные утверждения, что сама экономика все решит или демократия все решит. Человечество вступает в очень опасный период, когда этнократические факторы вырываются наружу и становятся очень сильными. Эта привязанность к земле, эти все глубинные, старые мифы вдруг оживают и двигают людьми.

А. Язькова. Александр Сергеевич в какой-то мере прав на определенном историческом этапе распада. Но когда дошло дело до того, что эти территории абсолютно «лежат», и когда речь идет уже о выживании, тогда экономика, безусловно, может сыграть роль. Здесь поворот в обратную сторону начинается. Когда дошли до того, что можно уже постучать в дно, как говорится в притче, тогда вопрос стоит немножко по-другому.

М. Каргалова. Я здесь слышу ошибку, с которой сталкиваешься очень часто. Вы берете чисто экономическую составляющую. Я же говорила о социальных проблемах, что гораздо шире. Сюда входят и демократические права, и права личности, и гражданское общество. Это все входит в комплекс социальной необустроенности, куда корнями уходят все конфликты — и религиозные, и этнонациональные, и политические и др. Это очень важная вещь, и игнорировать ее нельзя, как нельзя все сводить к чистой экономике.

А. Язькова. Уважаемые коллеги, я предлагаю пройтись по конкретным узловым проблемам, потому что первая часть у нас была посвящена в основном обсуждению общих проблем, путей решения, которые могли быть либо универсальными, либо исходящими из какого-то опыта. Первый вопрос у нас будет по Нагорному Карабаху и проблемам, которые связаны с решением этого конфликта.

Д. Макаров (Институт востоковедения РАН). Я коснусь вопроса о Нагорном Карабахе и перспектив разблокирования конфликта, которые видятся на сегодня. Если оценивать внутренние и внешние факторы, то внутренние факторы в целом не благоприятствуют продвижению мирного процесса. Мы все знаем, какая сейчас ситуация в Армении, и понятно, что никакой компромисс и никаких серьезных подвижек в карабахском направлении власть позволить себе не может. Как бы не развернулась картина в Армении, совершенно очевидно существует полный национальный консенсус по проблеме Нагорного Карабаха, и позиция любой новой власти мало будет отличаться от того, что мы видели в предыдущие годы. В Азербайджане ситуация

иная. Баку прямо заявляет, что не торопится, готов подождать. Ставка делается на то, что через какое-то время Азербайджан окажется более мощным военным и экономическим игроком и сможет решить ситуацию именно силовым путем или, по крайней мере, силовым давлением. Вместе с тем на сегодняшний день возможность у Азербайджана решить проблему силовым путем отсутствует, и та военная риторика или угроза войны, намеки на то, что происходит радикализация общественного сознания и общество уже настроено на войну, — это, как мне кажется, попытка новой власти использовать карабахскую проблему для укрепления своей легитимности, для консолидации своих внутривнутриполитических позиций. На самом деле экономическое положение обеих сторон таково, что позволяет держать этот конфликт замороженным еще очень долгое время.

Что касается внешних факторов, то в принципе они достаточно благоприятны, по крайней мере, никаких ухудшений нет. Некоторые, в том числе армянские представители, комментируя угрозу войны со стороны Азербайджана, говорят, что не надо обольщаться, сегодня никто не позволит начать новую войну в регионе, сегодня уже не начало 90-х годов, когда местные игроки, в условиях хаоса и дезинтеграции Союза, имели достаточно большую свободу действий. Сейчас американцы заинтересованы в стабильности, поскольку реализуется их нефтяной проект, и просто так начинать новую войну никто не позволит. В то же время гарантий никаких нет.

Новая интрига, косвенно касающаяся карабахского конфликта, связана с инициативой Турции открыть границы с Арменией. Интересы Турции здесь совершенно понятны. Почему американцы лоббируют это решение — тоже понятно, здесь не только желание поддержать Турцию, но и присутствует момент российско-американского соперничества. Американцы пытаются делать жесты в сторону Армении, показать, что благожелательно относятся к ней. При этом американцы могут не опасаться негативной реакции Азербайджана, поскольку он достаточно серьезно завязан на американских интересах. Кроме того, можно прогнозировать, что в ответ на проармянские жесты Америки Россия попытается перехватить инициативу, усилив проармянский крен в своей политике, что опять же оттолкнет Азербайджан от России и заставит его действовать в проамериканском русле. Так что для американцев здесь достаточно беспроблемная ситуация.

Азербайджан, как известно, резко негативно прореагировал на инициативу Турции, даже на гипотетическое открытие границ, заявив о том, что он будет всемерно противодействовать этому. Проблема в том, что такой шаг Турции уменьшает эффективность ставки Азербайджана на постепенное экономическое истощение Армении, ос-

лабляет переговорную позицию Азербайджана и укрепляет переговорную позицию Армении.

С другой стороны, здесь есть еще более серьезная проблема. Это проблема взаимного недоверия сторон, мешающая решать технические проблемы урегулирования, находить развязки, которые можно было бы найти, если бы не это глубинное, иррациональное недоверие между сторонами. И такая реакция со стороны Азербайджана, понятная с точки зрения его тактических интересов, в стратегическом плане подпитывает изначальное недоверие, поскольку в данной ситуации Азербайджан имеет возможность, сохраняя лицо, ничего не предпринимая сам, просто нейтральным отношением к перспективам открытия турецко-армянской границы послать сигнал Армении, что не существует никакой изначальной гегемонистской ориентации, стремления задушить армян, решить все силой и т. д.

Это могло бы стать небольшой мерой доверия, которого так не хватает в регионе. Но начать серию мер доверия как предпосылку разворачивания реального мирного процесса, к сожалению, тоже не получается, потому что стороны по-разному понимают меры доверия. Если для армян мера доверия — это прежде всего некие символические шаги к прекращению враждебной пропаганды или признанию Нагорного Карабаха в качестве стороны процесса урегулирования, а также налаживание экономических, торговых, транспортных, коммуникационных связей, то для Азербайджана — это шаги, которые лишь увековечивают невыгодный для него статус-кво. Поэтому любые меры доверия должны включать в себя некие конкретные уступки или действия, которые могли бы восприниматься как практический выигрыш Азербайджана. Наиболее краткосрочный интерес Азербайджана — это освобождение оккупированных территорий, возвращение беженцев, а долгосрочный — сохранение территориальной целостности.

Усилия международных посредников пока ничего не приносят именно потому, что несовместимы представления сторон. Для армян приоритет — это безопасность, они говорят, что если уйдут с этих территорий, то подорвут свою безопасность, а Азербайджан не согласен ни на какие переговоры о безопасности и гарантиях, пока не будут освобождены территории. За эти долгие годы конфликта все возможные варианты были уже выброшены на стол, но возможно будет полезно возвращение к каким-то из прошлых, учитывая изменения ситуации, накопленный опыт. В частности, мне хотелось бы предложить такой подход: попытаться отделить освобождение оккупированных территорий от возвращения беженцев, поскольку это пока присутствует в связке и делает любое продвижение вперед невозможным.

Важной предпосылкой урегулирования является сильнейшее международное участие. Если международное сообщество не готово инве-

стировать огромные средства в мирный процесс урегулирования, а ограничится ролью наблюдателя, то, мне кажется, ни о каком продвижении вперед не может идти речь. Если же международное сообщество готово взять на себя роль серьезного гаранта безопасности, то здесь возможен такой вариант. У меня есть основания предполагать, что Нагорный Карабах мог бы согласиться с уходом с этих территорий, но при условии, что на эти территории не будут возвращаться беженцы в течение долгого срока, нескольких десятков лет. Это запросная позиция, возможны варианты. В чем опасения армян? Если возвращаются беженцы, то, действительно, это не просто старушки, это и мужчины, и молодые мужчины, и, следовательно, серьезная вероятность того, что эти территории снова станут источником военно-стратегической угрозы для Нагорного Карабаха, на что армяне пойти не могут и не пойдут. В то же время возвращение беженцев даже при международных гарантиях опасений армян не снимают, поскольку международные гарантии, особенно после событий в Косово, ничего не значат в таком виде.

Имеет смысл попытаться рассмотреть такой вариант: в обмен на согласие армянской стороны уйти с оккупированных территорий возможность возвращения беженцев на эти территории увязывается с определением окончательного статуса Нагорного Карабаха, что будет стимулировать азербайджанскую сторону быстрее прийти к решению вопроса статуса, являющегося главной проблемой для армян. Естественно, нельзя просто так оставлять беженцев, это должно сочетаться с какой-то серьезной и транспарентной программой реабилитации, социальной адаптацией беженцев в тех местах, где они сегодня находятся, учитывая, что перспективу возвращения у них не отнимают, она просто увязывается с решением проблемы статуса. На тот период, пока они будут лишены статуса, эти территории просто отдаются под международный контроль. Поскольку эти территории сегодня практически пустые, они превращаются в буферную зону. Кроме того, Азербайджан получает некую моральную сатисфакцию, поскольку армяне уходят, это какой-то реальный шаг, а в обмен Карабах признается участником мирного процесса. Поэтапно, по мере реализации каких-то шагов начинается нормализация коммуникаций, какое-то торгово-экономическое сотрудничество.

По крайней мере, процесс сдвинется с мертвой точки. А при нынешнем статическом состоянии вообще никакие варианты урегулирования не пройдут. Только какая-то динамика может создать новое состояние, в котором то, что невозможно в статическом процессе, станет возможным. Задача — сдвинуться с мертвой точки. Для этого необходимо придумать такую схему, которая не снижала бы военной безопасности армянской стороны, обеспечивала бы какой-то реаль-

ный выигрыш азербайджанской стороне и создавала ситуацию, в которой обе стороны чувствуют реальную выгоду от начала мирного процесса — торгово-экономические связи, коммуникации и т. д. Сторонам необходимо почувствовать реальную выгоду, потому что сегодня все стороны считают статус-кво наименее рискованной ситуацией. Эту ситуацию необходимо переломить.

В. Казимиров (Чрезвычайный и Полномочный Посол, бывший полномочный представитель президента РФ по урегулированию в Нагорном Карабахе, сопредседатель Минской группы ОБСЕ от РФ). Я в этом сообществе чувствую себя чужаком, поскольку являюсь работником практического склада, далеким от научных обобщений. Приходится сожалеть, что наша внешняя политика и дипломатия ведутся не на научной основе, и, с другой стороны, сожалеть, что наука витает в абстракциях, далековато от прикладных задач. Хорошо бы, чтобы такие вещи помогали и мидовцам. Думаю, им было бы полезно послушать и что-то рассказать, что помогло бы участникам таких круглых столов сориентироваться в прикладных нуждах.

По Карабаху. Должен сказать, что из всех этих конфликтов наиболее специфичен как раз нагорно-карабахский. Я знаю, что азербайджанцы этого не признают, армяне, наоборот, это завывают, но конфигурация в этом конфликте необычна тем, что, по меньшей мере, в нем две с половиной стороны. В каком смысле? В военном плане в нем были две противостоящие стороны, что очевидно, а в политическом все-таки почти три. Азербайджанские коллеги это оспаривают, хотя есть документ Будапештского саммита ОБСЕ, Гейдар Алиев был его участником, и возражений тогда у азербайджанцев по конфигурации конфликта не возникало. Это потом уже Гасан Гасанов стал поддавливать Гейдара Алиевича насчет того, чтобы не признавать Карабах за конфликтующую сторону. А до этого 10 раз именно Баку и именно со Степанакертом, не с Ереваном, заключал всякие договоренности: об ограничении военных действий, о временном прекращении огня, о продлении соглашений и т. д. Вот специфика карабахского конфликта. Фактор Нагорного Карабаха сбрасывать никак нельзя. Мне немного обидно за моих азербайджанских коллег, потому что, не решая ничего по существу, не продвигаясь ни на шаг вперед в самом урегулировании конфликта, они находят утешение в том, что отодвинули Нагорный Карабах. Но этим же они дали ресурс Еревану еще тянуть время, даже когда Ереван будет на что-то согласен, он всегда будет иметь оговорку: подождите, мы проконсультируемся с Карабахом. Ах, это карабахцы не согласны...

В первом пункте повестки дня идет речь об очагах криминала, серых зонах, наркоторговле и т. д. Да, все это присутствует. Но не надо сбрасывать со счетов и пропагандистское акцентирование этих во-

просов заинтересованными сторонами. Применительно к Карабаху, конечно, Азербайджан раскручивает эти вопросы. Хотя, на мой взгляд, там проблема совсем другая, там надо выдвигать обвинения в адрес Кочаряна, даже Тер-Петросяна за дикое расхищение, мародерство. Вот это реальная проблема, а там выдумывается что-то про наркотрафик и т. п. Точно так же и в других конфликтах.

По третьему пункту. Скоро то ли праздновать, то ли плакать: 12 мая исполняется 10 лет, как прекращен огонь в карабахском конфликте, по крайней мере, прекращено массовое кровопролитие, хотя снайперы работают и жертв еще много. Хотя и праздновать нечего, потому что за 10 лет урегулирование не продвинулось ни на шаг. Пользуясь случаем, скажу, что издательство «Международные отношения» издает брошюру, которую я всячески поддерживал только из-за того, что один из авторов — азербайджанец Али Абасов, а другой — армянин Арутюн Хачатрян. Они вместе написали варианты решения карабахского конфликта, там много экзотических вариантов, но много и интересного. Я добавил предисловие и массу приложений, документов, потому что много рассуждается о документах карабахского урегулирования, но мало кто видел их живьем. Мы собрали там 18 документов, которые идут в качестве приложений.

Реальная проблема тупика урегулирования — это полностью взаимоисключающие требования сторон. Ильхам Алиев недавно повторил, что не может быть никакой независимости Нагорного Карабаха, никакого включения в состав Армении. Вам известна и армянская точка зрения — Карабах не может быть в составе Азербайджана. Какой тут вывод я делаю для себя? Я не за ту постановку вопроса, которую ставят азербайджанцы: даешь сначала территорию, а потом будем разбираться со статусом. Так не пойдет, потому что каждая из сторон пытается навязать друг другу свой порядок рассмотрения и решения вопроса. Армяне фактически требуют: сначала даешь статус, тогда мы освободим территории, причем не какой-нибудь статус, а один из тех двух, который они хотят. Наверное, надо сдвигать немного проблематику статуса, не отодвигать ее на дальние этапы, работать над ней сейчас, но понимать, что окончательно статус Нагорного Карабаха не удастся решить быстро. Но будут вещи, которые поддаются решению и в вопросе о статусе Нагорного Карабаха. Надо тем временем подвергнуть эрозии основные препятствия, самым главным из которых является как раз статус Нагорного Карабаха, с тем, чтобы облегчить диалог. Я говорил напрямую и Кочаряну и писал в статьях, что статус в обмен на территории или за земли не пройдет. А вот безопасность за территории — о чем сегодня говорилось — вот это была бы реальная почва для сделки. Армяне сейчас утверждают, что держат оккупированные территории как буфер для того, что-

бы не подвергнуть нападению территорию Нагорного Карабаха. Таким образом, военно-технические средства отдалены, так вот надо менять эти военно-технические средства на военно-политические. Скажем, уход с территорий, но не для того, чтобы не пускать туда беженцев — для чего же освобождать территории, если беженцы не будут возвращаться на родные места? А вот демилитаризация всех освобождаемых территорий, причем на длительный срок, на столь длительный, пока решается вопрос о статусе. Таким образом, у Азербайджана не было бы физической возможности напасть на Нагорный Карабах, и армяне потеряли бы довод для удержания оккупированных территорий.

Я даже высказывал одну дерзкую мысль, что десятилетие прекращения огня, а оно, кстати, почти совпадает с абхазским, где десятилетие — 14 мая, стало бы удобной темой для Большой кавказской четверки. У Саакашвили есть проблемы, есть, за что продать неприменение силы, решение всех конфликтных ситуаций только мирным путем, политическими средствами. Азербайджанцам труднее всего пойти на это. Но в ответ армяне должны похоронить свои требования пакетного урегулирования (сначала даешь статус, а потом — все остальное). Если бы на встрече в верхах Большой кавказской четверки или на другом уровне, было твердо сказано о том, что все конфликтные ситуации на Южном Кавказе будут решаться исключительно мирными средствами, с другой стороны был бы сделан встречный шаг армян. Это был бы импульс для серьезного продвижения вперед. Но серьезного продвижения не может быть, наивно рассчитывать, что президенты встретятся и все решат. Были у Алиева с Кочаряном какие-то сближения, но для того, чтобы потом снова отдалиться. Нельзя рассчитывать на форсированное урегулирование через президентов, как нельзя на них фокусировать ответственность за все. Во-первых, без уступок ничего не будет, а иначе за все уступки будут ответственны только первые лица, даже если переговоры будут вести министры. Нужно какое-то растворение ответственности, борьба за общественное мнение, чтобы оно понимало, что без уступок невозможно. Общественное мнение надо готовить к взаимным, сбалансированным уступкам.

В моем представлении это должны быть переговоры не на уровне президентов, не на уровне министров иностранных дел, потому что у них масса других забот. Это должны быть министры без портфеля, авторитетные, ответственные персоны, которые целиком посвящают время урегулированию этого конфликта. И переговоры должны вестись регулярно. Как раз сегодня в Праге идет встреча двух министров иностранных дел — нового азербайджанского и Вардана Асканяна. В моем понимании, надо вести переговоры по трем направлениям: ста-

тус, поначалу речь могла бы пойти как о каком-то временном статусе; оккупированные территории и беженцы; третий трек, который бы я условно назвал «все прочее». Но, зная, что по двум первым трекам продвижение будет медленным, надо все силы бросить на то, чтобы научить общественное мнение всех сторон взаимным уступкам на третьем треке. Там масса остальных дел, но нет пока ни одной реальной сделки между сторонами, кроме общего соблюдения прекращения огня. Если бы переговоры велись по трем трекам одновременно, то появлялись бы возможности разменов: я уступил тебе что-то на первом треке, ты отдай мне что-то на втором или третьем и т. д. А пока дело ставится так, что сначала обсуждаем один вопрос, а потом только перейдем к другому.

А. Дашдамиров. Начну с того, каков статус или формат этого конфликта. До сих пор идут дискуссии между армянской и азербайджанской сторонами по поводу того, что это внутригосударственный и межгосударственный. Самая распространенная точка зрения такова, что он начинался как внутригосударственный, имея в виду СССР, теперь он смешанный — и межгосударственный, и в то же время Нагорный Карабах выступает как самостоятельная сторона, — такую точку зрения я не раз слышал от армянских коллег. Я думаю, что фактически по своей природе этот конфликт с самого начала был межгосударственным, учитывая его исторические корни и сам факт, что речь шла о территориальных притязаниях одной республики к другой. Отсюда и позиция азербайджанской стороны не признавать Карабах как самостоятельную сторону. Я считаю, что это тактический просчет, тем не менее мотивы такой позиции состоят в том, что Армения инициировала конфликт, выступая с претензиями на территорию Нагорного Карабаха, значит, мы имеем дело с Арменией как со стороной конфликта. Более того, в одном из своих выступлений Алиев заявлял, что пусть Армения устранился, и мы тогда будем иметь дело с Нагорным Карабахом, но в такой двойственности мы не видим смысла. Я думаю, что хотя Нагорный Карабах выступает ныне как самопровозглашенное государство, но и по факту и в какой-то мере де-юре Нагорный Карабах сегодня является частью Республики Армении. Де-факто — в силу известных вещей, а де-юре — решение, которое принималось 22 декабря 1989 г. о том, что Верховный совет Армении удовлетворяет обращение Нагорного Карабаха о принятии его в свой состав. Этот документ никто не отменял. Это кажется трехстепенным вопросом, но я о нем упоминаю, прежде всего, вот почему. Здесь очень много слоенный, очень сложная и трагическая предыстория — это все известно. Но нельзя все валить в одну кучу, нужно все-таки это разрулить. Пусть между президентами, между двумя государствами или пусть даже между тремя институтами и их представителями должны вестись

переговоры, но они должны вестись на правовом поле. Эта точка зрения имеет право на существование уже потому, что при игнорировании международных правовых институтов и норм ни этот, ни иной конфликт не может быть нормально урегулированным. Тем более что в этом случае ситуация совершенно иная: это конфликт между двумя бывшими союзными республиками, лидеры которых уже тогда считали себя чуть ли не главами государств. И совершенно явная ситуация противостояния Армении и Азербайджана, двух государств—членов ООН, СНГ и т. п. Игнорируя нормы международного права, добиваться решения этого конфликта — нереалистично, а главное, уводит вопрос в какие-то закулисные игры. Одна из потерь этих десяти лет состояла в том, что Алиев сначала с Тер-Петросяном, потом с Кочаряном вел переговоры. Мне сопровождавшие Алиева лица говорили о том, что, когда они встречались, ни одного слова не протоколировалось, никто не знает, о чем они говорили, что обсуждали. Не нужны нам — и наблюдателям, и самим государствам, и народам — такие переговоры, должны быть ясность, прозрачность, есть законы, наконец, есть четыре решения Совета Безопасности ООН. Почему они вдруг оказываются забытыми, проигнорированными и, минув их, ведутся разговоры о взаимных уступках?

То, что требуются компромиссы, очевидно. Я думаю, такое понимание есть и в Азербайджане, и в Армении. Я имею в виду не толпы на улице, не политические спекуляции оппозиционеров с их расчетами внутривнутриполитической борьбы. Но то, что такое понимание есть, я улавливаю даже из того, что не раз армянские официальные и неофициальные лица говорили о том, что готовы пойти на то, чтобы Карабах сочетался с Азербайджаном, но в форме, как они выражаются, общего государства. Даже если допускается такая постановка вопроса, значит присутствует момент признания того, что ни Азербайджану, ни Карабаху не уйти от какой-то ассоциативности. Вот что важно. Если это так, то на этом можно делать акцент, оставаясь на правовом поле. А правовое поле таково, что надо не ставить освобождение территорий в зависимость от достижения статуса и наоборот, а выполнять резолюции СБ ООН и вести разговор по поводу этой позиции.

Мы допустили бы очень серьезную ошибку, если бы ушли от этого вопроса еще и по другому аспекту. Здесь много и правомерно говорится о безопасности. Но в гарантиях безопасности нуждается не только Нагорный Карабах, но и Азербайджан. В конце концов, все военные действия, с момента начала конфликта осенью 1988 года по 1994 год, проходили на территории Азербайджана. Азербайджан тоже нуждается в гарантиях безопасности и это забота не только армянской стороны. И это аргумент в пользу того, чтобы были даны международные гарантии для обеих сторон.

И, наконец, о других оккупированных территориях Азербайджана, которые официально не признаются спорными. Я думаю, что при такой постановке вопроса мог бы быть достигнут и позитивный переговорный процесс. Но есть еще один момент. Здесь упоминалась тема региональных держав, ведущих государств, России, Америки. Их роль, конечно, велика. Я не свожу это только к их весовой категории, к тому, что и Азербайджан, и Армения прислушиваются и будут прислушиваться к мнениям и рекомендациям России, Турции, США, Франции — бесспорно. Но проблема осложняется еще и тем, что у этих стран — у Ирана с Турцией, у России с Америкой — есть свои стратегические заинтересованности, которые то ли осложняют путь урегулирования конфликта, то ли облегчают. Это — клубок. И таким образом получается, что, какие бы мы рекомендации ни вырабатывали, они так или иначе будут упираться и в эту позицию. Я думаю, что надо руководителям южнокавказских государств вместе собраться и атаковать Кремль, Белый Дом для того, чтобы воззвать их к чувству времени.

Реплика. А рецепт-то какой Вы предлагаете?

А. Дашдамиров. Договориться наконец, дать возможность демилитаризовать всю эту территорию.

В. Казимиров. Глубоко убежден, что поиск урегулирования на базе принципов — мертвая затея, потому что эти два принципа, я имею в виду право на самоопределение и территориальную целостность, мы то и дело сталкиваем. Но при этом совершенно сбрасывается со счетов масса других принципов, в том числе мирное решение споров, неприменение силы, угрозы силой — эти принципы в загоне. А в Хельсинском документе подчеркнуто равновеликое значение всех этих принципов, каждый из которых должен рассматриваться в свете всех остальных.

Вторая реплика — насчет резолюций СБ ООН. Да, было четыре резолюции. Первая — от 30 апреля 1993 г. и последняя — 12 ноября 1993 г. Принимались они в условиях нарастающих военных действий, все более ожесточенных и масштабных. И главнейшим требованием СБ во всех этих резолюциях являлось прекращение огня и военных действий. Там есть масса других требований, в том числе возвращение недавно оккупированных территорий, но не наша вина, что Гейдар Алиев не очень считался в то время с самым главным требованием всех этих резолюций. В то время, к сожалению, все стороны были грешны в этом конфликте, и армяне грешили. Но главные грехи по части несоблюдения прекращения огня по тем временным соглашениям, которые мы тогда заключали (а мы только с седьмого раза вышли на то прекращение огня, которое еще и сейчас держится), лежат на азербайджанской стороне. Каждый, кто знаком

с этими резолюциями, сразу обращает внимание, что там не только освобождение территорий, там масса других вещей, а главное в условиях войны — это как раз прекращение военных — и даже есть слово «враждебных», что подразумевает блокаду, — действий. Так что тут слабина.

В. Гусейнов. Хотелось бы высказать несколько замечаний. Во-первых, неубедителен тезис о проблемах безопасности Армении. В XX столетии никто никогда на Армению не нападал, но зато в течение этого столетия на территории, где проживали компактно азербайджанцы, входившие в состав Ереванской губернии царской России, в 1918–1920 годы, при формировании советского государственного устройства, в 1949–1950 годы решением председателя Совнаркома СССР Сталина, в 1988 году под «добрым» руководством группы Яковлева — Горбачева была произведена массовая этническая чистка азербайджанцев, перед которой даже события в Косово бледнеют по масштабам и зверствам. Как можно говорить в этом случае о проблемах безопасности Армении, когда Азербайджан никогда не являлся инициатором каких-либо военных действий в отношении своих соседей?

Второе. Хорошо, что мы в конце дискуссии вышли на решения СБ ООН, которые создают условия для начала серьезной, планомерной работы. Когда говорилось о том, что нельзя ставить вопросы о безоговорочном освобождении оккупированных земель, о возвращении беженцев, возникает закономерный вопрос: а не таким ли образом мы хотим утвердить в сознании международного сообщества или в сознании наших граждан, пытающихся строить новое гражданское общество, примат силы? Что только силой можно добиться своего, а потом, дескать, невозможно эти вопросы рассматривать, давайте начинать все с чистого листа. Это такой и дипломатический, и международный, и общечеловеческий нонсенс.

Ситуация вокруг Нагорного Карабаха уже давно вышла из-под контроля непосредственных участников и переместилась на геополитический уровень. Об этом говорит активное участие в переговорах международных организаций, стран, расположенных за много тысяч километров от Кавказа.

Здесь уже говорили, что сегодняшняя ситуация в какой-то степени устраивает, помимо Армении, Азербайджана и Карабаха, важных игроков на международной арене, таких как США, Россия, ЕС, который заявил, что собирается активно участвовать в процессах, идущих в странах Южного Кавказа. Так как подобная ситуация в настоящее время с точки зрения геополитического расклада сил устраивает прежде всего США и Россию, этот процесс уже более 10 лет не может найти своего разрешения.

Закljučая свое выступление, должен сказать, что, безусловно, в основу процесса урегулирования этого конфликта должны лечиться резолюции СБ ООН. Во внешней политике России после долгих метаний мы начинаем вспоминать, что многие спорные вопросы должны вернуться в русло ООН. На это в последнее время обращает внимание российский президент. Искать другие инструментарии решения этого вопроса, как мне кажется, бесполезная трата времени и отсрочка в разрешении конфликта.

Ю. Давыдов. У меня возник вопрос: а могут ли прийти к согласию два государства, одно из которых считает, что для него жизненно важно де-юре, а другое — де-факто? Как они, не покидая этих позиций — а они не могут их покинуть, иначе они сразу проигрывают либо в том, либо в другом случае, — как они могут прийти к согласию?

А. Дашдамиров. Нельзя быть одновременно и нарушителем закона, и его защитником. Единственный путь, который наиболее перспективен, и я убежден, что рано или поздно на этот путь придется выходить, это путь установления юридически определенных отношений. И на этой базе возможно достижение и высокого правового статуса для Нагорно-Карабахской территории, в чем-то Азербайджану придется поступиться, и то, в чем Азербайджан поступится, надо будет отражать и в конституции Азербайджанской Республики. Это все решаемые вопросы. Но унижительность ситуации в том, что вы, мол, сначала согласитесь с тем, что мы вам диктуем, поскольку мы оккупировали вашу территорию. И тем самым создается новый миф, миф о неуступчивости азербайджанской стороны. Между тем неуступчивость азербайджанской стороны объясняется просто: во-первых, чувством юридической правоты, а во-вторых, в Азербайджане как не было своей нормальной армии, так и сегодня ее нет. И хотя молодой президент Азербайджана делает какие-то решительные заявления, это тоже политическая риторика. И поэтому разговор об угрозе со стороны Азербайджана — это от лукавого. У Азербайджана есть единственная возможность добиваться своего — при помощи наращивания своего экономического потенциала, увеличения своей привлекательности с тем, чтобы получить поддержку на законное решение законных вопросов. Вот как мне видится эта ситуация.

И еще один момент — о роли России. Сегодня Россия играет такую же роль, какую она могла играть 10 лет назад.

Реплика. Мы никогда не сможем разобраться в этом конфликте, да и не осветим полностью проблему до тех пор, пока не определим позицию России в этом конфликте. Чего хочет Россия на Кавказе? Она сама определилась или нет? Лет пять-десять назад я бы сказал, что если бы Россия определилась, эти конфликты были бы решены. Сейчас можно сказать, что если Россия определится, конфликты мо-

гут быть сдвинуты с мертвой точки. Но России нужно определиться на Кавказе, в первую очередь на Южном Кавказе, — чего же она хочет, каковы ее интересы. По-моему, это тайна за семью печатями. Всегда кажется, что Россия просто реагирует на ситуацию, а стратегии у нее никакой нет.

В. Швейцер (ИЕ РАН). Сейчас Социнтерн предпринимает попытки каким-то образом повлиять на те конфликты, которые имеют место. И надо сказать, что опыт у социал-демократии в странах Европы есть, причем опыт в какой-то степени и положительный.

И тем не менее на сегодняшний день по тем конфликтам, которые мы сегодня рассматриваем, Социнтерном ничего толкового и, я бы даже сказал, бестолкового не сделано. И здесь надо понять одну простую вещь. Социнтерн, как мощная, влиятельная организация, силен только в тех случаях, когда с обеих сторон конфликта имеют место партнеры, прежде всего те партии, которые стоят в рядах Социнтерна. Надо сказать, что в 90-е годы и в начале этого века практически от каждой из стран, о которых мы сегодня говорим, те или иные политические партии, называющие себя, прежде всего, социал-демократическими, вошли в Социнтерн. Но они никакого реального влияния на политику в своих странах не оказывают. А на тех территориях, о которых мы сегодня говорим — Абхазия, Приднестровье, Нагорный Карабах — вообще нет такого понятия, как политическая партия. Это объясняется тем, что без стабильной государственности не может быть стабильной и даже начальной политической партийной системы.

Значит, никаких контрагентов у Социнтерна в этих регионах нет. Поэтому в материалах последних конгрессов Социнтерна много говорилось о Косово, о Кипре, а об Абхазии, Приднестровье, Нагорном Карабахе — никакого разговора нет, потому что сказать нечего и обратиться не к кому, нет политических сил, которые могут принять реальное участие в урегулировании. Т. е. у социал-демократов постоянно сужено поле для деятельности: они не имеют легитимности внутри своей организации, потому что разговаривать не с кем, не имеют и общеевропейской легитимности, потому что здесь разные условия, причем они меняются и по ходу игры. Вот о чем я хотел рассказать, полагая, что это показывает в какой-то степени и общее бессилие и ОБСЕ, и Евросоюза, можно говорить даже о НАТО. Не могут они ни на что повлиять при всем желании, пока внутри этих стран не будут выступать реальные демократические силы за согласие, за нахождение общего знаменателя, никакой Социнтерн не поможет.

А. Язькова. Это очень интересный поворот в нашей дискуссии. Но что касается НАТО, то желание вступить в НАТО способствовало ес-

ли не урегулированию, то приглушению многих конфликтов. В частности, между Румынией и Венгрией была неразрешимой проблема Трансильвании, однако при вступлении в НАТО проблема была приглушена. Поэтому нельзя говорить о том, что европейские, евроатлантические или какие-либо другие институты совсем бессильны. Вот, предположим, проблема СНГ. Содружество, конечно, сейчас очень слабая организация, но, в принципе, если бы были заинтересованы государства, в нее входящие, в более активном сотрудничестве, это вполне могло бы быть каким-то рычагом в решении конфликтов на правовой основе.

В. Швейцер. Трансильвания — это проблема двух стран. К сожалению, те конфликты, которые мы сейчас рассматриваем, имеют очень серьезные внешние факторы. Абхазская проблема — это проблема России; Карабах — это, хотим мы того или нет, — и турецкий вопрос, связанный с общей армяно-турецкой ситуацией; Молдова — это проблема Румынии. Т. е. их экстраполировать в чистом виде нельзя.

А. Языкова. Я думаю, что мы сейчас вернемся к проблеме Абхазии.

С. Маркедонов. В Абхазии в правовом отношении ситуация еще более запутанная и непроясненная, чем в Карабахе. Как я уже сказал, там все крутится вокруг беженцев. Собственно говоря, другие проблемы не возникают. Но вот непраздный вопрос: а куда вернуться беженцы? В апреле 1991 года Грузия приняла акт о восстановлении государственной независимости, который предусматривал возврат к правовой ситуации Конституции 1921 года. Тем самым все правовое наследие Советского Союза исключалось. Мне всегда кажется, что Грузия — это то зеркало, в которое надо смотреться, чтобы не допускать тех же ошибок. Первая из них — это модель «одна этнически понимаемая нация — одно государство». И вторая — это идея преемственности, что нужно вернуться к прошлому и, воссоединившись с ним, начать движение к будущему, вернувшись к золотому веку. Грузия к такому золотому веку вернулась, и в результате получилось, что ни аджарской, ни абхазской, ни юго-осетинской автономии нет, т. е. они есть, но как бы их нет. Поэтому куда будут возвращаться эти беженцы? В Абхазскую ССР? Нет Абхазской ССР, актом о восстановлении государственной независимости Грузии она уничтожена. В Абхазскую автономию? Еще нет никакой автономии, и позиция абхазской стороны совершенно твердая в этом смысле: никакой автономии, конфедерации не может быть, это — независимое государство.

Если же мы посмотрим на закон о гражданстве Грузии, то беженцем, согласно этому закону, может быть человек, являющийся подданным другого государства.

А. Языкова. Это положение Конвенции о беженцах 1951 года.

С. Маркедонов. Но в результате получается, что порядка 250 тыс. грузин — как их рассматривать, они что, граждане другого государства? Используется термин «беженцы», может быть, надо использовать другой термин? Как во время войны — перемещенные лица. Т. е. очевидно, что весь правовой инструментарий нужно менять, иначе многие вещи непонятны.

Следующий момент. Мы существенно обедняем анализ грузино-абхазского конфликта, когда пытаемся рассматривать его как грузино-российский конфликт, а Абхазию — как «фомку» для российских интересов. Сама абхазская элита не рассматривает российскую политику как однозначно дружелюбную и последовательную. Я приводил уже факты, говорящие о том, что российская политика была очень непоследовательной и неоднозначной. Необходимо этот конфликт рассматривать более широко, он более мозаичный. Ведь что такое абхазская община? Согласно данным последней переписи — 17% населения. Совершенно очевидно, что без поддержки других этнических общин абхазам их дело не удалось бы повернуть. Совершенно очевидна также роль русской общины. Один из архитекторов абхазского сепаратизма — Юрий Воронов, известный историк, археолог, почетная фигура, в Сухуми проспект назван его именем, заместитель Ардзинбы по Верховному Совету.

Армянская община была в довоенной Абхазии приблизительно равна русской, батальон имени Баграмяна воевал на стороне Абхазии. Поэтому абхазская сепаратистская публицистика и историография очень активно педалируют именно эту тему мозаичности, говоря, что малая империя Грузия борется с разными общинами, что это не только война с абхазами. Достаточно почитать сочинения Лакобы.

Следующий очень важный момент, если проводить параллели с Чечней. Россия, например, может назвать «своих» людей в Чечне. По крайней мере, официально можно назвать: Малик Сайдуллаев, Гантемиров. Грузинская сторона не может официально назвать ни одного абхаза «своим» человеком.

Поэтому, говоря об абхазском конфликте, надо более панорамно его рассматривать, в первую очередь пересмотреть правовой инструментарий, отказаться от «беженского» детерминизма.

Вопрос о беженцах перекликается с другими конфликтами, с другими проблемными территориями. Ведь грузины — это этническое большинство в республике. И, действительно, с точки зрения здравого смысла исход этнического большинства — это вопиющая несправедливость. Но, нравится нам или нет, совершенно очевидно, что возвращение этого пострадавшего большинства не будет сопровождаться толстовским всепрощением. Значит, решая и ставя вопрос воз-

вращения беженцев на первый план, мы во многом провоцируем новый конфликт.

Р. Сичинава. Если произошла несправедливость, ее надо исправлять.

С. Маркедонов. А если исправление несправедливости будет множить несправедливость — как тогда быть? Так, одно из требований абхазской стороны: да, мы не против возвращения беженцев, но они должны пройти проверку на факт участия в событиях конфликта. Совершенно очевидно, что так или иначе многие в этот конфликт были вовлечены, может быть, сами того не желая, и такую проверку мало кто пройдет. А судьи кто, кто будет осуществлять проверку? Понятно, что те, кто ее будет осуществлять, вовсе не будут заинтересованы в изменении этнодемографической ситуации, даже если пойти на реализацию этого предложения. Одно из предложений, которое также пытаются реализовать абхазская сторона, — это разделение Абхазии. Гальский район отдается Грузии не по реке Ингури, а по Гумисте. Но это тоже не решение проблемы. Таким образом, в Свирчели остается абхазский анклав, а если возвращаются беженцы и этот план реализуется, совершенно очевидно, что Гагра, Гудаута, Гантиади — грузинский анклав. Также не разрешение проблемы.

Какие возможны варианты? Первый, базисный момент, ключи к которому находятся в Тбилиси: принципиальное изменение концепции государственного национального строительства постсоветской Грузии, отказ от идеи «Грузия для грузин» или «Грузия при доминировании грузин». Грузия — для граждан Грузии.

Р. Сичинава. Всегда Грузия была многонациональным государством, всегда была терпима к любому вероисповеданию.

С. Маркедонов. Это вещи разного порядка: Грузия как территория в составе Российской империи или СССР, многонациональная и терпимая, или Грузия как независимое государство, которое проводит национальную политику. Помимо Южной Осетии, Абхазии, Аджарии есть еще армянская Джавахетия, которая очень слабо интегрирована в грузинский социум. Есть Панкисси — чеченцы. И есть, кстати, собственно грузинские территории, которые тоже очень слабо интегрированы, очень проблемные — это Сванетия, Мингрелия. Западная Грузия — тоже достаточно проблемная территория. Если мы проанализируем гражданскую войну 1993 года, то там даже проходил географический разлом — Западная Грузия и остальная. Т. е. проблема в самой идеологии государственного строительства.

И второй момент, реальный, может быть, циничный, но очень важный. Необходимо принимать во внимание, что в результате исхода грузинского населения произошла приватизация по-абхазски. Взять и отменить ее росчерком пера бескровно нельзя. Поэтому с

этим что-то надо делать и при урегулировании принимать этот фактор во внимание. На мой взгляд, успешно решив эту проблему, можно ставить вопрос и о вхождении Абхазии на достаточно солидном отказе в состав Грузии. Наверное, если абхазской элите дать гарантии, что она будет у власти и ее собственность у нее останется, она будет готова войти в состав Грузии, влиться в грузинский элитный слой, и этот статус маргинальности, нелегитимности уйдет.

А. Язькова. Во всех трех случаях — Карабах, Абхазия и Косово — проблема беженцев — это ключевая проблема, и прежде всего в Абхазии. Но сразу же возникает вопрос: а куда возвращаться беженцам? После 1994 года, после разминирования и проведения соответствующих мероприятий территория, с которой ушли грузины, стала заселяться, причем кем? Во-первых, жителями с гор. А по словам командующего миротворческими силами России генерал-майора Якушева, практически каждый день приходят теплоходы с репатриантами из Сирии, Турции, еще откуда-то с Ближнего Востока. Их заселяют в дома, в которых раньше жили грузины.

Помимо прочих видов криминала в Абхазии сейчас очень распространено взятие в заложники за деньги. А распространяет путевки на отдых в Москве дочь Ардзинбы, окончившая экономический факультет МГУ.

А. Ципко. Я устранял конфликт между ЦК комсомола Грузии и абхазским обкомом комсомола в 1969 году. Меня послали от ЦК ВЛКСМ, и тогда еще у меня возникло ощущение, что это дело плохо кончится. В ЦК Грузии было такое нарочитое пренебрежение к абхазам, а с другой стороны — дикая злоба самого обкома. Это было 35 лет назад, и тогда уже я это почувствовал. Так что включение в элиту — это сказки.

С. Маркедонов. Я понимаю, что конфликтные отношения возникли не в 1992 году, но сказки или не сказки — а какой выход? Признать Абхазию независимым государством? Нет, конечно. Давайте исходить из этого. Когда у России есть своя Чечня, заниматься поддержкой сепаратизма у себя же, на Кавказе, нереально. Если Россия пойдет на признание Абхазии и Южной Осетии, а такие идеи у нас периодически вбрасывались, Грузия признает, например, Ичкерия, и достаточно будет того, что одно государство создаст прецедент. Потом Россия может быть слабой, сильной, но джин будет из бутылки выпущен.

И второй момент, связанный с беженцами. Конечно, должен быть рассмотрен вопрос о компенсации за потерянное жилье. При участии международных организаций должна быть проведена оценка этого жилья и выплаты должны быть, может в рассрочку, не сразу. Эта компенсация должна предусматривать, что не будет возвращения.

Р. Сичинава. О численности сегодняшнего населения в Абхазии. Есть доклад ООН «О нуждах Абхазии», вышедший в 1996 году. В нем говорится, что население Абхазии составляло 190 тыс. человек в 1996 году. Не думаю, что с того времени население значительно прибавилось. По последней советской переписи 1989 года население Абхазии составляло 540 тыс. человек. Разница очевидна.

Конечно, все многочисленные переговоры, которые проходили, крутились вокруг двух основных моментов: о политическом статусе и о возвращении беженцев. На этих переговорах Абхазии предлагался любой статус, любая независимость, но в рамках единого государства. Но на сегодняшний день абхазская сторона не мыслит своего существования в едином государстве при любых гарантиях ее безопасности или свободы. Максимально, на что она шла, это два независимые равноправные государства как субъекты международного права в составе одного общего государства. Но у грузинской стороны, естественно, возникали опасения, связанные с тем, что в случае принятия такого варианта Абхазию надо признавать как самостоятельное государство, как субъект международного права. Этот договор в любой момент можно порвать, и Грузия останется без Абхазии. А так, по крайней мере, де-юре Абхазия пока в составе Грузии. Т. е. Грузия от этой позиции не отойдет, пока она существует как государство и член ООН. Грузия никогда не пойдет на то, чтобы признать Абхазию как независимое государство вне пределов Грузии. Я думаю, что и Россию это тоже не устраивает. Поэтому нам всем надо думать, как решить проблему в пределах одного государства.

В отношении беженцев. Конечно же, первое время в Абхазии было очень большое заселение. Из Турции, Иордании, Сирии приезжали этнические абхазы, которые были выселены после русско-турецкой войны за то, что Абхазия поддержала турецкую сторону. Но, прожив год-два, они не смогли адаптироваться к тем условиям, в которых сегодня протекает жизнь в Абхазии, и начали возвращаться назад. Возвращать беженцев можно и нужно и средства для этого крупные общественные организации, к примеру ООН, готовы выделять. Начать можно со смешанных семей. И вообще можно подойти индивидуально. Абхазия такой кусок, что рано или поздно он начнет заполняться и заполняться он может или из Грузии, или с Северного Кавказа, или из России, или из Турции. Поверьте мне, абхазы никого там не ждут, даже выходцев с Северного Кавказа, которые воевали на их стороне. Практически все представители Конфедерации горских народов вытеснены.

И второй вариант — запускать беженцев в места компактного проживания. В Абхазии есть много мест, где грузины жили компактно.

А что делать с властями? Эти вопросы тоже можно решить. Можно сделать, допустим, свободную экономическую зону закрытого типа, где будет Абхазия чисто номинально входить в Грузию. Грузия этим будет довольна, абхазы будут довольны тем, что их практически ничего не будет связывать с Грузией, кроме отчислений в бюджет. И здесь же можно учесть интересы России. Поэтому мне кажется, что вопросы в Абхазии можно решить, лишь бы была политическая воля всех игроков, находящихся на этом поле.

А. Дашдамиров. В том-то и дело, что многое упирается в политическую волю. Здесь я хотел бы напомнить одну вещь. Ведь серьезные государства, сложившиеся, стабильные, с преемственностью политической и идеологической, формируются и развиваются десятилетиями и столетиями. В кавказской ситуации мы имеем дело с совершенно молодыми государствами, без исторической базы. Все, что говорят выдающиеся азербайджанские, грузинские, абхазские, армянские историки, относится к раннему средневековью. Это ушло раз и навсегда. С нуля начинается процесс. Шеварднадзе не раз говорил: «Мы готовы создать грузинскую федерацию с тем, чтобы Абхазия стала субъектом». Это хоть и формально, но создает предпосылки для переговорных процессов. Конечно, если не хочется втягиваться в процесс урегулирования, то можно всегда находить невероятно убедительные аргументы, в том числе и по беженцам, по любому другому вопросу. Но если серьезно к этому относиться, то и принципиальные, и частные вопросы всегда можно поэтапно решать. Но нынешняя ситуация выгодна определенным силам. Если иметь в виду Карабах, для Азербайджана — это хороший повод держать общество в состоянии сплоченности и, если что не так, то и оппозицию в тюрьму сажать, дескать, ты мешаешь урегулировать карабахские вопросы. В Армении — то же самое. Это один из факторов удержания власти, контроля и т. д.

Как поломать эту практику, создать прорыв? Для России в первую очередь такая ситуация не может быть выгодна по объективным причинам. Я не раз слышал такие рассуждения: дескать, если там есть конфликты, это помогает России контролировать ситуацию, способствует сохранению российского присутствия на Южном Кавказе. Дальнейшие события показали, что это иллюзорная позиция. Между тем активное участие в нормальном, продуктивном урегулировании этих конфликтов, как ни что другое, могло бы не только восстановить присутствие России на Кавказе и политически, и экономически, но и способствовать интеграции.

Сегодня ни Грузии, ни Армении, ни Азербайджану, с точки зрения объективных интересов этих стран, нет оснований отгораживаться от России, той России, какой она видится сегодня в перспективе. Очень многое зависит от интеграционной политики на базе совместных эко-

номических проектов, реализация которых немыслима без урегулирования конфликтов и в Грузии, и в Азербайджане.

А. Язькова. Я думаю, что тему Кавказа мы исчерпали. Сейчас мы можем завершить круглый стол темой Косово, чтобы получить представление и об этом блоке конфликтов.

П. Кандель (ИЕ РАН). На примере Косово хорошо видно, что те факторы, о которых мы говорим, называя их международным сообществом, тоже преследуют при урегулировании данного конфликта свои собственные интересы, не слишком считаясь ни с международным правом, ни со своими собственными принципами, которые провозглашались еще пять лет назад, ни с тем, что делается в сопредельных регионах тем же самым международным сообществом. Скажем, в Боснии решается на одних принципах, в Косово — на других, в Македонии — на третьих, причем взаимоисключающих. Международное сообщество с 1999 года последовательно ведет дело к независимости Косово. Нынешние события, возможно, несколько затормозят этот процесс, но ясно, что к этому дело придет в той или иной форме, поскольку и ЕС, и США ведут дело в этом направлении. Так вот, если такое решение последует, это будет определенным и политическим, и международно-правовым прецедентом для очень многих участников аналогичных конфликтов. России и всем остальным участникам постсоветских конфликтов следует иметь в виду это обстоятельство.

Я бы также хотел обратить внимание на абрис возможного решения подобного рода конфликтов. Вообще говоря, такие конфликты, особенно после того, как они прошли вооруженную стадию, быстро решены быть не могут, последствия в любом случае будут длительные и не всегда позитивные. Но самая общая форма решения — это некое государство-матрешка, которое будет существовать де-юре, будет крайне слабым де-факто, но которое тем не менее позволит совместить две реальности — международную и практико-политическую. И на основе создания такого в сущности псевдогосударственного образования в течение длительного эволюционного процесса нужно пытаться создать нечто более жизнеспособное. Других способов мирного решения я не вижу. Альтернатива — военное решение с участием либо непосредственных участников конфликта, либо международных.

А. Язькова. У меня вопрос. Действительно, многие эксперты согласны с тем, что так или иначе дело идет к независимости Косово. Но может ли Сербия с этим согласиться, и если даже согласится, не предъявит ли она тогда претензии на другие области, находящиеся за ее пределами?

И второй вопрос: а может ли независимое Косово быть самостоятельным государством, не будет ли оно стремиться к какому-то более

широкому государственному объединению. Т. е., вся эта конфигурация — полный передел на Балканах, и может ли он быть осуществлен мирным путем.

П. Кандель. На сегодняшний день трудно себе представить какое-либо сербское правительство, которое могло бы согласиться с отделением Косово. При том что объективно сколько-нибудь сознательные сербские политики понимают: во-первых, рано или поздно с этим придется согласиться, а во-вторых, это будет благо для самой Сербии. Сохранение Косово в составе Сербии или Сербии и Черногории означает нерешаемую проблему вечной демографической экспансии: рождаемость у албанцев такая, что сохранение их в составе единого государства означает, что это государство будет албанским через 20 лет. Кроме того, это абсолютно нерешаемые экономические проблемы, потому что край аграрно перенаселенный, трудоизбыточный, крайне неразвитый, Сербии его просто не потянуть. И третье — это вечный источник политических проблем в государстве, вне зависимости от того, какой оно статус будет иметь. Косово таковым было и в королевской Югославии, и в социалистической Югославии, и в пост-социалистической Югославии. Поэтому думаю, что идеальным для Сербии вариантом было бы отделение Косово при какой-то компенсации Сербии за счет части Косово и, может быть, за счет присоединения Республики Сербской из Боснии. Тогда Босния, естественно, распадается как государство, остается мусульманская часть.

Во всяком случае, если встанет вопрос о независимости Косово, то Белград начнет торг. И нынешнее активное непризнание независимости Косово для Белграда, во-первых, это выигрыш во времени, потому что сейчас ни одно сербское правительство не может себе позволить начать разговор на эту тему, оно просто не усидит. А во-вторых, это запросная позиция, которую потом будут разменивать на что-то.

Что касается независимого Косово и как оно будет существовать дальше. Конечно, экономически самодостаточным оно не будет. Оно будет существовать либо за счет того, за счет чего оно существует сейчас, т. е. за счет контрабанды и наркотиков. Либо Европа вынуждена будет содержать это государство, как, впрочем, и многие балканские псевдогосударства. Либо, что тоже вполне вероятно, после того как будет провозглашена независимость Косово, Европа помешает процессу объединения Косово с Албанией, даже при сопротивлении албанских властей.

А. Язькова. Я думаю, что Албания, которая сейчас — первый кандидат в НАТО, вряд ли на это пойдет.

П. Кандель. И не только по этой причине. В Албании сейчас правительство социалистическое, это правительство южных албанцев. А косовары — это северные албанцы, они поддерживают, соответствен-

но, врага Беришу социал-демократическую партию, т.е. объединение для албанского правительства невыгодно еще и в этом плане, так как будет нарушен субэтнический баланс в Албании. Но есть какие-то необратимые и мало управляемые процессы.

Л. Никифоров (Чрезвычайный и Полномочный Посланник, независимый эксперт). Проблема Косово — очень серьезная проблема, и сейчас, слушая соображения, связанные с этническими проблемами на постсоветском пространстве, еще раз осмысливаешь то, что происходит в Косово. Последние события в Косово были вызваны необходимостью косовских руководителей продемонстрировать свою силу нынешнему сербскому руководству, которое имеет свои планы урегулирования косовской проблемы. Новое сербское правительство во главе с Коштуницей сначала предлагало провести кантонизацию Косово, сейчас встает вопрос о децентрализации. Речь идет практически о выделении анклавов с сербским населением, чтобы обеспечить их безопасность и возможность самостоятельного развития. Мировое сообщество пока относится к этому негативно, но не исключено, что именно здесь и будет найден путь к решению проблемы.

Вместе с тем эти события осложнили положение нынешнего косовского руководства. Дело в том, что Запад — и НАТО, и Евросоюз — вынуждены были осудить действия руководства косоваров, одновременно признав необходимость реорганизации деятельности гражданской и военной администрации в Косово и тем самым признав, что пятилетний срок существования международного протектората в Косово не оправдался.

Что же ждет Косово в конечном счете? Ждет ли его независимость или же возможны какие-то другие варианты? Возможно, действительно, у некоторых политиков на Западе и есть такое желание — добиться провозглашения независимости Косово. Но мне кажется, что в данный момент Запад на это не пойдет. Сейчас, скорее всего, возможны какая-то новая затяжка в решении этого вопроса, попытки децентрализации, какого-то представления большей автономии краю Косово и в рамках этой автономии предоставления автономии сербским анклавам. Короче говоря, пока вопрос о статусе Косово отложен до тех пор, пока не будут реализованы те стандарты, которые установлены Европейским Союзом для Косово. В целом, наверное, это реальный путь. Действительно, предоставление независимости Косово для сербов будет означать поражение, никто в Сербии с этим никогда не согласится. Требовать какой-то компенсации в виде Республики Сербской из Боснии и Герцеговины — нереально. Но вторая опасность — это возможность передела на Балканах в связи с тем, что косовары не ограничатся своей территорией, потребуют, чтобы часть Черногории, часть Македонии была присоединены к нынешнему Ко-

сово. Это будет практически началом нового передела на Балканах. С чем, конечно, никто не может согласиться на Западе, потому что в процессе расширения и НАТО, и ЕС стремятся к какому-то умиротворению, а не к созданию новой конфликтной ситуации. Поэтому, по крайней мере, на ближайшую перспективу следует ожидать попыток какого-то мирного урегулирования проблемы.

Но проблема Косово — это всего лишь часть той проблемы, которую по-прежнему создают Балканы для всей Европы. Косово и Западные Балканы, в частности Сербия и Черногория, — ворота для Европы с Востока на Запад. Это и наркоторговля, и торговля людьми, и торговля оружием — все то, что усиливает криминальную ситуацию в Европе. Европейцы это отлично осознают, пытаются как-то противодействовать, но пока безуспешно. Надо ожидать, что в результате реорганизации, о которой все говорят очень активно на Западе, гражданская и военная администрация в Косово может в какой-то степени нормализовать этот процесс, но решить всю проблему транзита криминала через Косово не удастся. Эта проблема будет существовать постоянно.

Проблема усложняется и тем, что, конечно, Косово — не самопровозглашенная территория, этот термин здесь не может быть применен. Косово — автономный край в составе Сербии, в составе сообщества Сербии и Черногории, и он имеет международно-правовое регламентированное существование. Но это, действительно, замороженный конфликт. Такого же рода конфликт существует в Боснии и Герцеговине. Что нас ждет там — трудно сказать, скорее всего, можно ожидать обострения ситуации. Те претензии, которые международные администрации предъявляют уже к Республике Сербской, усиливаются, и не исключено, что там может произойти определенное осложнение всей ситуации. Но не настолько уж стабильна ситуация в Сербии и Черногории, в сообществе, которое было создано больше года тому назад и которое пытается всеми правдами и неправдами европеизироваться, но никак не может вступить ни в НАТО, ни в ЕС. Евросоюз не хочет иметь еще один источник конфликтов, который может осложнить всю ситуацию на Балканах и в Европе в целом. НАТО, конечно, стремится к тому, чтобы укрепить свое присутствие в бывшей Югославии. Ни для кого не секрет, что в Косово существует серьезная военная группировка НАТО, в частности американцы там присутствуют, в Македонии тоже есть американские военные формирования, ходят очень серьезные разговоры о том, что, может быть, новые мобильные базы будут созданы и в Сербии, и в Черногории, в частности в Черногории речь может пойти о военно-морской базе. Поэтому присутствие НАТО в это регионе непосредственно затрагивает и наши интересы.

Мы часто говорим о том, что расширение НАТО, имея в виду прибалтийские республики, Польшу, Чехию, Венгрию, — это давление на нас с Запада. Но мы совершенно забываем о юго-восточном направлении наших границ, которое точно так же для нас может быть весьма опасно.

В целом получается, что «дуга нестабильности» сейчас существенно расширяется. Можно вести разговор не о «дуге нестабильности» Средиземноморско-Каспийского региона, но, я бы сказал, начиная от Балтийского моря, через Средиземное и до Каспийского моря. Вот какова зона нестабильности. Причем нестабильность в этой зоне усиливается, несмотря на то что НАТО и Евросоюз, расширяясь, думают укрепить свое могущество на территории Европы. В частности, я думаю, что здесь происходит определенная переоценка сил и возможностей и НАТО, и Евросоюза. Расширяясь таким образом, что в ряды ЕС и НАТО вливаются страны с совершенно разным уровнем развития, разным потенциалом, эти два содружества ослабляют себя. Получаются два таких аморфных образования, у которые даже сейчас, в старых своих рамках, возникают серьезные противоречия, ставящие под вопрос прочность этих объединений. Что же будет, когда действительно произойдет укрупнение и ЕС, и НАТО.

Поэтому для нашей внешней политики возникает масса вопросов, связанных и с этим направлением. Мы занимаем пассивную позицию в отношении Балкан. Правда, в связи с последними событиями в Косово была проявлена заметная политическая активность с нашей стороны, были и послания президента Путина, и визиты министра Шойгу и замминистра иностранных дел Разова, но все это — ежеминутные политические шаги, пока, к сожалению, не находящие подкрепление в постоянной работе, которая может помочь укреплению наших позиций на Балканах. Здесь нам надо многое делать и прежде всего надо больше внимания уделять вопросам экономического сотрудничества. Это то, что являлось и является всегда базисом для наших внешнеполитических действий.

А. Языкова. У меня к Вам вопрос. Я полностью согласна насчет экономической составляющей. Но вы, вероятно, могли бы пролить свет на то, что мы там можем сделать, чем мы можем быть полезны и чем они нам могут быть полезны в экономическом плане.

Л. Никифоров. Сербия и Черногория и даже Косово — это районы с большими экономическими возможностями. Все эти регионы обладают большим запасом полезных ископаемых. Есть квалифицированная рабочая сила, развитая инфраструктура. Ну и опыт нашего сотрудничества, я имею в виду опыт сотрудничества Советского Союза и Югославии, говорит о том, что наш товарооборот тогда достигал 7 млрд. долл. Значит, было, что покупать и продавать. Сейчас наш то-

варооборот с Сербией составляет немногим более 1 млрд. долл. Но 90% — это наш экспорт в Сербию и Черногорию, в основном энергоносители, немного — металлы, и очень немного мы берем из Югославии. Что мы могли бы там сделать и каким образом могло бы быть усилено наше присутствие там? В Сербии и Черногории сейчас активно идет процесс приватизации. Многие предприятия, государственные предприятия, распродают на аукционах или на тендерах, и Запад их очень активно скупает. Совсем недавно наша компания «ЛУКОЙл» приобрела 180 бензоколонок. Это достаточно хорошее приобретение, но это лишь капля в море того, что мы могли бы сделать. Кроме того, есть предприятия нефтехимической промышленности, которые мы могли бы вполне использовать для переработки того сырья, которое мы активно поставляем в Югославию. В Югославии есть предприятия цветной металлургии, где мы могли бы тоже вложить свои капиталы и, перерабатывая алюминий и медь, могли бы иметь то, что нужно не столько нам, сколько Западу. Вообще экспортный потенциал Югославии в прошлом, а сейчас Сербии и Черногории, очень высок, поэтому здесь для нас возможности большие.

А. Язькова. Сегодня мы провели мозговой штурм по широкому кругу вопросов. Я думаю, что в дальнейшем нам нужно будет выходить уже на обсуждение отдельных конкретных проблем, причем именно в том ракурсе, в каком проблема представляет практический интерес.

II. ПОСТСОВЕТСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: КРИЗИС ИЛИ КРАХ?

21 апреля 2004 г. «Литературная газета» и Институт стратегических оценок и анализа провели очередной круглый стол, посвященный анализу постсоветского либерализма. В работе круглого стола приняли участие: Оксана Гаман-Голутвина, профессор Российской академии госслужбы при Президенте РФ; Вагиф Гусейнов, директор Института стратегических оценок и анализа; Михаил Делягин, председатель Президиума — научный руководитель Института проблем глобализации; Иосиф Дискин, сопредседатель Совета по национальной стратегии; Алексей Елыманов, политолог; Андрей Рябов, член Научного совета Московского центра Карнеги; Валерий Соловей, эксперт Горбачев-фонда; Шамиль Султанов, политолог, депутат Государственной думы; Виталий Третьяков, автор и ведущий телепрограммы «Что делать?»; Ростислав Туровский, руководитель департамента региональных исследований Центра политических технологий и др. Ведущий — обозреватель «Литературной газеты» Александр Ципко.

Для обсуждения были предложены следующие вопросы:

В какой мере постсоветский либерализм является либерализмом в точном смысле этого слова? Есть ли что общее между западником и либералом Павлом Милюковым и западником и либералом Егором Гайдаром?

Почему в современной России прижился только левый, радикальный либерализм?

Когда и в силу каких причин программа демократизации СССР превратилась в программу свертывания российской государственности?

Почему в начале 90-х годов Россия поддержала поражение либералов, свободу без совести, ответственности и национальной памяти?

Как далеко зашел разрыв между либерализмом и демократией в современной России? Как можно охарактеризовать современное состояние российского либерализма: это кризис, стратегическое отступление или даже вырождение?

Способен ли современный российский либерал к признанию своих ошибок, к коррекции своих убеждений и ценностей?

Насколько реально появление нового, национально ориентированного российского либерализма? Кто из нынешних политиков персонифицирует этот новый либерализм?

В каких отношениях с российскими либералами и либерализмом находится президент В. Путин?

Ниже публикуется сокращенная стенограмма круглого стола.

Открыл очередное заседание круглого стола А. Ципко. Наш сегодняшний круглый стол не следует рассматривать как реакцию на по-

каянное письмо Михаила Ходорковского. Более серьезным поводом для анализа идеологии, вернее, экзистенции, мироощущения так называемых «новых западников» является их поражение на декабрьских выборах 2003 года в Думу. Причины политической и моральной несостоятельности постсоветского либерализма мы должны рассматривать в контексте тех перемен, которые происходят в общественном сознании. Последующий за поражением распад и разлад в СПС еще больше обнажил причины краха движения, которое мы называли либеральным. Хотя после того как окончательно подтвердилось авторство и первого и второго письма Михаила Ходорковского, я бы относился к прозрениям бывшего главы ЮКОСа более серьезно, более человечно. Скорее всего Михаил Ходорковский никогда бы не написал этот текст, если бы он не оказался, правда не по собственной воле, в СИЗО №4. Но это не меняет существа дела. Подлинность мыслей и чувств не проверяется местом и условиями их зарождения.

И совсем не важно, где была написана эта статья и в каком состоянии. У одних тюрьма рождает злобу и ненависть. У других изоляция от мирской суеты ведет к просветлению ума и чувств. Кстати, вторая реакция очень характерна для российской интеллигенции.

Не следует забывать, что Михаил Ходорковский сам выбрал себе СИЗО №4 в качестве испытания. Поэтому есть более чем достаточные основания верить в искренность перемены взгляда Михаила Ходорковского и на уже бывших вождей российского либерализма, и на их дело.

Почему мы, люди, живущие в стране христианской культуры, отбираем у человека, в данном случае у Михаила Ходорковского, право на моральное перерождение, право увидеть и себя и свой бизнес в координатах совести, координатах обычной человеческой справедливости?

Евгения Альбац в своем комментарии на «Эхо Москвы» приписывала мне авторство статьи Михаила Ходорковского. В этой статье действительно есть много близких мне мыслей о причинах политического поражения реформаторов, которые я высказывал в своих статьях, опубликованных в «НГ» в середине девяностых. Но ведь то, что открыл для себя сейчас Михаил Ходорковский, было и является аксиомой для подавляющей части нашей интеллигенции. Для того чтобы это увидеть, увидеть, что реформаторы потерпели поражение потому, что «игнорировали жизненно важные интересы подавляющего большинства российского народа», необходимо только стать на национальную, гуманистическую точку зрения. Ходорковский прав: «Либеральный проект в России может состояться только в контексте национальных интересов».

Но предметом нашего анализа, повторяю, должны быть не действия, ошибки российских либералов, а их особая ментальность, их ми-

рвовозрение, мешающие им стать на моральную точку зрения, увидеть то, что увидел Михаил Ходорковский, что давно увидела подавляющая часть интеллигенции...

Я считаю, что наш либерализм — это типично постсоветский продукт, типичное продолжение советской истории и советского воспитания. Когда-то, в 1993 году, я опубликовал в «НГ» статью о «Демократической России», где показал одновременно и марксистскую, и русскую, почвенническую природу этой партии: обещание чуда, эксплуатация русской страсти к быстрым результатам, простым решениям. Это типично русское — марксизм проявляется в плоском, одномерном восприятии пространства, когда не принимается во внимание качественная разница между менталитетом народов, населяющих страну, не принимаются во внимание негативные моральные и социальные последствия революционных преобразований. Либералов-революционеров сближает с марксистами вера в то, что чем глубже революционные преобразования, тем больше разрушается старое, тем больше гарантия необратимости перемен.

(Основные идеи вступительного слова А. Ципко подробно изложены в его статье, публикуемой в этом же номере журнала «Вестник аналитики». — Прим. ред.).

М. Делягин, председатель Президиума — научный руководитель Института проблем глобализации, д-р экон. наук. Позволю себе воспроизвести один мой давнишний разговор с уважаемым Алексеем Карамурзой, когда он красочно описывал, что такое подлинный либерализм. Я спросил: «А в СПС еще такие подлинные либералы есть?» Мне лично неизвестны люди, которые на нашем правом фланге соответствуют этому представлению о либерализме. И когда я говорю о либералах, я говорю о тех, кто реально осуществлял у нас политику. И на моем внутреннем языке синоним либерализма с точки зрения последствий для России и дружественности для России — это фашизм.

Я хотел бы зафиксировать, что либерализм является не только чистовнутренним феноменом, что его нельзя понять, не обращая внимания на то, что это орудие глобальной конкуренции. Практический смысл либерализма — «мы обеспечиваем свободу конкуренции, не обращая внимания на сравнительные состояния обществ, которые конкурируют». Поэтому слабое общество, приверженное идеям либерализма, и открывшиеся рынки мгновенно давятся в лепешку. Это прагматичный интерес крупного бизнеса, естественно, многократно трансформированный. Мы не берем здесь случаи прямого подкупа, здесь нет прямого политического представления, а есть глобальный социальный заказ. И люди, которые исповедуют эту либеральную идеологию, не нуждаются в укорененности в каком-то обществе, потому что их родина там, где хорошие деньги и хороший уровень по-

требления. Я многократно сталкивался с людьми, которые очень искренне, последовательно и старательно выражали ненависть к России, не потому, что они ее ненавидели, а потому, что считали это правильным.

Почему в современной России прижился только левый либерализм? Левый либерализм — это как раз социальная справедливость, это то, что в Европе. А у нас, наоборот, правый, абсолютно отторгающий то, что, как пишут, «здесь живут люди». На самом деле, с точки зрения международной конкуренции, здесь не живут люди, здесь живут лишние рты, и если их продолжать кормить, то их придется кормить за счет нашей будущей прибыли, что невыгодно.

Почему программа демократизации превратилась в программу свертывания российской государственности? У нас все-таки государственность была советская. Мы можем говорить, что это — преემственность, но тогда она воспринималась именно как советская государственность, по крайней мере мной. И это естественное чувство в традиционалистском обществе наиболее образованной, наиболее продвинутой части этого общества: мы культурные, мы хорошие, мы эффективные и мы вынуждены в своей повседневной жизни стеснять себя интересами огромного количества отсталых и часто агрессивных, некультурных людей. И в любом обществе элита испытывает жуткий дискомфорт оттого, что она вынуждена этому «быдлу» служить. Естественно, что наиболее тонко ощущающие части этой элиты, наиболее сильно стремящиеся к каким-то идеалам очень быстро впадают в ненависть к своему обществу. Кроме того, есть объективный фактор. Когда элита более эффективна, чем общество в целом, то один и тот же уровень конкуренции для элиты оказывается необходимым, потому что он обеспечивает ее развитие и не позволяет ей загнивать, а для общества этот уровень оказывается губительным. И если элита сама для себя искусственно не создает высокий уровень конкуренции, жесткий отбор, тогда она либо начинает загнивать, либо она обществу навязывает свой уровень конкуренции, который его уничтожает, а для разных групп элиты, скорее всего, и то и другое происходят одновременно.

Программа свертывания российской государственности? Да, но все-таки в Советском Союзе было разложение государственности. Советский Союз проиграл не потому, что он был инфицирован вирусом либерализма, а потому что он сгнил, он не мог предъявить обществу ничего привлекательного. Я помню, как Гайдара в 1991 году взяли от безысходности...

А. Ципко. Я точно знаю, как взяли Гайдара, совсем не от безысходности, а в результате давления внешнего фактора. Гайдара взяли под кредиты, во имя укрепления дружбы Ельцина с США. Ельцин, кста-

ти, сначала и слышать ничего не хотел о Гайдаре. Но потом Геннадий Бурбулис и Наина Иосифовна объяснили упрямому Ельцину, зачем и почему он должен поддерживать «молодых» и «решительных» реформаторов. Кстати, надо отдать должное Гавриилу Попову. Он сразу же, уже в январе 1992 года, понял, что речь идет не о реформах, а о разрушении ВПК, советского хайтека. И, как известно, именно тогда он порвал с Ельциным. О подробностях назначения Гайдара премьером мне как-то в Германии в командировке рассказывал член «банной» команды Ельцина Николай Федоров. С американской стороны мне рассказывал о «стратегической» миссии реформ Гайдара в 1995 году один из аналитиков русского отдела Пентагона. Допускаю, что Егор Тимурович не знал, почему американцы лоббируют его «реформаторскую душу» на пост премьера.

М. Делягин. И тем не менее фраза «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца» была сказана по поводу павловского повышения цен, когда о Гайдаре не было еще речи. И общество не видело реальной возможности выхода, государство не могло ему предложить этой возможности за исключением 15-ти соток ГКЧП вместо 6-ти, и государство было полностью недееспособно, что показала та же история с ГКЧП. Естественно, внешняя конкуренция — это постоянный фактор, когда вы слабеете, вас начинают давить более интенсивно. И все-таки с учетом всего этого в либералах принципиально важно системное неприятие этой страны. Чем они отличались от правозащитников и почему они прошли вместе, почти не смешавшись и потом разошлись? Потому, что правозащитники отождествляли себя со страной, а для либералов это была чужая страна, они воевали не с коммунизмом, они воевали против страны, которая была завернута в обертку коммунизма. Была бы завернута во что-нибудь другое — били бы по другой ахиллесовой пяте.

Почему в начале 90-х годов Россия поддержала пораженчество либералов? Потому что была жуткая усталость, не было никакой позитивной альтернативы. Мое поколение в конце 1990 года было готово любого американца носить на руках как представителя Красной Армии освободителей в 1945-м, потому что была надежда и мечта, а за спиной был потребительский кризис, еще помнили 1979—1982 годы, а уже накатил 1987-й и 1990-й, это на фоне двух с половиной недель, после того как Гайдар объявил, что будет либерализация цен, смели все товары. Это забылось, тот потребительский кризис 1987 года и дальше, когда восстановились карточки, это было очень страшно и, самое главное, что было безысходно.

Разрыв между либерализмом и демократией в современной России по моим представлениям окончательный с 1993 года, потому что либералы последовательно проводили социально-экономическую по-

литику, направленную на разрушение и уничтожение страны, направленную на разорение и обман людей. Как мне вчера сказали в Лондоне совершенно гениальную фразу: «Разрешили людям обманывать друг друга и воровать у государства и назвали это рынком и демократией». И после этого что было в 1993 году? Это было стихийное отторжение людьми большой лжи, нового витка разрушения. И после этого любая демократия была против либералов. Это же не случайно, что у нас единственная внутренне демократически устроенная партия — коммунистическая. Она восстановилась и выжила как демократическая сила. А, наоборот, правые силы строились как абсолютно недемократические, начиная с того, что они строились как партия власти. Так что разрыв окончательный.

Что касается внутренней демократии в «Яблоке», то все люди, которые там были способны на что-то самостоятельно, последовательно выдавлены из «Яблока» на разных этапах разными способами. И когда осталось выжженное пространство, все оно внутри себя и рухнуло. Когда интеллигентные и умные люди на голубом глазу объясняют, что причина краха «Яблока» в том, что добросили 10% голосов, и мы с 5,2 провалились до 4,8, — простите, а 5,2 для социал-демократической партии — это не крах?!

Теперь к вопросу о том, кризис это, стратегическое отступление или вырождение? Это вырождение, потому что это последовательное, систематическое отрицание всех формальных ценностей. Либерализм проповедует свободную конкуренцию, в политической практике либерализм стал религией олигархии, крупного бизнеса. О демократии, политических ценностях вы сказали — на практике они от них отказались полностью. И было очень забавно, когда госпожа Хакамада ратовала за малый бизнес и за рыночные отношения. Это единственная партия России, официально возглавлявшаяся олигархом и единственная партия, возглавлявшаяся человеком, который был на государственной службе, за исключением, естественно, партии бюрократии.

Сейчас мы имеем стратегическое отступление, потому что питательные силы в виде глобальной конкуренции и в виде крупного бизнеса остались, они никуда не делись и не денутся. Мы имеем стратегическое отступление, перегруппировку, замену вождей. Качество вождей очень низкое, поэтому они с большим трудом подвергаются переструктуризации. Если бы там были адекватные люди, мы бы уже имели вполне боеспособную партию правых.

Я отвлекусь: вчера в Лондоне на форуме Волин с Немцовым в два голоса объясняли потрясенной аудитории, в которой были наши люди, в том числе наши люди, работавшие в Лондоне, что закон нарушать, оказывается, можно по необходимости. Бизнесмены встают и говорят: «Ребята, у нас здесь за это в тюрьму сажают, мы теперь пони-

маем, что Ходорковского правильно посадили, если вы так говорите. А вы действительно это допускаете, вы не оговорились?» И они начинают объяснять, что законы плохие, нельзя уничтожить коммунизм, не нарушая этих законов. Я понимаю, что если законы не позволяют заниматься бизнесом, то пока эти законы не изменят, то где-нибудь ползком... это понятная логика. Но когда говорят, что еще много осталось коммунизма и мы его не до конца добавили, и мы не сможем его добавить через 15 лет без законов, то, может, не надо его давить, раз уж так? Может, такой ценой не нужно давить даже самую неприятную вещь?

Они переструктурируются, они возобновят наступление, то, что они не укоренены в российском обществе — неважно, потому что есть политтехнологии, есть телевизор, есть постоянная, очень мощная финансовая подпитка, есть большая разочарованность в бизнесе и большая разочарованность интеллигенции, и есть системная деструкция российского общества, которая не позволяет, не может родить никакого самостоятельного политического ответа. Поэтому да, это — выхождение, но в тактическом плане — это стратегическое отступление, и мы будем переживать его наступление.

Способен ли российский либерал к признанию своих ошибок? Когда он признает свои ошибки, когда он начинает корректировать свои убеждения и ценности, он перестает быть российским либералом в том виде, в котором мы их видели и в котором мы их наблюдаем до сих пор. Когда партия СПС и партия «Яблоко» потерпели поражение второй раз, единственный вывод, который они сделали — какая плохая бюрократия, нам давали мало времени и какие у нас плохие пиарщики, которые нас неправильно сняли, и все. Когда человек начинает задумываться о том, что он может быть неправ, он перестает быть либералом, классический пример — господин Ходорковский. Я хочу сказать, что он не покался, он просто признал тактические ошибки. В переводе на русский язык это звучит так: мы наняли менеджеров, они оказались дураками и ворами. И посмотрите, какая замечательная реакция Коха: «А я для себя ничего нового из этого письма не узнал». Ну, разумеется, он-то о себе все знал лучше всех. Но уже эта реакция потребовала от него задуматься о том, что есть какие-то люди в этой стране и, наверное, их жизнь нужно поддерживать не только точечными проектами, но и системными.

Насколько реально появление нового, национально ориентированного российского либерализма? Возможен и, по моим ощущениям, даже идет синтез здоровой, реально существующей части либеральных ценностей. Права личности — есть такая ценность, без которой общество развиваться не может. Конкуренция, ограничение монопольного положения, права собственности — без этого здоровое

общество существовать не может. Оно может развиваться, во-первых, на основе патриотизма, и, во-вторых, в системном противостоянии с правым либерализмом, который отрицает те же самые права собственности, потому что защита прав собственности — это ограничение экспансии крупного бизнеса, а у нас святой крупный бизнес, а не какие-то там абстракции. Так что такой синтез в обществе идет, элита его артикулировать не может, поэтому внешние проявления — крайне уродливые и крайне смешные. Политиков, которые уже сегодня персонифицируют новый либерализм, я не вижу, я думаю, что они еще появятся, если элита сможет артикулировать этот синтез. Если наша абсолютно недееспособная элита его артикулировать не сможет, переродившись в процессе артикуляции, тогда и синтез умрет.

В каких отношениях с российскими либералами находится президент Путин? Во-первых, с чистотактической точки зрения ему нужен противовес силовикам в его окружении. Во-вторых, ему нужно обеспечивать хотя бы терпимое отношение со стороны Запада, а в мечтах, я думаю, он видит себя кем-то вроде Горбачева по степени любви на Западе и по степени прорыва на Запад. Он, как и вся наша элита, хочет потреблять, и поэтому ему жизненно важен доброжелательный интерес Запада, без которого он не сможет потреблять. А для этого нужно иметь в кармане прямых представителей Запада — это и Чубайс, и Греф, и Кудрин, их можно менять друг на друга, но они должны быть. И, самое главное, у него опять, как у российского общества в конце 80-х — начале 90-х нет конкретных людей. И когда появляются люди, которые говорят: «Я знаю, как надо, он стандартный, проложенный, мы все по нему пойдем, и все будет хорошо» и объясняют ему это в очень простых терминах, тогда он, естественно, в силу интеллектуальной бедности, принимает тех, кто виден. Тем более он отчетливо видит, что сейчас при либеральных реформах вроде бы все хорошо: нефтедоллар перевариваем и живем. Если сейчас заменим либералов и, не дай Бог, что-нибудь не получится, отвечать буду я. Это четвертая причина — боязнь ответственности, пусть идет как идет. Боязнь ответственности — общая болезнь, это не его личная болезнь, а болезнь всего государства, которое освободилось от ответственности перед обществом, и это все умерло, потому что есть стремление к статус-кво как доминанта в политике. А статус-кво включает в себя либеральную экономическую политику.

И последнее. У нас — парадоксальная вещь — крупный бизнес низведен до положения дойной коровки. Но поскольку государство освободилось от ответственности и не имеет поэтому стратегических целей, оно берет готовые цели, о которых кто-то сможет внятно сказать. Внятно говорить, сопровождая свои слова барашками на бумажке, может только крупный бизнес. Поэтому экономическую повестку дня

государства по-прежнему определяет та самая дойная коровка, которую в политическом положении низвели и сбросили на землю, а в области экономической политики она осталась, как была. А естественная идеология не только крупного бизнеса, но и любых успешных людей, предоставленных самим себе, это либерализм.

А. Кара-Мурза, руководитель Центра философских проблем российского реформаторства РАН; президент фонда «Русское либеральное наследие». На мой взгляд, сама постановка вопроса о «крахе (или кризисе) современного либерализма» в значительной мере мифологична. Я не совсем понимаю, ни о каком конкретно явлении, ни о каком конкретно наборе людей идет речь. Если речь идет о так называемых «младореформаторах», то их реальное пребывание у власти надо ограничить 1992–1993 годами (если начинать с отпуска цен и заканчивать стрельбой по Белому Дому) и несколькими месяцами 1998 года — до дефолта. Если мы говорим именно о тех фрагментах нашей истории — то почему именно сейчас, в середине 2004-го? Если мы говорим о всем «постгорбачевском» тренде, то давайте не будем исключать из него Черномырдина и Касьянова, а главное — Путина, Грефа, Кудрина и Фрадкова. Но если это так, то впору говорить не о «крахе» и даже не о «кризисе», а о триумфе либерализма в России, учитывая проценты Путина на последних президентских выборах. Если кто-то, напротив, хочется спрятаться за проценты Путина, и отсюда наускивать народ и спецслужбы против лидеров СПС и «Яблока», то причем здесь «кризис либерализма»? Это скорее называется политическим доносом.

Понятно, однако, что проблема сложнее, если мы будем говорить не просто о конкретных людях, не о наборе персонажей, а о либерализме как комплексном социокультурном проекте. Этот проект действительно пока не получается в России. Кстати, важно, наконец, сформулировать: а в чем он, собственно, состоит? И почему он не получается? Либеральный проект, на мой взгляд, состоит из трех принципиальных компонентов. Во-первых, социально-политический порядок обеспечивается при либерализме на основе прав и свобод граждан и именно этим укрепляется. Во-вторых, либерализм — это конкурентный труд, причем не только в материальном производстве, а во всех сферах — в политике, в духовной жизни и т. д. (Кстати, либеральный проект в этом смысле — очень молодой проект. Свободные сословия, люди свободных профессий начали кормиться своим трудом за счет конкуренции на свободном рынке не более полутора-двух веков назад; до этого они были придворные). И, наконец, третья характеристика либерального проекта — политическая демократия (многопартийность, развитый парламентаризм и пр.) как форма политической организации.

Можно ли сказать, что вот этот либеральный проект в России находится в кризисе? Можно, но только в том смысле, что он в России никогда так и не был осуществлен. Не было у нас и по сию пору нет ни свободного рынка, ни устойчивой демократии, ни правового государства. Есть их ростки, и мы опасаемся, что они в любой момент могут быть затоптаны. Но только меня удивляют люди, которые радуются «кризису» и даже «краху либерализма» в России. Они мне напоминают того юного недоумка, который, как известно, назло бабушке отморозил уши. И, вправду, чему тут радоваться? Либеральный проект реализован во всем цивилизованном мире, и именно это стало основой его (цивилизованного мира) благополучия. То, что либерализм не прививается в России — это общенациональная драма, а не только узкокорпоративная проблема тех, кто называет себя либералами и демократами.

Почему же в России не выходит настоящий либерализм, но легко укореняются пародии на него? Кто, выражаясь известным термином, является «могильщиком» либерализма в России? Ответу так: либерализм в России периодически сжирается «русским большевизмом». Большевизмом не обязательно красным, ибо как правильно в свое время отметили такие классики русской политической аналитики как Струве, Франк, Федотов, большевизм в России может быть «многоцветным», так как в его основе — тоталитарная злоба, поиск врагов народа, постоянный переброс вины на кого-то «другого» (буржуя, инородца, «либерала» и т. д.). Большевик — это прежде всего психологическая порода человека — ограниченного, нетерпимого, готового на скорое неправомерное насилие. Я абсолютно разделяю логику анализа, которую применил Семен Франк в знаменитой работе «По ту сторону правого и левого»: в России воюют не правые и левые, не белые и красные; у нас противостоят те, кого обобщенно можно назвать «либералами» (люди вдумчивые, толерантные, склонные к диалогу и самокритике) и «большевики», которые постоянно рыщут, «кто виноват?». Поэтому либерализм в России, действительно, разъеден и съеден как изнутри самого себя (людьми, которые самозванно нарекли себя либералами), так и многообразным «внешним большевизмом», включая большевизм правящей бюрократии.

Теперь что касается исторической преемственности и непреemptивности либерализма в России. Конечно, Павел Николаевич Милюков был во всех смыслах «классическим либералом». Я написал несколько работ конкретно о Милюкове, поэтому могу говорить как специалист. У Милюкова было три главных принципа. Во-первых, он — «политический либерал». Согласно ему политическая реформа должна предшествовать социальной; он считал, что России не хватает современной политической культуры, поэтому именно защита прав и

свобод личности и развитие парламентаризма — вот что может постепенно поднять Россию. (Милюков, кстати, не очень рассчитывал на нашу буржуазию и делал ставку на «политическую нацию», мотором которой станет интеллигенция, в первую очередь та, которая занимается конкретной политикой, например в земском движении.) Второе: Милюков — социальный либерал. Он, например, требовал перераспределения частной собственности: государство за счет земельных банков выкупает за справедливую цену излишки у латифундистов (те все равно не могут эффективно распорядиться землей) и кредитует крестьян. И, наконец, в-третьих, Милюков — это национальный либерал. Величие России было для него целью, а либерализм — эффективным средством (при этом он никогда не употреблял в положительном смысле слово «империя»).

Что касается либеральной преемственности, то вот вам факты (для меня — удручающие). В этом году исполнилось 100 лет со дня смерти выдающегося российского либерала Бориса Николаевича Чичерина. От лидеров либеральных политических партий — никакой реакции. 60 лет со дня смерти Петра Бернгардовича Струве — опять никакой. В прошлом году — 60-летие со дня смерти того же Павла Николаевича Милюкова (во Франции отмечали, в Америке, в Польше, у нас — нет). Кстати, для меня — забвение исторической преемственности по принципу «отречемся от старого мира» — первый шаг к русскому большевизму.

А. Ципко. Алексей, речь идет сегодня о праве на моральную оценку людей, которые считают себя либералами и которые взяли на себя ответственность за реформы. Я лично считаю главным признаком нормальности общества присутствие возможности оценивать политику и политиков в моральных категориях. И если действительно наших либералов погубил грех большевистских комплексов, то имею ли я право говорить, что во многих отношениях наш посткоммунистический либерализм выходит за рамки морали и цивилизованности? И другой вопрос, связанный с первым. Может ли когда-нибудь российское общество вырваться из узды большевизма, не рискуя когда-нибудь дать честную, моральную оценку тому, что произошло с нами в последние десять-двенадцать лет? Почему моральная критика оценки и поступка является переносом вины на другого?

А. Кара-Мурза. Когда я согласился с понятием «психологический тип», «порода» людей, то это подразумевает очень широкий спектр. И отношение к ним тоже очень разное. Вот я говорил о пункте замены правового подхода на революционную целесообразность. С чего началось отрицание прошлого периода, кого прихватали? Сидит Ходорковский: это что — революционная целесообразность для нового режима или правовой подход?

М. Делягин. Сидеть должен Чубайс в первую очередь.

А. Кара-Мурза. Так вот, как только этот режим первым сажает Ходорковского, он вступает на этот замкнутый круг большевизма.

А. Ципко. Алексей, мне кажется, ты подменил проблему оценки природы, психологии посткоммунистического либерализма проблемой оценки сложившегося у нас политического режима. Почему я не имею права сказать, что реформы мало что дали для формирования демократии и правового общества, а тем более для укрепления социального и духовного здоровья общества.

А. Кара-Мурза. Идея переброса вины на другого лежит в основе большевизма. Если мы сейчас даем оценку, перебрасывая на эти 15 лет всю вину за то, что происходит сейчас, мы сразу вступаем на почву большевистского типа.

М. Делягин. Подождите, значит, когда меня убивают, а я говорю, что это неправильно, я занимаюсь перебросом вины на другого?! Классно.

А. Кара-Мурза. Кто Вас убивает?

М. Делягин. Либералы.

А. Кара-Мурза. Когда?

М. Делягин. Все эти пятнадцать лет, и продолжают убивать сейчас, осуществляя свою экономическую политику.

В. Федотова, директор Центра методологии социального познания Института философии РАН, д-р филос. наук, профессор. Мне кажется, очень важный вопрос задал Вадим Межуев: «А почему наши либералы оказались такими?» Ответ состоит в том, что это были люди с тем же мышлением, что и те, кого они отвергали. В стране, где нет срединной культуры вообще, нет срединной политической культуры, только радикальный подход и мог возникнуть. Когда М. С. Горбачева спрашивали, почему он стал социал-демократом только теперь, а не прежде, он отвечает: «Потому что общество было сильно радикализированным, а теперь от радикализма все устали». Поэтому мне кажется, что наш «самопровозглашенный» либерализм явился не просто антитезой социализма, но его перевернутой копией. Если социализм строили как антикапитализм, то капитализм стали понимать как антисоциализм, и с той же яростью, с какой большевики строили социализм, «либералы» стали строить капитализм. Мне кажется, что эта форма либерализма без справедливости, как он был назван И. Клямкиным, родилась не только из-за тяжелого для либерализации культурного поля, но и из-за иллюзий, сходных с теми, которые были у большевиков. Иногда кажется, что дело в людях. Ведь кто хотел коммунизма? Самые справедливые, самые честные, самые идеалистичные. А кто победил? Самые завистливые. Кто хотел либерализма? Да мы хотели, мы на кухнях говорили о либерализме, да только не о рын-

ке мы говорили, а о демократии. А кто победил? Победили жадные. Не рациональный экономический интерес, а жадность. Были созданы условия, неадекватные либеральному проекту. Как говорят, приватизация без законов — это приглашение к гангстеризму. Наши «либералы» мало отличаются по методам от большевиков.

Вот недавно М. Голдман в своей книжке о пиратстве русского бизнеса показал, как на заре перемен Фридман мыл стекла, Смоленский тайно печатал Библию для продажи, Чубайс, кажется, продавал цветы... Там о многих написано, кто потом, объединившись, предложили Ельцину сделку: сделать их олигархами, хозяевами отечественной индустрии в обмен на помощь на выборах и блокирование коммунистических настроений в рабочей среде на своих будущих предприятиях. А я подумала: «А где мне взять такую жадность?» Все ведь происходило из жадности. И это совершенно не вписывается в либеральный подход. Горбачев говорил, что нам нужна свобода, чтобы перейти к рынку, — это понятно, поскольку он говорил об этом в условиях дефицита, когда ничего не было. Но когда им нужна была свобода для рынка, это было уже непонятно, потому что нам нужна была свобода не для рынка, нам нужна была свобода для всего. И это привело к тому, что ельцинский режим я оцениваю как анархический порядок, в котором отсутствовали центральная власть, институты, способные воздействовать на общество, и коллективные представления. К этой общей формуле анархии добавлялись два российских компонента: один хороший, по Кропоткину — самопомощь и кооперация, а другой ужасающий, плоды которого мы видим сейчас, — это разрыв с чуждой интеллигентской культурой, прямо по Бакунину, говорившему, что подлинная революция состоит в этом разрыве. Мы оказались теперь живущими в перевернутом обществе, где пэтэушник, низкообразованный человек имеет большие доходы, а интеллигенция находится совсем не в учителях нации, не в ее духовных лидерах, не среди тех людей, которые заслуживают одобрения как материально процветающие, поскольку она не процветает. Это был антибольшевистский большевистский вариант, который потому и не получился, что он был большевистский. Я бы не стала от Петра I вести эту линию и сравнивать с традиционализмом, потому что есть, конечно, корни у такого поведения, но эти корни были основаны еще на жадности и пренебрежении демократией.

Меня очень волнует вопрос, который поднял Алексей Кара-Мурза: а зачем мы об этом говорим, лежащих не бьют, СПС с «Яблоком» ушли, мы сами о них уже давно написали все, что мы думали. Почему мы к этому обращаемся, история это или актуальное состояние? Я думаю, мы обращаемся к истории, потому что она актуальна. А чем она актуальна? Все-таки на вопрос «Кто вы, мистер Путин?» ответ не дан.

Путин говорит о себе как о либерале, но он говорит Горбачеву, что мы — страна, безусловно, социал-демократии. Он говорит о себе как о патриоте, и его знаменитые фразы «Кто Россию обидит, тот три дня не проживет» и «мочить в сортире» нашли отклик в народе. Сегодня мы говорим о якобы существующем противоречии в правительстве между «силовиками» и «либералами», а в каком направлении будут действовать силовики? Может быть, мы строим иллюзии, думая, что силовики нужны для того, чтобы ограничить либерализм, а либералы нужны для того, чтобы ограничить силовиков, а, может, наоборот? Может быть, силовики нужны для того, чтобы поддержать либералов, Грефа и Кудрина? Потому что проекты идут кошмарные: уже начались выселения людей из квартир. Решается ли жилищно-коммунальная проблема с помощью таких мероприятий, когда 50% жилья изношено? В Америке она решалась после войны с помощью государственных программ. Я была рада, что В. П. Лукин объявил, что он видит свою цель защиты прав человека как обеспечение соблюдения статьи 7 Конституции, гласящей, что Россия — социальное государство. Статью эту трактуют самым причудливым образом, но только не так, как понимается социальное государство: трактуют субсидиарно, как государство, обязанное оказывать материальную помощь и т. д. Государство, конечно, обязано не обдирать свой народ. Но социальное государство — это особый социальный контракт между государством, работниками и работодателями, а не раздача денег.

Меня волнует то, что имя либералов и демократов присвоено теми, кто желает использовать власть для обогащения — выкупить леса, университеты, продолжить грабительскую приватизацию, ободрать народ, лишить его доступа к образованию. Знаменитая триада доступности образования, его эффективности и качества — это всего лишь путаница принципов. Как показал М. Сапунов, доступность — тезис социал-демократов, эффективность — либералов, а качество — консерваторов. Это слова, за которыми со ссылкой на Болонский процесс уже начинает делаться нечто прямо ему противоположное, как прямо противоположное либерализму творится под его флагом. Жилье, образование, территория России, демографические процессы находятся под ударом.

Если прежде, в ельцинский период, те, кто объявил себя либералами, пришли к социальному контракту «делайте, что хотите, но голодуйте “за”», и значительная часть активных людей согласилась с этим контрактом, если в последующий период, в первый срок правления Путина население чувствовало, что им не управляют, его не эксплуатируют, а, скорее, игнорируют, как заметил один американский наблюдатель, то сегодня, я думаю, его не станут игнорировать, а начнут эксплуатировать. И это будет проходить под флагом либеральной пе-

рестройки. Я боюсь, что либерализм извлечет не те уроки, которые он мог извлечь бы из поражения либералов волны СПС и «Яблока». Он окажется гораздо более жестким для населения (второй вариант шоковой терапии). И мимикрия либерализма, которая происходит, окажется мало меняющей его сущность, а сохранит его отношение к стране как к чужой, к населению как безразличному ему.

В 2000 году в «Независимой газете» была опубликована моя статья «Маятник Путина», где показано, что В. В. Путин, в сравнении с Ельциным, отсек крайне правый фланг, захватил часть левого фланга, расширил социальную базу режима, и со мной, мне кажется, соглашались все те, кто обсуждал первый год правления. Александр Ципко говорил, что президент преодолел синдром угнетенного национального сознания, другие говорили, что он расширил социальную базу. Мне казалось, что его политика, подобно ордолиберализму, может быть двухполюсной, или, если сравнивать с сегодняшним Западом, одновременно воплощающей две партии — республиканскую и демократическую. На одной стороне — социальные программы, на другой — либеральные проекты, которые взаимно корректируют друг друга. Если это возможно, если это случится, поскольку Путин для меня — набор возможностей, то возникнет ситуация, на которую я смотрю с надеждой. Но сейчас происходит перехват лозунгов. Я видела в Испании по телевидению трансляцию из России с собрания потерпевших поражение правых сил, которые оплакивали свое поражение, винили общество, не признавали своей вины. И в это время является Чубайс с охраной, журналистов выгоняют, он заходит в аудиторию, а дальше уже не по трансляции, а по окончании собрания стало известно, что Чубайс сказал, что с этого дня правые будут говорить «патриотизм», «соборность», «народность» и «империя». И вы знаете — ведь говорят! И если Милуков отличается от Гайдара тем, что он был патриотом и имел проекты, которые были связаны с его представлением о возможном будущем России, то изменится ли либерализм, если он это будет говорить в качестве мимикрии, в качестве ответа на общественный запрос? Я сомневаюсь.

Мне кажется, что преобразования скорее могут идти со стороны бизнеса. Тут призывали не говорить о письме М. Ходорковского, но я была еще до него на одном собрании, где влиятельный представитель бизнеса А. Л. Погорельский обсуждал программу организованного им Фонда реальных дел «Траектория будущего», в которой предлагалось повернуться лицом к стране, покаяться и поделиться. Я думала, почему они это делают. Протестантская этика, легшая в основу капитализма, возникла, как известно, из желания протестантской секты спастись перед лицом Бога. Поэтому самоограничения — переход от жадности к экономическому интересу, т. е. к рациональным отноше-

ниям с обществом, — были сделаны этой сектой совершенно намеренно как путь к спасению. Проект А. Л. Погорельского, а сегодня и М. Ходорковского — это тоже попытка спасения российского бизнеса перед лицом государства, общества и перед возможностью бунтов со стороны масс, подобно тому как протестанты хотели спастись перед Богом. Бизнесмены начинают понимать социальную ответственность, их толкает к этому жизнь. Но идеологи, которые никогда не чувствовали ответственности за свои проекты, мне кажутся не способными к преобразованиям. Вспомним книгу Коха, который говорил, что Россия — «нереформируемая страна». Я отвечала ему через «Независимую газету»: «Вы когда это поняли? Когда начали реформу или когда вы ее завалили». Возьмем, к примеру, Турцию — Атаатюрк, кстати, признан человеком века, — она была более реформируемая страна?! Она казалась абсолютно нереформируемой страной, но Атаатюрк нашел путь ее реформирования. Если вы беретесь за реформу, вы должны знать, какое население в этой стране, и строить проект реформ, адекватный сознанию населения, а не такой, который бы делал все население посторонним.

У нас в предшествующий либеральный период, более точно — в ельцинский, была абсолютизирована культура участия. Известная и давно вышедшая книга Олмонда и Вербы о политической культуре показывает, что в любом демократическом обществе есть баланс трех культур: культуры приходской, не вычленяющей политический аспект, культуры подданической, лояльной власти, и культуры участия. Сейчас у нас культуры участия нет. Высокий рейтинг президента — это просто доминанта подданической культуры, которая ни о чем не говорит в плане успехов власти. А культура участия замыкается, мы сами подвергаем себя цензуре, мы сами начинаем думать, что участие невозможно. Поэтому мне кажется, что либеральный проект не преобразуем в России и не может оказаться успешным проектом, он может быть успешным или при внутреннем разделении задач на социальные и либеральные, как если бы это были две партии, или, может быть, при открытом переходе к социал-демократии, хотя у нас социал-демократические силы разобщены и слабы.

Я хотела бы сказать, что П. Штомпка, известный социолог, поляк по происхождению, написал две статьи о посткоммунистической травме. Он показал, что поляки в большинстве своем ненавидели коммунизм. Но они испытали сильную травму после распада коммунизма. И для преодоления этой травмы, хотя бы частичного, им потребовалось 10 лет. Я считаю, что вина тех, кто называл и называет себя в России либералами, состоит в том, что в стране, где любили коммунизм, несмотря на все его недостатки, они не учли тяжести перехода к новой ситуации и пытались провести ускоренную рекульту-

ризацию на основе политических и, главным образом, экономических изменений, которые сами по себе нуждаются в совершенствовании и не отвечают нормам демократии и рынка. Я поддерживаю Михаила Делягина во всем, кроме одного пункта. Я не вижу этой глобальной конкуренции. Проект мелкого бизнеса Хакамады не является глобально конкурирующим. Мелкий бизнес не участвует в глобальной конкуренции. Что касается сырьевых дел, то если Россия перестанет производить нефть, то ее произведут Венесуэла или Саудовская Аравия в гораздо большем количестве. Сегодня символом участия в глобальном рынке является уникальный продукт — высокотехнологический или природный. Поэтому нашим бизнесом была проявлена забота не о глобальной конкуренции, а о продаваемости товара для набивания своих карманов. И в этом смысле, мне кажется, наша дискуссия более, чем актуальна.

А. Пионтковский, политолог. В качестве комментария к вашей аналогии с Польшей я добавил бы, что Польша с падением коммунизма пережила национальное возрождение, а Россия в значительной степени — национальное унижение, связанное с потерей империи. И, кстати, в Польше политический водораздел прошел не по классической линии — левые и либералы, а модернизаторы (левые и либералы вместе), с одной стороны, и две партии консервативно-ностальгические — крестьянская партия Самообороны и Католическая лига семей — с другой.

Мне кажется, нам нужно определиться с понятиями, о каком либерализме мы говорим. И это не только требование академической точности, но и абсолютно необходимое требование нашей политической жизни сегодня. На мой взгляд, реальная власть в стране, власть Путина и Чубайса, готовит новый, чрезвычайно опасный для будущего страны проект. Многие здесь уже называли его неолиберальным проектом, но мне кажется, что это неточное определение. Я, прежде всего, разделю бы либерализм политический и либерализм экономический. Это совершенно разные и совершенно некоррелируемые друг с другом понятия. Я назову вам сейчас несколько современных политиков, просто такой ряд, который приходит в голову: Анатолий Чубайс, Пак Чжон Хи, Владимир Путин, Аугусто Пиночет. Все эти деятели являются убежденными сторонниками крайнего экономического либерализма, который заключается в максимальном уходе государства из экономики, снятии социального бремени с государства и создании условий для конкурентной игры свободных сил. Но все эти деятели являются принципиальными и убежденными противниками политической свободы, включая и того же Анатолия Чубайса, потому что всегда, когда стоял выбор между идеями экономического либерализма и политической свободы, СПС делал выбор против сво-

боды — и в 93-м, и в 96-м, и в классическом показательном варианте удушения НТВ, когда никто, ни гэбэшные, ни прокурорские, насылаемые Путиным, не смогли покончить с оппозиционным каналом, пока этого не сделала зондеркоманда под руководством Чубайса-Коха. Кстати, что мы сегодня обсуждаем? Если мы обсуждаем тексты Коха, то достаточно просто назвать его мерзавцем и на этом закончить, по-моему.

Как я понимаю либерализм политический? Как тот комплекс идей и институтов, который очень медленно, противоречиво, но в направлении одного вектора развивается в Европе и европейском сознании, начиная с Хартии вольности и до сегодняшней европейской конституции. Это, конечно, выборы законодательной и исполнительной власти, но даже более важным в этом комплексе идей является Билль о правах, право неприкосновенности личности, право меньшинства, которое не может отменить даже взбесившееся вдруг электоральное большинство. Электоральное большинство может выбрать Гитлера рейхсканцлером. Политический либерализм — возможность свободно критиковать руководство страны, и не только на круглом столе в «Литературной газете» и в статьях в «Новой газете», но и на основных федеральных каналах телевидения, которые единственные являются инструментом влияния на массовое политическое сознание. Политический либерализм означает, что вас не будут бить и насиловать в полицейском участке, что вас не повесят, когда вы служите в армии, что вы можете отказаться давать показания без адвоката, означает независимость суда и массу других, всем нам понятных вещей. И мне непонятно, почему это иногда называется «зловредным изобретением Запада» с целью облегчить ему конкуренцию с колониальными народами. И я не вижу противоречия — являются ли права человека и свобода самоцелью или инструментом. И тем, и другим! Конечно, они самоценны для любой человеческой личности, однако часто популярна точка зрения «давайте ими пожертвуем ради социальной справедливости, ради державности, ради стабильности». Но весь опыт нашего российского государства показывает, что дважды оно взорвалось именно из-за отсутствия свободы, из-за угарного воздуха несвободы: и царская империя, и советская. И в обеих этих ипостасях российской власти абсолютно не было ни социальной справедливости и, как мы видим, не было стабильности, потому что они взорвались именно так, как это произошло последний раз на наших глазах.

Теперь — что же такое экономический либерализм. Это довольно узкое течение в западной экономической мысли. Оно никогда не было мировоззрением, постоянно господствующим в какой-либо из стран. В отдельные исторические периоды оно реализовывалось в том

же Чили, во времена Тэтчер в Англии, но потом сменялось неолейбористским циклом, так же как в США и т. д. Наши экономические реформы проводились под знаком этого крайнего экономического либерализма под руководством СПС. Но я хотел бы здесь уточнить одно важное историческое обстоятельство: все-таки центральная ответственность лежит не на лидерах СПС, хотя они сами любят говорить, что все, что было сделано за 10 лет, — это все замечательно и мы за это отвечаем и все нас должны благодарить. Я читал последнюю статью Александра Ципко, которая вызвала бурное обсуждение, и не согласен с той концепцией, что группа людей, которых можно назвать условно демократами, либералами, была движущей силой всех перемен, происходивших в России с 1985 до 1995 года. У меня принципиально другой взгляд на эту проблему. Мне кажется, что движущей силой перемен была партийно-гэбистская номенклатура, которая сознательно осуществляла проект конвертации своей абсолютной политической власти в громадную экономическую власть отдельных ее выдающихся представителей. Достаточно посмотреть список богатейших людей России. Кстати, если присмотреться к биографиям наших так называемых олигархов, они тоже не *self-made-man*'ы, каждый создал свое состояние в сделке с номенклатурой. Тот же Ходорковский, тот же Потанин были партийными назначенцами по комсомольской линии и т. д. Иначе бы всех этих демократов и либералов, о которых ты, Саша, пишешь, прихлопнули бы мгновенно, вместе, кстати, с ответственным работником ЦК Александром Сергеевичем Ципко, который писал блестящие антимарксистские статьи. Номенклатура шла сознательно на этот проект и в значительной степени использовала приверженцев концепции экономического либерализма.

Меня тревожит, что под флагом отрицания той модели капитализма, который построен в нашей стране за 10–15 лет, выбрасываются все ценности политического либерализма. Мне кажется, что это идет только на руку властвующей группы. В нашем вопроснике есть такой вопрос: «Насколько реально появление нового, национально ориентированного российского либерализма?» Если говорить об этих политических ценностях, то это элементарная политическая гигиена, почему должно быть национально ориентировано мытье рук или чистка зубов? У нас был и есть национально ориентированный большевик Эдичка Лимонов. Помните, он бегал по городу с лозунгом «Сталин—Берия—ГУЛАГ»? Бегал до того времени, пока сам не попал в этот ГУЛАГ. Все, что он говорит после этого, — блестящие правозащитные тексты о том, как современное ФСБ является наследником традиций КГБ, и о том, как важно защищать политические свободы.

Я перехожу к последнему вопросу: «В каких отношениях с российскими либералами и либерализмом находится президент Владимир

Путин?». В самых худших. Он является ярким поклонником концепции экономического либерализма. Какие реформы предлагаются сейчас? Никакой Ельцин, никакие реформаторы никогда бы на это не отважились в 90-е годы. Это полная ликвидация остатков бесплатного образования и здравоохранения; это стопроцентная оплата за жилье; это принудительное повышение пенсионного возраста до 65 лет в стране, где средний возраст мужчины — 58 лет; это совершенно оголтелая концепция крайнего экономического либерализма. И, конечно, полное отрицание политического либерализма вместе с проповедованием экономического. Кстати, такая комбинация не случайна, и это показала эволюция Союза правых сил, потому что концепцию экономического либерализма можно реализовывать только в условиях политической несвободы. Между ними отрицательная связь с коэффициентом корреляции «минус один», она совершенно естественна.

Мифом является затронутый сегодня вопрос о наличии двух конкурирующих идеологических групп в окружении Путина, так называемых либералов и силовиков. Да нет там никакой идеологической борьбы, там полное моральное и политическое единство руководства. Кто такие либералы? Кудрин, Греф, Чубайс, которые всегда мечтали о русском Пиночете, который железной рукой поведёт страну по пути «экономических реформ»?

М. Делягин. Это не идеологическая борьба, а борьба за доступ к телу...

А. Пионтковский. Да, конечно, и за доступ к финансовым потокам. А кто такие силовики? Это что люди, выступающие против частной собственности? Да нет, конечно, это очень обеспеченные люди. Вся их борьба с олигархами — это бунт долларовых миллионеров против долларовых миллиардеров. Они новую концепцию Путина будут осуществлять железной рукой. Я обращаю ваше внимание, коллеги, что, борясь с фантомами либерализма, мы упускаем из виду, что то, что происходит сейчас, это торжество самой циничной, самой жадной, самой социально безответственной бюрократии.

С 1985 года партийно-гэбистская номенклатура реализовывала свой бюрократический проект. Чего они достигли в результате этого цикла? Первое: они снова вернулись к той же концентрации абсолютной политической власти, которая была у них 20 лет назад. Второе: громадные личные состояния и абсолютно другой стиль жизни, которого они тогда не могли даже вообразить. Третье: абсолютная социальная безответственность. Их уже тогда тошнило от необходимости говорить: «Цель нашей жизни — счастье простых людей». И последнее достижение, которое мы им помогаем сделать: перенос всей ответственности за уничтожение и разграбление страны на либеральный лагерь и либералов и уход от этой ответственности.

И несколько слов по поводу выступления Михаила Делягина, ко всем выступлениям и статьям которого я отношусь с громадным интересом и уважением. Во всем Вашем пафосе, Михаил Геннадиевич, обличающем нашу сегодняшнюю экономическую и политическую реальность, к которому я полностью присоединяюсь, нет ни одного тезиса, который Григорий Явлинский и «Яблоко» не повторяли бы, как минимум, последние 12 лет. И поэтому мне кажется, что когда вы ставите через запятую «Яблоко» и СПС, в вас говорит не столько эксперт, сколько практикующий политик.

А. Ципко. Андрей Андреевич, я хочу оспорить Ваш тезис о том, что партийно-гэбистская номенклатура организовала перестройку как бюрократический проект. Нельзя не принимать во внимание, что подавляющая, основная часть партийного и государственного аппарата не хотела перемен, была к ним настроена крайне критически. Группа Горбачева, Яковлева и Медведева была, по сути, в изоляции. Александра Яковлева, как либерала и демократа, просто ненавидели. В сентябре 1988 года все было готово к тому, чтобы отправить Горбачева в отставку. И только чудо спасло его. Он был в Красноярском крае, ему позвонил Вадим Медведев, и Горбачев успел подавить заговор в зародыше. И тогда сняли Соломенцева и Чебрикова, провели чистку в ЦК и т. д. Нельзя отождествлять психологию советского аппаратчика с психологией олигархов. Советский аппаратчик в основном был рад тому, что у него есть. У него не было той жадности, о которой говорила Валентина Федотова, и которая породила современный капитализм. Другое дело, что какая-то часть аппарата, и прежде всего на местах, сумела с выгодой для себя использовать эпоху приватизации. Перестройку, как и все революции, совершали романтики, а ее благами воспользовались совсем другие люди. Но никто, как я знаю, не вынашивал планы изменения режима, отказа от цензуры, а тем самым приватизации. Это — первое.

Второе — по поводу перемен в Польше и России. Есть качественная разница между переменами в одной и другой стране. Они вызваны не только тем, что там страна сохранилась, а у нас распалась. Страна во многом распалась не только благодаря кризису самой системы, но и благодаря особому типу интеллигенции, которая сознательно этого добивалась. Разница состоит в том, что в Польше субъектом перемен были люди, обладающие национальным сознанием, а у нас субъектом перемен были борцы с «империей». Польская интеллигенция очень либеральная, очень свободолюбивая, кстати, независимо от этнического происхождения, но вся без исключения вовлечена в польскую историю, для нее доминанта — не свобода сама по себе, а свобода независимой Польши, сохранение национальной традиции. Потом они раскололись на клерикальную интеллигенцию и антикле-

рикальную. Это была уже во многом западная игра, когда надо было Квасьяневского привести к власти, и Запад это хорошо отыграл. Но там для людей очень важна проблема достоинства государства и в этом смысле — державности. Смотрите, как они работают по отношению к Украине: тратят громадные деньги. Хотят спустя триста пятьдесят лет вернуть Украину в сферу польского влияния. Вот вам пример страны, которая чтит, уважает свое историческое прошлое. Я согласен с тобой, Андрей, что речь идет об элементарных правах человека и личности, и мы в порыве борьбы с людьми, называющими себя либералами, можем допустить страшную ошибку, мы можем подорвать ту структуру ценностей и мотивов, которая важна для сохранения страны как нормальной страны. И до тех пор, пока у нас не появится такая элита, которая будет напоминать польскую, у нас в стране вряд ли что-то положительное произойдет.

А. Пионтковский. По поводу второй части у нас нет с Александром Сергеевичем предмета для дискуссии, а по поводу первой — конечно, я имею в виду не заговор Горбачева, Ципко и Бикенина, в какой-то степени вы были так же использованы, как и миллионы людей, ходивших на демонстрации. Вас поэтому и не свергли в 1988 году, так как значительную часть номенклатуры движение в эту сторону устраивало. И первые шаги к сегодняшней модели рыночной экономики были сделаны задолго до чубайсовской приватизации. Это и Закон о хозяйственной деятельности предприятий, который сделал всех директоров собственниками, освобождая их от всякой ответственности и по отношению к обществу, и по отношению к своим работникам; это и секретная инструкция Политбюро о коммерческой деятельности партии. Тогда и образовывались миллионные состояния, в основном через наши загранбанки и при активном участии тех же сослуживцев Владимира Владимировича.

А. Уткин, директор Центра международных исследований, д-р ист. наук, профессор. Успех либерализма при становлении новой, постсоветской России (да и всех пятнадцати новых государств), возможно, был бы реален при реализации, как минимум, двух условий: правящая элита имеет план развития своей страны; население готово пойти на жертвы, ожидая от реализации новых социально-экономических идей улучшения жизни и приобщения к мировому сообществу. Даже самые большие среди западных оптимистов указывают, что реализация либерализма на суверенном пути идет в постсоветских странах с огромным трудом в свете противоречий в элитах и усталости обнищавшего (и во многом деморализованного) населения. Даже там, где, казалось, дело пойдет быстрее — в государствах Балтии — элита занята вовсе не конструктивными задачами реализации либерального проекта, а более заземленными или отдаленными: а) дележом земли и

жилого фонда; б) упованиями на решение всех проблем при вступлении в Европейский Союз и НАТО. Остальным 12 странам, лишившимся рынка соседей и кооперации друг с другом, при подходе к осуществлению либеральных ценностей не на кого уповать. До сих пор возможность приближения к западным стандартам связывалась в незападных странах с государственной мобилизацией ресурсов. Достижение западных идеалов и показателей на пути первородного хаоса является абсурдом, обреченность которого поняли все соседи (и жертвы) Запада от царьков инков до Кемаля Ататюрка.

Пожалуй, впервые американские специалисты с определенностью говорят фактически о крахе либерализма в России, о том, что «после-советское пространство для большинства обычных людей представляет собой один шаг вперед и два шага назад. Крушение советской империи ничем не напоминало заморскую колонизацию. Экономическая взаимозависимость была очень эффективной, и ее исчезновение означало фактическое уничтожение жизненно важных связей между поставщиками и потребителями, оказавшимися расположенными в иностранных государствах. Повсюду в бывшем Советском Союзе мы видим ужасающие контролируемые системы государств-паразитов, государств-пигмеев, государств, занимающихся рэккетом, во главе которых стоят организованные банды. Мы видим лагеря огромных масс беженцев, разгул теневой экономики». Это говорят западные либералы, обращающиеся к анализу российской ситуации.

Грустный вывод о крахе российского либерализма, явственный и без статьи Ходорковского, неизбежен. Мы просим быть верно понятыми. Трущобы и развалины можно увидеть повсюду в мире, но не везде причиной образования этих трущоб называют «реформы», не везде ужасающие жизненные условия являются *результатом* либеральных реформ.

Сегодня даже самые большие идеологи либерализма (скажем, йельский профессор Доминик Ливен) исходят из той безусловной для них аксиомы полного краха либерализма в современной России. Ливен твердо и определенно утверждает, что если президенту Путину не удастся на основе своей огромной (пока) популярности осуществить хотя бы некоторый прогресс, если Москва и Петербург останутся островами «среднего класса» в нищей стране, если преобразования завершатся пиром плутократии, прежний социалистический мир усилиями либералов просто выстроится в хвосте третьего мира, со все более нехорошей завистью взирая на процветающий «золотой миллиард» соседнего Запада.

Я хотел бы ответить на вопросы программы нашего семинара.

Я историк и был на той же кафедре, где работал когда-то Милюков. Павел Николаевич Милюков стоял жестко за конституционную

монархию. Он категорически отрицал республику в России, и ушел в мае 1917-го, как только Украина объявила себя республикой. Милюков и русские либералы были возможны как явление только лишь при сильной власти. *Между П. Милюковым и Е. Гайдаром та разница*, что *первый* был последовательным сторонником конституционной монархии и патриотом, сторонником территориальной целостности своей страны и выразителем классического либерализма как реализации свободы личности ради мобилизации ее здравого смысла и патриотической традиционности. *Второй* всемерно укреплял прежний строй и выступил на политическую арену как ренегат. Его либерализм свелся к отрицанию возможностей плановой экономики и вере в «невидимую руку рынка», к очевидному социальному регрессу экономических джунглей и безусловной утрате исторической преемственности, к наивной вере в западные рецепты и к менее наивной надежде использовать образовавшийся хаос в собственных политических целях. Судьба Милюкова трагична, и он осознал этот трагизм в мае 1917 года, через три месяца после прихода к власти; судьба Е. Гайдара трагикомична в свете лояльности нажившимся (политически, экономически) вождям России 1990-х годов.

Общее между ними — стремление реформировать прежнюю власть. Главное различие в том, что для Милюкова безразличный к судьбам русского государства Гайдар, желающий передать бразды правления и национальную экономику волкам самореализации и эгоизма, никогда бы и в страшном сне не предстал бы *либералом*, пекущимся о своем народе. Для Милюкова, ориентировавшегося на лорда Гладстона, Асквита, Гамбетту, Пуанкаре, Клемансо, Бриана, ориентация на консервативных радикалов была немыслима. Для Е. Гайдара, видевшего последнее слово в «чикагской школе», в Рейгане и Тэтчер, в М. Фридмане, ориентация на национально мыслящих, не приемлющих «животворный хаос» гуманистов современности была наивностью и регрессом.

Преобладание радикального либерализма тоже имеет свои причины. Характер русско-советского либерализма сложился под воздействием двух обстоятельств, внешнего и внутреннего. *Внешним* было давление государственного аппарата периода насильственной модернизации, жесткой внутренней регламентации и ГУЛАГа. Это обстоятельство предопределило органический антикоммунизм ушедшей в метафорическое и буквальное подполье интеллигенции, в продолжение исконных традиций недоверия к властям, борьбы с ними, закрепления психологии подполья. Бессильная ярость многих десятков лет молчания 20–70-х годов заставила русских либералов (как прежде ее предшественников в царской России) дать «Ганнибалу» клятву» неприятия тупого государственного насилия, неприятия коммунизма и борьбы с

ним. Отсутствие шансов на допуск к национальной сцене, ограничение пользования печатным станком, фактическое неучастие в определении судьбы народа — не могли не вызвать пароксизм отчаянной неприязни к партократии. Однако не на истовых коммунистов обрушился гнев либералов в тот день, когда ослабили запреты. Что толку в ненависти к амебообразным коммунистам 80-х годов? Истовые уже ушли естественной дорогой. Единственным оправданием обладания властью коммунистами, потерявшими революционность, стал патриотизм. Драмой поколения стало то, что праведный гнев российских либералов обрушился именно на это главное самооправдание однопартийной диктатуры — на патриотизм.

Второе — *внутреннее* — обстоятельство проистекало из черт мученичества, внутреннего чувства обиды в свете нереализации таланта, нежелание вести серое существование. Беспросветность вела к ожиданию шанса, случая, которым следовало воспользоваться в полной мере. Нечто новое для прежде стоически настроенных либералов — готовность к авантюре (оборотная сторона страха прозябания). Они стремились сделать максимум того, что помешает возврату к прежней политической системе. Отсюда бал стали править истовые либералы.

Демократизация СССР превратилась в свертывание государственности. Императив выходящего из-под глыб исторических потрясений российского либерализма звучал достаточно невинно: мы, Россия, должны стать н о р м а л ь н о й страной. Удивительно, что никто ни в те годы, ни потом, и не пытался определить критерии нормальности, задаться вопросом, почему нормальной в представлении культурно-евроцентричных шестидесятников считалась социальная практика счастливой десятой части мира — Северной Атлантики, а не девяти десятых, находящихся либо в процессе догоняющей Запад модернизации, либо погрязших в национализме и трайбализме. Удивителен и неповторим тот пафос, который придавался слову «нормальный» (синониму — «идущий вровень с Западом, разделяющий его стандарты, уровень жизни и достоинства демократического общества»), как единственно достойному человеческого существования. Словно девять десятых населения Земли сознательно и по своему вольному выбору жили «ненормальной» жизнью, словно подъем Запада в XVI веке и его неудержимый прогресс на протяжении пяти столетий был не уникальным чудом, а делом свободного выбора.

Правомочно спросить либералов — ревнителей «нормальности», не была ли нормальной жизнь большинства их соотечественников, если последний массовый — в масштабах нации — голод отстоял еще сравнительно недалеко (1944 год), если в течение жизни всего лишь одного поколения две трети страны стали жить отдельно от скотины, пользоваться проточной водой, вакцинацией избегать эпидемий,

впервые в своей истории получили гарантию жизнедеятельности — своей и грядущих поколений. Эти шаги к нормальности вовсе не гарантировали уровень Запада. Интеллектуальным убожеством веяло от фатовского выбора в качестве ориентира «нормальности» абсолютно уникального опыта США, Швеции, Швейцарии или Германии.

Видя *нормальность* лишь в чужих краях, отогревшиеся от ночного ужаса либералы сумели сделать удивительное — потерять нить исторического развития собственной страны. Соревнование в обличении собственной национальной ненормальности вело только к бездумному отказу от самоуважения. *В конце концов, России ли, единственной устоявшей перед натиском Запада незападной страны, следовало смущаться своей феноменальной и героической истории. Словно сумма исторических и ментальных особенностей не составляла историко-цивилизационную основу того, что обуславливало жизнь на «одной шестой». И жизнь впервые достойную, самостоятельную, идущую вровень с передовой наукой (нобелевские премии 1960-х годов), победившую на всех (со своим участием) Олимпиадах, поражающую в балете, шахматах и хоккее.* Тезис о нормальности стал могущественным орудием либерализма. На уровне национального сознания стало едва ли не преступлением говорить, что Россия не скоро еще по уровню жизни будет равной начавшей якобы с той же стартовой полосы Финляндии, что нельзя смотреть лишь на счастливые (по стечению исторических обстоятельств) исключения, что феномен Запада в определенном смысле неимитируем.

Форсированное движение гайдаровских либералов к «нормальности» требовало определения ненормальности, и таковой стало считаться все незападное — смешное и грустное утрирование (как нового) вопроса, фатально стоявшего перед Россией со времен Аристотеля Фиораванти. Словно не было жестокой полемики и практики решения этого вопроса со времен Лжедмитрия, Петра, славянофилов, западников и пр. Требование «сейчас и немедленно стать нормальными» лучше всего выразил двумя столетиями ранее генерал Салтыков, заявивший, что дело лишь в том, чтобы «надеть вместо кафтанов камзолы». Последовали отказ видеть в модернизации крупнейшую проблему человечества (и России, в частности), фетишизация иной цивилизации, подмена тяжелейшей проблемы модернизационной рекультивации легким выбором «умный — глупый», беспардонная примитивизация процесса обсуждения главных общественных вопросов — от демократии до экономической политики. Заметим, это был не временный фетиш, то было кредо: «нормальность» вместо критического анализа и исторического чутья. Жрецы нормальности безжалостно крушили «административно-командную систему» и совершенно серьезно, прилюдно, печатно, массово требо-

вали немедленной денационализации и дефедерализации, что на практике обернулось дестабилизацией и деградацией. (Не говоря уже о том, что столь легкое определение «нормы», жестоко ломающее ментальный, психологический стереотип огромного народа, неизбежно таило в себе автохтонную реакцию.)

Один из центральных вопросов состоит в том, почему Россия подержала поражение либералов? Ввиду общенационального смятения. По сознанию не имеющего политического опыта российского населения прошли три «катка»:

1. Коммунизм — будущее мира. Индоктринация 70 лет.

2. Коммунизм — это ГУЛАГ плюс оболванивание всей страны (1986—1991).

3. Гайдаровский либерализм — это изболечение коммунизма как ширма для дележа прежней социалистической собственности (1992 — по настоящее время.)

В результате хаос в национальном сознании привел к грандиозной апатии населения, наивно выражающего сегодня доверие только к разумно выглядящему лидеру. Ужасен может быть следующий этап: народный вопль о справедливости, деморализация властных структур и бунт известного характера.

Разрыв между либерализмом и демократией в России закономерен.

Российские нетерпеливцы-либералы открыли национальную экономику перед напором экспорта, бросили национального слепца-производителя плыть к «тому берегу», заставили кровью и потом созданные заводы конкурировать с чемпионами, уже прошедшими капиталистический естественный отбор. В результате погубили половину индустрии и значительную часть сельского хозяйства, никак не способных противостоять мировым рекордсменам. Некогда основа первоначальной российской модернизации — текстильная промышленность лежит в руинах. Да, она исчезла в других индустриальных странах, но только тогда, когда центр силы национальной экономики прочно переместился в другие конкурентоспособные отрасли. Может быть где-то «овцы и ели людей» на первоначальной стадии развития капитализма, но все же не так как в Иваново или Комсомольске-на-Амуре 90-х годов. С джунглями трудно мириться, когда к этому вынуждают сложившиеся обстоятельства, но сознательно их создавать может только безответственность.

Замысел российских либералов свелся к тому, чтобы оставить национальных производителей на волю произвола. Время и порох были потрачены на манипуляции с валютой — убийство прежних сбережений, поиски соотношения рубля с долларом, битвы с инфляцией, искусственное поддержание национальной валюты за счет разбазаривания национальных резервов. Некоторым банкам это помогло,

национальной экономике — нет. Пресловутый монетаризм в российских условиях оказался абстрактным занятием. Хвост не вращает собакой. Экономика не может управляться валютными интервенциями.

Отсюда негативная реакция населения, народа: если либерализм 90-х равен демократии, то не надо ни того, ни другого. Это и сказалось в ходе выборов 2003 года в Государственную думу.

Способен ли российский либерал признавать свои ошибки? Императив, исповедовавшийся российским либерализмом завершающейся эпохи — вера в существование чего-то большего, чем здравый смысл. Недавние жрецы объективно-исторических законов попросту отказывались верить, что помимо серой действительности в обыденной реальности, именуемой жизнью, ничего нет. Крушение прежних надуманных схем либералов в данном случае ничему новых пророков не научило. Эта черта — родимое пятно российского либерализма. Когда 17 отроков были посланы в начале XVI века в лучшие университеты Запада, то никто из новоявленных студентов не удосужился приобщиться к неким прикладным, общепользным дисциплинам. Видимо, пресная проза жизни противна русской душе. Все 17 российских протоинтеллигентов-либералов избрали одну из двух дисциплин — алхимию или астрологию, чтобы добиться успеха одним ударом, овладеть корневыми законами мироздания, одним махом разрубить гордиев узел жизни, по особому компасу найти сразу верный ответ — вера в миг, удачу, случай, тайную тропу истории, а не в каждодневные планомерные усилия.

И в послесталинский период российский либерализм упорно искал универсальный (а не пресно-прозаический) ответ на загадки бытия, культурной отсталости, индустриального отставания, научной стагнации. С роковой неизбежностью ее внимание привлекли те из современных титанов западной мысли второй половины XX века, следование учению которых предположительно обещало максимально быстрое успешное переустройство общества. Разумеется, это — не новый путь. Напомним, что кумирами думающей России последовательно были Адам Смит, Вольтер, Дидро, Руссо, Кант, Фурье, Гегель, Сен-Симон, Фейербах, Прудон, Маркс (на его учении Россия задержалась с примечательной интенсивностью), Ницше, Фрейд. От алхимии и астрологии дело явно двигалось в сторону социально-экономических концепций. В годы Горбачева либералы демонстративно отринули марксизм и тут же, руководимые все той же неистребимой верой в последнее слово западной (в данном случае экономической) науки, обратилась к фетишу «свободного рынка». Именно рынок все расставит по своим местам. Рынок воздаст всем по заслугам, рынок вознаградит труд и умение, накажет нерадивого. Он сокрушит нелепое стремление центра контролировать все и вся, вызовет к жизни сон-

ную провинцию, сделает людей энергичными, превратит «винтики и колесики» в грюндеров и менеджеров.

Позволим себе следующее отступление. В западной экономической теории свободный рынок, старый добрый *laissez faire* периодически был то в загоне, то в фаворе. Певцы свободного рынка от Адама Смита до Милтона Фридмана не более знамениты, чем идеологи государственного вмешательства от Тюрго до Кейнса. В 60–70-е годы на Западе правил бал тезис об умеренно регулируемой дирижистской, социаль-орднунг типа полусоциалистической экономики. Но во времена президента Рейгана вперед вышли идеи «освобождения» рынка от чрезмерной опеки, и Чикагская школа стала авангардом западной экономической мысли. Нужно ли напоминать, что именно российский либерализм, стремясь не отстать, первым в мире перевел «Капитал» Маркса. Он же первым уверовал в созданную для западного мира теорию высвобождения рыночных сил, в Милтона Фридмана (имевшего интеллектуальное мужество специально указать на неприложимость его теории к российской действительности. Напрасные старания).

Именно эта теория была взята на вооружение нашим либерализмом в стране монопольных производителей, в стране, экономике которой требуются дисциплина, контролируемое взаимодействие и порядок, а не раскрепощение ради менеджеристских чудес чемпионов свободной конкуренции. Песня рынку как всеобщему справедливому уравнителю, как создателю творческого производства прозвучала в стране совершенно отличной от западной трудовой культуры. Гимн индивидуализму прозвучал в глубинно коллективистской стране, призыв копить и бороться за качество был оглашен на просторах, где основными производителями были мобилизованные поколение назад крестьяне и их дети, разумеется не имевшие ничего похожего на протестантскую этику индивида. В свете этого опыта надеяться на «признание ошибок» сложно.

Национально ориентированный либерализм возможен только в случае завершения дележа собственности и постановки государством задач национального подъема. Либералы стремятся приобщить Россию к моральным, идейным, материальным и стратегическим ценностям Запада, ввести ее в семью западных народов, присоединиться к «золотому миллиарду» наиболее развитых и процветающих стран Земли. В конкретной плоскости это означает стремление к членству в Североатлантическом союзе, стремление войти в Европейский Союз, стать членом Организации экономического сотрудничества и развития, обеспечить место в «большой восьмерке». Но Запад не видит России в своих рядах, что очень усложняет задачу либералов. Совет *стать средней державой* неосуществим по чистопси-

хологической причине, в свете действенного и жесткого факта: полтора миллиона жителей России органически *не согласны* с участью стать еще одной Бразилией. Несмотря на падение материального веса России, неадекватность ее ресурсов, пока невозможно имплантировать в национальное сознание готовность согласиться с *второстепенным* характером международной роли России, ее маргинальностью в мире глобализации, рынка, высоких технологий. Россия с удивительной силой тихо, но прочно таит глубинное несогласие с западным историческим анализом, с предрекаемой судьбой второстепенной державы.

Не случаен вопрос и о том, каково отношение Путина к либерализму.

Феномен популярности президента Путина возник на фоне маразма предшественника и явился олицетворением двух идей, выраженных молодым президентом в двух общепонятных афоризмах: «Кто Россию обидит, трех дней не проживет» и «При мне олигархов не будет». Эти две идеи — возрождение национального достоинства и социальной справедливости вознесли малоизвестного и малоопытного новичка на вершину народной популярности, что и сказалось на президентских выборах. Увы, ничто не вечно. Обе идеи изрядно потускнели. С одной страны, унижительная слабость страны вполне ощутима, с другой — олигархов стало больше и разрыв между 17 миллиардерами и мятущимися в поисках пригодной питьевой воды лишь увеличился. Ну а популярность, пресловутый рейтинг — вещь достаточно эфемерная. Керенский в июне 1917 года и Горбачев в 1987 году были исключительно популярны, что не помешало им бесследно исчезнуть с горизонта народной любви. Оба эти деятеля в решающий час не имели солидного партийного окружения, их «команда», их скамейка запасных были поразительно бедными. Но в этом отношении и президент Путин не выглядит сильным. В отличие от двух упомянутых лидеров Путин осознает фактор уязвимости и ищет противодействие в партийном строительстве. Поможет ли это ему?

Судя по тому, как идет современное партийное строительство — едва ли. Я видел карточку члена партии «Единая Россия» с микрочипом, который заставил обомлеть даже финского посла, прибывшего из страны «Нокии». Но и эта деталь в данном случае играет против наметившегося партийного вождя — ровно так, как именные часы, даруемые активистам партий Лужкова и Черномырдина, играли против их массовой поддержки. Массовой партийной мобилизации путинского большинства не произойдет по трем причинам:

1. Все десять веков исторического существования коренная, исконная, провинциальная, демократическая Россия видела в царе, генсеке, президенте защитника от бояр, обкомовских трутней и органов,

создающих крышу несправедливой приватизации. Четкое единение президента с унизированной и оскорбленной огромным народом властью не может быть популярным по определению.

2. Все великие и действенные движения исходили из ощущения, что страна находится на краю бездны. Оно так и есть на самом деле. Но потенциальный лидер общенародной партии — наш президент не понимает действенности, более того, обязательности чувства драмы, он работает, так сказать, в низком ключе — спокойным голосом, убеждая всех и всякого по телефону и по телевидению, что базово «все в порядке», что «улучшения налицо». От Библии до коммунистического манифеста партии создавались как реакция на глубокий кризис. И ныне, казалось бы все — уровень жизни, беда старшего поколения, обиженность армии и т. д. и т. п. — свидетельствует об этом. Но президент избирает демонстрацию самообладания, что ему и удастся (кроме, может быть, эпизода с «обрезанием»). И это, увы, работает против него. Если все идет по уже накатанной колее и в нужном направлении, то зачем этот партийный шум? Ради еще одного начальственного банкета?

3. Есть только две великие идеи, всего лишь две — но неистребимые. Это идея восстания против национального унижения и идея социальной справедливости — те две идеи, о которых Путин забыл. Любая партийная кампания будет мертворожденной изначально, если не ополчится на эти идеи, беспроигрышные в нашей стране. Если президент Путин желает попасть в историю не как «охранитель сомнительной приватизации конца XX века», а как восстановитель и реформатор государства, он просто обязан будет опереться на эти две идеи.

Он обязан будет — если не сегодня, то завтра — объявить (как совсем недавно сделал так симпатизирующий ему Берлускони в Италии) о чем-то вроде 125 проектах, которые преобразуют Россию и сделают ее привлекательной для колеблющихся соседей. Он просто обязан вспомнить совет Билла Клинтона: «Вам нужна программа общественных работ. Вам нужен Франклин Делано Рузвельт». Только тогда — и без всякого административного ресурса, который по сути своей контрпродуктивен — возникнет то, чего мы не видели со времен романтического демократизма: горящие глаза и добровольные беззаветные помощники, партия готовых идти на жертву, а не любующихся чиповым партбилетом. Только тогда либерализм получит новый шанс.

В. Федотова. Для настоящих либералов важнее всего ценность жизни людей. Но сказал ли хоть раз кто-то из либералов то, о чем кричат американские журналы: у нас смертность равна смертности страны, участвующей в мировой войне. Низкая рождаемость, как доказывают демографы, — это отголосок войны. Но 30% населения в

прошлом году родилось вне брака, огромное количество аборт, жуткие демографические процессы, которые связаны с экономической и нравственной ситуацией, а вот смертность — это состояние, которое связано не только с экономическими трудностями, но и с anomией, с отсутствием смысла жизни. Термин «аномия» ввел французский социолог Э. Дюркгейм для характеристики состояния, предшествующего самоубийству. У нас возникла аномия в масштабах общества. Кто сказал из либералов об этом? Нет у нас либералов по этому критерию.

Дальше: все время игра в проекты, укрупнение и разукрупнение территорий. Я опубликовала в «Свободной мысли» статью «Мобилизационный проект для России: население и территория», где идет разговор об укрупнении территорий. Что такое укрупнение? Это просто горизонталь запустения. В России, если нет чего-то центрального, все проваливается и лоббируется проект объединения Чукотки с Магаданом — готовое государство для Абрамовича. Это — и старт русскому сепаратизму, потому что Тюмень скажет, что у нее нефть, она не хочет жить в составе этой страны, Казацкий край вспомнит М. А. Шолохова и всю эту разногласию казаков по вопросу «с Россией или нет». Эти проекты — просто антинациональные, в их основу заложено презрение к русской жизни, к русскому городу. Я выступала против проекта С. Кириенко и П. Шедровицкого о расформировании Пензенской области. Ее представляли с таким презрением, которое можно было смело отнести к Тамбову, Орлу и прочим русским городам. Они не заметили культурной ценности областного города, они судили об области только по тому, что она не имеет нефти и каких-то производств, которые они же и закрыли. Пенза была родиной кибернетики в России, и любой русский город можно критиковать, как критиковал Пензу М. Е. Салтыков-Щедрин. Но не как наши либералы...

В. Межуев, главный научный сотрудник Института философии РАН, д-р филос. наук, профессор. Наша беда в том, что мы слишком доверяем словам. Возможно, потому, что в России слова часто заменяли дела. О смысле и сути политических течений мы судим по тем, кто только на словах причисляет себя к ним. Коммунизм для нас — это Зюганов, либерализм — это Гайдар, Чубайс, Ясин и пр. Можно долго спорить о том, настоящие они либералы или нет (на мой взгляд, не более либералы, чем Зюганов — коммунист), но что это говорит о самом либерализме — за или против него? Меня в нашем разговоре интересуют не те, кто называют себя либералами, часто без достаточных на то оснований, а сам либерализм как политическое явление в современной России — есть ли у него вообще шанс прижиться на нашей почве. Может ли критика нынешних наших либералов, прозвучавшая

здесь и с которой я в принципе согласен, распространяться на либерализм в целом?

О либерализме принято говорить в разных смыслах — как политической идеологии, политическом движении, представленном соответствующими политическими партиями, определенной политической форме правления. Какая из этих ипостасей либерализма переживает сегодня кризис в России? Или все они вместе? На Западе поражение либеральной партии на парламентских выборах, приход туда консерваторов или левых партий не принято считать кризисом или поражением либерализма как идеологии и политического режима. Там, кстати, тоже много пишут о кризисе либерализма в современном мире, но аргументом для такого вывода служат обычно не результаты очередного голосования. И в нашем случае судить о перспективах либерализма в России по итогам прошедших выборов — значит сильно упрощать дело.

Напомню, что либерализм — одна из трех великих идеологий, родившихся в Европе после Французской революции. Две другие — консерватизм и социализм. И только в такой связке они и существуют. Пытаться вырвать какую-то одну из них из этой связки, представить как единственно истинную — значит, обречь на поражение. Идеология — не религия и не наука (вопреки желанию некоторых ее представителей придать ей форму того или другого), а политическая программа. Наука имеет дело с объективными законами, идеология — с пожеланием того или иного общественного слоя (или класса) наилучшего, с его точки зрения, устройства общества, т. е. с его интересом. Классы, образующие современное общество, — разные, соответственно их интересы — тоже разные. Политика, не пытающаяся примирить и согласовать между собой эти интересы, обречена на провал. В Европе либерализм обнаружил наибольшую способность к такому примирению, что сделало его здесь наиболее авторитетной идеологией, но не единственной. Он не победил две остальные, не прекратил их существование, а в какой-то степени приспособил к себе, вследствие чего возник либеральный консерватизм и либеральный социализм. Некоторые говорят о консервативном и социальном либерализме. У нас, к сожалению, этого не произошло. Либерализм был воспринят в России его адептами как ультралиберальная программа, непримиримая к своим идеологическим оппонентам. В своем российском варианте он, действительно, чем-то напоминает большевизм с его идейной нетерпимостью и сознанием своей непогрешимости.

Чего хочет либерализм, какова его главная цель? Такой целью, на мой взгляд, является все же не капитализм, а гражданское общество и правовое государство, что не одно и то же. Этим он отличается и от консерватизма, выражающего чувства и настроения людей, сохраня-

ющих свою связь с традиционным обществом, и от социализма с его идеалом общества социального равноправия. Каждая из этих идеологий по-своему реагировала на происходивший не по их воле процесс зарождения капитализма, но не одна из них не ставила перед собой задачу сознательного перехода к нему. Капитализм возник не по желанию либералов, а в силу естественной экономической необходимости, т. е. совершенно спонтанно, а сам либерализм пытался лишь ослабить, смягчить возникавшие в ходе этого процесса конфликты и противоречия, способствуя, несомненно, тем самым дальнейшему росту капитализма. Либерализм, короче, — не причина, а следствие капитализма. На Западе он возник как идеология «третьего сословия», боровшегося за свои права против абсолютистского государства, у нас же был заимствован из Европы определенной частью интеллигенции, называвшей себя западниками. С самого начала он обрел в России характер интеллектуального и политического движения, лишенного широкой массовой поддержки. И понятно почему. «Развитие капитализма в России» — все еще не решенная до конца проблема. Наши реформаторы связали свою судьбу именно с ее решением, что и сделало их не только в глазах общества, но и на деле не столько либералами, сколько идеологами первоначального накопления.

Мне уже приходилось писать о том, что русские дореволюционные либералы были преимущественно политиками, тогда как нынешние — сплошь экономисты, причем даже не либеральные, а неолиберальные. Первые сражались за конституцию, вторые озабочены более всего процветанием частных банков и курсом акций. Те боролись за свободу и права человека, эти — только за свободу рынка, причем преимущественно финансового. Свободу цен они отождествили со свободой вообще, права частного капитала — с правами человека, рынок — с гражданским обществом и демократией. Я уже не говорю об их равнодушии к идее социального государства — высшего достижения западной либеральной мысли.

Не только у нас, но и на Западе неолибералы противостоят не только консерваторам и левым, но и самому либерализму в его классическом понимании. Можно согласиться с мнением немецкого социолога Ульриха Бека, который в своей книге «Что такое глобализация?» пишет: «Неолибералы являются ликвидаторами западной цивилизации — даже если они выдают себя за ее реформаторов. Их модернизация, если иметь в виду социальное государство, общество и демократию, ведет к смерти». Усмотрев в современном (глобальном) капитализме главный образец для подражания, наши неолибералы, по примеру своих западных учителей, естественно, оказались в лагере антигосударственников, оставив выше всех прав право капитала свободно перемещаться по всему миру. Возможно, как экономисты-

теоретики, они и отразили нечто такое, что присуще современному капитализму, но называть себя либералами по этой причине у них не было никаких оснований. То, что здесь было названо отсутствием патриотизма, пренебрежением национальными интересами России, явилось следствием не их либерализма, а защищаемой ими модели глобального капитализма.

Вот об этом я и хотел сказать в первую очередь. Тот, кто считает себя в России патриотом и государственным, кто ратует за ее национальные интересы, не должен видеть в либерализме своего врага. Иначе непонятно, какая Россия ему дорога. Ведь либерализм борется не вообще с государством, а с недемократическим государством, ставит перед собой задачу его перевода в правовое пространство. Он — не против национального государства, а за власть в нем закона и права. Сама идея национального государства по своему происхождению — либеральная (понятие нации как политического объединения граждан рождено либерализмом). Сводить либерализм лишь к защите рынка и частного капитала, как это делают наши неолибералы, — значит повторять зады старой псевдомарксистской пропаганды, не усматривавшей в нем ничего, кроме экономической корысти и апологии власти богатых. В точном смысле слова либерализм — идеология не буржуа, а граждан, берущих на себя ответственность (через участие в выборах и уплату налогов) за собственное государство, за его благополучие и процветание.

Либерализм, отвергающий национальные приоритеты, пренебрегающий интересами своей страны, — псевдолиберализм. Здесь и спорить не о чем. Но и патриотизм, отвергающий либеральные ценности, — неистинный, ложный патриотизм. Это понимали даже русские славянофилы, ценившие свободу значительно выше самодержавной власти. О «просвещенной свободе» мечтал Пушкин, которого никак не обвинишь в отсутствии патриотических чувств. Его патриотизм не надо смешивать с казенным патриотизмом официальных верхов России, чьим кредо стала знаменитая формула Уварова «православие, самодержавие, народность». Патриотическому официозу, воспевавшему «необходимость самовластья» и «прелести кнута», русский народ был понятен и близок лишь в качестве верноподданной царю массы, но не свободных граждан. И сегодня никто не убедит меня в том, что либерализм антинационален, равнодушен к судьбе собственного государства, а патриотизм антилиберален, безразличен к правам и свободам собственного народа. На мой взгляд, намного полезнее для России не сталкивать патриотизм и либерализм лбами, а сочетать их в разумном единстве. Такой патриотизм я назвал бы «просвещенным», отличая его как от космополитического неолиберализма, так и от патриархального консерватизма.

А. Ципко. Но мы же не говорим сейчас об идее европейского либерализма вообще, а говорим о том идейном течении, которое возникло в посткоммунистической России и которое на протяжении долгого периода выступало против патриотизма как системы ценностей и приоритетов.

В. Межуев. Но даже будучи патриотом, нельзя не понимать, что постсоветская Россия нуждается не в реставрации дореволюционного режима, а в экономическом и политическом реформировании. Реформы эти в любом случае будут носить либеральный характер (а какие еще можно предложить России?), а патриотизм при их проведении означает лишь то, что они должны проводиться не в ущерб, а на пользу российского государства и российского народа. Подобное направление реформ обеспечивается, однако, не рынком самим по себе, даже свободным (в сведении всей реформы исключительно к рыночной реформе и состояла, на мой взгляд, главная ошибка наших реформаторов-экономистов), а усилиями государства, политиков, способных направить рыночную стихию в естественное и выгодное для страны русло. А сделать это возможно опять же не чистоволевыми усилиями сверху, а с помощью закона и права, что требует демократического реформирования самого государства. Способствовать этому и должны были либералы. И тогда их существование никак не противоречило бы патриотическим и национальным чувствам. Просвещенный патриотизм, пекущийся о благе страны, о ее национальных интересах, в вопросе о государственном устройстве России должен апеллировать не к архаике и традициям старины, не к власти кулака и силы, а к наиболее современным, следовательно, либеральным формам государственного управления, что отнюдь не означает ни принижения, ни ослабления государства. Если наши реформаторы оказались в лагере антигосударственников, то не по причине своего либерализма, а вопреки ему.

В этом пункте я хотел бы поспорить с Александром Ципко. Много из того, о чем он говорит и пишет, мне близко и понятно. Непонятно только, почему отсутствие патриотизма у наших так называемых либералов он выводит из их большевизма. К большевикам намного ближе те, кто считают себя сегодня радетелями традиционной России. Большевики не были либералами, это верно, но не были и антипатриотами, и антигосударственниками. Их патриотизм (они называли его советским) был не либеральным, а, скорее, консервативным, сохранявшим веру в спасительную силу централизованной, основанной на ничем не ограниченном насилии власти, что и помогло им создать одну из самых мощных держав XX века. Нельзя назвать их патриотизм и национальным, что объясняется все-таки не большевизмом, а многонациональным составом СССР, а до него Российской

империи. Несомненно, на советском патриотизме лежал отпечаток революционной левизны с ее неприятием религии и некоторых других атрибутов традиционной российской жизни, но я что-то не припомню, чтобы само слово «патриотизм» при большевиках было бранным. Скорее, наоборот, преследовались «безродные космополиты» и всякие иные пособники Запада.

А. Ципко. Вадим! Был период, когда патриотизм и как идеология и как понятие преследовались. Короленко в своих письмах приводит случаи, когда после Брестского мира недовольные патриоты просто расстреливались чекистами. До победы Сталина, до победы линии на строительство социализма в отдельно взятой стране патриотизм был бранным словом. Реально, как известно, русский, российский патриотизм был реанимирован только во время второй мировой войны. И, соответственно, тогда, правда, на пять лет позже, началось преследование «безродных космополитов».

В. Межуев. На мой взгляд, проблема национального патриотизма обрела у нас смысл лишь после того, как распался созданный большевиками СССР. И в дореволюционной России слово «национальный» было не слишком популярным. Человека ценили не за национальность, а за православную веру, хотя в наше время, как я считаю, одной православной веры мало, чтобы считать себя патриотом и государственнымником. Как недостаточна для этого и вера в рыночную экономику.

Александр Ципко, видимо, хочет сказать, что большевики принесли Россию в жертву социализму, марксистским догмам, а нынешние реформаторы — догмам либерализма. России, мол, не подходит ни то, ни другое. Но тогда что подходит? Какая экономика и какое государство приемлемы для человека, считающего себя русским патриотом? Вот этого я не понимаю. Не понимаю, в чем состоит патриотизм применительно к рыночной экономике и правовому государству. Рынок и право — благо для любой нации, не только для русской. Любой патриот должен желать того и другого для собственной страны. И, видимо, не в отказе от них состоит наш патриотизм и национальный интерес. Мне кажется, главная забота политика, считающего себя патриотом, носителем национального интереса, заключается лишь в том, чтобы рынок и право взаимно не уничтожали друг друга, согласовывались между собой, ибо пренебрежение законом и правом ведет к краху любого государства, в том числе и национального. На одном рынке государства не построишь. Национальные рынки, конечно, существуют, но функционируют по общим для всех законам капиталистической экономики. Я не знаю национальных экономических (как и физических) законов. Капитализм потому и является мировой системой, мировым рынком, что не признает для себя никаких национальных границ. Ципко только большевиков и марксистов

считает интернационалистами, но в мире нет силы, более интернациональной, чем капитал.

А. Ципко. Я говорю о другом, не о природе рынка, а о том, что лица, занимающиеся преобразованием советской системы в рыночную, должны быть проникнуты национальным сознанием, понимать и защищать национальные интересы. А если этого нет, если речь идет о строительстве рынка вообще, то получается не рынок, а деградация национальной экономики.

Русский патриотизм как идеология начал возрождаться задолго до распада СССР, в недрах журнала «Молодая гвардия», еще в конце 60-х годов. Уже Александр Яковлев в известной статье в «ЛГ», опубликованной в 1974 году, критиковал почвенников как русских националистов. Всю политическую картину конца 1980-х определяла борьба между коммунистами-патриотами и демократами-космополитами.

В. Межуев. Я ничего не подменяю и говорю именно то, о чем хочу сказать: вопрос о национальных приоритетах, предпочтениях и интересах, в том числе и в сфере экономической деятельности, — вопрос не политической экономии, а экономической политики государства. И заниматься им соответственно должны не экономисты, а политики, в том числе и те экономисты, которые захотели стать политиками. Именно в качестве политиков, а не просто экономистов, они обретают возможность не декларативной, а реальной, т. е. правовой, защиты национальных интересов, в том числе и экономических. Наши реформаторы-экономисты не справились именно с ролью политиков. Как теоретики экономической науки они, возможно, рассуждали и правильно, как политики — нет. Отсутствие у них сознания национальных интересов страны я объясняю не их большевизмом, а их неспособностью выйти за рамки экономического мышления, быть в политике больше, чем просто экономистами. Как и они, я не понимаю, что такое экономический патриотизм, как быть патриотом на рынке. Но и нападать на них, защищая патриотизм, с позиции православия, самодержавия и народности считаю также чистым безумием. Отсюда для меня следует, что политик, защищающий национальные интересы, обладающий национальным самосознанием, должен быть в наше время либеральным политиком, мыслящим в понятиях демократического права и закона.

В. Федотова. Я все время говорю, что если бы этнографы не пришли к власти, Советский Союз бы не распался.

В. Межуев. Но я все же не понимаю, как можно кого-то, кто не является политиком, не занимает государственных должностей, обвинять в отсутствии национального самосознания, патриотизма или еще чего-то. В конце концов, вопрос о том, кого любить и во что верить, — личное дело каждого, вопрос его совести и свободного выбо-

ра. Можно сколь угодно красноречиво изобличать и осуждать людей с антипатриотическими настроениями, но разве этим решишь проблему их существования? От людей, живущих в демократическом государстве, нужно требовать только одно — чтобы они соблюдали законы этого государства. Патриотизм начинается с уважения к закону. Патриот ты или нет, православный или атеист — главное, чтобы не нарушал законы, не воровал, исправно платил налоги, не занимался финансовыми махинациями или шпионажем в пользу иностранных разведок. Это — уголовные преступления. За них и надо спрашивать.

Не спорю, отсутствие патриотизма в народе может обернуться большой бедой для страны, но кто ответствен за это? Патриотами обязаны быть прежде всего те, кто принимает законы, — политики. Они первые и должны подавать пример исполнения этих законов. А вменять каждому в обязанность быть патриотом — значит превращать патриотизм из нормального человеческого чувства в обязательную для всех идеологию. Это, как говорится, мы уже проходили. И ни к чему хорошему это, как правило, не приводило. Чувство любви к Родине необходимо воспитывать с юных лет, но оно, как и любое чувство, есть дар свыше. В своих чувствах никто не волен. «Требовать» любви к себе может поэт, как, например, Марина Цветаева, но не государство. Любовь еще надо заслужить, а насильно, как известно, мил не будешь.

Я ведь только хочу понять, почему наш патриотизм столь навязчив, криклив, как бы весь напоказ. Ведь любовь, в том числе и к Родине, — интимное чувство, о котором не кричат на весь свет, а внутренне переживают, испытывают, демонстрируя, что называется, на деле. Кичиться своим патриотизмом не принято в среде русских интеллигентных людей. О простом народе я уже не говорю. Показной патриотизм, патриотизм на словах был свойствен той части российского общества, принадлежавшей преимущественно к чиновничьей среде, которая любила Россию в лице не столько ее народа, сколько ее монарха. Все они были «преданы без лести». Такой патриотизм шел бок о бок с сервиллизмом, раболепием. И пока патриотизм культивируется у нас именно в этой форме, Россия — все еще не современная, а традиционная страна.

У традиционализма своя логика развития и своя особая манера выражать свои чувства, в том числе и патриотические. Любая традиционная система, как известно, строится вокруг власти, место которой в этой системе сакрально, священо. Как главу патриархальной семьи, власть здесь не избирают, но почитают. Отношение между властью и народом в России было не просто отношением угнетения и эксплуатации, как принято думать, а отношением любви, но только подобной

любви родителей к своим детям. Власть здесь — «царь-батюшка», «отец родной», народ — ребенок малый, объект постоянной «отеческой опеки» со стороны власти ради сохранения его детской чистоты и невинности. Народом умиляются, но и строго наказывают, если он ведет себя не так, как надо. И разве можно этому несмышленишу предоставить полную свободу? Свою неприязнь к демократии и либерализму идеологи самодержавия обосновывали не любовью к тирании и деспотизму (то и другое они приписывали как раз демократии — диктатуре большинства), а соображениями сугубо морального порядка, убеждением в том, что только монархическая власть может духовно сплотить народ, защитить его веру и нравственность. Любовь к самодержавной монархии, несомненно, тоже патриотична, но, увы, ведет в тупик. В системе, где власть сакральна, могут меняться элиты, могут происходить любые изменения, но как только они достигают границ власти, начинается откат, и все возвращается к исходному, пусть в чем-то и видоизмененному, состоянию самовласти. Для меня же патриот тот, кто думает, как выбраться из этого состояния, а не как обратно войти в него.

А. Ципко. Вадим, патриотизм как чувство связи со страной всегда сакрален. Кстати, либерализм, как преданность свободе, не менее сакрален. Само наличие официального или бюрократического патриотизма не отменяет важность и ценность патриотизма как умения связывать свою судьбу с судьбой своей страны. Кстати, Вадим, если ты патриот, то ты будешь любить, будешь предан любой России, даже самодержавной, ибо Родину не выбирают. Сама эта полемика показала, что в данном случае твое сознание ближе к традиционному постсоветскому либерализму. Наши либералы также убеждены, что патриотизм по духу ближе к традиционализму.

В. Межуев. Нормально ставить себя не выше и не ниже других, а наравне с другими. Нормально жить не по понятиям, а по законам, т. е. искать причину обрушившихся на страну несчастий и бедствий в несовершенном законодательстве, позволяющем людям с антинациональными чувствами и настроениями, даже если они и существуют у нас, не платить налоги и вывозить капиталы за границу. Чувствам не прикажешь, а действиям можно поставить преграду. Нормально считать своим национальным интересом не отказ от либеральных ценностей, а их утверждение. Наконец, нормально свое отличие от Запада видеть не в отрицании демократии, а в ее совершенствовании, позволяющем, возможно, более последовательно, чем даже на Западе, защищать от захватов рынка права граждан на труд, жилище, медицинское обслуживание, образование и культуру. Все это вместе я и считаю российским патриотизмом, российским национальным самосознанием не в традиционном, а в современном смысле этого слова.

В. Соловей, эксперт Горбачев-фонда. Я полагаю, либерализм переживает в России не крушение, а кризис, который есть момент перехода в новое качество. Другими словами, кризис отечественного либерализма носит структурный, а не системный характер.

Этот кризис вызван в первую очередь тем, что либерализм 1990-х годов достиг в России предела своих возможностей, а они были не столь уж малы: на счету наших либералов несомненные и грандиозные исторические достижения — я говорю это без всякой иронии, но и воздерживаясь от оценки этих достижений. О каких же достижениях идет речь?

Назову лишь те, которые имеют поистине глобальное измерение: либерализм был одним из ключевых факторов социокультурной и политической динамики, разрушившей Советский Союз и русский коммунизм, следствием чего стало кардинальное изменение мировой диспозиции; либеральная социокультурная стратегия вызвала глубокий комплекс неполноценности у русских, тем самым драматически ослабив субъектные позиции страны и народа в глобальной конкуренции; либерализм легитимировал и прикрывал групповые интересы, направленные на присвоение и корыстное использование собственности и власти; одновременно он легитимировал и поддерживал социальный и культурный хаос в обществе.

Но этот, образца 90-х годов, либерализм не создал и (в силу собственных субстанциональных характеристик) не мог создать государство, обеспечивающее более высокий, по сравнению с предшествующей эпохой, уровень социального контроля. А именно такое достижение — государство, которое сильнее разрушенного — венчает переход от одной исторической эпохи к другой, служит, если выразиться марксистским языком, основным критерием успеха смены формаций. Не решив эту главную для себя историческую задачу, либералы 90-х годов тем самым передоверили ее путинскому режиму.

С точки зрения представителей прежней либеральной модели, это чуть ли не гибель либеральной перспективы в России вообще. Хотя в действительности происходит передача либеральной эстафеты от одних социальных групп другим, которые совсем не либеральны, но объективно только им под силу завершить либеральное дело, довести либеральную миссию до исторического завершения и полного воплощения.

Антинациональный, антипатриотический и антисоциальный либерализм, восторжествовавший в России конца прошлого века, — был единственно возможным в тех условиях, став следствием взаимоналожения внешней и внутренней логик.

В тот исторический момент, когда советская империя собственно-ручно разрушала «троянов вал», отделяющий коммунистический Ко-

смос от капиталистического Хаоса, западный либерализм переживал качественную метаморфозу: из социального он превращался в неолиберализм, бесповоротно порывавший с императивом равенства (см. тэтчеровскую революцию и рейганомику). Еще более важен происходивший в это же время отказ либерализма от идеи универсального прогресса, что наглядно проявилось в тенденциях глобализующегося мира и в отсечении от развития подавляющего большинства (по крайней мере, 3/4) населения Земли (этой концептуализацией я обязан А. И. Фурсову). Свобода без равенства и прогресс для меньшинства — такое конкретно-историческое понимание либерализма конституировало политико-идеологические взгляды тех советских групп, которые оказывали решающее воздействие на ценностный и социокультурный профиль позднего СССР и посткоммунистической России.

Правом интерпретации, единоличного толкования демократии и либерализма в СССР рубежа 80-х и 90-х годов овладела группа, которая, контролируя СМИ, тем самым формировала ценностный и социокультурный профиль новой эпохи, а для этой группы было предзадано эксклюзивное (исключающее, узкое) понимание либерализма и демократии.

Причем такое понимание полностью соответствовало базовым интересам новых экономических групп или, другими словами, актуальные «хозяева дискурса» и потенциальные «хозяева вещественной субстанции» нуждались друг в друге, что вело к формированию их стратегического альянса, нацеленного на овладение политической властью и кардинальное переформатирование ситуации в стране. Я не склонен переоценивать осознанность стремления к этому союзу, который зачастую носил интуитивный и нерефлектируемый характер, но как эмпирическая данность он несомненен любому вдумчивому наблюдателю новейшей российской истории.

Эксклюзивный либерализм — это стратегия концентрации материальной субстанции в руках немногих при отсечении от нее остальных. В результате меньшинство получило свободу и прогресс, в первую очередь в виде причастности к Западу как земному обетованию рая, а большинство — свободу (от собственности, социальных гарантий и надежд) и регресс. Такова социально-экономическая формула российского либерализма.

По сути, это интериоризованная, перенесенная внутрь страны и русского общества модель «золотого миллиарда» и деградирующей периферии, грубо, но точно схватывающая внешние по преимуществу отношения между Западом и не-Западом.

Либеральный стиль мышления оказался в России ни чем иным, как проявлением колониализма или, если воспользоваться современ-

ным академическим жаргоном, либеральный дискурс оказался тождествен колониальному дискурсу.

Логика та же: врожденная ущербность России и Запад как образец нормы, к которой надо стремиться. Отличие в том, что на место Востока колониального дискурса подставляется Россия, а продельвается эта операция не извне страны, а ее собственными гражданами. Естественно, носители этой позиции выделяют себя из «туземной» массы (ну не согласятся же они со своей врожденной ущербностью — это противно природе человека как такового), полагая себя своеобразными культуртрегерами «цивилизации», посланниками Запада в «варварской» России.

Главным результатом внедрения колониального дискурса в русские социокультурные ткани стала антропологическая минимизация «туземцев», которым приписывается «неполноценность», обосновывающая право представителей метрополии на их землю и ресурсы. Если «унтерменши» не могут разумно распорядиться своими богатствами, то эту прерогативу на себя должны взять представители метрополии — такова социополитическая и культурная формула отечественного либерализма 90-х годов прошлого века.

С такими взглядами — в основе которых глубинное, экзистенциальное (а потому неискоренимое) отрицание страны пребывания и ее народа — невозможно добиться лояльности от населения, управлять им, построить государство и вообще проводить любую позитивную стратегию. И по этой причине неизбежен был переход либеральной миссии в руки автохтонных (в данном случае имеется в виду не этничность как таковая, а восприятие России и русского народа) групп элиты.

Еще раз повторю: либерализм образца 90-х годов прошлого века в России исчерпал себя именно как конкретно-историческая форма. Ее кризис вызван двумя фундаментальными причинами: неспособностью создать эффективное в плане социополитического контроля государство и экзистенциальной чуждостью русскости и России. Поэтому либеральная повестка перешла в руки других элитных групп, пытающихся решить эти задачи.

Я не рискну называть эти группы либеральными, чего, впрочем, они и сами чуждаются. Но для завершения исторической миссии перехода к другой системе не имеет принципиального значения политико-идеологическая (само)идентификация, *modus operandi* гораздо важнее. Образ государственника нисколько не мешает Путину проводить более чем радикальную политику либерального свойства. Нетрудно также обнаружить сродство старых и новых элитных групп в плане социопсихологических установок: вопиющая асоциальность и групповой эгоизм — роднящие их черты.

В более широком плане можно предполагать формирование либерально-почвеннического синтеза, когда источником либеральных эманаций становится традиционное русское самодовлеющее государство. Его либерализм носит еще более эксклюзивный характер: даже свобода верхов ограничивается, в то время как у низов отнимается и это единственное достояние. В то же время сохраняет свою силу доминанта прогресса верхов и регресса низов. Но ведь это — всего лишь логическое развитие и продолжение прежней, сформировавшейся в 90-е годы прошлого века, линии. И в этом смысле *режим Путина есть нелиберальная форма утверждения и легитимации достижений либерализма*. Поэтому наиболее дальновидные представители последнего спешат адаптироваться к новым условиям.

Другое дело, что открытым остается принципиальный вопрос о способности режима Путина решить историческую задачу — создать долговременно (а не ситуативно) эффективную систему социополитического контроля. Без этого дело либерализма в России нельзя считать окончательно победившим, а его историческая судьба в нашей стране остается под вопросом.

В. Межуев. Настоящий либерализм на проблему униженных и оскорбленных, не получивших свое, ответил бы двумя вещами. Я ведь не тот либерализм защищаю, который у нас. Почему все идеи, которые падают на русскую почву, превращаются в свою карикатуру? Значит, либерализм ответил бы двумя средствами: избирательным правом и перераспределением доходов. И придумал идею социального государства — это идея либерализма. Вы говорите «давайте сострадать!». Я хочу знать — кому.

В. Федотова. Давайте посмотрим на реальные либеральные теории справедливости на Западе. О чем говорят они? Я читала Роулза, но особенного разговора о правах там нет. Он говорит совершенно о другом, его теория называется «Теория справедливости как честности». Игорь Клямкин, известный либерал, сказал, как я уже отмечала, что у нас либерализм без справедливости. Что такое справедливость как честность? Очень простая концепция: поскольку общество полно риска и неустойчивости для каждого человека, каждый может мысленно представить себя оказавшимся в положении другого, т. е. свалившимся с высоты своего материального благополучия вниз. Скажем, доктор Спок, который был мультимиллионером, умер в нищете — он был болен раком, который не страховался, так как не имел шансов на излечение. А значит, если вы понимаете, что могут быть обстоятельства, которые свалят вас вниз, то вы должны согласиться на максимизацию минимума. Это называется «разделить судьбу другого». Но в этом тезисе есть моральный аспект. Мы должны добиться, чтобы в нашем обществе была признана моральной

способность хотя бы мысленно разделить судьбу другого. В элитарных вузах студенты из богатых семей говорят и даже пишут в анкетах, что «бедные — дураки, идиоты, которые сами не захотели обогатиться». Западный либерализм имеет моральный аспект, и тезис о справедливости всегда имеет моральное значение, а уж в России — особенно.

Вадим говорил, что пришли экономисты, а экономисты не видят связи с национальным. Точнее сказать: пришли либеральные экономисты, которые не видят связи с национальным.

Публиковали экономические эссе Леонтьева, ликовали, но как только прочитали в этих эссе, что экономика — обыденная наука, она связана с мотивами людей, так никто больше про Василия Леонтьева слова не сказал. Получается, что одна и та же модель, как политическая, так и экономическая, в разных странах действует по-своему.

А. Кара-Мурза. Какой я лично для себя сделал вывод? Во-первых, доказано, что нынешний российский, постсоветский либерализм по классическим канонам — это псевдолиберализм. Второе, по поводу кризиса или краха псевдолиберализма: доказано прямо противоположное — триумф постсоветского псевдолиберализма. Из чего я делаю констатацию, которая обратна пафосу самих вопросов. Более аутентичный, социально ориентированный, патриотический либерализм Милюкова потерпел крах. Авторитарный, антинародный, хищнический, «пацанский», а не интеллектуальный либерализм Коха — Путина триумфально прошел.

А. Ципко. И все же есть основания для оптимизма. Сам тот факт, что подавляющая часть населения отвернулась от основных героев нашей дискуссии, свидетельствует о взрослении России, о том, что у людей появляется больше здравого смысла, крепнет чувство собственного достоинства. Кризис СПС одновременно означает моральное взросление России, ее способность отличать плеведа от зерен. Само осознание себя личностью, имеющей право на то, чтобы тебя уважали, считались с твоим мнением, интересами, является реальной предпосылкой для формирования гражданского общества. В этом смысле сейчас, по сравнению с началом 90-х годов прошлого века, куда больше условий для формирования гражданского общества.

III. МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ И ЕВРОПА

В марте 2004 г. Комитет внешнеполитического планирования, Институт стратегических оценок и РМИОН при Ростовском госуниверситете при поддержке Фонда им. Ф. Эберта начали осуществление крупного проекта «Модернизация России и Европа». В течение года в Москве, Ростове-на-Дону, Иркутске, Саратове, Владивостоке и Калининграде проводятся круглые столы и семинары, посвященные различным аспектам проблемы модернизации России и роли в ее решении Европейского Союза. В результате этой работы планируется опубликовать материалы дискуссий, а также аналитический доклад, содержащий рекомендации органам государственной власти РФ.

Круглый стол № 1, материалы которого были опубликованы в журнале «Вестник аналитики» № 2(16), был посвящен методологическим аспектам модернизации.

Круглый стол № 2, проведенный 6 и 13 апреля 2004 г. в Москве, был посвящен обсуждению вопросов совместимости российских и западных ценностей в контексте интеграции России в трансатлантическое сообщество как важнейшей предпосылки модернизации России.

В нем приняли участие депутаты Госдумы РФ, известные российские эксперты и политологи.

К обсуждению были предложены следующие вопросы: Что имеет в виду Госдепартамент США, говоря о «ценностном разрыве» между Россией и Америкой — институты демократии или морально-нравственные ценности? Являются ли западные ценности универсальными? Являются ли они христианскими или Запад — это постхристианская цивилизация? Есть ли разрыв ценностей между Америкой и Европой? Является ли Россия особой цивилизацией со своими особыми, например, «евразийскими» ценностями (поликонфессиональными) или же ее ценности по преимуществу европейские? Есть ли разрыв между ценностями православной и католической (протестантской, кальвинистской и т. д.) культурой? Верно ли, что ценности православной культуры ближе к ценностям исламской, нежели католической культуры?

Ниже публикуется сокращенная стенограмма круглого стола №2 из серии «Модернизация России и Европа».

С. Кортунов. Сегодня предлагается обсудить достаточно необычную тему, к которой очень чувствительно сознание русского интеллигента, прежде всего «западника». Но, к сожалению, совершенно не чувствительно наше политическое руководство, в чем я убедился, например, беседуя с нашими американскими коллегами из Госдепартамента США (Planning Staff). Они, в частности, сказали, что тема «ценностного разрыва» между Россией и Америкой, которой придается

большое значение американским политическим классом и которая, конечно же, была запущена госдепом не случайно, к сожалению, не стала вопросом повестки дня российско-американских отношений. Более того, ни МИД России, ни Кремль, ни даже сам президент В. Путин просто не понимают, что за этим стоит очень серьезная проблема.

Хочу напомнить, что сам термин «ценностной разрыв» был введен в оборот американцами сравнительно недавно, фактически это был конец прошлого года. Впервые посол США в России А. Вершбоу заговорил об этом в ноябре 2003 года. Затем в ряде своих интервью он развил эту тему, пояснив, что конкретно имеет в виду американский политический класс. В январе 2004 года он прочитал специальную лекцию в Фонде Карнеги в Вашингтоне: там уже «ценностной разрыв» был упомянут как главное препятствие на пути формирования подлинного партнерства между Россией и Америкой, а тем более на пути формирования и становления стратегического союза между ними. Естественно, что на все эти интеллектуальные и политические «пробросы» наложились наши выборы, которые, к сожалению, усугубили убеждение Вашингтона в том, что «ценностной разрыв», действительно, существует. С тех пор эта тема стала озвучиваться не только американцами, но и европейцами. Более того, ее подхватили многие наши бывшие сателлиты и даже бывшие республики СССР. Например, М. Саакашвили, который совсем недавно ездил в Вашингтон, подчеркнул, что между Грузией и Америкой существует союз, потому что он «основан на общих ценностях». Это, конечно, был небольшой камешек и в наш огород. По крайней мере, я это так воспринял. Месяц назад К. Райс сделала заявление о том, что «созвучие ценностей» — это неременная предпосылка стратегического союза между Россией и Америкой.

Если вдуматься, то «ценностной разрыв» — это не просто интеллектуальный и политический «проброс», но и, безусловно, диагноз российско-американских отношений, их нынешнего состояния. И диагноз, честно говоря, убийственный, который граничит со смертным приговором. Ведь речь здесь идет не о том, что не совпадают национальные интересы. Это, в общем-то, нормально в единой семье христианских европейских народов. Дело куда более серьезно: Россию начинают воспринимать в этой семье как некоторое инородное тело, и это инородное тело начинает этой семьей европейских народов, куда входят, безусловно, и США, отторгаться. Если перевести на политический язык, то это значит, что путь России в Большую Европу, в трансатлантическое сообщество в целом (а именно эта цель провозглашена в качестве одной из приоритетных целей нашей внешней политики Президентом В. Путиным) отныне, если не окончательно закрыт, то, по крайней мере, временно перекрыт.

Конечно, все это накладывается на российско-американские отношения. Не хочу драматизировать ситуацию, но сегодня только слепой и, может быть, наш посол в Вашингтоне Ю. Ушаков, который пишет бравурные статьи о прекрасном развитии российско-американских отношений, не видит, что эти отношения в очередной раз вступают в период определенного кризиса.

Упомяну лишь некоторые известные факты. Россия впервые за многие годы не упомянута в ежегодном послании президента США Конгрессу. Здесь вспоминается и «странный» визит К. Пауэлла в Москву в феврале 2004 года, в ходе которого госсекретарь США выразил «недоумение» (именно такое слово было употреблено) в отношении как внешней, так и внутренней политики России. В этот же период была озвучена тема об «исключении» России из «восьмерки». Сначала, как известно, это сделал Р. Перл, затем уже сенаторы Т. Лантос и К. Кокс — как демократы, так и республиканцы — Дж. Либерман и Дж. Маккейн подготовили проект соответствующей резолюции Конгресса. И совсем недавно, уже другие сенаторы вновь поставили этот вопрос в повестку дня российско-американских отношений, добившись принятия комитетом Конгресса по международным делам резолюции №336, призывающей приостановить членство РФ в «восьмерке», пока она не продемонстрирует приверженность демократическим принципам. Эта тема наверняка теперь будет постоянно маячить в виде американского кнута. Вряд ли, конечно, эта резолюция пройдет через Конгресс. Но сама по себе она очень неприятна. Я уже не говорю про очень жесткую оценку как американцами, так и европейцами наших выборов — и парламентских, и президентских. Они были оценены как «свободные, но несправедливые». И даже «нечестные». Здесь также для нас мало приятного.

Наконец, термин «стратегическое партнерство», которым мы гордились, как-то незаметно, без лишнего шума, постепенно исчез из политической и дипломатической переписки России и Америки. На это обратили внимание очень многие обозреватели.

Этот далеко не полный перечень обидных для нас событий говорит о том, что Америка начала пересмотр своего отношения к путинской России. На этом фоне вызывают недоумение наши официальные заявления, в том числе и заявление Президента РФ о том, что сегодня якобы создан прочный фундамент для российско-американского партнерства. Такого фундамента я, честно говоря, не вижу. Ибо им нельзя считать хорошие личные отношения между первыми лицами, рутинные консультации по линии отдельных ведомств (МИДа, Минобороны, спецслужб) или же в целом благожелательные отношения между элитами двух стран. Все это было, как известно, и в годы «холодной войны». Но тогда было и кое-что другое: постоянно действу-

ющий диалог по вопросам стратегической стабильности в виде сразу нескольких переговорных форумов (по ядерному разоружению, по нераспространению ОМУ, по обычным вооруженным силам и т. д.). Сейчас этого нет. Как нет и регулярного взаимодействия между военными, нет военно-технического сотрудничества, того уровня контактов между учеными, политологами и представителями общественности, который был в свое время между Советским Союзом и США, по крайней мере, на «излете холодной войны». Я уже не говорю о том, что нет серьезных торгово-экономических связей, если сравнивать таковые со связями, например, между Америкой и Китаем. Почила в бозе даже Комиссия Черномырдин—Гор, которая функционировала достаточно эффективно на протяжении многих лет в годы правления Б. Ельцина, — хотя я и не считаю, что тогда положение дел в наших отношениях было блестящим. Недавно я узнал и о том, что известный ежегодный Гарвардский инвестиционный российско-американский форум состоялся осенью прошлого года в последний раз.

Значит ли все это, что так называемый «ценностный разрыв» между новой Россией, которую мы называем «демократической», и США стал больше, чем был в свое время между СССР и США? Конечно, нет. В чем же здесь дело? А в том, что Америка, по всей вероятности, действительно, начинает всерьез разочаровываться в современной путинской России. Как известно, в начале 90-х годов американцы полагали (может быть, наивно), что Россия, которая покончила с коммунизмом, с богоборческой идеологией марксизма-ленинизма, вернулась в демократическую семью европейских народов и вернулась к тем ценностям, которые исповедует эта семья. И все, кто знает Америку, наверное, согласятся, что практически все 90-е годы прошли там под знаком этого убеждения, если иметь в виду американский политический класс в целом — и демократов, и республиканцев. В начале XXI века, как известно, произошли события 11 сентября 2001 г., когда Россия заняла однозначную позицию. Это был сигнал для американцев, что мы разделяем одни и те же интересы и имеем однородные ценности. По крайней мере, так восприняли это политики США.

Почему же там заговорили о «ценностном разрыве» в конце 2003 — начале 2004 года? Горько сознавать, но перелом произошел именно в последний год или годы, убедившие американцев в том, что В. Путин строит у нас не демократическое государство, а некую «уменьшенную копию» СССР, добровольно урезавшую свою территорию и поменявшую плановую экономику на экономику «дикого рынка». К сожалению, чуть ли не каждый день путинская Россия приносит свидетельства именно такого развития событий. Например, вчера мы слышали про «дело Сутягина», бывшего сотрудника Института США и Канады

РАН, которого обвинили в измене Родине. Хотя все мы прекрасно понимаем, что все это — «не про это». Сулягин, как известно, не был допущен к государственной тайне, и все сведения, которые он передавал якобы американской разведке, черпал из открытых источников, из прессы. Этот факт известен. И «дело Сулягина» особенно возмутительно с учетом того, что в 90-е годы государственная тайна, мягко говоря, довольно слабо соблюдалась, в том числе и нашими ведомствами. Я это знаю очень хорошо. Когда я работал в Администрации Президента РФ, было несколько проверок по линии ФСБ, в частности, МИДа, Минобороны и других ведомств. Первая проверка показала, что оттуда «утекло» 80% всех секретов, а вторая проверка показала, что «утекли» все секреты. И поэтому Сулягин, арестованный в 1999 году, уж никак не мог нанести серьезного ущерба национальной безопасности, даже если предположить, что он все же был допущен к государственной тайне. Все, что можно было «продать» к этому моменту, уже было продано!

Здесь возникает вопрос: действительно ли «ценностной разрыв», о котором говорят американцы, носит драматический характер? Или они все-таки ведут речь о разнице в формальных институтах демократии? Если речь идет об институтах, то это еще полбеды. Но если речь идет о ценностях, то это очень серьезно, поскольку ценности во всех странах того мира, в который жаждет вступить (или вернуться) Россия, это ценности христианские, и других там нет. Т. е. они относятся к религиозной сфере, что, вероятно, подтвердит А. Zubov.

Можно ли сказать, что Россия, в самом деле, вернулась в ареал христианских народов? Здесь больше вопросов, чем ответов. Если она и впрямь это сделала и вновь стала христианской (православной) страной, то как быть с исламом? С другой стороны, можно ли считать сегодня Запад христианской цивилизацией? Есть мнение, что это уже «постхристианская цивилизация». Возникает и еще один вопрос, требующий ответа: почему Запад предъявляет России более высокую морально-нравственную планку, планку «ценностных требований» по сравнению, скажем, с Китаем? Ведь известно, что в Китае нет не только ничего похожего на западные или христианские ценности, но даже никаких институтов демократии, даже отдаленно напоминающих западные. Во всяком случае, китайские ценности уж точно никак нельзя сопоставить с европейскими или американскими! Это просто разные цивилизации. Тем не менее такой «ценностной разрыв» не считается в Америке трагедией, а тем более препятствием для развития очень серьезных торгово-экономических отношений. Нам же на каждом шагу говорят теперь об этом «ценностном разрыве». И будут говорить еще более активно, я вас уверяю, в будущем.

Ясно, что свобода, например, — это ценность, которую разделяют и Америка, и Европа, и Россия. В нашей политической элите, наверное, только Андрон Кончаловский считает, что русскому народу не нужна свобода и для него гораздо важнее безопасность и стабильность. Но хочу напомнить, что все социальные революции в России, даже коммунистическая, совершались во имя свободы. Даже идея социальной справедливости была уже на втором месте. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить хотя бы тексты песен времен революции и гражданской войны. Поэтому свобода — это неоспоримая ценность и российской цивилизации. Другой вопрос, что России был присущ больший патернализм по сравнению, например, с Западной Европой. Об этом, кстати, говорит и известное «покаянное письмо» МБХ (так называют Михаила Борисовича Ходорковского в нашей деловой элите). Патернализм, несомненно, больше присущ российскому сознанию, чем западноевропейскому.

Еще больший «ценностной разрыв» у нас с Европой и Америкой в вопросе об отношении к человеческой жизни. Мы в этом убедились хотя бы на примере двух террористических актов в Москве и в Мадриде. У нас во время терактов в метро (а до этого — на Дубровке в 2002 году и в Тушино в 2003 году) общество в целом реагировало спокойно. А в Испании аналогичные события были восприняты крайне болезненно: люди вышли на улицы, «смели» правительство и потребовали вывода войск из Ирака. Кто-то сказал, что наше спокойствие свидетельствует о том, что «русские остались рабами». Но есть и другая точка зрения: мы не ударились, как европейцы, в панику и не пошли на поводу у террористов. Это тоже к вопросу о «ценностном разрыве», поскольку говорит о различном «болевом пороге», т. е. о чувствительности различных обществ по отношению к катастрофам, в данном случае к террористическим актам. Один «порог» есть в Европе, другой — в России. Здесь разное отношение к человеческой жизни и, соответственно, разная реакция на подобного рода акты.

Я абсолютно убежден, что «разрыв в ценностях» произошел у нас с Европой и Америкой после 1917 года, когда в России к власти пришли безбожники и не только безбожники, но и богоборцы. И с этого момента коммунистическая Россия стала восприниматься Западом, действительно, как инородное тело. Об этом свидетельствуют в том числе и многие политические и дипломатические документы. Известно, что Америка первая признала новую демократическую Россию сразу после Февральской революции, приветствуя ее вступление в «семью демократических стран» (так говорилось в официальных нотках правительства США, направленных в адрес Временного правительства России) и категорически исключила ее из этой семьи сразу после переворота в октябре 1917 года. Не будем сейчас спорить, был

ли это переворот или революция, но важно, что это произошло именно тогда.

То, что американцы начали именно сейчас говорить о «ценностном разрыве», для меня лично признак того, что они чувствуют, что путинская Россия вновь скатывается в «советчину». И надо признать, что сегодня мы даем для такого вывода немало оснований. Поэтому мы должны быть чрезвычайно чувствительны к подобного рода заявлениям. К сожалению, наше руководство этого не понимает и не чувствует. И наши западные партнеры, конечно же, замечают, что оно этого не чувствует. Для них это подтверждает худшие подозрения насчет того, что между Россией и Западом существует не просто несоответствие национальных интересов и формальных признаков демократических институтов, а «разрыв в ценностях», «ценностной разрыв», что, с моей точки зрения, действительно, очень опасно и является серьезнейшим препятствием, может быть, главным препятствием на пути строительства не только партнерских, но и союзнических отношений России как с Европой, так и с Америкой.

С. Ознобищев. Мне кажется, что «вброс» американцами идеи о «ценностном разрыве» — это попытка нынешней администрации США дать ответ общественности, в чем причина неудовлетворительного состояния отношений с Россией. И почему Америка не может управлять Россией. Как правильно говорил С. Кортунов, в России воцаряется как минимум «управляемая демократия», а как максимум — нечто, о чем даже не хочется говорить.

Но это — тактика со стороны администрации США. Однако есть и стратегические вещи. Ведь, как мы все помним, США как-то взаимодействовали и с СССР. Сегодня у нас с Америкой есть своего рода «легковесное партнерство». И таковым оно было с самого начала. Наши взаимоотношения с администрацией Буша-младшего начались с того, что она не хотела идти ни на какие договоренности, утверждая, что мы партнеры, и нам такие договоренности просто не нужны. Мы тогда с трудом «выцыганили» двухстраничный московский Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, который лишь зафиксировал те уровни СНВ, к которым технически стороны и так собирались прийти. Далее было совершенно не партнерское поведение американцев в отношении Договора по ПРО, который был ими разрушен под предлогом необходимости защиты от террористической угрозы. Эта угроза, как известно, пришла совершенно не с той стороны, с которой американцы собирались защищаться. Уже не говоря о том, что против такой угрозы с помощью ПРО защититься невозможно.

И, наконец, спровоцированный США иракский кризис. Односторонние действия и нарушения норм международного права привели к

еще большему нигилизму в отношении США со стороны правящего класса России, политико-академической элиты, экспертного сообщества в целом. Выступать за партнерство с США стало дурным тоном. Мы помним, как оживились контакты между русскими и американцами в эпоху М. Горбачева. И как у нас затем наступило разочарование в результате эгоистичной политики США 90-х годов в вопросах расширения НАТО, войны в Югославии и пр. Российское государство, со своей стороны, в это время демонстрировало миру свое пренебрежение в отношении норм демократии, расстреливая парламент, умирняя Чечню, ликвидируя свободные СМИ, «наезжая» на олигархов и т. д. Тем самым мы давали основания для тех на Западе, кто хотел рассорить Россию и США. Они и затеяли эту дискуссию «о ценностях».

Насколько такая дискуссия серьезна для отношений таких левиафанов, как Америка и Россия? Если бы было реальное партнерство, то такая дискуссия имела бы, уверяю вас, абсолютно маргинальный характер, как это было во времена советско-американских отношений: тогда вопрос о выезде евреев решался в процессе переговоров о сокращении стратегических ядерных вооружений.

Практический вывод один: необходим диалог. Если власти не способны к нему, гораздо активнее должна вести себя общественность. И С. Картунов здесь совершенно верно говорил о 80-х годах: тогда общественность сделала для такого диалога очень многое. Давление общественности чрезвычайно важно для активизации этого диалога и обеспечения его открытости. Мы, например, не знаем, чем занимаются В. Трубников и Р. Армитэйдж. А должны бы знать! Формирование общественного мнения в пользу партнерства, без которого оно «провисает», это, на мой взгляд, является сегодня главной целью.

А. Зубов. Я буквально неделю назад вернулся из США, где беседовал с рядом людей из Палаты представителей Конгресса, с Дж. Беллингтоном, с представителями старой русской эмиграции. Общий вывод из этих бесед в целом совпадает с тем, о чем только что говорил С. Картунов. Вывод очень серьезный, который требует глубокого осмысления. Все люди, с которыми я беседовал, были очень доброжелательны к России. Но не к Советскому Союзу. Я подчеркиваю: это были русофилы, но принципиальные и убежденные антисоветчики. Они долгое время после 1991 года думали, что во всей Восточной Европе идет один процесс — процесс изживания советского наследия. Они понимали, что в Польше или в Латвии он проходит легче, чем в России, потому что и время господства большевиков в России было больше, и репрессии были жестче. Но интенция, намерение, полагали они, были всюду одни и те же. Но за последние полтора года в американском политическом и научном сообществе наступило осознание

того факта, что в 12 республиках бывшего СССР (исключая страны Балтии) не идет изживание этой «советскости», а идет ее «мутация». Эти государства, и в первую очередь Российская Федерация, не стремятся изжить «советскость», а стремятся приспособить ее под рыночные отношения и под включение их государства в том виде, в котором оно есть, в систему международного сотрудничества и международной жизни. И это вызывает глубочайшее разочарование и, разумеется, не позволяет более считать Российскую Федерацию настоящим искренним партнером.

Более того. Все эти люди задавали мне один и тот же вопрос: когда же, наконец, вы пойдете по тому же пути изживания коммунизма, по которому пошла Восточная Европа? Мы, конечно, понимаем, что вы будете строить другую страну. Что Россия — это не Польша и не Венгрия. Она до коммунизма была иная. Но многие из этих людей, в частности Беллингтон, считают, что дооктябрьская Россия в течение 12 лет до революции была образцом для европейского континента. Он назвал этот период «Interrupted Revival». Когда же, говорят они, вы продолжите это возрождение? Когда же вы перестанете копаться в КГБ, Ленине, Сталине, победе в Великой Отечественной войне, не понимая, что у вас есть великое прошлое? И в этом прошлом, кстати говоря, немалое место занимают российско-американские отношения. Таковы были слова людей, с которыми я встретился в США.

Здесь не раз говорилось — и С. Кортунов об этом сказал, что США строят отношения с Китаем, где нет демократии. Налицо, мол, двойной стандарт. Нет, стандарт не двойной. Он принципиально разный. С Советским Союзом, действительно, США строили отношения как с врагом, с которым надо жить в мире. Советского Союза безмерно боялись, переоценивая его силы. Боялись потому, что хорошо жили. Людоода надо было замирить, накормить, упокоить, иначе бы он сожрал. По крайней мере, так думали. Так же относятся, по сути говоря, и к Китаю. Но к России хотели относиться иначе! Как к другу и союзнику! Как относились до 1917 года... До 1917 года ни одна страна европейского мира не относилась к России как к людооде. США тогда были далеко. Тогда не было стратегических ракет. Но возьмем Англию, Францию, Германию. Со всеми этими странами Россия заключала династические браки и союзы — Entente Cordiale. Были тесные дружеские, союзнические отношения, несмотря на определенные различия.

И Запад подумал, что РФ наследует именно эту Россию. Но за последние полтора года он изменил свое мнение. И здесь дело не в Ходорковском и не в этих «странных» выборах. Дело здесь гораздо глубже. Дело в том, что декоммунизация страны там оценивается по целому ряду совершенно объективных параметров. Это восстано-

ние докоммунистического права, т. е. формальное правопреемство, восстановление права собственности (реституция), восстановление национальных идеалов (топонимика), применение принципа люстрации, историческое правопреемство. По этим параметрам судят, возобновляется ли докоммунистическое строительство или продолжается строительство коммунистическое. По всем этим пяти параметрам в любой восточноевропейской стране сегодня восстанавливается докоммунистическое и, соответственно, вполне нормальное и вполне европейское, союзное с Западом и потому включаемое в его институты — НАТО, Евросоюз и т. д. А в 12 бывших советских республиках это не восстанавливается.

Первое. Формальное правопреемство. Во всех 12 республиках есть правопреемство с СССР и никакого правопреемства с докоммунистической Россией. Во всех остальных странах Восточной Европы — правопреемство с докоммунистическими режимами и только в той степени с коммунистическими, в какой они не противоречат докоммунистическим.

Второе. Реституция собственности. Во всех странах Восточной Европы, включая Прибалтику, прошла в той или иной форме массовая реституция собственности. В 12 республиках бывшего СССР — она не прошла. Соответственно, награбленное в 1917 году признается законным.

Третье. Коммунистический режим во всей Восточной Европе осужден, и его деятели признаны, по крайней мере, моральными, а иногда и юридическими преступниками. В Российской Федерации президент страны позволяет себе поднимать бокал за Великого Сталина. Чеканится значок «НКВД—КГБ—ФСБ» к 80-летию известного органа, самого большого органа Советского Союза. (Смех). С этим связано и то, что во всей Восточной Европе снесены все памятники того периода и изменены (восстановлены) названия всех улиц. Этот период считается постыдным, несчастным и навязанным. Понятно, что у нас он не может считаться «навязанным». Но постыдным и несчастным, безусловно, должен считаться хотя бы по количеству понесенных нами утрат. Однако же не считается!

Четвертое. Люстрация. На всем восточноевропейском пространстве произошли в той или иной форме люстрации. Т. е. некоторые категории граждан, сотрудничавших со старым тоталитарным режимом или не допускаются теперь в политику, поскольку они осквернены таким сотрудничеством, или, по крайней мере, они должны объявлять о своем сотрудничестве, чтобы люди, которые их избирают, могли сделать вывод — стоит их избирать или нет.

Пятое. Во всех странах Восточной Европы, включая Прибалтику, были активно привлечены к работе по восстановлению докоммунистического

тического государства эмигранты. Повсюду были приняты соответствующие законы, которые автоматически восстанавливали права гражданства всех тех людей, которые сами или их предки были вынуждены покинуть Родину при тоталитарном режиме или при его наступлении. Эти люди признаны, они занимают высокие посты и тем самым чисто психофизиологически строят мост между докоммунистическим государством и посткоммунистическим и между Западом, где жили эти люди, и своими странами. Прекрасные примеры: приехавшая из Канады нынешний президент Латвии, сенаторы Польши, приехавшие из Англии, США. У нас ничего подобного сделано не было. Не надо думать, что нам не к кому было обращаться. Когда я был в США и выступал перед потомками первой русской эмиграции, очень многие люди (сейчас им лет под 70, а в 1991 году было 55–56) говорили о том, что они ждали, что их пригласят в Россию, как говорят в церковном мире, «в сущем сане», т. е. в виде профессоров, офицеров армии, инженеров, фермеров и т. д. Пригласят для восстановления этих секторов русской жизни после того, как были выгнаны коммунисты. Но, естественно, как вы понимаете, никого из них не позвали! Одна дама, профессор трех университетов, в том числе Гарварда, крупный деятель вашингтонской политики, Людмила Фостер, мне сказала, что она в сердцах после этого продала свою гарвардскую мантию за 300 долларов! Потому что она поняла, что России все это не нужно...

Мы с вами понимали это раньше. По крайней мере, с 1993 года мы говорили о необходимости правопреемства и использования восточноевропейского опыта в России. Но этого не слышали на Западе. Там называли нас алармистами и считали, что в России все идет хорошо, только медленно. Теперь все это поняли и на Западе.

И здесь перед нами стоит совершенно ясная задача. Надо определиться: что мы продолжаем? От этого зависят наши отношения с Западом. Если мы продолжаем советское государство, тогда отношение Запада к нам будет отношением к людоеду, только людоеду старому, с выпавшими зубами, страдающему недержанием. Но тем не менее людоеду. Мы, конечно, можем хорохориться, вставлять себе зубы, надевать прокладку от недержания, но при этом, согласитесь, мы все равно будем очень несимпатичны. Если же мы четко поймем, что восстанавливаем докоммунистическую Россию (а эти две вещи несовместимы, что прекрасно понимают на Западе), то и отношение к нам будет совсем другое. Кстати говоря, что еще не понимают на Западе, и в частности в Америке, и задают вопрос: «Вы закопали в землю 50 млн. человек! Почему же вы об этом практически не говорите?! Почему у вас нет монументов, мемориальных комплексов памяти этих людей?! Так же не может быть! Значит, вы не изжили своего прошло-

го. Соответственно, вы не можете с вашим свиным рылом идти в калашный ряд...». Это все очень неприятно. Но это, к сожалению, реальные факты... И здесь надо ясно понять: то, что сегодня происходит с нами, — это не «особенность русской цивилизации». И это не означает, что мы «цивилизационно другие». Чепуха! Конечно, различия есть. Они известны любому специалисту. И они были всегда. Но с Западом у нас всегда были отношения внутрисистемные, а не межкультурные. Мы не преодолели и не уничтожили свою ужасную советскую ошибку, свой страшный и постыдный грех для всего мира. Потому что всему миру и страшно и смешно, когда он смотрит на народ, который изгнал два миллиона своих лучших представителей, всю свою интеллектуальную элиту, которая теперь, естественно, находится на Западе и возвращается в Россию книгами и стихами, и который еще при этом уничтожил десятки миллионов людей здесь, в России. Они считают нас безумцами; ведь ни одного другого такого народа нет в европейском или, как говорил С. Кортюнов, в христианском сообществе. Поэтому мы должны показать, что мы страдаем от этого безумия и желаем его изжить, вылечиться. А мы об этом умалчиваем! И пытаемся говорить, что не все было плохо, у нас одна история, историю нельзя порочить и пошло-поехало... Те же США ругают свою историю, например осуждают рабство, которое там было. Но давайте сравним две гражданские войны. Гражданская война в США привела к уничтожению рабства: Северные Штаты начали эту войну с целью освободить негров. Наша гражданская война кончилась порабощением всей страны! Два прямо противоположных результата. И этого там не могут не сознавать.

Соответственно, мы должны сделать очень простой вывод: что мы продолжаем. И здесь не может быть никаких недомолвок и компромиссов. Еще в 1979 году представители русской эмиграции — а это огромное сообщество в Америке — заявили, что «Россия всегда дружелюбна США. Чем сильнее США — тем сильнее Россия. Чем сильнее США — тем слабее СССР. Нам нужна сильная Россия. Нам не нужен сильный СССР. Сильный СССР — тюрьма для русских людей и других народов». Этот принцип все больше осознается западным сообществом. И каждый из нас должен ясно и четко сказать себе: что мы хотим продолжать? Продолжать СССР? Если нам удастся его исцелить, будет опять монстр, которого будут снова бояться, может быть, уважать, но при этом ненавидеть. Другого отношения не может быть. Или мы хотим покончить с СССР по всем упомянутым мною параметрам, по которым он достоин уничтожения (нет такой семьи в России, в которой кого-то не расстреляли, не посадили в лагерь, не оплевывали и т. д.). И тогда мы скажем: «Мы строим Россию!». И тогда рука Америки протянется к нам как к союзнику и другу. Я в этом абсолютно уверен. В этом

уверены и многие люди в США. Фобия Америки, которая живет у нас, — это не наследие старой России. Никогда в царской России так к Америке не относились. Почитайте Витте! Это наследие советчины.

В дни моего пребывания в США праздновалось 70-летие установления дипломатических отношений между США и СССР. Меня пригласили на этот прием. Но я отказался. Я считаю, что Советский Союз 1933 года — это не моя родина. Это страна, в которой моих предков в это время уничтожали, сажали, унижали и расстреливали. Это вражеская страна с ужасным режимом. Только что прошла коллективизация, и погибло шесть миллионов крестьян. Начинались репрессии в связи с «делом Кирова». Эта страшная страна, где уничтожали священников и монахов (а тогда был пик религиозных гонений!) — не моя страна. Вернее, страна-то моя, но режим не мой, захватнический и оккупационный. Поэтому как русский человек я не могу праздновать юбилей установления отношений между Америкой и СССР. Но и американцам должно быть стыдно праздновать эту дату. Для Америки было достойно, когда они до последнего дня помогали нам в борьбе с большевиками до 1922 года. Это было почетно! Почетно, что Америка до 1933 года не признавала этот людоедский режим, в отличие от Англии и Германии, и постыдно, что она в конце концов «прогнулась» и признала его.

Если мы не осознаем этих нюансов, мы дальше никуда не уедем. Речь идет о системных ценностных различиях: о системе людоедской, коммунистической, которую мы почему-то не хотим изживать, и о системе нормальной, человеческой, безусловно, с тысячей недостатков, которая существует по ту сторону «железного занавеса».

А. Адамишин. Я хотел бы поставить свое выступление на прагматическую почву. Я бы отличал ценности от их восприятия и от спекуляций на них. Это три уровня. Я не собираюсь говорить о спекуляциях на ценностях, хотя это очень благодатная тема. В свое время я занимался правами человека, когда во времена перестройки в МИДе был создан соответствующий отдел, и на своем опыте убедился, что есть отличия между ценностями и тем, как на них «играют».

Мое впечатление, что разрыв в ценностях между нами и американцами в том, что касается ценностей по существу, а не спекуляций на них, будет увеличиваться, а не уменьшаться. Я бы назвал три причины этого. Первая — в самих американцах. Все-таки их восприятие мира и поведение определяет в значительной мере «эйфория силы». Приведу один маленький пример. Я задавал американцам один и тот же вопрос: «Куда идет Америка?». Ответ, который мне запомнился больше всего, был такой: «Куда идет Америка, я не знаю. Но придет она туда первой!». Поэтому американская самооценка и то, что о них думают в мире, — это большой ценностной разрыв. Я имею в виду не

только нас: у них с европейцами довольно серьезные различия именно потому, что для американцев США — это «сияющий дворец на холме», а у европейцев сейчас, после «холодной войны», после того как они осмелели и вышли из положения, когда они могли шантажировать и нас, и американцев, наметился отрыв от Америки как раз в «ценностном» отношении. Раньше Европа пряталась за спиной США и почти не участвовала в биполярной конфронтации. Но она сумела, объединяясь, выработать новые правила не только внутреннего поведения, но и поведения вовне. А у американцев остались старые ценности. Тот же А. Вершбоу признает, что между Америкой и Европой есть «ценностной разрыв». Европа в большей степени выступает за диалог, за компромисс, за толерантность, за культуру мира, за поиск совпадающих интересов; Америка прямо идет к своей цели, не гнушаясь применить силу. Особенно та публика, которая находится в Белом Доме сегодня, повторяющая вслед за Христом: «Кто не со мной, тот против меня».

Еще одна причина, по которой «ценностной разрыв» будет расти, — в самой России. Это «откат от демократии», который, на мой взгляд, надолго; так что им придется набраться терпения. Это и рост национализма, и это тоже надолго. Американцы в конечном счете получили то, о чем они говорили несколько лет назад: «Единственный, кто может навести порядок в России, — это честный диктатор». Я отнюдь не хочу, чтобы эти мои слова были восприняты как поддержка того пути, по которому мы идем. Но если смотреть на вещи реально, то авторитаризм, концентрация власти и отсутствие политической конкуренции надолго будут нашей системой. Как ее изменить, я, честно говоря, не знаю. И не вижу такой силы, которая могла бы это сделать.

Тем не менее отношения с американцами поддерживать придется. Как это делать? 40 лет моей дипломатической карьеры я потратил на то, чтобы не создавать что-то позитивное, а «уменьшать ущерб» от того, что делали другие люди. Американцы от отношений с Россией не уйдут. Они не могут себе это позволить по целому ряду причин, и не последняя из них — это нефть, газ и вообще энергоносители. И ни одно правительство, которое будет в Америке, не сможет пойти на разрыв отношений с Россией ради того, чтобы у нас произошла какая-то внутренняя «демократическая эволюция», покаяние и т. д. Тем более что все равно это ничего не даст.

Не имея возможности апеллировать к политическому руководству России (чтобы оно сделало страну демократической), я имею возможность апеллировать только к руководству США, чтобы оно что-то сделало. «Забыть о России» не получится. Поэтому, учитывая реальность, можно строить трехуровневую систему отношений. Там, где речь идет

о серьезных вызовах международной безопасности, в частности о терроризме, нужно партнерство. Второй уровень — экономический. Здесь мы должны взаимодействовать ради скорейшей интеграции России в мировую экономику. А вопрос о ценностях, в котором мы сейчас, конечно, если реально смотреть на вещи, не договоримся, придется оставить следующим поколениям. В то же время надо предоставить возможность общественности, о чем очень правильно говорил С. Ознобишев, попытаться заполнить тот вакуум, который имеется на правительственном уровне, для того чтобы обсуждать и эти вопросы, искать и находить какие-то точки соприкосновения. Потому что без того, чтобы мы не сошлись в будущем на характере ценностей, на характере веры, которую мы вместе исповедуем, мы не сможем построить настоящее партнерство.

А. Коновалов. Я не уверен в том, что сейчас, как утверждает А. Зубов, нам может сильно помочь русская эмиграция из США. Или нам поможет, если мы вдруг признаем ущербность коммунистического режима, снесем все памятники, проклянем советский период или даже покаемся. Покаяние, конечно, вещь хорошая. Но вряд ли оно произведет на американцев сильное впечатление.

У меня вызывает сомнение и заявление С. Кортунова о том, что мы должны «вернуться в семью христианских народов, исповедующих одни и те же ценности». Мне кажется, что «семья христианских народов» исповедует не вполне одни и те же ценности. Это ярко видно на примере именно «ценностного разрыва» между Европой и Америкой — в этом я совершенно согласен с послем А. Адамишиным. «Старая Европа» в ценностном отношении ушла гораздо дальше от США, чем другие страны.

И почему именно «семья христианских народов»? Мне кажется, в эту семью неплохо вписалась Япония, вписывается Турция. И с ними имеют дело и не рассматривают как «людоедов». Ценности — это из этнокультурной области, а партнерство — из области политической. В политике ценности — это не совсем то же, что и в этике. И здесь я согласен с теми, кто говорил о том, что наши отношения с Западом зависят от того, какой страной будет Россия в самом ближайшем будущем. Если взять выступления нашего президента, то мы увидим очень «продвинутого» либерала. Но если взять реальное положение в стране, то мы увидим значительное укрепление тоталитаризма. Этот порядок должен как-то разрешаться. В. Путин все больше напоминает мне не лидера элиты, а некоего заложника российской бюрократии, который из-за «зубцов» кричит о помощи. Только не понятно, к кому он обращается и в какой помощи нуждается.

Россия, как всегда, стоит перед дилеммой. Первый сценарий — оптимистический, но мало реалистичный: В. Путин собирает команду и

идет на «прорыв». Он конвертирует свой рейтинг в «великие дела». Но для этого нет никаких предпосылок: ни гражданского общества, ни сильных политических институтов, ни партий. Ведь «Единая Россия» — это не партия, это «профсоюз госчиновников», «группа интересов». Второй сценарий — неприятный, но более реалистичный: реформы «заныкают» бюрократы, и четыре года В. Путин будет сидеть на «подкожном жирке», что мы накопили раньше. Но это рискованно: Россия за это время может безнадежно отстать от той самой «семьи христианских народов», в которую мы хотим войти. Удвоение ВВП за 10 лет — это бессмысленный лозунг. Можно ведь увеличить в два раза производство рельсов и труб. Но даже в лучшем случае мы сможем догнать за 10 лет лишь нынешнюю Португалию по уровню жизни. Но Португалия ведь не будет 10 лет стоять на месте! Нам нужна стратегия движения в некую упреждающую точку, нужна стратегия прорыва. Иначе мы отстанем навсегда и пополним ряды «failed states».

Убежден, что это не в интересах Америки. Если Москва утратит контроль над российской территорией с 30 тыс. ядерных боезарядов, это станет головной болью Америки и всего мира. Россия — это ключевая страна с точки зрения интересов национальной безопасности США и того сообщества, к которому мы хотим присоединиться. Она блокирует все основные направления современных рисков и вызовов. И Америке, если «по уму», надо всеми силами сейчас строить демократию не в Ираке, а в России. Я вовсе не призываю к тому, чтобы против нас применяли те же методы, что Америка применяет против Ирака.

Очень часто я слышу о том, что российская цивилизация — особая, а у русского народа нет внутренней потребности к свободе. У него есть потребность в коллективизме, в социальной справедливости, может быть, в «воле», а свобода — это не наша ценность. Нам важнее справедливый и добрый государь, нежели права человека. Но ведь тот «прорыв», который необходим России, может сделать только свободный гражданин, освобожденный от бюрократического гнета. Каким образом В. Путин создаст этого гражданина — никому не ясно. Уповать же на то, как это делает С. Ознобищев, что общественность будет «заполнять вакуум» и строить мосты между политическими элитами России и США, — несерьезно. В России сегодня мнение экспертов ценится как никогда низко. Да и в Америке тоже. Потребность в экспертной оценке чего бы то ни было у Кремля полностью отсутствует. Он убежден, что и так все прекрасно знает. И те «политические инсталляции», которые он конструирует, называя их «выборами», это хорошо демонстрируют. Но нам для себя надо определиться: нужна ли нам свобода для реализации экономических задач или нет? Если мы решим, что нужна, тогда и «ценностной разрыв» будет сокращаться.

Если же Россия будет превращаться в маленькое подобие тоталитарного Советского Союза, не будет не только «созвучия ценностей», но и партнерства с США.

В. Аверчев, советник президента компании «ВР». О чем, собственно, мы говорим? Мы говорим о том, что наше экспертное сообщество пытается понять, что происходит на Западе с точки зрения восприятия России. Оно пытается понять, что происходит в России. И сопоставить эти две «картинки». И на основании этого выработать некое послание, адресованное нашему собственному обществу и власти, и также нашим партнерам на Западе.

По всем этим трем моментам единства мнений нет. Давайте это зафиксируем. Иначе мы подпадем под обаяние великолепного выступления А. Зубова, который нарисовал здесь некую эсхатологическую картину. Он ведь говорил о чем? На Западе — истинные ценности. Его восприятие нашей ситуации — это верная оценка. И мы должны переделать Россию под эти ожидания Запада. А ведь это ожидания не западные, а американские, и не вообще американские, а одной очень специфической группы американцев! И если мы покаемся и преобразуемся, то Америка «нам протянет руку». Это та модель, которая предложена А. Зубовым. Такая точка зрения имеет право на существование: их оценку мы принимаем за истину и переделываем под нее самих себя. Это полностью воспроизводит ситуацию в России, которая была характерна для начала 90-х годов. Это на философско-ценностном уровне воспроизводит «формулу Козырева». Мы ее хорошо помним.

Но я согласен с А. Зубовым в том, что «ценностной разрыв» — это факт. Он сознается и в Америке, и в Европе, и в России. Там мы реально воспринимаемся как «чужие». Но эта «волна» идет из США и Великобритании и идет это от их универсалистско-мессианского типа мышления: «Мы являемся носителями истинных ценностей. Мы их несем в мир. И если вы их не принимаете, ссылаясь на свои традиции и свой опыт, тем хуже для вас». На политическом уровне этот мессианизм был в свое время сформулирован Р. Рейганом как «крестовый поход против коммунизма». И то, что нам сегодня предъявил А. Зубов, — это идеологическая платформа тех в Америке, кто сегодня вновь готов поднять знамя «крестового похода». Но теперь уже не против коммунизма, а против России.

Но одновременно с этим в Москву приезжает Ж. Ширак и говорит: «Я вас поздравляю с возрождением вашей государственности!». Т. е. во Франции и, кстати, в Германии, «ценность» — это и элитарная традиция. И их восприятие происходящего в России — совершенно иное, хотя они и находятся в рамках культурного ареала Запада. В Страсбурге во время встреч с парламентариями Франции, в которых я участвовал,

французы все время задавали вопрос: «Что вы сделали с вашим великим государством?! Почему вы его так бездарно разрушили?». И это больше, чем политика, это «ценностные» вещи! Оказывается, что государство во французской культуре входит в систему ценностей. И мы знаем, что история России такова, что государство предшествовало нации.

Когда А. Зубов нам говорит, что надо вернуться к докоммунистическому прошлому и покаяться, это правильно. Но надо понять, откуда взялся 1917 год? Или он наш родной и выращен из «российской пьесы». Или он приехал в опломбированном вагоне или еще раньше — с книгами К. Маркса. Но, перескочив через 1917 год, никакого радостного возвращения в «семью европейских народов» не получается. Хотя это сделать необходимо.

Вы рассказывали о том, как преодолевала коммунистическое наследие Восточная Европа. И, в частности, упоминали «человеческий трансферт» из Европы и Америки, «людей-мосты». Но в России американцы в 90-е годы этих «людей-мостов» на свои деньги выстроили. Это были Е. Гайдар, П. Авен, А. Чубайс, А. Вавилов и т. д. У них тогда преобладал совершенно примитивный взгляд на Россию: там есть «наши ребята», мы будем им давать деньги, они все там сделают как надо... Что мы получили в результате? Что сделали эти «люди-мосты» в стране и со страной? Как они раскололи наше общество на бедное большинство и богатое меньшинство? Поэтому я не готов принять Ваш тезис относительно «миссионеров» с Запада.

Таким образом, американцы сначала попробовали поработать в рамках модели, предложенной Козыревым. Затем после ее провала от этого отказались. Потом был период выжидания, некая «серая зона», когда они ничего серьезного не предпринимали. Затем наступило 11 сентября. Они восприняли тогда нашу позицию так: они лидеры, и Россия встраивается в фарватер антитеррористической борьбы. Для американцев это был в каком-то смысле возврат к «модели Козырева». И когда выяснилось, что В. Путин все-таки не А. Козырев, то наступило очень сильное разочарование.

Здесь присутствует еще вот что. Россия слабая устраивала США. Когда же возникла перспектива ее усиления, восстановления государственности, появились амбициозные планы в экономике, в военном строительстве, реформе Вооруженных Сил, то такая Россия стала пугать Запад и Америку, в частности. Они привыкли к слабой России. Сильная Россия, да еще избавившаяся от того ограниченного круга демократических завоеваний, которые были достигнуты в 90-е годы, вызывает опасения. И у них возникает желание ее немножко «поприжать».

Если мы посмотрим вовнутрь США, то та картина, которую нарисовал А. Зубов, начинает «плыть». Там сейчас избирательная кампания. Между демократами и республиканцами идет серьезная полити-

ческая игра, в том числе и разыгрывание «российской карты». Среди республиканцев есть также разные группы — традиционные консерваторы и неоконсерваторы. В зависимости от того, с кем мы разговариваем, мы будем получать совершенно разные образы России. И даже администрация США внутри себя не едина: там есть разные группы, с разной степенью готовности к диалогу.

Таким образом, на Западе оценки России очень разные. Наши собственные самооценки — тоже разные. Нам не хватает публичного диалога и в экспертном сообществе, и в обществе в целом о том, кто мы такие, в каком мы состоянии, причем без всяких оглядок на Запад. Не так важно, что они подумают о нас. Нам важнее понять самих себя. И тогда мы сможем более эффективно находить разных партнеров на Западе и не пытаться с ними о чем-то договориться, а хотя бы «договориться о несогласии».

Т. Пархалина, заместитель директора по научной работе ИНИОН РАН. Мы должны быть благодарны А. Зубову за его мужественное, честное и очень болезненное выступление, но нереалистичное. То, к чему Вы призываете, и что действительно должно было бы иметь место, не произойдет. Ни один из Ваших пунктов. Мы к этому не готовы. Увы! События 1991 года в определенной степени не были демократической революцией, а всего лишь сменой элит. Другой вопрос, что тогда использовалась демократическая фразеология. Но глубокого устремления к демократии, какое было в странах Восточной Европы, у нас не было.

«Ценностной разрыв» — это медицинский факт. И дело здесь в разрыве не религиозных, а политических и экономических ценностей. В этом смысле никакого «ценностного разрыва» между Америкой и Европой нет, а у нас с ними — есть. И об этом говорят не только американцы и англичане, но и французы, и немцы, и испанцы, я уже не говорю о поляках и чехах. Просто европейцы делают это более аккуратно, потому что они наши соседи. Почему эта риторика нарастает именно сейчас? В 90-е годы Запад и в самом деле поверил, что мы строим демократию. На этот счет была эйфория. Первое разочарование было в октябре 1993 года.

С. Кортунов. Но они же одобрили расстрел Белого дома!

Т. Пархалина. Да, они несут за это ответственность. И вообще за то, что они поддерживали здесь не линию, а политических персоналий, которые создавали иллюзию на Западе, что демократические реформы идут. Это — факт. После 11 сентября 2001 г. у них снова возникла иллюзия, что мы взаправду вступаем в западный союз по борьбе с терроризмом. Но сейчас и эта иллюзия развевается. Это, вне всякого сомнения, связано и с выборами, и с арестом Ходорковского, и с контролем СМИ, и с чеченской кампанией.

У нас же сейчас выбор не между демократией и авторитаризмом, а между бюрократическим капитализмом, который будет уничтожать последние «реликты» демократии и приведет к ужесточению отношений с Западом, поскольку его ценности представляют угрозу для такого капитализма внутри страны, и «просвещенным авторитаризмом», который сохранит какие-то формальные признаки демократии, относительную свободу прессы, относительную самостоятельность субъектов в регионах. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы восторжествовала вторая модель.

И Запад, и Россия друг в друге нуждаются. Но Россия сейчас больше нуждается в Западе, чем Запад в России, потому что без него мы не можем модернизировать страну. Поэтому сотрудничество все равно у нас будет, хотя партнерами мы пока не являемся. Быть партнерами — значит разделять одну систему ценностей. Но, с другой стороны, сегодня впервые сложилась ситуация, когда главные угрозы нашей безопасности лежат не на Западе, а на Юге и Востоке. И этой уникальной ситуацией надо пользоваться. Хотим мы или не хотим, а нам придется хотя бы имитировать игру по правилам Запада. Возможно, такая имитация рано или поздно заставит нас эти правила принять всерьез. Поэтому я поддерживаю тезис С. Ознобищева: нужен диалог, разговор экспертов, и не нужно ждать, пока нам его «разрешат». Надо самим инициировать этот диалог и соответствующие проекты. Пусть это будут малые, но реальные шаги.

В. Дворкин. Если понимать ценности в широком смысле слова — и в политике, и в экономике, и в культуре, — то разрыв у нас с Америкой и Европой колоссальный. В последнем номере «Вопросов литературы» опубликована стенограмма беседы И. Сталина с Л. Фейхтвангером. Аналогии такие, что даже страшно становится. Л. Фейхтвангер спрашивает: «Товарищ Сталин! Вы же такой демократ! Вы просты в общении, скромны... Почему Вы не прекратите эту кампанию восхваления Сталина?». Он отвечает: «Вы знаете, мы пытались это сделать. Ничего не получается... Уровень культурности нашего народа таков, что он в восторге от освобождения от эксплуатации и не может никак прекратить аплодисменты...»

С. Кортунов начал разговор о ценностях в связи с ухудшением российско-американских отношений. Недавно я беседовал с послом Ю. Воронцовым, который заметил, что «не надо впадать в эйфорию, когда у нас улучшаются отношения, и в панику, когда они ухудшаются». Во время Второй мировой войны мы были гораздо большими стратегическими союзниками, чем сейчас. Потому что тогда у нас был общий враг, и наши ракеты, как сейчас, не были нацелены друг на друга. А сейчас такие оперативные планы есть. И от этой ядерной «машины» никуда не денешься. Как же можно в этой ситуации говорить о

стратегическом союзе?! Наша экономика продолжает оставаться неконкурентоспособной и вряд ли станет таковой в обозримом будущем. И здесь дело как раз в «ценностном разрыве». Потому что на Западе конкурентоспособность экономики основана на малом и среднем бизнесе, которого у нас просто нет. Это раньше гражданский сектор забирал лучшие технологии из огромных военных корпораций. Сейчас идет обратный процесс. А у нас, если и есть «рост» экономики, то это, как правильно говорит Г. Явлинский, «рост без развития». Например, мы, оказывается, ежегодно из Голландии привозим 100 тыс. тонн навоза. Это пять «Адмиралов Нахимовых». Потому что у нас и навоз — г.... И это характеристика всей нашей экономики.

И последнее. Нельзя не согласиться с В. Путиным, который, когда его спросили: «Вы вроде отходите от демократии?», ответил: «Как мы можем отходить от демократии, когда у нас ее никогда не было?».

Я не думаю, что прагматиков на Западе интересует вопрос о том, что мы наследуем: дооктябрьскую Россию или СССР. Не думаю, что, например, Пауэрлла это интересует. Он слишком прагматичен.

Что нас ждет? На это есть разные суждения. Одни говорят, что только кризис может вывести российский либерализм на новый уровень. Другие говорят, что выведет катастрофа. Некоторые боятся, что кризис приведет к восстановлению тоталитаризма. У меня пессимистический прогноз. Но инициировать какие-то совместные программы с Западом мы все-таки должны. Тогда есть надежда на наше пусть медленное, но все же сближение с Западом. И у меня есть конкретные предложения на этот счет.

С. Кортунов. Коротко подвожу промежуточные итоги дискуссии. В основном у нас пока выступали эксперты, которых принято называть западниками. И их точка зрения была довольно четко артикулирована. Были, конечно, и крайности. А. Коновалов договорился до «смердяковщины», А. Зубов поставил в один ряд победу в Великой Отечественной войне с КГБ и сталинским режимом. Но все практически были единодушны в том — и это меня лично поразило, — что «ценностной разрыв» между Россией и Америкой, действительно, существует и, скорее всего, будет углубляться. Хотя почти все говорили и о том, что этот разрыв не имеет религиозного характера (именно «ценностной разрыв»), а находится больше в плоскости политики и экономики. Причины назывались разные. Многие говорили, что здесь во многом виноваты американцы. Но больше все же виноваты мы сами. Все согласилось с тем, что на данном этапе наше общество является больным, в известном смысле даже люмпенизированным. Это — не единственная причина «ценностного разрыва» между Россией и Западом, но одна из тех, что во многом его объясняют, по крайней мере, на данном этапе. И начинать преодоление этого разрыва надо с себя. Во вся-

ком случае, пока это была преобладающая точка зрения. Возможно, сегодня мы услышим и другие мнения на этот счет.

В этом контексте достоин самого тщательного анализа тезис Т. Пархалиной о том, что перед нами, с точки зрения дальнейшего внутреннего развития России, стоит выбор между «бюрократическим капитализмом» и «просвещенным авторитаризмом». Она также сказала — и до сих пор против этого никто не возражал, что, по крайней мере, на данном этапе Россия больше нуждается в Западе, чем Запад нуждается в России, поскольку без Запада, без интеграции в мировое сообщество (я знаю, что С. Пыхтин будет против этого возражать), Россия не совершит прорыв в постиндустриальное общество и не осуществит модернизацию, о которой говорил В. Путин. Соответственно, ее конкурентоспособность на мировой арене будет невысокой.

Отдельно была озвучена идея о растущем разрыве между американскими и европейскими ценностями. Но эта тема пока не получила должного развития.

Общий вывод из дискуссии, которая уже состоялась, мне кажется, заключается в том, что так называемая глобализация, которая стирает грани между внешней и внутренней политикой, означает, в частности, что любая страна, претендующая на сколько-нибудь заметную роль в мировых делах, сейчас уже не может себе позволить одну политику внутри своих границ и принципиально другую за ее пределами. В частности, полуфеодальные отношения во внутренней политике, конечно же, несовместимы с постиндустриальной архитектурой внешней среды. Т. е. не только в том смысле, в каком поставил этот вопрос А. Коновалов, а именно, что такая политика несовместима с постиндустриальной парадигмой развития России, но и с постиндустриальной архитектурой внешней среды. И то, что Госдепартамент США поднял тему о «ценностном разрыве» между Россией и Америкой, — как раз напоминание нам о том, что есть определенные «правила игры» в этой внешней среде, в которую мы хотим не только «вписаться», но куда мы хотим в конечном счете войти, т. е. стать органичной составной частью этой среды, правила, не совместимые с определенными тенденциями нашей внутренней политики. Такое «раздвоение сознания» нашего политического класса к добру, конечно, не приведет и может в результате даже поставить крест на перспективах нашей страны в качестве сильного и самостоятельного «игрока» на международной арене.

Может быть, я что-то упустил, но в целом дискуссия до сих пор развивалась именно в этом духе. Сейчас же я хотел бы дать слово тем экспертам, которые, вероятно, будут оспаривать изложенные тезисы и полемизировать с ранее выступившими экспертами.

И. Максимычев (Институт Европы РАН). Первая половина нашей дискуссии выявила несколько весьма ценных моментов. Во-первых, программа В. Новодворской живет и процветает и даже пустила корни в российском экспертном сообществе. Во-вторых, большая часть русской интеллигенции по-прежнему считает, что вина за несовершенство мира падает именно на нее. В-третьих, эта часть не утратила исторической особенности русской интеллигенции — сладострастного обличения всего, что происходит в своем Отечестве, и благоговения перед всем, что приходит с Запада. В-четвертых, — и это самое важное, — можно констатировать практически полный успех полит-технологического маневра американцев, благодаря которому причину ухудшения атмосферы в отношениях США и России русские начали искать в своем поведении, хотя все шаги, вызвавшие такой результат, были сделаны Вашингтоном без какой бы то ни было провокации с российской стороны.

Введение в обращение тезиса о несоответствии России «каталогу добродетелей», составленному в США, переместило центр дискуссии с однозначной реальности гонки американских вооружений, расширения НАТО, выхода НАТО на российские сухопутные границы практически по всему их периметру, военных интервенций Запада в Югославии и в Ираке и т. д., в плоскость теологического спора, где победитель определен заранее, поскольку он осуществляет функции «судьи». В итоге в России всерьез ломают голову над тем, сколько «демократических ангелов могут уместиться на острие постсоветской иглы», в то время как в окружающем нас мире страны и континенты спокойно или со взрывом укладываются в мозаику всемирной империи США. Сейчас единственным на самом деле значимым вопросом остается то, ляжет ли в эту мозаику и Россия. Впрочем, первая часть дискуссии показала, что для многих этот вопрос звучит иначе, а именно: когда же, наконец, Россия «ляжет под США»?

Кто-то из наших политологов правильно сказал, что на сегодняшних российских политиков выпала доля отвечать за грехи их предшественников. Главной задачей внешней (и не только внешней) политики России с 2000 года является подсчет разбитых горшков и поиск способов их снова склеить. Задача трудная и неблагодарная, во многом невозможная. Оставляет место для надежды лишь то, что популярность Путина, имя которого связано с этой работой, не снижается. Однако второй срок президентства — это время не только строить планы, но и предъявлять результаты, а предъявить стоящие внимания результаты становится все более проблематично. Ситуация все более осложняется растущей агрессивностью поведения США, нарушающего интересы не только России, но и практически всех государств мира.

История человечества доказывает, что перевод реальной политики в сферу «ценностных», моральных постулатов означает кардинальную смену парадигмы и сопровождается априорным отказом от достижения каких-либо разумных компромиссов с инакомыслящими и даже просто с теми, кто, по оценке авторов моральных императивов, «мыслит с оговорками». В настоящее время усилиями США в международных отношениях сформирована атмосфера «крестовых походов» против «неверных», исключающая глобальную стабильность иначе, как на основе безоговорочного принятия западного, точнее — американского, «морального кодекса». Всем государствам в мире предложено немедленно подчиниться указаниям Вашингтона, взвалившего на свои плечи бремя в последней инстанции определять, что соответствует, а что не соответствует эталонам демократии и демократических ценностей в их американской интерпретации. Другими словами, «ценностной критерий» — это универсальная дубинка в руках Вашингтона и его подпевал.

Заявляя о «ценностном разрыве» между Россией и Америкой, Госдепартамент США прав в том смысле, что главным в шкале американских ценностей является сейчас требование о слепом послушании Вашингтону. 11 сентября не стало отправной точкой в провозглашении этого «символа веры» — на самом деле убеждение в том, что спасение мира заключается в покорном следовании за США, является руководящей идеей американской внешней политики уже с 1990—1991 годов, когда с мировой политической сцены сошла единственная сила, удерживавшая перехлесты глобальной миссионерской деятельности США в разумных рамках. Лозунг любого религиозного или политического радикализма «Тот, кто не с нами, тот против нас» — совершенно логично нашел свое место на знаменах США и большинства их натовских союзников. Цепь западных интервенций — от Югославии до Ирака — показывает, что дело не ограничивается словами и символами. Зона «крестового похода» подступает все ближе к российским рубежам. Последний по времени сигнал тревоги — это окончательное зачисление Белоруссии в число «исчадий ада» и подготовка к открытому вмешательству США в ее внутренние дела. До сих пор можно было делать вид, что все это нас мало касается. Но недалеко время, когда от России потребуются определиться с тем, как она будет реагировать на *Pax Americana*, который уже давно вышел из стадии планирования и возведения фундамента и существует реально, расширяясь и наступая на все наши «любимые мозоли». При этом следует иметь в виду, что гораздо опаснее самого состояния слабости будет момент, когда станет ясно, что мы, наконец, собрались его преодолеть и, главное, что это нам удастся.

Прежде чем вдаваться в тонкости богословского спора о соотношении ценностей православной и католической культуры, нам надо в

принципе решить основной сейчас для нас вопрос: что обеспечит нам лучшие шансы выжить в новом мире нетерпимости, где «человек человеку волк» (как индивидуально, так и коллективно), — полное, демонстративное, не вызывающее сомнений подчинение Америке или сохранение хотя бы внешних атрибутов самостоятельности. При этом должно быть ясно, что тотальное подчинение еще не является гарантией от зачисления на определенном этапе в разряд «государств-негодяев» с последующей высадкой американского десанта на Красной площади. Ведь ничто и никто не помешает США в один прекрасный день объявить «неискренними» или «лицемерными» наши заверения в том, что мы полностью разделяем американские ценности (роль мирового судьи остается, разумеется, за Вашингтоном), и приступить к нашему перевоспитанию привычными силовыми, крестоносными методами. С другой стороны, переход к амплу сателлита США, который нам в свое время успешно навязывал Козырев (и не только он один), поставил бы вопрос: а кому нужна такая Россия? При всех сомнениях, пожалуй, все же более надежным представляется решение в пользу сохранения самостоятельности.

Реализация такого решения очень не проста. Российская ситуация до предела осложнена тем, что в 1990–1991 годы мы подписали по существу «безоговорочную капитуляцию». Во всяком случае, США именно так расценили итоги правления Горбачева и Ельцина, и поэтому даже наши нынешние непоследовательные попытки занять самостоятельную позицию вызывают у них очень высокую степень неприятия и раздражения, сопровождаемого призывами показать русским «кузькину мать». Признаком и одновременно следствием «безоговорочной капитуляции» является отсутствие у России реальных союзников (кроме Белоруссии), а также ее неспособность перенести даже кратковременную экономическую блокаду. Так что показать нам «кузькину мать» совсем не сложно. Пример ФРГ, которая после своей «безоговорочной капитуляции» сумела выбиться в лидеры Западной Европы, неприменим к нам. ФРГ встроилась в единый западный фронт против СССР, более того, она была создана именно с этой целью, поскольку без нее антисоветский фронт в Европе был бы неубедителен. А у США и России нет общего врага, кроме международного терроризма, но и здесь «глобальной коалиции» не получилось и, скорее всего, не получится. США убеждены, что получают российскую поддержку по «нулевому тарифу», поскольку России из-за Чечни деваться некуда. Под шум призывов к антитеррористическому единению НАТО вышло к Петербургу, а расширение ЕС в мае завершит исключение России из Европы.

Единственным просветом в этом непроглядном мраке является возникновение франко-германо-российской «тройки», осудившей

американскую войну в Ираке. Понятна осторожность В. Путина, который предоставил роль застрельщиков в этом деле Берлину и Парижу. Понятно и его решение присоединиться к ним, поскольку в результате ослабевает, хотя бы оптически, международная изоляция России при демонстрации ее независимой политики. Непонятно одно — каким будет воздействие «тройки» на ситуацию в мире в дальнейшем и будет ли оно вообще? Пока наши партнеры по «тройке» со спокойной совестью участвуют и в марше НАТО на Восток, и в расширении ЕС, не проявляя чрезмерного беспокойства об интересах России. Для Франции и Германии речь идет о наращивании степени их собственной самостоятельности в рамках западных союзов при сохранении лидерства США. Достижение этой цели возможно только при поддержке России. Но как быть с ответной поддержкой интересов России? Не закончится ли для России дело очередным «тасканием каштанов из огня» во имя исторической дружбы с Францией и ФРГ? Утешением остается здесь то, что они, по крайней мере, не собираются ни учить нас грамоте (хотя и позволяют себе недружественную позицию по Чечне), ни расчленять: «кишка тонка».

Что же нам остается? Вовне альтернативы нет: придется по-прежнему делать вид, что ничего особенного не происходит, давая одновременно понять, что радости мы при этом не испытываем. В практическом плане мы должны пытаться ослабить негативные для нас последствия, не питая иллюзий, что это удастся в серьезном объеме. Продолжать усилия по ускорению хотя бы частичной интеграции СНГ (прежде всего по реализации союза с Белоруссией), также сознавая, что пока Россия не достигнет как минимум экономических и социальных показателей СССР 1990 года, трудно рассчитывать на прорыв в этом деле. Мы можем и дальше поддерживать сербских беженцев из Косово, но считать это эффективным способом получить точку опоры в лежащей за нашими границами Европе вряд ли возможно. Конечно, нужно продолжать крепить франко-германо-российскую «тройку» с сохранением в ней баланса интересов. (Состоявшиеся на днях визиты Шредера и Ширака в Москву наглядно показали, что двое из «тройки» не хотят лишний раз раздражать Вашингтон «тройственными» демонстрациями.) Антитеррористическая коалиция должна оставаться нашей путеводной звездой, но также не вызывать иллюзий. Другими словами — вовне нам не остается ничего иного, как продолжать делать то, что мы делали до сих пор. Любое резкое движение неминуемо обернется против нас — все «бжезинские» мира только и мечтают о предлоге для того, чтобы обложить русского медведя в его берлоге, хотя эта медвежья охота может закончиться лишь катастрофой, скорее всего — всеобщей.

Резкие декларации противопоказаны и во внутренней политике — и по той же причине. Без деклараций, на деле нам пора заняться восстановлением нашей реальной военной мощи по принципу: пусть не любят, лишь бы боялись. Не афишируя это, нам придется искать современный вариант программы «пушки вместо масла». Насколько можно понять, мы уже начали двигаться в правильном направлении. Нельзя только останавливаться под воздействием «милых» доводов типа: «У нас нет врагов». В этом смысле расширение НАТО приносит реальную пользу, доказывая обратное и предоставляя убедительную аргументацию в пользу наращивания нашего военного потенциала. По оценкам экспертов, ядерного щита, оставшегося нам в наследство от СССР, хватит на ближайшие 10–15 лет. Ровно столько времени нам остается, чтобы стать неуязвимыми для любого шантажа, в том числе и экономического. Иначе Россия как таковая уйдет из истории.

Общий вывод таков. Официальные власти РФ должны и дальше воздерживаться от громогласных протестов, за которыми не стоит сила; пусть такими протестами занимается российский парламент и отдельные, лучше всего оппозиционные, политики. Задача официальных властей — любой ценой в ближайшие 10–15 лет обеспечить экономическое оздоровление страны, ее устойчивость по отношению к любому давлению извне и на этой основе восстановить военную мощь, которая заставит всерьез считаться с Россией. Это очень непростая задача, которая потребует сплочения нации. В этом плане нельзя испытывать колебаний, используя тот или иной опыт советского периода, который оправдал себя как успешный и выдержавший испытание временем. Окрики из Вашингтона или из рядов оппозиции не должны нас останавливать.

В заключение приведу в качестве иллюстрации опасности сложившейся ситуации две цитаты из выступлений авторов, достаточно известных в России по недавней истории. Эти цитаты свидетельствуют о красноречивых параллелях с нынешними временами, поскольку оба автора были заняты именно практическим строительством глобальной империи.

Первая цитата. «Идет война идеологий и рас. В этой войне на одной стороне стоит национал-социализм, мировоззрение, основанное на ценностях нашей германской, нордической крови, стоит мир, каким мы его хотим видеть: прекрасный, упорядоченный, справедливый в социальном отношении, мир, который, может быть, еще страдает некоторыми недостатками, но в целом радостный, исполненный красоты и культуры мир, каким как раз и является Германия. На другой стороне стоит 180-миллионный народ, представляющий собой мешанину рас и народностей, чьи имена непронизосимы, а сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать, — это расстрели-

вать без всякой жалости и милосердия» (речь Генриха Гиммлера, уполномоченного фюрера по установлению «германского порядка» на Востоке, перед высшими чинами эсэсовских вооруженных формирований «Ваффен-СС» в Штеттине 13 июля 1941 г., через три недели после нападения на СССР).

Вторая цитата. «Следует рассматривать любую попытку организовать на германских границах вторую военную державу как агрессию против Германии. Необходимо всеми средствами, вплоть до применения вооруженной силы, предотвратить возникновение такого государства, а если оно уже возникло, то уничтожить его» (Адольф Гитлер, «Майн кампф», 1925 год).

С. Пыхтин. Хочу обратить внимание на то, что именно американцы недавно провозгласили идею о «ценностном разрыве», а теоретически обосновали ее уже довольно давно. Известны статьи и книги на этот счет С. Хантингтона и З. Бжезинского, которые не устают писать по этому поводу, продолжая делать то же самое на «англосаксонском уровне», что раньше делалось на «германском», о чем нам весьма убедительно рассказал И. Максимычев. И говорить о том, что никакого «ценностного разрыва» между Россией и Западом нет, было бы абсолютно неверно. Давайте же признаем, что ничего общего между Россией и Америкой не существует!

Между прочим, они говорят об этом «разрыве» не только применительно к отношениям Америки, а точнее США (ведь нельзя мешать бразильцев и аргентинцев с североамериканцами), и России, но и применительно к своим отношениям с Европой. И то, что происходило в ходе интервенции США в Ираке как раз подчеркивает, что хваленая «западная система ценностей» начинает давать сбой. И никакой здесь общности не существует. В будущем «ценностной разрыв» между Европой и Америкой будет углубляться. Мы еще удивимся, как они не похожи друг на друга. Поэтому говорить об универсальном характере каких бы то ни было ценностей — беспредметно. А то, что проповедуют США, — это не система ценностей, а система интересов. И диалог с ними возможен только в этой плоскости: давайте говорить о наших интересах. Здесь возможны какие-то компромиссы, взаимные уступки, учет интересов друг друга. Но это все не распространяется на систему ценностей и идеалов. Они принципиально расходятся во всем. Система ценностей русской цивилизации, выработанная на протяжении десятков столетий, в том числе 11 веков «писанных» и признаваемых всеми, — уникальна и неповторима. Здесь мы не можем вести диалог, мы можем лишь информировать друг друга на принципах невмешательства. Мы не должны навязывать чужим цивилизациям свою систему идеалов и ценностей, но то же самое должны требовать и от других цивилизаций.

Я не буду углубляться в вопрос о том, в чем состоят различия между разными системами ценностей: на этот счет существует огромная литература в тысячи страниц. И наша проблема в том, что русское общество, в первую очередь его интеллигенция, утратило осознание этих национальных ценностей и идеалов. Более того, наша интеллигенция вот уже на протяжении трех столетий постоянно предаёт эти идеалы, а народ и общество в целом вынуждены расплачиваться за это предательство. XX век — это вершина, «гималаи» этого предательства. Наши интеллигенты стали агентами чужого влияния в стране. Именно поэтому мы и оказались не в благоустроенной стране, а на ее развалинах. И когда мы говорим, что мы зависимая страна и не можем проводить самостоятельную внешнюю политику, то это результат не объективных процессов, а результат предательств и измен, которые 10 тыс. властвующих в XX веке делали, начиная со времен Н. Хрущева. В результате наша страна была демонтирована. Понятно, что в этом демонтированном виде мы зависим от всех — от Америки, от Европы, от Азии. Если мы и дальше будем идти по этому пути, то мы полностью исчезнем как субъект международного права.

Наша власть не позаботилась о защите главной ценности, которая существует на пространствах русской цивилизации: обеспечение демографического соответствия между тем, чем обладает Россия и что оставили нам наши предки ценой неимоверных усилий и жертв, и количеством народонаселения (а нам нужно для удержания нашей территории до полумиллиарда человек). А у нас не только нет такого соответствия, мы еще и вымирающая страна. Это проблема национального выживания. В то время как население Америки устойчиво увеличивается и уже сейчас приближается к 300 млн. человек. Таким образом, с Америкой Россия находится в противофазе. У нас разные задачи и проблемы. А мы с ними хотим спорить, сопоставлять какие-то ценности! Это вообще не предмет спора, это то, что выясняется на полях сражений. Ибо то, к чему нас призывал А. Зубов и другие «западники» типа А. Коновалова, — означает не просто сдаться, а самоистребиться, уничтожить нашу «неудавшуюся» цивилизацию с «неудавшимся» народом, с «несостоявшейся» культурой, с «несуществующей» религией и т. д. и т. п., превратить нашу страну в некое пустое пространство, которое потом будет заселено кем-то другим. К сожалению, сегодня наша интеллигенция и воспитанная ею власть стоят на этих позициях. Вот главная проблема! Со всем остальным русские всегда справлялись. Но им очень трудно справиться со своей властью, которая осуществляет антинациональную политику.

Надо сказать, что, как правило, власть в России, чувствуя народные инстинкты, проводила как раз политику национальную, применяя порой даже диктаторские методы, когда народ не осознавал свои

национальные задачи. И тогда насилие было нужно во имя спасения страны. И это происходило не только в России, но и в десятках стран. Ни одна великая держава не обходилась без насилия как внутри страны, так и вовне. И это нормально. А мы почему-то демилитаризовали свое сознание. При этом дефиците людей, который есть в России, у нас должно быть милитаризованное сознание, экономика двойного подчинения и люди двойного подчинения. Они должны иметь одновременно и гражданские, и военные профессии. Профессиональная армия — это чепуха, не соответствующая национальным задачам. Каждый человек, способный носить оружие, должен у нас быть готовым к беспощадной войне. Только в этом случае нас будут уважать и бояться. Беда, когда Россию перестают бояться. А ее сейчас не то, что не боятся, а вытирают о нас ноги. Даже такие псевдогосударства, какими являются все эти прибалтийские ничтожества. И именно потому, что наша власть и наша интеллигенция уже не понимают национальную систему ценностей и идеалов.

Беда состоит еще и в том, что в конце XIX столетия мы выбрали в качестве своих постоянных союзников англосаксов — Англию и США, вместо того чтобы всеми силами обеспечивать наш союз с Германией. Наша трагедия XX столетия вытекает из этого, в частности в результате нашего присоединения в 1907 году к Антанте. В результате этой ошибки на протяжении всего XX столетия Россия все время таскала каштаны из огня для других, воюя за чужие интересы. И сегодня мы продолжаем эту стратегическую линию, линию на то, чтобы находиться в объятиях наших лютых врагов. И в очередной раз расплачиваться за их интересы, ценности и идеалы нашими интересами, ценностями и идеалами. Если мы будем продолжать эту стратегию дальше, то эта «скукоженная», «ампутированная» Россия, с которой мы сегодня имеем дело, просто исчезнет в течение ближайших нескольких десятилетий. Мне кажется, что это главное. Поэтому надо говорить не о чужих ценностях и идеалах, а о своих. И если интеллигенция и власть это сделают, то у нас есть еще шанс на выживание. В последние же 20–30 лет мы вынуждены работать в «ликвидационном комитете» по России. Все наши правительства — это ликвидационные комитеты, а интеллигенция пытается теоретически как-то оправдать и объяснить их деятельность. Никакого оправдания они не заслуживают. Это — государственные преступники. Ибо высшая ценность для русских — это их государство. Русские могут существовать только под защитой сильного государства. Ничего лучшего на протяжении полутора тысяч лет русские не придумали. Это единственное средство, которое дало им возможность отбиться от всех нашествий, выжить и создать сверхдержаву. И как только наша интеллигенция объявила государство своим лютым врагом, с этого начались все наши беды.

В. Махнач, профессор Православного университета. С XVII столетия, на протяжении двух с половиной веков, нашим основным политическим и геостратегическим врагом была Великобритания. Это не извечный враг. Мне в свое время довелось в 1994 году напечатать статью об исключительной близости и взаимном тяготении русской и английской культур, которые наблюдались еще в начале XVII века, когда мы еще не были в стратегическом противостоянии. О позитивном взаимном влиянии двух культур, их исключительном взаимном внимании к достижениям в философии, богословии, искусстве, в том числе парковом, и в социальных традициях. Не случайно среди славянофилов — такие громкие имена, как Киреевские и Хомяковы, были англофилами! (В отличие от позитивного влияния английской культуры, на русских крайне негативное, даже разрушительное влияние оказывала культура французская.) И это не была «игра в одни ворота». Блистательный стиль «модерн» в искусстве мы заимствовали в конце XIX — начале XX века у англичан. Англия — это первая страна модерна. Но величайшей страной модерна затем стала Россия. И уже англичане с большим интересом смотрели на нас: «Как это так красиво у них получается?!».

И вот на этом фоне мы оказались главными врагами! Причем Англия всегда была для нас наиболее опасной, когда формально являлась нашим союзником. Так, при устойчивых торговых отношениях и без всяких политических конфликтов англичане подстроили нам несвоевременную Северную войну, начавшуюся в 1700 году, и сравнили нас со шведами (это моя гипотеза) исключительно для того, чтобы мы создавали морской флот на Балтийском море, где он был бесперспективен, а не на Белом, с чего начинали при Петре (еще бы: тогда он «висел» бы над Англией!). Английские связи и золото сыграли печальную роль в конце XVIII столетия, когда сначала Англия, будучи нашим союзником, подленьким «десантиком» вырвала у нас Мальту, а затем на английские денежки и с использованием английских связей — и это был не последний случай в нашей истории, когда английский посол нарушил свой дипломатический статус, — был убит император Павел I. Затем мы в ходе предательской политики императора Александра I, как союзники англичан, таскаем им каштаны из огня в наполеоновских войнах. Абсолютно вопреки национальным интересам и интересам Вселенского Православия! Затем мы пускаем англичан на Балканы, когда еще могли их туда не пускать. И эта линия продолжалась вплоть до конца Первой мировой войны, когда еще один английский посол — Бьюкконен — отличился участием в заговоре против законного российского правительства, наших традиций и интересов православия. Он был достойный продолжатель дела посла Уитворта в конце XVIII века. Это чрезвычайно

устойчивая традиция. При Наполеоне и в ходе Первой мировой войны это были самые страшные моменты, потому что формально мы были союзниками.

Напротив, нам Англия не была сколько-нибудь опасна, когда мы воевали с ней, например во время Крымской войны. Да, мы ее проиграли по целому ряду причин. Проиграли всей европейской коалиции с участием африканцев и азиатов. Но что характерно: нас побиили французы! А англичан мы били каждый раз, когда с ними встречались! Так, как даже турок не били!!! Настолько жалкими были английские солдатики...

С момента начала так называемой американской революции и войны американцев за независимость, формирования первой Конфедерации, а затем появления федеративной конституции Гамильтона — Джефферсона у англичан начались случаи противостояния с американцами. Они там пытались наводить порядок, и какие-то американцы пытались поддерживать своего законного короля, за что поплатились жуткими репрессиями после признания независимости Североамериканских Соединенных Штатов, причем репрессиями англосаксонского типа: чего стоит, например, запрет удаляться от своего дома более чем на 10 миль! Так были надолго наказаны североамериканцы, верные британской короне. В английском духе!

В этой ситуации Россия дважды совершила одну и ту же ошибку, видимо, вынужденную. Но нельзя же требовать от государства и министра иностранных дел, чтобы они были ясновидящими! Америка тогда была захолустьем, и к нам демонстративно тянулись, а англичане были настолько устойчивыми нашими врагами, что последний русский император Николай Александрович однажды высказал в частной беседе тремя словами отношение к двум народам сразу: «Англичанин — это жид». Ошибка была совершена царем-освободителем, императором Александром II. Тогда в Америке началась гражданская война. Англия и Франция поддержали южан. А мы срочно мобилизовали и послали наши крейсера в Северную Атлантику, после чего англичане «прижали уши», хотя и были «властителями морей». Это была трагическая ошибка! Не поддержи мы тогда Север — было бы сейчас, несомненно, на месте Североамериканских Соединенных Штатов несколько более или менее процветающих провинциальных государств... И чихать нам было бы на них!

Увы, эта ошибка была совершена. И исправить ее невозможно... Как нельзя исправить и чудовищную, преступную ошибку Сталина, создавшего Великий Китай.

Но в истории бывают и более объективные моменты. Например, мирная революция в Индии, которая превратилась в движение за деколонизацию. В результате Англия начала выдыхаться. Даже еще к

концу Первой мировой войны англичане располагали первым военно-морским флотом в мире. Немецкий флот проиграл Антанте и был потоплен, а английский был «потоплен» в ходе ограничительных Лондонской и Вашингтонской конференций. Перестав быть преимущественно морской державой, Англия, которая на суше еще в середине XIX века воевать «не бардзо» умела, была обречена соскользнуть в положение «драного шлейфа» США, каковым она в настоящий момент и является.

Здесь неоднократно и совершенно аргументированно затрагивался вопрос о том, что есть противоречие между Европой и США, противоречие интересов, а в перспективе и противоречие в ценностях. Но дело в том, что в объединяющейся Европе сидит «пятая колонна». Это — Лондон. Западная Европа без этой «пятой колонны» была бы, за исключением «ядерного зонтика», по всем остальным параметрам равноценна США или превосходила бы их. Но «дранный шлейф», как постоянная гиря, висит на европейских ногах. И с этим ей трудно не считаться.

Итак, посмотрите! Американцы унаследовали английскую политику в отношении России. Было бы даже странно, если бы этого не произошло. Ведь США, собственно, создали те главные революционеры XVII — начала XVIII веков, которых разумные англичане выперли, вышвырнули, выдавили из Англии. Это были кальвинисты-пуритане, унесшие с собой в Америку кальвинистское отношение к «неполноценным народам», которое никогда не позволял себе даже Гитлер. Это именно отношение кальвинистов, а не лютеран.

Нас упрекают, что наш высокий экономический потенциал создан в сталинских лагерях. На это я могу возразить, что английский высокий экономический потенциал создан в работных домах, куда отсылали голодных людей в административном порядке (Диккенса ведь все читали, и что такое работный дом, вы помните!). У нас хоть «тройки» судили, а у них было просто: вжик! — и пошла «бабушка» доживать свой век! А в Америке этот дух кальвинизма начал уничтожать американских индейцев, т. е. осуществлять геноцид, который был успешно проведен в развитие той же кальвинистской доктрины! Вы спрашивали о различии в системах ценностей? Вот разница в этих системах ценностей! Русские даже чеченцев не истребили. Все народы Сибири, Дальнего Востока и даже Севера — продолжают существовать. А североамериканских индейцев — перебили, «зачистив» территорию! Американцы и англичане — не чужие. Просто американцы — худшие из англосаксов. И вылезают они даже не из либерализации А. Смита, а из английской революции, из пуританизма, из бесчеловечного отношения к «неудачнику», к человеку, который слабее. И к началу XX века они становятся воплощением «выжимки» недружественности в луч-

шие времена, и откровенной вражды в худшие — западного мира к миру восточно-христианскому. Здесь неоднократно говорили о возможном противостоянии христианского мира и мира мусульманского. К счастью, это невозможно. Потому что христианского мира нет! В IX веке христианской эры вполне сложились и обособились два христианских мира — мир западных и мир восточных христиан. Лидером восточно-христианского до XV века была Ромейская империя, именуемая нами на западный манер Византией (они так себя не называли). А с конца XV века таким лидером стала Российская империя. И несмотря на все свои безобразия — искушение государственным атеизмом, избиение священников, этот восточно-христианский мир сохранил себя как *мир христианский*, хотя время от времени кто-то — румыны ли, болгары ли — начинали «покачиваться» в сторону Запада. А тот мир, который называл себя после разрыва с Константинополем христианским, *Rex Christiana*, стал называть себя с XVIII века совершенно справедливо «*миром цивилизованным*». И таковым он и является! Это совершенно правильное самоназвание! Это — их сущность! Потому что ни религиозные ценности, ни культурные ценности, а исключительно цивилизационные(!) являются объединяющим Запад моментом. Это их правильное название.

Это не значит, что у нас нет цивилизации. У нас есть цивилизация. Но мы к «цивилизованному миру» не принадлежим! И у китайцев есть цивилизация. Но и они тоже к этому миру не принадлежат и принадлежать не хотят. И если Ирану говорят: «Вы должны научиться вести себя как цивилизованная страна», то надо отдавать себе отчет — это персу говорят, что *он должен перестать быть мусульманином*. Это ответ на вопрос о «разрыве ценностей».

И резюме. Два мира, тогда еще христианские и принадлежащие к единой Вселенской церкви (за исключением небольших отколовшихся групп), сложившиеся в IX веке, — это был еще не глобальный культурный разрыв. И дата 1054 год, так называемая Великая схизма, разрыв между Римом и Константинополем, вошла во все энциклопедии только потому, что они не первый раз поругались, но первый раз не помирились. 150 лет этого толком никто не замечал. Настоящая дата — это 1204 год, т. е. 800 лет назад (у нас мрачный юбилей, ничуть не лучше, чем столетний юбилей русско-японской войны), когда произошли захват и чудовищное разграбление Константинополя крестоносцами 4-го Крестового похода. С этого момента агрессия Запада в отношении восточных христиан не прекращалась никогда. И в отношении никакой другой культуры — ни в Африке, ни в Азии, ни в Латинской Америке — эта агрессия не была столь устойчивой.

Поэтому, соглашаясь со многим из сказанного, я пытаюсь сформулировать некую полезную идеологию. Существенным оружием

нашей политической борьбы с универсальным Западом и США как таковыми является постоянное на них давление: вы совершили с 1204 года то-то, то-то, то-то и то-то. За вами — зачистка турецкой территории турками с геноцидом армян, ассирийцев и греков. Геноцид сербов в годы Второй мировой войны и геноцид сербов в конце XX — начале XXI века. На вашей совести предательские действия Англии в отношении своей союзницы России. В том же самом можно упрекнуть и США с их гнусной провокацией 1905 года — я имею в виду Портсмутские переговоры и позорный Портсмутский мирный договор вместо выигранной нами у японцев войны. Вы не можете нам предъявить и сотой части тех обид, которые мы можем предъявить вам. И мы устроим музей этих обид! Будем проводить выставки, выпускать альбомы «Преступления Запада против восточных христиан»! И только гнусный шовинист и нацист может отрицать ту неоспоримую истину, что среди культурных групп, и если хотите, цивилизаций, на планете в XX веке более всех претерпели и пострадали восточные христиане. А среди восточных христиан более всех — русские, которые и по сей день являются расчлененной нацией, тоже стараниями «добренького» Запада. Это будет действительно. Если бы американцы, у которых остатки христианской совести все-таки, наверное, остались, не стеснялись того, что они битком набивали парусные суда и неделями везли черных рабов из Африки, то никогда в жизни не было бы Республики Либерия в Африке, и американские негры не добились бы не только равноправия, а теперь уже и привилегий(!) над белыми. Если бы европейцам и американцам не было бы несколько стыдно за то, что ни они, ни американцы, ни французы, ни мы, сделали с евреями в годы Второй мировой войны, не видать бы им государства Израиль на совершенно им чужой палестинской земле по решению ООН. Не видать, как ушей своих! Упрек — это действенная форма полемики. А многовековой упрек — это еще более действенная система полемики. Поэтому я искренне приглашаю интеллектуалов, пишущих людей противодействовать «ценностным выпадам» Запада уже сейчас и строить политику встречных упреков.

С. Волков, РГГУ, д-р ист. наук. Многие выступления исходят из того, что ценности у нас с Западом как бы общие. Но одни (Запад) в них более преуспели, а другие (Россия и другие страны) преуспели менее. И поэтому сокращение «ценностного разрыва» предполагается как необходимость догонять тех, кто преуспел более. Но такая постановка вопроса не слишком удачна, потому что на самом деле никто не может точно сформулировать, в чем же состоят эти ценности? Какими ценностями руководствуются, допустим, Америка или Европа? Или нынешняя РФ? Вопрос этот достаточно абстрактен. Никто не

может сказать, что такое демократия, права человека, международное право и т. д. В этом смысле произошла удивительная аберрация: я всегда считал, что международное право возникает из контактов между государствами, из международных договоренностей. Оказывается, нет! Я считал, что международное право не может действовать в отношении того государства, которое каких-то его норм и положений не признает. И это право лишь для тех государств, которые в чем-то согласны. А те государства, которые с этим не согласны, находятся вне сферы этого права. Оказывается, это не так. Оказывается, если кто-то где-то собрался и принял декларацию, то это — некая «богоданность». И всякое иное поведение есть нарушение международного права. И хотя это абсурдно и противно здравому смыслу, такой взгляд, видимо, преобладает.

Такая же странная история и с ценностями. Разве могут быть западные ценности образцом для всех? В реальности «разрыв ценностей» между Америкой и Европой, например, состоит в том, что Америка руководствуется здравыми, естественными понятиями, тогда как европейские понятия — это идеология «опущенных», т. е. понятия противоестественные. Поэтому для меня всегда странными были призывы к тому, что мы должны брать пример с Европы, а Америка — это нечто изначально нам враждебное. Нет. Пример надо брать с США, господа! Потому что тот «разрыв ценностей», который есть между США и РФ, — это тот же «разрыв», который существует между США и европейскими странами. Европейские страны оказались в положении «опущенных», т. е. тех стран, от которых уже ничего больше не зависит. От США зависит многое, кое-что — от Китая, Индии. Даже от нишей РФ зависит. А вот от Франции ничего не зависит, и от Германии ничего не зависит. Эти страны — кто добровольно, а кто и по принуждению — перешли в такое состояние, когда они «выпали» из потенциальных участников каких-то серьезных договоров. США вынуждены договариваться даже с нынешней РФ (!). И с Китаем. Но им не надо ни о чем договариваться с Англией, ФРГ или Францией.

Есть страны, которые априори могут играть какую-то роль в мировой политике, а есть страны, которые изначально этого делать не могут. Россия относится к числу таких стран, которые это делать могут. И должны, если угодно!

Есть разница между инвалидом с рождения и инвалидом в результате несчастного случая. Какая-нибудь Бельгия в этом смысле инвалид с рождения, и психология у бельгийцев изначально другая. Она изначально не может играть никакой роли в политике...

Но поведение, которое считается нормальным для таких стран, хотят навязать и России. Но Россия не может себя так вести, потому что

она не является инвалидом с детства. Она является инвалидом в результате несчастного случая (или, если хотите, теракта).

Я считаю себя стопроцентным «западником». Я вообще не считаю, что существует некий «Запад», который имманентно враждебен России. Никакого единого Запада не существует. И он не существовал никогда. И Россия — не менее западная страна, чем Франция или Германия и ничуть не хуже и не «паршивый изгой» в их числе. Она даже лучше их. Но сейчас об этом говорить сложно, потому что тот Запад, который существует ныне, и тот Запад, который существовал раньше, — это разные вещи. Россия и СССР, конечно, антиподы и ничего не имеют общего. Но важно понять, что те «ценности», о которых у нас идет речь, — это некое патологическое извращение последних десятилетий, которые по масштабам мировой истории нельзя даже считать экспериментом (удавшимся или неудавшимся). Когда я родился, мир был еще нормальным. Я еще не успел умереть, а те извращения, которые в этом мире возникли, уже начинают давать трещину. Так что я, в отличие от ранее выступавших, был бы гораздо более оптимистичен.

Вообще не надо задаваться вопросом о том, хуже мы «Запада» или лучше, и догонять ли нам какие-то другие страны. Надо просто вести себя так, несмотря на нынешнее наше положение, как если бы мы жили в нормальном мире. Потому что наше государство, каким бы жалким оно сейчас ни казалось, оно таково, что все равно с ним ничего поделать нельзя. Говорят, России без США, Запада не выжить, и они нам нужны больше, чем мы им. Нет, наоборот! Россия практически неуязвима для США или кого бы то ни было, потому что нам нечего терять. а им терять есть что. Ведь для наших людей советское прошлое, тогдашнее благосостояние все равно будет недостижимым идеалом. Чем же можно «прижать» нынешнюю РФ? Тем, что будет хуже? Хуже быть не может! А вот если бы путинская власть, вместо того чтобы быть членом антитеррористической коалиции, вздумала бы встать на позиции поддержки «справедливой борьбы исламского мира против американского империализма» — американцам мало бы не показалось!

В. Барановский, заместитель директора ИМЭМО РАН. И это говорит «стопроцентный западник»?!

С. Волков. Я стопроцентный западник, полагающий Россию неотъемлемой частью «цивилизации белого человека». И я выступаю с позиций *нормального белого человека*, а не того, каким он стал на «Западе» за последние полвека. Я меньше всех хочу, чтобы РФ превратилась в огрызок «совдепии». Но сколь бы мерзка она ни была, она все равно сможет уничтожить США. И сделать с ней ничего нельзя. И никогда и ни при каких обстоятельствах американский десант на Крас-

ной площади высажен не будет. Политологи же путают две вещи: «западничество» и «прозападничество». «Западничество» — это не «прозападная политика», а политика пророссийская, т. е. политика, которую традиционная Россия всегда и проводила. То бесовство, которое мы видим в Страсбурге, — это болезненная аномалия. И мне приятно, что не прошла жизнь одного поколения, а это бесовство уже начинает давать трещину. И когда до них доберутся как следует, то, возможно, о «ценностях белого человека» они, глядишь, и вспомнят!

В. Барановский. На мой взгляд, в нашем обсуждении имеется методологическая проблема: соотношение ценностей и внешней политики. Здесь можно высказать прямо противоположные позиции. Можно сказать, что все зависит от ценностей. А можно сказать, что ценности на внешнюю политику не влияют, а есть интересы и геополитические мотивы, а ценности — вещь второстепенная.

Я не хотел бы обсуждать содержание самих этих ценностей. Это безразмерная дискуссия о том, «что такое хорошо и что такое плохо». По поводу этого написаны даже не тысячи страниц, а тысячи книг. Мы просто признаем наличие некой системы ценностей за данность и понимаем, что есть некоторые различия между разными странами и народами по поводу их содержания: и внутри Европы, и между Европой и США, и между нами и европейцами. Насколько сильны эти различия и насколько существенно их несовпадение для внешней политики, для международной политической системы — вот главный вопрос. Насколько ценности и их коллизии являются источником внешнеполитического поведения — вот что нам должно быть интересно. Другая проблема состоит в том, что ценностные различия цинично используются политикой для того, чтобы обеспечить «прикрытие» при достижении иных целей. Сочетание этих двух вещей — ценностные различия как источник внешнеполитического поведения и использование таких различий в качестве «прикрытия» для поведения, связанного с другими, «неценностными» соображениями, — это важная проблема, которая должна нами рассматриваться. Например, Крестовые походы, несомненно, изначально мотивировались некой системой ценностей, благородным стремлением освободить Гроб Господень. Но было и другое: эти благородные мотивы, которые вызывали всеобщее возбуждение, использовались для того, чтобы реализовать свои корыстные геополитические интересы, захватить новые земли, установить контроль над данным регионом и т. д., т. е. было и то, и другое.

И такое сочетание ценностей, благородных устремлений и циничной их эксплуатации политикой очень часто возникает сегодня. Совсем недавно, в картеровские времена, со стороны США велась, как мы ее называли, «так называемая кампания по защите прав человека».

Она также содержала два элемента: реальную озабоченность тем, что в этой области есть существенный «ценностной разрыв» между СССР и США; и другое — то, что нам казалось доминирующим, — попытку использовать эту проблематику в пропагандистских целях для того, чтобы что-то нам «навязать», оказать на нас давление и т. д. Сегодня эта же схема используется США, которые упрекают нас в «разрыве ценностей». Это не новая проблема, а традиционная, и потому мы не должны слишком ее драматизировать.

Но есть еще один «срез» этой проблемы. Вопрос о ценностях в наши дни становится очень важным в плане обеспечения общественной поддержки той или иной внешнеполитической линии государства. Внешняя политика становится все более и более зависимой от наличия или отсутствия такой поддержки со стороны гражданского общества, СМИ и т. д. И представление в обществе о том, что наша система ценностей отличается от того, что считается на Западе традиционным для демократии, становится для нашей власти крайне неприятным обстоятельством. Важно, что были ожидания, и в нашем обществе, и на Западе, что изменения, начавшиеся на рубеже 1980—1990-х годов, выведут Россию на систему ценностей, совместимую с западной, и позволят считать ее и Запад частью одного культурного ареала. Эти ожидания не оправдались. Напротив, сейчас усилилось ощущение того, что наши «ценностные векторы» расходятся. И это может повлиять на наши отношения с западным миром.

На это можно возразить (вопрос об этом поднимал С. Кортунув): есть Китай. Запад с ним прекрасно взаимодействует и не ожидает от него «вхождения в сообщество западных стран» по параметрам ценностей и культуры. Это абсолютно правомерный вопрос. Он позволяет предполагать, что если Россия не будет частью западного мира и не будет разделять его ценности, но будет сильной, жизнеспособной, восстановит свою экономическую, политическую и военную мощь, то к ней все равно будут относиться уважительно и сотрудничать с ней. Такое вполне возможно и прогнозируемо. Но при этом Россия не будет частью «западного клуба», в который она стремится попасть (Китай туда и не стремится). Нас не будут считать «своими». И это будет приносить нам весьма существенные (хотя и не драматические) внешнеполитические издержки. И здесь возникает еще один вопрос, который поставил С. Кортунув, — вопрос о соотношении внутренней и внешней политики. Можно ли продолжать строить дееспособное, немного авторитарное государство, и при этом во внешней политике развивать сотрудничество с Западом, США, рассчитывать на их помощь в модернизации страны, на получение кредитов и т. д.? У меня такое ощущение, что в течение довольно длительного времени такое возможно, хотя эта оценка может быть и неприятной для «демократов», которые

хотят преобразовать Россию по либеральным стандартам. Однако коллизии между внутренней и внешней политикой, безусловно, будут накапливаться, и в какой-то момент количество перейдет в качество. В некоторых областях мы это обнаруживаем уже сегодня. Например, чеченская тема, «зажим» СМИ, «управляемая демократия» уже сейчас вызывают на Западе отчуждение, отстранение от России. Это отчуждение будет возрастать и в конечном счете может привести к каким-то неприятным для нас последствиям. И умеренный пессимизм (но не драматизм) в моих представлениях здесь возникает.

С. Кортунов. Как Вы считаете, из «восьмерки» нас исключат?

В. Барановский. Думаю, что этого не будет. Но не будет и другого: того тесного взаимодействия с Западом, которое могло бы оказывать позитивное и существенное воздействие на международно-политическую систему. При сохранении нашего формального участия в «восьмерке» будет частое использование механизма «семерки», к которому Россия не будет иметь отношение. Это будет нам несколько обидно, поскольку совсем недавно нам казалось, что мы становимся если пока не совсем полноценным, то весьма весомым игроком в этом механизме.

А. Коновалов. От нас не требуют принять западную систему ценностей. От нас хотят одного: предсказуемости... Они не знают, как мы себя поведем, когда только начнем усиливать этот авторитаризм внутри страны. И здесь у нас нет длительной исторической перспективы, кроме как пополнить ряды «failed states». Нам, правда, тут нарисовали и другую перспективу: показать США «кузькину мать» и возглавить международный террористический интернационал. Но, во-первых, мы его никогда не возглавим: мы там будем в лучшем случае «шестеркой». Потому что такой интернационал — это прежде всего идеология, построенная на глобальной экспансии радикального ислама. К тому же это сетевая транснациональная организация, а не государственная. И она является очень серьезной угрозой для всего мира, в том числе и для России. Если, например, США уйдут из Ирака, исламисты пойдут на Америку через Европу, потому что это «по дороге». И тогда всем, в том числе и России, мало не покажется.

Здесь говорили о «поганных англосаксах». Но ведь их сегодня нет! Они же не пытаются захватить нашу территорию, в том числе, как пишет г-жа Н. Нарочницкая, захватить «несметные богатства Сибири». Мы сами не знаем, кому их продать! Сегодня есть гораздо более изощренные, чем военные, способы взять под контроль ресурсы других стран. Для этого не надо никуда «входить» и никого завоевывать, а затем за него, завоеванного, нести ответственность. Американцы уже заплатились за такую политику в Ираке. И говорить о том, что нам надо или «лечь под Америку», или всем вооружиться — это бред. По-

весить каждому рабочему на спину «ружжо» — это значит добить нашу демографическую проблему до конца. Человек в неволе не размножается, или очень плохо это делает. Для размножения надо создать условия, а не «ружжо» за его спиной повесить.

Да, мы можем уничтожить Америку, и доставляем ей в этом смысле определенное беспокойство. Но уже не очень большое, потому что наши ракеты все реже взлетают и все чаще взрываются по команде с земли над нашей собственной территорией. И мнение о том, что нас уважают только тогда, когда боятся, на мой взгляд, ошибочно. Это одна из наших главных исторических ошибок. Внешняя политика, которая построена на запугивании других, — это плохая внешняя политика, а для современного мира — просто скверная. Сейчас уже никто никого не боится! Надо, чтобы уважали. И считались с твоими интересами. И для этого их надо аргументированно представлять.

Когда-то я сказал американцам: «А чего же вы так китайцев уважаете? Они же тоже права человека нарушают!». А они говорят: «А у нас с ними 14 млрд. долл. годовой торговый оборот! Приходится помалкивать...» Надо, чтобы с нами считались именно так: как с экономической силой, которая способна производить продукт, нужный тем, кого мы сегодня называем «цивилизованными странами», и интеллектуальные идеи, которые будут востребованы.

Когда говорят, что русские — это расчлененная нация, я с этим согласен. Но при чем тут «старания добренького Запада»? У нас, с одной стороны, колоссальный комплекс превосходства в том смысле, что мы особенные и лучше всех, а с другой — огромный комплекс неполноценности. Почему мы считаем, что Запад нас разрушил?! Почему мы не хотим видеть, что мы пьем много, спим долго... Где тот заговор, который нас постоянно разрушает? И какой смысл в этом заговоре, если мы будем разрушены? Начинать надо с себя, а не искать виноватого вовне — не в отвратительных англосаксах и не в злобных германцах. Да и нельзя выводить современную политику из 300-летней, а тем более 1000-летней истории. Тогда давайте устанавливать крест над Софией, Арарат возвращать армянам... На исторической карте мира можно найти аргументы почти для любых действий, особенно на европейской.

Я считаю, что русские — достаточно полноценная нация, чтобы не испытывать этих комплексов и понять, что нам надо менять у себя дома, чтобы решать самим свои проблемы.

В. Махнач. Я, между прочим, в отличие от А. Коновалова, не испытываю комплекса неполноценности, а предлагаю идеологическое воздействие, испытанное с успехом в XX веке многими. Вам не кажется странным, что Версальское расчленение России соответствует планам Гитлера и реализовано без единого выстрела в 1991 году? Я позд-

равляю героев этого дня, призываю почитать память умерших, но днем победы этот денек не назову никогда! Потому что мы за что-то отдали 20 млн. человек, а затем все сдали. Если мы кого-то в Европе спасали, то мне на это наплевать. Мне их всех не жалко! Мне до них дела нет! Не кажется ли Вам странной повторяемость ситуации? Ведь речь идет об отторжении от России тех же самых территорий!

А. Коновалов. Нет, не кажется. Дело ведь в другом. Все три социалистические федерации — Югославия, Чехословакия и Советский Союз — все распались потому, что они выбрали абсолютно неконкурентоспособную систему. Я не вижу оснований, по которым в одном государстве добровольно жили эстонцы и узбеки. Если, конечно, в каждом ауле нет компартии и КГБ, которое смотрит за тем, кто не исполняет инструкции ЦК. Поэтому Советский Союз был абсолютно искусственным образованием, и он был изначально обречен на распад. Он держался на двух элементах: «скелетом» была КПСС, а «кле-ем» — КГБ. Как только убрали и то, и другое, он рассыпался. Хотя он не был обречен разваливаться по тем административным границам, которые были границами советских республик. Это был грубый произвол, границы очень часто менялись за советскую историю. Но это — уже другой вопрос. И то, что это государство было обречено, в этом я абсолютно убежден.

А. Зубов. Здесь звучали принципиально разные позиции. Одни смотрят на советское общество, особенно ленинско-сталинского периода, с некоторой симпатией. Сегодня С. Пыхтин сказал, что в течение последних 30 лет, начиная с Н. Хрущева, происходила некоторая деградация. А что, раньше был расцвет?! Расцвет чего? По моему глубокому убеждению, и это я не устану повторять, уничтожение собственного народа — есть тягчайшее бедствие. Мы можем говорить, что его не было. Но это будет ложь! Всем известно, что это было, и что погибли десятки миллионов людей — от голодоморов 1921, 1933 годов, в лагерях, от пули в затылок, от бессмысленной, в общем-то, войны, которую мы начали, конечно же, не в 1941 г., а, как сейчас признают все историки, 17 сентября 1939 г. И начали на стороне Германии разделом Польши и Прибалтики. Так что худшего периода истории нашего Отечества не было. И результат этого худшего периода очевиден. Все то, что с огромным трудом и с большими ошибками было выращено к 1917 году, все это было уничтожено и разрушено. Была уничтожена наша европеизированная элита, которая стала удивительным фактом мировой культуры и дала миру очень многое. Она была изгнана из России. Было уничтожено освобожденное, наконец, и начавшее работать хорошее крестьянство. Был уничтожен нормальный рабочий класс. И, наконец, освободившаяся на Соборе 1917–1918 годов Церковь была также уничтожена. В конечном счете был уничтожен сам по

себе человек, как свободный, волевой и нравственный субъект. Выживали тогда те, кто соглашался терпеть этот ленинско-сталинский режим. А ведь многие шли и на сотрудничество с ним! А режим-то был кровавый... Соответственно, сотрудничество с ним означало некий внутренний моральный компромисс, который ломал совесть человека во многих поколениях. И в этом смысле все наше общество глубоко нравственно больно. Можно эту болезнь называть «цивилизационной особенностью». Но это будет огромной натяжкой. Так же как не было «цивилизационной особенностью» в России крепостное право, нельзя называть «цивилизационной особенностью» то, что возникло в советский период. А многие из нас именно эту ужасную болезнь, которую мы, конечно, породили сами, а никакие не англичане, не французы и не немцы, выдают за «цивилизационную особенность». Конечно, В. Ленин приехал в «опломбированном вагоне». Но когда мне говорят о немецком ли, еврейском ли, масонском ли заговоре, я говорю: «Помилуйте, но тогда все русские — идиоты, кретины, если они все это позволили с собой сделать! Почему же американцы и англичане этого не позволили?». Если мы болваны, то мы и недостойны быть государственным народом. А если мы сами пошли за провозвестниками таких «ценностей» и сами все это себе устроили, тогда надо каяться, менять себя и становиться нормальным обществом.

Почему нас сейчас не принимают в приличное сообщество? Хотели было принять, но сейчас опять не принимают! Уже говорят, что Россию выгоняют из «восьмерки». И выгонят! Де-факто или даже де-юре. А почему? Маркиз де Кюстин, который писал много плохого о России, писал о ней и кое-что хорошее. Он писал, что это удивительная страна, о которой совсем недавно в Европе никто не слыхал, стала центром европейского политического «клуба». Это он написал в 1839 году. И действительно, Россия, став центром политической системы Европы, по крайней мере, с Александра I, продолжала им быть до 1917 года. Почему? Да потому что Россия никогда не ставила своей целью завоевание мира. Да, у нее были какие-то геополитические (хотя я считаю геополитику лженаукой) интересы по периметру границ, какие-то притязания, стремление к расширению, но стремления к мировому господству никогда не было. Более того. Лучшие российские государи говорили (например, Александр I), что Россия слишком большая. Они говорили: «И так нам завидует весь мир; нам надо обустроить то, что у нас есть! Что же нам постоянно расширяться, не обустривая внутри себя!». Очень много было противников завоевания Средней Азии. Они считали, что мы ее «не съедем». Но, однако же, «съели». И неплохо стали развиваться. В этом смысле у России был большой потенциал, но целей завоевания мира не было. А у СССР целью было именно завоевание мира. И эта цель много раз провозгла-

шалась совершенно откровенно и официально с 1917 года, с создания «мировой советской социалистической республики». Об этом не уставал говорить В. Ленин, пока был жив, на конгрессах Коминтерна. И потом эту политику продолжили, в общем, вплоть до М. Горбачева, хотя сил становилось все меньше и меньше... И СССР боялись во всем мире, потому что если что-то где-то «плохо лежало», он пытался туда влезть и прибрать к рукам это «плохо лежащее», не принося, надо сказать, ни йоты счастья тем народам, которые попадали под его власть. Будь то Вьетнам или Гренада. И перед мировым сообществом стоит вопрос: Россия это продолжает, т. е. СССР, который пытался завоевать весь мир (благо сейчас уже «кишка тонка!»), или Россия, имеющая свои интересы, заинтересованная в определенном *modus vivendi* в мире, но которая не ставит этих безумных целей и живет своей внутренней жизнью. И если это продолжение Советского Союза, а весь внешний мир — это лишь объект интересов и агрессии, то этот «мини-СССР», эту «РФ» надо держать в узде, ограничивать, отрывать от нее по возможности новые куски, благо она слаба. Убедить же в том, что мы — старая Россия до 1917 года, очень трудно. Для этого понадобится много лет честной политической деятельности. Надо ведь доказать, что мы пытаемся декоммунизоваться. Но мы же даже не пытаемся это делать! И из-за этого все больше и больше в мире растет убеждение, что мы — Советский Союз с вырванными зубами. И с таким государством, конечно, никто дружить не хочет. Терпеть будут, но не дружить.

Говорить о том, что Россия — это своя система ценностей, складывающаяся в течение тысячелетий, или что она вообще принадлежит к какой-то «восточно-христианской» системе ценностей — это нонсенс. В религиозной сфере между западным и восточным христианством различия столь незначительны и столь догматически отдалены от проблем сегодняшнего дня, что выводить из православия цивилизационные отличия России от Запада просто смешно! Наши глубоко православные люди живут на Западе, эмигранты «первой волны», и прекрасно там себя чувствуют, оставаясь вполне православными людьми. Это — не другой мир. Это — один и тот же мир.

Права человека — это фундаментальнейшая вещь. Когда пренебрегают правами человека — плюют вам в рожу! У вас, мол, нет прав, а одна обязанность: с «ружьем» защищать режим, созданный в стране. Я же считаю, что государство для людей, а не люди для государства! Его и создавали 5 тыс. лет назад для людей. Оно создано людьми для решения определенных задач. Люди — не жратва для молоха государства!

И посмотрите в этом плане на наших эмигрантов. Эти люди, уехавшие с 5 долларами в кармане из Германии в Америку в 1947 году, стали богатыми людьми. Их дети имеют свои дома, свои доходы. Я навещал

этих людей: они живут достойно. По сравнению с ними мой отец, адмирал, имеет с «гулькиным носом» от советской и постсоветской власти и живет в двухкомнатной квартире. И наш профессор перебивается с хлеба на квас. А ведь до 1917 года так не было. Тогда честной службой можно было создать себе и капитал, и достойное существование. И это молохообразное советское государство продолжает довлеть над нами. И избавление от него, внутреннее освобождение — это наша задача.

У нас здесь говорили о многих вещах по двойному стандарту. Представьте себе, что здесь сидели бы люди из Прибалтики. Ничем не хуже, чем мы с вами. Тоже умные, совестливые, критикующие свою систему, свои режимы, как это делаем мы. Хлебнувшие горя в советское время, а кое-кто и сотрудничавший с советским режимом и являющийся преступником. И вот мы слышим: «прибалтийские ничтожества». А если где-нибудь у них скажут: «российские ничтожества». Нам будет приятно? Не будет!

Мы должны относиться к ним так, как мы хотели бы, чтобы они относились к нам. Нам нельзя позволять себе этой гадости в отношении к другим нациям. Это стыдно! И когда мы говорим об англичанах и американцах в уничижительных тонах, то я хочу спросить: нам ли, убившим свой народ, плюнувшим в лицо своей Церкви, писавшим со своих колоколен на свои крестные ходы, нам ли так говорить о тех народах, которые смогли снискать уважение хотя бы к самим себе, которые уважают свою веру, свою церковь. В той же Америке клянутся на своей Библии, а не жгут эти библии в печках, как это у нас делали в 20–30-е годы. Пройдите по нашим храмам: там все было превращено в щепу и сожжено «народом-богоносцем»! И нам ли после этого к этим народам, которые на порядок умнее, чем наш народ, нам ли к ним пренебрежительно относиться?! Мы похожи здесь на каких-то обиженных маргинальных людей, которые смотрят на богатых и счастливых и поносят их. На самом деле — из зависти! Чтобы стать нормальными, мы должны прекратить глумиться над теми, кто, по крайней мере, ничуть не хуже нас, а, скорее, лучше.

В современном мире, к сожалению, есть традиция видеть всех вокруг виновными в твоих бедах. Эта традиция свойственна, в известной степени, еврейскому народу. Думаю, что эта болезненная черта, рожденная, вероятно, Холокостом, — признак слабости. Вы знаете, Володя (Махнач), как христианин, что сила — видеть свои грехи, а не грехи других по отношению к тебе. Человек силен тогда, когда он говорит: «Да, я виноват, что со мной так произошло. Но я вижу свою ошибку, и я ее исправлю». А когда мы говорим, что мы ни в чем не виноваты, а англичане нам сделали то-то и то-то, а американцы — то-то и то-то, как Вы предлагаете, поверьте, мы будем выглядеть жалкими во всем мире!

Давайте же начнем этот путь изживания советчины во всех его аспектах — не ради того, чтобы понравиться Западу, а ради того, чтобы исцелиться самим, чтобы стать самым нормальными людьми. Ведь у нас до сих пор перекошены мозги! Многих удивила или даже огорчила моя позиция в отношении Второй мировой войны и места нашей страны в этой войне. Здесь надо разделять две вещи: героизм людей, который был всегда, и преступную политику государства. А государство было преступно: оно ввергло народ в войну. И ко всем тем страшным преступлениям, которые сталинский режим совершил против своего народа, надо приплюсовать и это преступление. Ведь все знают, как страна готовилась к агрессивной войне, как она сотрудничала с Германией, мечтая о присоединении Финляндии, Прибалтики и Польши.

Да! Великая Победа народа. Но эта Победа не принесла счастья самому народу, потому что потом продолжился сталинский режим со всеми его «прелестями» и гонениями. Она не принесла счастья и никакому другому народу. Вы знаете, что происходило в Польше, в Венгрии, в Чехии, всюду, куда ступила нога советского солдата? А что происходило в оккупированной нами части Германии? Когда русские войска в 1814 году вошли в Париж, нашего солдата расстреливали за кражу одной булки. А что происходило во время «пира победителей»? Это же позор для русского человека! Позор!

Если мы не изживем советчину, у нас нет будущего ни в каком мире — ни в мире западных государств, ни в каком другом мире. У нас тогда есть будущее лишь среди таких же человеконенавистнических режимов, кое-кого к которым тянет. Это *континентальный* Китай, мусульманский радикализм, пятый уже интернационал. Да, мы там найдем свое место — не первое и не второе, а будем «мальчиком на побегушках». А ежели мы хотим вернуться в семью культурных народов, а там есть не только европейцы, но и японцы, индийцы и т. д., то нам, в первую очередь, надо изжить ту величайшую беду, которую мы пережили по собственной вине в XX столетии. Не изживем ее — никто нас не примет. С нынешним нашим «свиным рылом в калашный ряд» не пускают.

С. Волков. В сущности, Вы напугали участников дискуссии. Я гораздо более радикально оцениваю Советский Союз, «совдепию» и итоги Второй мировой войны. Но не надо отождествлять Запад и нормальную европейскую семью народов, к которой когда-то принадлежала Россия, с современным Западом. Вот в этом слабость Вашей аргументации.

Совершенно верно: Александра I любили, Александра III уважали. Но их уважали современники, та Европа, тот Запад, к которому Россия всегда принадлежала и частью которого всегда была, причем,

я полагаю, лучшей частью (кто-то считает, что худшей). Но это — *та* Европа. А надо видеть разницу между той Европой и Европой, которая существует в настоящее время. Если бы сейчас В. Путин был Александром I, Александром III или, на худой конец, Николаем II, то нынешняя Европа сказала бы, что он *фашист*! Вот в чем дело. И если говорить о ценностях, то у современного Запада их уже нет. Те ценности, которые сейчас выдаются за западные, которые якобы были присущи Западу (а это не так) и которые нам навязывают, в теоретическом выражении суть бред, противны здравому смыслу и естественной человеческой природе. В своем практическом выражении со стороны США являются составной частью реальной политики, а со стороны Европы — частью политики стран «опущенных». К ним США хотели бы причислить и современную Россию, какая бы она ни была — избавившаяся от «советчины» или нет. И разговор о ценностях вести с ними невозможно: это все равно, что играть с шулерами, у которых в рукаве три туза. И когда наш МИД называет международными террористами Хаттаба и Басаева, ему говорят: «Нет! Те, кто в Чечне, это борцы за свободу! А вот бен Ладен — это международный террорист».

Поэтому те «ценности», которые нам навязываются, суть некоторое болезненное извращение, которые под влиянием реалий должны уступить место нормальным понятиям и нормальным взаимоотношениям и политике. И когда это произойдет, а это уже начало происходить вот уже несколько лет, — и параллельно Россия избавится от «советчины», — тогда, возможно, будет возвращение к некоторым общим ценностям, которых сейчас быть не может, поскольку заведомо это разговор не равных. А сейчас эти «ценности» противоестественны, даже анекдотичны. Ведь еще до событий 11 сентября 2001 г. имели место весьма забавные случаи, которые подчеркивали извращенческую суть этих «ценностей». В это время как раз американцы носились со своей политкорректностью. Какая-то женщина из военнослужащих в армии США подала жалобу на сержанта, который принуждал ее к сожительству. Они стали собирать сведения по всей стране, подняли общенациональную кампанию, и тут выяснилось, что женщины, которые подвергались домогательствам, были белыми, а насиловали их в основном негры. Но поскольку негр, по их понятиям, «главнее» женщины, то дело пришлось закрыть. (Смех). Кроме того, если следовать правилам политкорректности, то мы должны прийти к тому, что президентом США должна быть чернокожая женщина.

Но тогда им придется добиваться, чтобы во главе других стран тоже были чернокожие женщины. Ведь если во главе США будет чернокожая женщина, а во главе других стран таких женщин не будет, то США кончатся... Любой бред кончается при столкновении с реально-

стью. И с этой реальностью они начали сталкиваться. Тот «изгиб», который сделало общественное мнение Запада с конца 50-х годов, заканчивается, я надеюсь, на наших глазах. Когда он совсем закончится, государство и народы будут уважать друг друга и разговор о «разрыве ценностей» закончится.

Я это привел лишь как пример ложности их «ценностей». Я не могу разделить Вашего оптимизма в отношении того, что если Россия избавится от «советчины», то на Западе исчезнет страх перед нею. Я полагаю, что страх там в этом случае лишь возрос бы. Потому что нынешний Запад — это не тот Запад, для которого было естественно включать в себя Российскую империю. Американцам в 1917 году не приходило в голову, что надо способствовать отделению прибалтийских «государств» от России. Они тогда говорили, что США не должны пользоваться временной слабостью России, способствуя отделению от нее каких-то территорий. Но если бы сейчас образовалась «старая» Россия, для тех, кто определяет на Западе политику, это было бы кошмаром большим, чем сохранение России в ее нынешнем состоянии. Конечно, на Западе есть люди и другого склада, но не они определяют политику. И если бы В. Путин вместо того чтобы вести правопреемство от советского режима, вздумал бы возрождать историческую Россию... Да даже если бы не стал! Одного заявления было бы достаточно, чтобы напугать Запад. Когда Б. Ельцин в 1991 году сказал буквально пару фраз относительно несправедливости границ, поднялся дикий вой, появились карикатуры, как он в каске перетаскивает пограничные столбы. Только намек на историческое правопреемство по отношению к старой России вызвал бешеную ненависть на Западе и бешеный страх.

С. Пыхтин. Я хотел бы процитировать императора Александра III по этому поводу: «Извлекать из всего все, что нужно и полезно для России. Никакой другой политики не может у нас как чисто русской национальной. Никакой другой политики у нас быть не может и не должно». Если мы говорим об этой преемственности и необходимости возвратиться к этой политике, то вопрос не о том, чтобы изживать какую-то мифическую, никогда не бывшую на территории России «советчину». Вы о чем, господа, толкуете?! Я не согласен, уважаемый г-н Зубов, ни с одним Вашим тезисом. А что нужно действительно изживать — это нерусскость и антирусскость власти. То, что было сделано в 1917 году — это нерусскость и антирусскость. И это именно то, что связано с пониманием идеалов, ценностей и интересов России. То, о чем сказал император Александр III. Изживать нужно не «советскость», а антирусскость. А противопоставлять советский период истории России — это лукавство. Советская Россия — это про-

должение России. Пусть в какой-то иной и кому-то очень не нравящейся форме. Потому что тогда здесь, действительно, была антирусская власть. Нас Россия не устраивает или власть в России? Я считаю, что многим здесь, кто по второму и третьему разу мужественно говорит одно и то же, не нравится именно Россия. А мне не нравится антирусская власть в России, которая губит страну. Вы говорите, что есть якобы какие-то «прибалтийские государства». Это нонсенс! Никаких с точки зрения русских национальных интересов «прибалтийских государств» не было, нет и быть не должно. Тем более не может быть никакой «украинской», «грузинской» государственности или государственности территорий Средней Азии. Потому что это противоречит русским национальным интересам. Вот в чем все дело! Почему-то, когда США лезут в каждую «дырку», это у некоторых присутствующих вызывает огромное воодушевление. Но когда Советская Россия лезла в каждую «дырку», это у них вызывало «праведный гнев»! Не кажется ли Вам, г-н Зубов, что из каждой Вашей фразы растут двойные стандарты? Если Вы находитесь на идеологических позициях, ничего общего не имеющих с русскими национальными интересами, не лезьте на эту территорию! Если Вам хорошо в другом месте, езжайте туда и испытывайте там удовольствие! Если Вы ненавидите русского человека и восхищаетесь американцем, восхищайтесь ими! Русские попали в жесточайшую ситуацию. Но это не значит, что русскую государственность надо стирать с лица Земли. Она может быть только русской. И советская эпоха — принципиально антирусская. А Вы об антирусскости этого периода не говорите ничего. Для Вас же важно избавление от какой-то «советскости»! Учтите, что весь мир живет в условиях советской власти. Везде — советская власть! Т. е. избранные населением органы местного самоуправления, представительная система. Не путайте «советскость» с коммунистичностью. Если Вы боретесь с коммунистичностью — принципиально интернациональной и космополитичной, тогда называйте вещи своими именами! СССР же — всего лишь инобытие Российского государства. Нельзя противопоставлять государство и людей. Поймите, что государство и есть люди! Нельзя противопоставлять нацию и государство. В России, с точки зрения русских национальных интересов, государство — это высшее инобытие русской нации.

С. КОРТУНОВ. Мы завершаем наше обсуждение, посвященное вопросам совместимости российских и западных ценностей в контексте интеграции России в трансатлантическое сообщество как важнейшей предпосылки модернизации России.

Сегодня были высказаны разные, порой диаметрально противоположные точки зрения на этот счет. Что ж, наверное, это естественно для нашей страны, которая все еще пока не самоопределилась, не на-

шла своего места в мировом сообществе. Так же как и мировое сообщество не вполне определилось по отношению к России.

И все же ничего оскорбительного для нас лично я не вижу в том, что Запад инициировал эту дискуссию о «разрыве ценностей». Это говорит, на мой взгляд, лишь о том, что **Россию хотят видеть частью европейской семьи народов**. И критикуют нас за слабость демократических институтов как родственников этой семьи, как «своих». К Китаю же отношение у Запада, например, иное. Поэтому от него не требуют «созвучия ценностей».

Эта проблема имеет и другой аспект. Вопрос состоит в том, какой тип модернизации будет осуществлен в России: авторитарная модернизация или модернизация либеральная?

Я лично разделяю мнение тех, кто полагает, что в XXI веке эффективная модернизация невозможна без прочных демократических институтов, без сильного гражданского общества, без свободной и творческой личности. Столь же очевидно для меня и то, что модернизация России невозможна без всесторонней интеграции в Европу, в мировое экономическое пространство, без партнерства с ведущими странами Запада. А «созвучие ценностей» — важнейшая предпосылка партнерства. Речь идет именно о «созвучии ценностей», а не о слепом копировании Россией наработок Европы и Америки. Однако ценности — это не только демократические процедуры и институты, но и такие понятия, как свобода, справедливость, права человека, равенство перед законом, уважение закона — все то, что в конечном счете сформировало в странах Европы и Америки ту самую трудовую мораль, этику деловых отношений, нравственные нормы, которые и позволили этим странам сделать мощный рывок в постиндустриальный мир. Фактом остается и то, что многие другие страны, не воспринявшие этих ценностей, остались далеко позади них по уровню жизни простых их граждан. А многие из них не только были ввергнуты в нищету и хаос, но и пополнили ряды «несостоявшихся государств». Вот почему нам не зазорно иной раз посмотреть на самих себя и сопоставить Россию с успешными странами, в том числе и в категориях ценностей. И обсуждение этого вопроса в нашем экспертном сообществе надо продолжать, не вынося, конечно, его на уровень официальных переговоров.

Ципко Александр Сергеевич, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, политический обозреватель «Литературной газеты», доктор философских наук. Окончил философский факультет (1968) и аспирантуру МГУ (1972). Работал в газете «Комсомольская правда», отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ, журнале «Молодой коммунист». С 1972 года — старший научный сотрудник, руководитель группы, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии — ИМЭПИ РАН). В 1978—1980 годы — доцент Института философии и социологии Польской академии наук, 1986—1990 — консультант отдела ЦК КПСС, 1992—1993 — профессор Университета г. Хоккайдо (Япония), 1993—1995 — директор научных программ Горбачев-фонда, 1995—1996 — профессор Вудро Вильсон-центра (США). Редактор приложения к «Независимой газете» «НГ-сценарии» (1996—1998), директор Центра стратегических исследований Московского фонда президентских программ (1998—1999). Автор ряда монографий и более 100 научных статей.

Кортунов Сергей Вадимович — исполнительный директор Комитета стратегического партнерства (председатель — Е. С. Строев). Заместитель председателя Экспертного совета Комитета по международным делам Совета федерации Федерального собрания РФ. Профессор Академии военных наук.

С 1982 по 1994 год работал в центральном аппарате МИД СССР и РФ. Занимался проблемами ограничения гонки вооружений и разоружения. Принимал участие в двусторонних и многосторонних переговорах по разоружению (ЯКВ, РСМД, СНВ-1, Конференция по разоружению, Комиссия ООН по разоружению, переговоры основных экспортеров оружия, РКРТ, переговоры по экспортному контролю, ОВСЕ и др). Последняя должность в МИД РФ — начальник Управления по контролю за военными технологиями.

С 1994 по 1998 год — консультант, референт помощника Президен-

та РФ по национальной безопасности, заместитель Руководителя аппарата Совета обороны РФ — начальник международно-аналитического отдела. Занимался концептуальными вопросами национальной и международной безопасности, военной реформы, военного строительства и военной доктрины, а также проблемами разоружения, конверсии и военно-технического сотрудничества.

С 1998 по 2001 год — советник Руководителя Администрации Президента РФ. Автор ряда книг и статей (более 200) по концептуальным проблемам международных отношений, внешней политики, разоружения и национальной безопасности.

Карин Кнайсль (Австрия), преподаватель Венского университета, Дипломатической академии. По приглашению преподает также в университете в Ливане. С 1983 по 1987 год изучала юриспруденцию и арабистику. Закончила Еврейский университет в Иерусалиме, Джорджтаунский университет в Вашингтоне, Высшую школу управления (ENA) в Париже. Защитила диссертацию в области международного права на тему «Концепция разделения конфликтующих сторон на Ближнем Востоке». С 1990 по 1998 год находилась на дипломатической службе Австрии.

Гусейнов Вагиф Алиовсатович, директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики». Получил образование журналиста в Бакинском государственном университете. Работал комментатором общественно-политических передач Азербайджанского радио и телевидения, редактором газеты «Молодежь Азербайджана», первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника управления МИД СССР. С начала войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха с 1989 до 1991 года — председатель КГБ Азербайджана. С 1998 года член Совета по внешней и оборонной политике. Автор книг: трехтомника «От Ельцина к...?» («Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов»), «Каспийская нефть (экономика и геополитика)».

Синан Оган (Турция), глава департамента России Центра евразийских стратегических исследований (Анкара), координатор секции «Геополитика». Аспирант МГИМО МИД РФ.

Жарников Александр Евгеньевич, доцент кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии государственной службы при Президенте РФ, кандидат философских наук.

Корнилов Вадим Дмитриевич, директор Дирекции стратегического планирования развития ООО «Волготанкер АМС».

Сморгунов Леонид Владимирович, заведующий кафедрой политического управления философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Руководитель постоянно действующего семинара «Проблемы теории публичного управления».

Гуторов Владимир Александрович, профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой теории и философии политики философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, вице-президент Российской ассоциации политической науки (РАПН).

OUR AUTHORS

Alexander S. Tsipko, principal research fellow in the Institute of International Economic and Political Studies (IMEPI) of the Russian Academy of sciences, political observer in the «Literaturnaya gazeta», doctor of philosophical sciences. Graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow University. He worked in the newspaper «Komsomolskaya pravda», the propaganda department of the Central Committee of the Youth Organisation of the USSR (Komsomol), the journal «Molodoy kommunist». Since 1972 he was a senior research fellow, head of a subdivision, deputy director of the Institute of Economy of the World Socialist System of the Academy of sciences of the USSR (later IMEPI). In 1978–1980 worked as a senior lecturer of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of sciences, in 1986–1990 adviser of a department in the Central Committee of the CPSU. In 1992–1993 he was professor in the University of Hokkaido (Japan), in 1993–1995 director of the scientific programs in the Gorbachev-fund, in 1995–1996 professor in the Woodrow Wilson Center (USA). Editor of the supplement to the «Nezavisimaya gazeta» newspaper «NG-scenarios» in 1996–1998, director of the Center of strategic studies in the Moscow Fund of Presidential Programs in 1998–1999. Author of a number of books and more than 100 scientific articles.

Sergey V. Kortunov – Executive Director of the Strategic Partnership Committee (chairman – Egor S. Stroev), Deputy Chairman of the International Policy Expert Council of the Russian Federation Council, professor of the Russian Academy of Military Sciences.

In 1982–1994 – USSR and Russian Foreign Ministry. Was involved in bilateral and multilateral arms control and disarmament negotiations as a member of Russian delegations: UN General Assembly, INF, START-1, CFE, CWC and other treaties; was responsible for INF implementation. In 1992–1994 – the Head of Export controls, arms trade and non-proliferation Department.

In 1994–1998 – Office of the President of the Russian Federation:

Deputy Head of Staff of the Council of Defense of Russia, the Head of Strategic Assessments and International Policy. In 1998–2001 – Adviser to the Head of the Office of the President of the Russian Federation. The author of several books and articles (more than 200) on national and international security problems, arms control and disarmament issues, foreign policy strategic questions.

Von Karin Kneissl (Austria), lecturer at the University of Vienna, the Diplomatic Academy and at the University of Lebanon. (as a visiting lecturer). Karin Kneissl was born in 1965 in Vienna. In 1983–1987 studied jurisprudence and Arabian Studies, graduated from The Hebrew University of Jerusalem, Georgetown Washington and Ecole Nationale d'Administration Paris (National School of Public Administration). Dissertation in International Law on «The Conception of Separation of the Parties in the Middle East». In 1990–1998 worked as Austrian diplomat.

Vagif A. Guseynov, director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical «Analytical Messenger». Graduate of the faculty of journalism of the State University in Baku. Worked as a commentator for the Radio of Azerbaijan, as a newspaper «Molodezh Azerbajdžana» editor, a Secretary in charge of international affairs in the Youth Organization of the USSR (Komsomol), a department first deputy chief in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Starting from the outbreak of the war between Azerbaijan and Armenia in 1989 caused by the problem of Nagorny Karabakh till 1991 he was the Chairman of the State Security Committee in Azerbaijan. Since 1998 he is a member of the Russian Council on Foreign and Defense Policy (SFDP). Author of several books: «From Yeltsin to...?» (volume I–III: «The chronicle of secret struggle», «Euphoria of power», «War of discreditable materials»), «The Caspian oil (economy and geopolitics)».

Sihnan Ogan (Turkey), Head of the Russia Department at the Center of the Euro-Asian Strategic Studies (Ankara); Coordinator, the Geopolitics Section. Post-graduate student at the RF Foreign Ministry Moscow State Institute of International Relations.

Alexander E. Zharnikov, PhD, associate professor at the National and Federate Relations chair of the RF President's Russian Academy of State Service.

Vadim D. Kornilov, Director, Strategic Development Planning Directorate, at the Volgotanker AMC, Ltd. company. In 1991–99 – General Director, the Sovkomflot joint-stock company.

Leonid V. Smorgunov, D.Sc. (Philosophy), professor, head of the Political Management chair at the Department of Philosophy, the Saint-Petersburg State University. Supervises the secular seminar on «The Problems of the Public Management Theory».

Vladimir A. Gutorov, D.Sc. (Philosophy), professor, head of the Theory and Philosophy of Politics chair at the Department of Philosophy, the Saint-Petersburg State University, Vice-President, the Russian Association of Political Science.

Alexander Tsipko. THINKING OF NATURE AND CAUSES THE POST-SOVIET LIBERALISM'S COLLAPSE

The author, a prominent Russian politologist, provides analysis of the specifics and roots of the so-called post-Communist Liberalism in Russia. He is of the opinion, this variety of Liberalism of its own kind might get footing only in unique conditions of the USSR's falling apart, when break-out of the old regime caused the chaos in emotions and ideas, as well as due to outside influence, primarily on the part of the US Democratic Administration. Still, such a destructive and defeatist ideology that defined freedom as freedom to destroy the country, could gain upper hand in the sick society only, overwhelming majority of which had lost the instinct of self-preservation. «It is hard to imagine», the author claims, «any European country giving birth to a ideological movement aimed at weakening the nation-state and national sovereignty, at fighting national consciousness and national sanctuaries». The article urges to look for roots of the post-Communist Liberalism in the traditions of the Marxism-Leninism, in the ideology of leaders of the world proletarian revolution. The Russian liberals of today, the 'new Westernizers', more than suffer of Russophobia – they bitterly struggle against Russian patriotism. The liberal parties' defeat (of the Union of Right Forces above all) at the 2003 parliamentary elections was quite appropriate. It is not an evidence of the crisis of the post-Communist Liberalism, it is an evidence of its collapse. Which is a good thing for Russia, for the very fact of the post-Communist Liberalism self-disintegration is to increase the chances to preserve the state and national sovereignty. The defeat of the liberals who treated the population of their own country in a way the colonizers used to treat the conquered peoples, is the testimony of the success of awakening national consciousness, the author concludes.

Sergey Kortunov. ON THE MECHANISM OF DECISION-MAKING IN THE FOREIGN POLICY DECISIONS

The system of present-day international relations is featured as highly agile and impetuously changeable. Those countries are to gain in such a system that are capable to swiftly react upon the immediate changes, to adapt for new requirements, to permanently master ever- arising new «rules of the game». To do so, a country has to have the highly efficient mechanism that enables to develop, to pass, and to implement decisions on strategic problems in the international affairs. Such a mechanism is to be of collective, or corporate kind, it is to include all foreign policy actors, and it is to be based upon profound analytics and expertise both by governmental and non-governmental scientific and research centers. The author undergoes comparative assessment of such mechanisms working in the USA and in Russia, the outcomes not to Russia's benefit.

At that, the author does not confine himself with the critical estimations of the system of decision-making in the field of foreign policy, that exists in Russia – he offers some practical measures to restructure it. He is of opinion, that it is of primarily importance to pass a special law on the mechanism of developing, passing and implementing decisions in the sphere of foreign policy that would provide precise coordination of activities by ministries and other governmental bodies in the field, under the RF President's control aimed at the Russian Federation indivisible policy-line being carried out in the world affairs. It is also necessary, advises the author, to set up a new foreign policy and international activities governmental body under the aegis of Russia's President. The body is to include the Chairman of the Government, the Secretary of the Security Council, Foreign and Defense Ministers, heads of the Federal Security Service and External Intelligence Service, as well as the Chairpersons of both of Russia's Federal Assembly chambers. The author points out at some basic methodological difficulties the new foreign policy mechanism, he is proposing, could come face to face with, and suggests how to practically overcome them. The article also gives the model of functioning the coordination mechanism in sphere of foreign policy.

The author makes a special stress on the importance and necessity of strategic planning of foreign policy activities, he compiles the expedient algorithm of such a mechanism's functioning.

Karin Kneissl (Austria). IS EUROPE VIGILANT?

The article refers to outwardly respectable citizens, Muslims by their religion, in the European countries who by no mean can be accused of criminal offences, though as a matter of fact they belong to some terrorist organizations or units and thus are involved in wide-span international network. No one doubts the existence of the units of the Islamites in large European cities. Nevertheless, nobody is prepared to prevent acts of terrorism in Europe. There is no European government (except for those of France and the Great Britain) that possesses any data-base, or contacts, or specially trained people to withstand the danger. Moreover, it is not rare occurrence, when governments close their eyes to avoid some open confrontation with the armed units. The governments of Austria and Switzerland are primarily to be blamed for that.

The author assesses the situation that had developed in some European states (in part, Spain, France, the Great Britain, Germany and Austria).

She is willing to provide answers to the following questions – what are the goals and motives of members of the Islamic terrorist groupings; how to struggle against the idea of violence, that is propagated by the Islamites, in public consciousness; what kinds of reforms and new security structures are needed for the European states to effectively combat this threat.

In this respect, the author claims, the Iraqi war was the gravest mistake. She concludes, «The EU responsible persons are badly needed to get rid of naive thinking that it would be possible to win asymmetric wars against terrorism in all its kinds and forms relying on use of mere force. Every day, Israel and the USA demonstrate such an approach in their actions – and both achieved deplorable results.»

Vagif Guseynov. IRAN: IN-BETWEEN OF THE PAST AND THE FUTURE

In the article, the Editor-in-Chief of the *Vestnik Analitiki* magazine, Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis elaborates the Iranian theme he earlier commenced in the *Vestnik Analitiki* magazine (issue №1(15) of this year)». The author reviews the situation in the country after the parliamentary elections of February 2004, which the conservatives took victory in. The defeat of the reformers, as the author sees it, is by no means an indication the country's turning right once and for all. In the country, including its ruling elite, there grows an understanding of necessity to reform the nation's socio-economic sphere and to demonstrate more openness in the international relations. In particular, this trend might be proved by the Iranian leadership's policy towards the CIS states, by their building-up the inter-relations with the European Union and the Russian Federation.

In the special section of the article, the positions of Iran on the Caspian Sea partition development of the sea's new legal status are being analyzed.

To conclude, the author discourses on optional prospects of development of the situation in Iran and around it, including from the perspective of the Iranian policy-line which the official Washington pursues.

Sihnan Ogan (Turkey). RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE SOUTHERN CAUCASUS: PARTNERSHIP OR RIVALRY?

The Turkish politologist, making a point that Turkey's urge towards closer relations with the new Turkic states in the post-Soviet period has led to a new stage of Russian-Turkish rivalry, nourishes the idea of the two countries having premises not only for geopolitical struggle, but also for constructive cooperation in the Euro-Asian geopolitical area. He sees the Agreement signed by foreign ministers of Russia and Turkey in New York on November 16, 2001, and named the Plan to Assist Cooperation in Eurasia as a bright indicator of that. The parties of the Agreement are meant to use it to put the Russia-Turkey inter-relations at a new level, «the level of intense constructive cooperation».

One of the most striking example of it is the recently put into operation Blue Stream gas main which, together with other Russian gas pipelines, already cover 70 percent of Turkey's needs in gas.

In fact, oil, as well as gas, says S.Ogan, might become not a matter of dispute, but means to develop mutually advantageous cooperation between Russia and Turkey.

To struggle against the international terrorism, common evil to fight with both for Turkey and Russia, is an important ingredient of the cooperation. The terrorism is a trans-national and trans-confessional phenomenon, a terrorist whatever nationality he or she might be, remains the terrorist everywhere.

Russia and Turkey are neighbors in the Southern Caucasus. And the problems this region are not to be decided by some outside forces. The key to well-being and prosperity in the Southern Caucasus is cooperation of Russia and Turkey. That is the author's conclusion. The powers, territorially not belonging to the region, might just as well leave it, once they came face to face with unforeseen difficulties here. Citizens of Russia and Turkey have no place «to go to, for they are here to live. If the two countries were not cooperative and did not remember lessons of history, the history would repeat itself and teach them new lessons.

Alexander Zharnikov. THE THREE VARIANTS OF RUSSIA'S NATIONAL POLICY: THEIR PLUSES AND MINUSES

The article gives definitions and thorough analysis of advantages and dangers of the only three strategically possible trends in the national policy of Russia that is to not so much extinguish this or that nationalist fire, but rather to fix the conditions when the disaster becomes impossible basically.

The first of these trends is the policy of state paternalism, or patronage. The second is expressed by the idea of multiculturalism, or ethnic pluralism. The third is based on ideology of unification and assimilation and has had its brightest embodiment in the concept of «melting pot».

The state paternalism is seen as such variant of the national policy, when the state resources are purposefully used to help to influence the development of certain peoples.

The essential thing for the policy of multiculturalism is not so much to stimulate economic or social development of peoples, but rather to establish equal conditions for such self-realization of every ethnos to which it is more inclined. Thanks to such an approach, the ethnic originality of any people is being preserved and maintained, and hence, the ethnic multiformity of the country is kept.

The unification policy is seen as the state's yearning for erosion (watering-out) of ethnic and cultural distinctions between different strata of citizens, in its constant stimulation of this process. In Russia, some unification moods manifested themselves in liquidation of the «nationality» column in the new Russian (internal) passports. The same unification line is pursued

with the westernization, that is massive (in fact, unobstructed) intrusion of non-national (and as such spiritless) Western mass-culture into culture, consciousness and every-day life of Russian peoples.

Upon asserting that, in today's Russian Federation, the tendencies to paternalism, and some orientation on multiculturalism, and labored efforts of unification kind might be found, the author comes to the conclusion, that the policy of multiculturalism only is most likely to become the principal guiding line of Russia's national policy, from the point of view of strategy. It is this policy trend that mostly meets both the realities of contemporary Russia and the historical traditions of Russian state.

This policy, the author says, requires to be distinctly substantiated, and, mainly, needs some system of its implementation to be established, including legal, socio-economic, political, governance fulfillments. The multiculturalism will demand ever increasing shift of the basic weight of the national policy from the center into the regions. It is in the regions where specific programs taking into account local peculiarities will be developed and carried out, specific decisions will be made concerning interethnic relations, or options of how a certain people is to be developed.

The article claims, that one more prerequisite of the success of the multiculturalism policy is the existence of ideological base for its implementation, some «ideology of complementarity» shared by all the peoples.

Vadim Kornilov. WORLD TANKER FLEET

In his article on world tanker fleet, Vadim Kornilov gives not just an assessment of today's state of affairs in the oil-tanker market, but a brief historical prospective of this sector of sea transportation to development as well.

In his reference to the specifics of the tanker fleet that is to transport major strategic raw materials – oil and oil products – by sea, the author sees this sector's development depending on many factors. Military conflicts (war between Israel and Egypt, closure of Suez Canal in 1967, the US invasion to Iraq) had always brought the increase in cost of transportation of oil and oil products. The market of tanker transportations was badly affected with such occurrences as the strike in Venezuela, and disorders in Nigeria in 2003 also.

Still, the principal factor to determine demand for oil-transportations is the level of development of the world economics. At that, the author thinks, there is no way to precisely foresee long-term trends in the freight costs of tankers, even relying on all carefully studied factors influencing development of the oil-transportation market.

The oil-transportation market development, the author says, has given an impact to approval of some new international norms in protection of sea ecology that has been endangered with tanker wrecks that damaged the nature heavily.

The world biggest consumers of the tanker fleet services are the USA and China, while the biggest Russian oil are the European countries that buy about 80 percent of all oil export from Russia. To conclude, the author touches upon problems of the Russian tanker fleet.

Leonid Smorgunov. THE IDEOLOGICAL SUBSTANCE OF THE POST-SOVIET MARXISM

Break-up of the «real Socialism» caused political crisis of the Marxist doctrine. Still, Marxism, in form of the theory and ideological practice, is one of the noticeable trends in the contemporary society. That is a basic thesis of the article, to prove which the author, professor at the St.-Petersburg State University, gives the detailed review of two basic versions of Marxism in the post-Soviet Russia – the critical Marxism and eclectic Marxism.

The critical Marxism (or «neo-Marxism»), he points out, is being worked out by a small group of social scientists – economists, philosophers, sociologists, lawyers and the politologists that grouped around the *Alternativa* magazine, published in Moscow both in the Russian and English, since 1991. Ideologically, the group have been inspired by the economists, Alexander Buzgalin and Andrey Kolganov, whose essays are widely cited in the article.

According to L. Smorgunov, the critical Marxism is a marginal trend in contemporary Russia that renders no serious influence neither on the political discourse in the society, nor on social scientific schools, nor on political practices. In fact, it serves to preserve interest towards Karl Marx's works, those by the Western Marxists in the conditions of deep crisis of Marxism as political and ideological movement.

The eclectic Marxism, says the author, inclined to pragmatism and is intended to expand a number of allies of the Communist party and its social foundation. The eclectic Marxism is attempting to further develop the basic ideas introduced by Marx, Engels, and Lenin, with due regard to the new environment the Communistic movement has found itself in after the break-up of the «real Socialism». Politically, ideologists of the Communist Party of the Russian Federation belong to this line of the Marxist thinking, primarily the Party's leadership. This CPRF's policy line is personified by its leader, Gennady Zyuganov.

By the author's definition, within the bounds of this line Marxism remains, as before, the philosophy and ideology of the labor exploited by the capital in bourgeois society and liberated itself under the Communism.

Having reviewed the two trends in the contemporary post-Soviet Marxism that tend to be politically acclaimed as social movements, the author mentions one more school – the «academic Marxism». It, being present among the scholars and lecturers at the universities and the academic institutions, does not express itself so distinctly, as the political trends. The

«academic Marxism» has some influence, mainly, in the methodology of research and in the world visions of some social (as well as natural) scientists.

The article's conclusion back-up its basic premise: the Marxism occupies some place in contemporary Russia, it has not been crossed out from the politics, science and ideology. After «anti-Marxism» of the early 1990s, the society's attitude towards this ideological and theoretical school of thought has become more composed and rational. The Marxism remains, both as the political theory, and political movement.

Vladimir Gutorov. THE POLITICAL EDUCATION AND THE UNIVERSITY IN MODERN RUSSIA: NEW DILEMMAS

The author, professor at the St.-Petersburg State University, is of opinion that, in Russia, the delayed «crisis of legitimacy» of the power structures might be overcome by developing and implementing a program of reforming all spheres of material and spiritual life of the Russian society only. A key point in such a program is gradual build-up of new political culture based on essentially new concept of political education.

In post-communistic Russia, the author attributes the growth of authoritative mentality to the dual role played by the State. On the one hand, primarily, it takes care of its own interests (these coincide with the interests of oligarchy and other closed corporate groupings — the top-brass, bureaucracy, banking and criminal communities, the State leans upon). On the other hand, the State strives to go beyond narrow corporate bounds and to accept responsibility for maintenance of public needs by rendering support to those organizations which activities serve to long-term growth perspectives. In this case, lack of coincidence between the effects of the State policy and expectations of the great bulk of citizens becomes quite a natural and explicable occurrence, hence the Russian political culture cannot help to remain conflicting.

Political education the author interprets as the complex system integrating in the process of purposeful activity those elements of culture that determine character and forms of political socialization in the course of forming-up a certain type of the political behavior and consciousness, peculiar to a certain type of society and state system.

The major educational institutes are, first, the system of universal (liberal) education in public and private school, and, second, contemporary system of university education. Both systems are to implement, at different levels, three basic aspects of political education — formulating, securing and transferring the common basics of political outlook; mastering aggregated set of political sciences; and preparing students both for participation in elections, and for professional political activity.

Having these institutes under control, the political elite, in practice, might influence character of political socialization and, hence, any other

sphere of public ability. The degree of such control is determined by the ratio of education and indoctrination in programs of training, i.e. directly depends on the level of development of the political freedom.

The university education, the author thinks, gets its true status just within the democratic society, the politics of which are aimed to seek consensus, instead of social conflict-mongering. Accordingly, the university is made to become a source of new concepts of political education only when it is implicitly free of the practical, ideologically engaged politics rightly replaced in their stead with history and philosophy.

In Russia, the content of political process gives the country a real way to gradual forming-up the instruments of the «controlled democracy», with a strongly pronounced competition of elites in the sphere of politics. At that, the state policy in the sphere of education is bound to become a most important indicator of the future direction of the political development. That, the author states, seems to be firmly grounded, since the educational infrastructure, inherited from the Socialist State, might well serve as a reliable guarantor of stability of the democratic choice, at due efforts.

To the author, the turning mark of the two millennia is expected to be critical for the Russian statehood. In the conditions of deep crisis, the development of a new concept of political education might become the major link between the civil society that is at the initial stage of its formation and the new content of the political one, penetrating through corporate interests.

THE MATERIALS OF THE «ROUND TABLES» WITH PARTICIPATION OF THE ISSA AND «VESTNIK ANALYTIKI» JOURNAL.

I. «INSTABILITY ARCH» IN THE MEDITERRANEAN-CASPIAN REGION: THE SELF-PROCLAIMED TERRITORIES STUCK BETWEEN RUSSIA AND EUROPE

On April 16, 2004, the Russian Academy of Science (RAS) Institute of Europe, Institute of Strategic Studies and Analysis together with the Editorial Board of the Vestnik Analitiki magazine held the round table discussion on problems of self-proclaimed republics. Among the participants were scholars and researchers of the Institute of Europe, the RAS Institute of International Economic and Political Researches, the RAS Institute of Applied Sociology, the RAS Institute of Military History, the RAS Institute of Oriental Studies, the RF President's Academy of State Service, the RF Foreign Ministry Moscow State Institute of International Relations, as well as experts of some analytical centers, and journalists, and diplomats. The following issues were put under discussion:

1. The «frozen» conflicts in the territories of Kosovo, Republic of Northern Cyprus, Pridnestoviye, Abkhazia, South Ossetia, Nagorny Karabakh – their common features and specifics.

2. The most likely dynamics in development of the conflict in Kosovo: prerequisites and immediate causes of violence outburst (of March 2004). Potentials and roles of the contact group, KFOR, EU, the NATO, in overcoming edge stage of the conflict, searching ways to solve it. Russia's position and role.

3. Trigger spots in the South Caucasus: the situation in Nagorny Karabakh and around, its impact on relations between Azerbaijan and Armenia; developing economic and political cooperation in the region. Options to deploy the conflict with regard to present-day arrangement of political forces in Azerbaijan and Armenia, and to the international factors.

4. Separatism of the Georgian autonomies: the Abkhazia case study. Danger of uncontrollable territories' transforming into 'gray zones', the hotbeds of criminality, drug-trafficking, arms trade. Prospects and options of the further evolution of the situation in regard to the position of today's Georgian leadership. Negative impact of existing instability on republics of the North Caucasus and the conflict settlement in the Chechen Republic.

5. Russia's position and role in solving delayed conflicts in the post-Soviet area. Diverse influence of the existing spectrum of political forces in Russia on processes of solving disputed issues. Resources of cooperation within the CIS and OSCE. Correlation between tactical decisions and strategic vision in disputed problems of Caucasus and the Balkans.

6. Republic of Northern Cyprus – a model of step by step release of the conflict. Foreseeable options of the two parts' of the island interaction.

II. THE POST-SOVIET LIBERALISM: CRISIS OR COLLAPSE?

On April 21, 2004, the Literaturnaya Gazeta newspaper together with the Institute of Strategic Studies and Analysis held just another round table discussion to analyze the phenomenon of the post-Soviet liberalism. The participants included Oksana Ghaman-Golutvina, professor at the RF President's Russian Academy of State Civil Service; Vagif Guseynov, Director, Institute of Strategic Studies and Analysis; Mikhail Delyagin, Chairman of Presidium – Scientific Chief, Institute of Globalization Problems; Iosif Diskin, Co-chairman, Council on National Strategy; Alexey Elymanov, politologist; Andrey Ryabov, member of the Scholarly Council, the Moscow's Carnegie Center; Valery Solovei, expert, the Gorbachev Fund; Shamil Sultans, the deputy to the State Duma, politologist; Vitaly Tretiakov, the author and anchor of the What Is To Be Done? TV-program; Rostislav Turovsky, the head of Department of Regional Researches at the Center of Political Technologies. Alexander Tsipko, the Literaturnaya Gazeta's columnist, presided over the discussion.

The following problems were to be discussed:

To what extent the post-Soviet Liberalism is the Liberalism in proper sense of the term? Is there something in common, if at all, between a

Western-bound liberal Pavel Milyukov and a Western-bound liberal Yegor Gaydar?

Why it is the left, radical Liberalism only that has settled down in the contemporary Russia?

When and due to what reasons had the program of the USSR democratization transformed itself into the program of curtailing Russia's statehood?

Why did Russia support the defeatism of liberals, freedom without conscience, responsibility and national memory, back in early 1990s?

How wide has become the gap between the Liberalism and Democracy in the contemporary Russia? How it is appropriate to term the present state the Russian Liberalism found itself in – is it a crisis, or strategic retreat, or even degeneration?

Has the modern Russian liberal potential to recognize one's own mistakes, to correct one's views and values?

How much real is the perspective of a new, nationally focused Russian Liberalism to appear? Who of the present-day politicians are to personify that kind of new Liberalism?

On what terms is President Vladimir Putin with the Russian liberals and Liberalism?

III. RUSSIA'S MODERNIZING AND EUROPE

In March 2004, the Committee for Foreign Policy Planning, Institute of Strategic Studies and Analysis, the RMION Institute of Social Sciences at the Rostov State University, supported by the F. Ebert Fund, engaged in implementation of the big project called Russia's Modernizing and Europe. Within a year, round table discussions and seminars have been held in Moscow, Rostov-on-Don, Irkutsk, Saratov, Vladivostok and Kaliningrad to view various aspects of Russia's modernizing and the role the European Union has to play in it. As a result, materials of the discussions are planned to be published, as well as the analytical report with the recommendations to the governmental bodies of the Russian Federation.

The round table discussion №1, minutes of which were published in the *Vestnik Analitiki* magazine, №2(16), dealt with methodological aspects of modernization.

The round table discussion №2, held on April 6–13, 2004, in Moscow, referred to issues of compatibility of the Russian and Western values in the context of integrating Russia into transatlantic community as a major precondition of Russia's modernizing. Deputies to the State Duma, Federal Assembly of the Russian Federation, as well as prominent Russian experts and politologists took part in the discussion.

The following problems were to be discussed:

What is in the sense of the US State Department's phrasing of 'values gap' between Russia and America – Democracy institutions or moral val-

ues? Are the Western values universal? Do they belong to Christianity, or is the West a sort of post-Christian civilization? Is there any 'values gap' between America and Europe? Is Russia a civilization of its own, with its specific «Euro-Asian» values (for example, the polyconfessional ones), or are much of its values European? Is there any gap between the values cherished by the Orthodox and Catholic (or Protestant, or Calvinist, etc.) cultures? Is it true, that the Orthodox culture values are closer to those of Islamic, rather than Catholic, culture?

Журнал «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ»

рассчитан на специалистов, занимающихся профессионально проблемами внешней и внутренней политики, национальной безопасности, экономики, военного строительства, социологии, информатики и другими. Журнал будет также полезен студентам и аспирантам соответствующих высших учебных заведений, интересен широкому кругу читателей.

Среди авторов журнала — видные российские и зарубежные политики и политологи, экономисты, специалисты в других областях.

Преимуществами журнала являются: независимость, политическая неангажированность, беспристрастность и объективность оценок и прогнозов, широкий — по охвату проблем и излагаемым взглядам — спектр публикуемых материалов, высокий профессионализм авторов и их осведомленность о реальном положении дел в государстве и обществе и их проблемах.

Организована подписка на журнал «Вестник аналитики»
на первое полугодие 2005 года.

Подписные индексы издания в Объединенном каталоге
«Пресса России» — 44351, 44339
Электронный адрес подписки в Интернете: www.presscafe.ru

Подписано в печать 06.07.04. Формат 60х90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Newton».

Печ. л. 20,0.

Заказ №

Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ.
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5